

ISSN 2500-2902
URAL-ALTAIC STUDIES
УРАЛО-АЛТАЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

№ 3 (34) 2019

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН

МОСКВА

Ural-Altaic Studies
Урало-алтайские исследования

ISSN 2500-2902
ISBN 978-1-4632-0168-5

Ural-Altaic Studies

Scientific Journal

№ 3 (34) 2019

Established in 2009
Published four times a year

Moscow

© Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, 2019
© Tomsk State University, 2019

ISSN 2500-2902
ISBN 978-1-4632-0168-5

Урало-алтайские исследования

научный журнал

№ 3 (34) 2019

Основан в 2009 г.
Выходит четыре раза в год

Москва

© Институт языкознания Российской академии наук, 2019
© Томский государственный университет, 2019

CONTENTS

No 3 (34) 2019

Maria P. Bezenova, Natalja V. Kondratjeva. Some peculiarities of the Udmurt translation of “The law of the Lord” (1912): graphics, orthography, phonetics	7
Anar A. Gadzhieva. Analysis of the vowel and consonant systems of the first Cyrillic books in Kazakh.....	53
Karina O. Mischenkova. Reflections of the Proto-Evenki *s in the Evenki dialects in the late 17th century and the first half of the 18th century	72
Irina A. Nevskaya, Aiiana A. Ozonova. Attempt of the questionnaire on the nominal sentences in the South-Siberian Turkic languages and the first results.....	84
Iraida Ya. Selyutina, Nikolay S. Urtegeshev, Albina A. Dobrinina. Telengits consonants based on instrumental data	124
Vyacheslav N. Khoninov. Kalmyk traditional clothing	148
Style sheet	162

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 3 (34) 2019

М. П. Безенова, Н. В. Кондратьева. К особенностям перевода «Закона Божия» (1912 г.) на удмуртский язык: графика, орфография, фонетика	7
А. А. Гаджиева. Анализ системы вокализма и консонантизма в первых кириллических книгах на казахском языке	53
К. О. Мищенкова. Рефлексы праэвенкийского *s в говорах эвенкийского языка в конце XVII в. и первой половине XVIII в.	72
И. А. Невская, А. А. Озонова. Опыт составления анкеты по именным предложениям в южносибирских тюркских языках и первые результаты ее применения	84
И. Я. Селютина, Н. С. Уртегешев, А. А. Добринина. Теленгитские согласные по инструментальным данным	124
В. Н. Хонинов. Традиционная одежда калмыков.....	148
Требования к оформлению статей.....	162

Главный редактор

А. В. Дыбо

(д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН)

Заместитель главного редактора

Ю. В. Норманская

(д.ф.н., Институт языкознания РАН)

Редакционная коллегия

В. Ю. Гусев (к.ф.н., Институт языкознания РАН), П. П. Дамбуева (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), Е. В. Кашкин (к.ф.н., Институт русского языка РАН), О. А. Мудрак (д.ф.н., проф., Российский государственный гуманитарный университет), С. А. Мызников (д.ф.н., проф., Институт лингвистических исследований РАН), И. Николаева (PhD, Школа восточных и африканских исследований, Великобритания), Ф. Ш. Нуриева (д.ф.н., проф., Казанский (Приволжский) федеральный университет), Г. Ц. Пюрбеев (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), М. Роббеетс (PhD, Лейденский университет, Нидерланды), И. Я. Селютина (д.ф.н., проф., Институт филологии СО РАН), Р. А. Тадинова (д.ф.н., доц., Институт языкознания РАН), З. Н. Экба (к.ф.н., Институт языкознания РАН), А. Б. Шлуинский (к.ф.н., Институт языкознания РАН)

Редакционный совет

В. М. Алпатов (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН), А. Е. Аникин (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт филологии СО РАН), Р. Г. Ахметьянов (д.ф.н., проф., Бирский государственный педагогический институт), М. Бакро-Надь (проф., Университет Сегеда, Венгрия), В. Блажек (проф., Масариков университет, Чехия), Т. М. Гарипов (д.ф.н., чл.-корр. НАН РБ, Башкирский государственный педагогический институт им. М. Акмуллы), Н. И. Егоров (д.ф.н., проф., Чувашский государственный институт гуманитарных наук), И. В. Кормушин (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), И. Л. Кызласов (д.и.н., проф., Институт археологии РАН), Й. Лааксо (проф., Венский университет, Австрия), К. М. Мусаев (д.ф.н., чл.-корр. РАЕН, Институт языкознания РАН), И. А. Невская (проф., Франкфуртский университет им. Иоганна Вольфганга Гёте, Германия), Т. Ризе (проф., Венский университет, Австрия), Е. К. Скрибник (проф., Мюнхенский университет, Германия), П. А. Слепцов (д.ф.н., проф., акад. НАН РСЯ, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН), М. Стаховски (проф., Краковский университет, Польша), Ф. Г. Хисамитдинова (д.ф.н., проф., Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН), Л. Хонти (проф., Будапештский университет, Венгрия), Н. Н. Ширококова (д.ф.н., проф., Институт филологии СО РАН), К. Шониг (проф., Берлинский университет им. Гумбольдта, Германия), М. Эрдал (проф., Франкфуртский университет им. Иоганна Вольфганга Гёте, Германия)

Editor-in-Chief

Anna Dybo

(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Deputy Editor-in-Chief

Yulia Normanskaya

(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Editorial Board

Polina Dambueva (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Zarema Ekba (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Valentin Gusev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Egor Kashkin (Institute of the Russian language, Russian Academy of Sciences), Oleg Mudrak (Russian State University for the Humanities), Sergey Myznikov (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences), Irina Nikolaeva (School of Oriental and African Studies, Great Britain), Fanuza Nurieva (Kazan (Volga region) Federal University), Grigoriy Pyurbuev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Martine Robbeets (Leiden University, Center for Linguistics, Institute for Area Studies, the Netherlands), Irina Selyutina (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Andrey Shluinski (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Roza Tadinova (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Advisory Board

Rinat Ahmet'yanov (Birk State Pedagogical Institute), Vladimir Alpatov (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Alexandr Anikin (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Marianne Bakró-Nagy (University of Szeged, Hungary), Václav Blažek (Masaryk University, Czech Republic), Nikolay Egorov (Chuvash State Institute for the Humanities), Marcel Erdal (Goethe University Frankfurt, Germany), Talmas Garipov (M. Akhmedova Bashkir State Pedagogical University), Firdaus Hisamitdinova (Institute of History, Language and Literature, Ufa Scientific Centre of Russian Academy of Sciences), László Honti (University of Budapest, Hungary), Igor Kormushin (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Igor Kyzlasov (Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences), Johanna Laakso (University of Vienna, Austria), Kenesbay Musaev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Irina Nevskaya (Goethe University Frankfurt, Germany), Timothy Riese (University of Vienna, Austria), Klaus Schönig (Humboldt University of Berlin, Germany), Natalia Shirobokova (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Elena Skribnik (University of Munich, Germany), Piotr Slepsov (Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Marek Stachowski (Krakow University, Poland)

К особенностям перевода «Закона Божия» (1912 г.) на удмуртский язык: графика, орфография, фонетика¹

Часть I. Графические и орфографические особенности

Введение

Для изучения истории языка одним из источников, бесспорно, являются письменные памятники. Они играют важную роль при реконструкции языка, а при наличии датировки помогают определить хронологию языковых явлений.

Письменные памятники удмуртского языка дореволюционного периода на данный момент изучены недостаточно. В той или иной мере анализ языка памятников удмуртской письменности представлен в работах В. И. Алатырева [Алатырев 1975а, б, 1976, 1977], Е. Б. Беловой [Белова 2002], В. М. Вахрушева [Вахрушев 1975, 1976], Л. М. Ившина [Ившин 1998, 2001, 2002а, б, 2003а, б, 2005, 2008, 2009а, 2010а, б, 2013, 2017 и др.], Б. И. Каракулова [Каракулов 1987а, б, 2000, 2006 и др.], В. К. Кельмакова [Кельмаков 2001, 2002, 2004, 2007, 2008 и др.], В. В. Напольских [Напольских 1998, 2001, 2002], Р. Ш. Насибуллина [Насибуллин 1999], И. В. Тараканова [Тараканов 1959, 1965, 1998 и др.], Т. И. Тепляшиной [Тепляшина 1965, 1971, 1973, 1995], А. Ф. Шутова [Шутов 1997], Ш. Чуча [Csúcs 1983, 1984] и некоторых других ученых.

Значительную часть письменных памятников удмуртского языка составляют тексты религиозного содержания. Работа над переводом и изданием библейской литературы на удмуртском языке началась еще в 1818 г. с открытием Казанского и Вятского комитетов Российского библейского общества. Однако первые переводы Евангелий были напечатаны лишь в 1847 г.² В диссертационном исследовании «Удмуртский вокализм первого слога в историческом аспекте (на материале памятников письменности и современных диалектов)» [Безенова 2014] нами были проанализированы фонетические особенности нескольких печатных изданий 1847 г.: двух азбук на сарапульском и глазовском наречиях удмуртского языка [Азбука Глаз.; Азбука Сар.], трех переводов Евангелий [Марк; Матфей Глаз.; Матфей Сар.], — а также рукописного варианта Евангелия от Иоанна на удмуртском языке [Иоанн], который остался ненапечатанным. Позднее мы подвергли анализу текст «Наставления христианского святителя Тихона на вотском языке» (1891) («Зеч кыльёс. Святой Тихонлэн зечлы дышетэм кыльёсыз»). Нами на весьма обширном лексическом материале описаны графические, фонетические и морфологические особенности памятника [Безенова 2016а, б, 2017, 2018], что позволило выявить инновационные и архаичные особенности источника на разных языковых уровнях, определить диалектную основу памятника — современный шошминский говор периферийно-южного диалекта удмуртского языка. Далее аналогичным образом мы планируем рассмотреть другой письменный памятник, написанный на северном наречии удмуртского языка, — «Закон божий: Книжка с картинками для маленьких детей: на вотском языке глазовского наречия»³. Описать фонетические и морфологические изоглоссы, представленные в памятнике, невозможно без описания его графической системы, поэтому в первой части статьи мы более подробно остановимся на особенностях графики перевода «Закона Божия» на удмуртский язык, а также рассмотрим элементы орфографии, представленные в памятнике.

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 18-012-00119 «Создание интерактивного атласа по уральским языкам» (рук. Ю. В. Норманская).

² История создания первых переводных религиозных тестов на удмуртском языке подробно описана в работе П. Н. Луппова [Луппов 1905].

³ Книга была подготовлена Переводческой комиссией 4-го благочиннического округа Глазовского уезда Вятской епархии и вышла в свет в 1912 г. в Казани. Конкорданс к данному памятнику можно найти на сайте <http://lingvodoc.ispras.ru>.

Графические особенности

Современный удмуртский алфавит состоит из 38 букв:

Аа	Ж ж	К к	Р р	Ч ч	Э э
Б б	Ӗ ӧ	Л л	С с	Ӧ ӧ	Ю ю
В в	З з	М м	Т т	Ш ш	Я я
Г г	Ӛ ӛ	Н н	У у	Щ щ	
Д д	И и	О о	Ф ф	Ъ ъ	
Е е	Й й	Ӗ ӧ	Х х	Ы ы	
Ё ё	Ӛ ӛ	П п	Ц ц	Ь ь	

В тексте анализируемого памятника мы выявили 41 букву:

Аа	Ж ж	Й й	П п	Х х	ы
Б б	Ӗ ӧ	К к	Р р	Ц ц	ь
В в	З з	Л л	С с	ч	ъ
Г г	Ӛ ӛ	М м	Т т	Ӧ ӧ	Э э
Д д	И и	Н н	У у	Ш ш	ю
Е е	й	О о	Ф ф	щ	Я я
ё	Ӛ ӛ	Ӗ ӧ	Ө ө	ъ	

Как видим, графическая система «Закона Божия» максимально приближена к современному удмуртскому алфавиту, отличается она лишь наличием графем **й**, **ө**, **ъ**.

Буквы кириллицы **ө** и **ъ** в тексте рассматриваемого памятника в исконно удмуртских лексемах не встречаются, они представлены лишь в заимствованиях: *Ариматѳеаисъ* 'из Аримафеи' EIA (< рус. *Аримафея*), *Виѳанія* 'Вифания' (< рус. *Вифания*), *Виѳлеём* ~ *Виѳлеёмъ* 'Вифлеем' (< рус. *Вифлеем*), *Геѳсиманъ* 'гефсиманский' (< рус. *Гефсимания*), *Голгоѳа* 'Голгофа' (< рус. *Голгофа*), *ѳаворъ* 'Фавор' (< рус. *Фавор*); *бѳсъѳс* 'бесы' PL (< рус. *бес*), *звѳрьѳс* 'звери' PL (< рус. *зверь*), *исповѳдѳ* 'на исповедь' ILL (< рус. *исповедь*), *мѳстаѳ* 'вместо', *мѳстаѳэз* 'место' ACC (также *мѳстаѳэз* 'на его место' ILL-POSS.3SG, *мѳстаѳэтиз* 'по его месту' PROL-POSS.3SG, *мѳстаѳисъ-ик* 'с места же' EIA) (< рус. *место*), *обѳдня* 'обедня' (< рус. *обедня*), *пѳть* 'петь' (< рус. *петь*), *понедѳльникысѳн* 'с понедельника' EGR (< рус. *понедельник*).

Буква **й**, которая существовала в русской письменности до орфографических реформ 1917—1918 гг., а позднее была заменена на **и**, в [Закон Божий] представлена в следующих случаях:

1) в анлауте перед гласными в библейских именах собственных: *Иерусалимъ* ~ *Иерусалимъ* 'Иерусалим', *Иерусалимын* 'в Иерусалиме' INE, *Иерусалимѳ* 'в Иерусалим' ILL, *Иерусалимысѳ* 'из Иерусалима' EIA, *Иерусалимысѳн* 'с Иерусалима' EGR (< рус. *Иерусалим*); *Иисусъ* ~ *Иисусъ* 'Иисус', *Иисусѳз* 'Иисуса' ACC (< рус. *Иисус*); *Иоакимѳн* ~ *Иоакимѳн* 'с Иоакимом' INS (< рус. *Иоаким*); *Иоаннъ* ~ *Иоаннъ* 'Иоанн', *Иоаннѳз* 'Иоанна' ACC, *Иоаннлы* 'Иоанну' DAT (< рус. *Иоанн*); *Иовъ* 'Иов', *Иовлѳн* 'у Иова' GEN (< рус. *Иов*); *Иорданъ* 'Иордан' (< рус. *Иордан*); *Иосифъ* ~ *Иосифъ* 'Иосиф', *Иосифлѳн* 'у Иосифа' GEN, *Иосифлы* 'Иосифу' DAT, *Иосифѳн* 'с Иосифом' INS (< рус. *Иосиф*); *Иуда* ~ *Иуда* 'Иуда', *Иудалѳн* 'у Иуды' GEN, *Иудалсъ* 'от Иуды' ABL, *Иудалы* 'Иуде' DAT (< рус. *Иуда*).

2) в инлауте в пределах корня перед /j/:

а) в исконно удмуртских словах: *Аиѳ* ~ *Аиѳ* [ajije] 'мой отец' POSS.1SG — литер. *айыѳ* (исключения: *Аиѳэз* 'отца' ACC — литер. *айыѳэз*, *аиѳсылсъ* 'от моих отцов' PL-POSS.1SG-ABL — литер. *айыѳсылсъ*); *виыны* ~ *виыны* [vijinj] 'убить' — литер. *виыны*, *виылылѳм* [vijil'lam] 'они, оказывается, убили' 2PST.3PL — литер. *вишлям/вишлямы*; *кизилиѳс* [kiz'il'ijos]⁴ 'звезды' PL — литер. *кизилиѳс*; *киѳссѳ* ~ *киѳссѳ* [kijosse] 'его руки' PL-POSS.3SG-ACC — литер. *киѳссѳ*, *киыныѳд* [kijinjɔd] 'твоей рукой' INS-POSS.2SG — литер. *киыныѳд*, *киыныѳз* [kijinjɔz] 'его рукой' INS-POSS.3SG — литер. *киыныѳз*, *киынымы* [kijinjimj] 'нашей рукой' INS-POSS.1PL — литер. *киынымы*, *киѳз* [kijaz] 'в его руке' INE-POSS.3SG — литер. *киѳз*, *киѳзы* [kijazj] 'в их руке' INE-POSS.3PL — литер. *киѳзы*, *киѳд* [kijad] 'в твою руку' ILL-POSS.2SG — литер. *киѳд*, *киѳз* ~ *киѳз* [kijaz] 'в его руку' ILL-POSS.3SG — литер. *киѳз*; *Пиѳ* ~ *Пиѳ* [pije] 'мой сын' POSS.1SG — литер. *пие*, *Пиѳэз* ~ *Пиѳэз*

⁴ В современном удмуртском языке множественное число имен существительных образуется с помощью суффиксов **-ос**, который, согласно орфографическим нормам, присоединяется к основам на гласный, и **-ѳс**, который выступает после основ на согласный. В анализируемом памятнике представлены аналогичные показатели множественного числа, однако, учитывая закономерности употребления в тексте [Закон Божий] кириллической **й**, можно предположить, что в данном и последующих примерах этот аффикс, по всей вероятности, следует произносить как **-jos**.

[*prijez*] ‘его сын’ POSS.3SG — литер. *ниез*, *Пиезлы́* ~ *Пиезлы* [*prijezlɨ*] ‘его сыну’ POSS.3SG-DAT — литер. *ниезлы*, *ниосты́* [*prijostɨ*] ‘птенцов’ PL-ACC — литер. *ниосты/ниосыз*, *ниос-муртэз* [*prijos-murtez*] ‘мужчину’ ACC — литер. *ниосмуртэз*, *ыжніэз* [*ɨʒrijez*] ‘ягненка’ ACC — литер. *ыжниез* (исключения: *Пиэз* ‘сына’ ACC — литер. *ниез*; *нылыз-ниез* ‘его дети’ (досл. ‘его дочь, его сын’) POSS.3SG — литер. *нылыз-ниез*); *сины́* [*s'ijini*] ‘есть’ — литер. *синыны*, *сиуськом* [*s'ijis'kom*] ‘мы едим’ PRS-1PL — литер. *сиуськом/сиуськомы*, *сиуд-ке* [*s'ijid-ke*] ‘если ты съел’ 1PST-2SG — литер. *сиуд ке*, *сиульям* [*s'ijil'am*] ‘они, оказывается, съели’ 2PST.3PL — литер. *сиульям/сиульямзы*, *өвөл сиём* [*evɛl s'ijem*] ‘он, оказывается, не съел’ NEG-2PST.3SG — литер. *сиымтэ/сиымтэез/өвөл сиём/өвөл сиёмез*, *сиульямзы* [*s'ijil'amzɨ*] ‘они, оказывается, съели’ 2PST-3-PL — литер. *сиульям/сиульямзы*, *эн сиы* [*en s'ijɨ*] ‘ты не ешь’ NEG.IMP.2SG — литер. *эн си*, *сиелэ* [*s'ijele*] ‘вы ешьте’ IMP.2PL — литер. *сие/сиелэ*, *сион* ~ *сиён* [*s'ijon*] ‘корм; пищу’ ACC — литер. *сиён*, *сион-юон* [*s'ijon-juon*] ‘пищу’ ACC — литер. *сиён-юон*, *сионэз-юонэз* [*s'ijonez-juonez*] ‘пищу’ ACC — литер. *сиёнэз-юонэз*.

б) в заимствованиях:

адяміэз [*ad'amijez*] ‘человека’ ACC — литер. *адямиез*, *адяміос* ~ *адяміос* [*ad'amijos*] ‘люди’ PL — литер. *адяміос*, *адяміосты́* [*ad'amijostɨ*] ‘людей’ PL-ACC — литер. *адяміосты/адяміосыз*, *адяміослэн* [*ad'amijoslen*] ‘у людей’ PL-GEN — литер. *адяміослэн*, *адяміослэсь* [*ad'amijosles'*] ‘от людей’ PL-ABL — литер. *адяміослэсь*, *адяміослы́* [*ad'amijoslɨ*] ‘людям’ PL-DAT — литер. *адяміослы* (< татар. *адәм*); *Архиерей* ~ *Архиерей* [*arxijerej*] ‘архиерей’, *Архиерейлэн* [*arxijerejlen*] ‘у архиерея’ GEN, *Архиерейёслы́* [*arxijerejjoslɨ*] ‘архиереям’ PL-DAT, *Архиерейне* ~ *Архиерейне* [*arxijerejn'e*] ‘к архиерею’ 2ILL, *Архиерейёсны́* [*arxijerejjosn'e*] ‘к архиереям’ PL-2ILL (< рус. *архиерей*); *Вифанія* [*vifan'ija*] ‘Вифания’ (< рус. *Вифания*); *Воздвиженіе* [*vozdvizen'ije*] ‘Воздвижение’ (< рус. *воздвижение*); *Гавриіль* [*gavrijil*] ‘Гавриил’ (< рус. *Гавриил*); *дьявольёс* [*d'javoljos*] ‘дьяволы’ PL, *дьявольёсь* [*d'javolles'*] ‘от дьявола’ ABL (< рус. устар. *диавол*); *Евангелиян* [*evangel'ijain*] ‘в Евангелии’ INE (< рус. *Евангелие*); *Илія* [*il'ija*] ‘Илья’ (< рус. устар. *Илия*); *Марія* [*marija*] ‘Мария’, *Маріялэн* ~ *Маріялэн* [*marijalen*] ‘у Марии’ GEN, *Маріялэсь* ~ *Маріялэсь* [*marijales'*] ‘от Марии’ ABL, *Маріялы́* ~ *Маріялы* [*marijalɨ*] ‘Марии’ DAT, *Марияен* [*marijajen*] ‘с Марией’ INS (< рус. *Мария*); *пайдіо* [*rajd'ijo*] ‘полезный’ — литер. *пайдаё* (разг. *падиё*) (< татар. *файда*); *судьяоссы* [*sud'ijajossɨ*] ‘их судьи’ PL-POSS.3PL — литер. *судьяоссы* (ср. *судьяослэсь* ‘от судей’ PL-ABL — литер. *судьяослэсь*) (< рус. *судья*); *Успеніе* [*uspen'ije*] ‘Успение’ (< рус. *успение*), *Успенскій* [*uspenskiij*] ‘успенский’ (< рус. *успенский*).

Кроме этого, буква *i* в дореформенном правописании в начале и в середине слова между гласными могла произноситься как согласный [j]. В удмуртском переводе тоже можно наблюдать такие случаи, хотя они единичны: *йырыз* [*ɨjɨz*] ‘его голова’ POSS.3SG — литер. *йырыз* (ср. *йыр* ‘голова’ — литер. *йыр*, *йырызы́* ‘их голова’ POSS.3PL — литер. *йырызы*, *йырызэ́* ‘его голову’ POSS.3SG-ACC — литер. *йырызэ*, *йырымес* ‘нашу голову’ POSS.1PL-ACC — литер. *йырымес*); *Кайафа* [*kajafa*] ‘Каяфа’ (< рус. *Каиафа*).

В общем, можно видеть, что использование букв *i*, *o*, *ɨ* связано с орфографическими нормами оригинала текста «Закона Божия». Вероятно, согласно тем же орфографическим традициям, в конце ряда заимствованных слов, оканчивающихся на согласный, в номинативе стоит *ɨ* (хотя есть и единичные исключения): *августы́* ~ *августы* ‘август’ — литер. *август* (< рус. *август*), *Ангель* (ср. *Ангел*) ‘ангел’ (< рус. *ангел*), *Апостоль* ‘апостол’ (< рус. *апостол*), *Архангель* ‘архангел’ (< рус. *архангел*), *браты́* ‘брат’ — литер. *брат* (< рус. *брат*), *Виөлеёмь* (ср. *Виөлеём*) ‘Вифлеем’ (< рус. *Вифлеем*), *Гавриіль* ‘Гавриил’ (< рус. *Гавриил*), *Духь* ‘дух’ (< рус. *дух*), *Елеонь* ‘Элеон’ (< рус. *Элеон*), *Иерусалимь* ~ *Иерусалимь* ‘Иерусалим’ (< рус. *Иерусалим*), *Иисусь* ~ *Иисусь* ‘Иисус’ (< рус. *Иисус*), *Иоаннь* ~ *Иоаннь* ‘Иоанн’ (< рус. *Иоанн*), *Иовь* ‘Иов’ (< рус. *Иов*), *Иордань* ‘Иордан’ (< рус. *Иордан*), *Иосифь* ~ *Иосифь* ‘Иосиф’ (< рус. *Иосиф*), *Иродь* ‘Ирод’ (< рус. *Ирод*), *марты́* ‘март’ — литер. *март* (< рус. *март*), *Назарэты́* ‘Назарет’ (< рус. *Назарет*), *Никодимь* ‘Никодим’ (< рус. *Никодим*), *образы́* (ср. *образ*) ‘икона’ — литер. *образ* ‘образ’ (диал. ‘икона’) (< рус. *образ*), *первосвященникь* ‘первосвященник’ (< рус. *первосвященник*), *Пилаты́* ‘Пилат’ (< рус. *Пилат*), *посты́* ‘пост’ — литер. *пост* (< рус. *пост*), *праздникы́* ‘праздничный’ — литер. *праздник* (< рус. *праздник*), *Священникь* ~ *Священникь* ‘священник’ (< рус. *священник*), *Симеоны́* (ср. *Симеон*) ‘Симеон’ (< рус. *Симеон*), *Христось* ~ *Христось* (ср. *Христос*) ‘Христос’ (< рус. *Христос*), *четвертокъ* ‘четверг’ (< рус. устар. *четверток*).

Как мы уже заметили ранее, графическая система перевода «Закона Божия» очень близка к современному удмуртскому алфавиту. Здесь уже присутствуют в привычном для нас облике особые буквы *жэ*, *зэ*, *чэ*, *йэ*, *ө*, наличие которых отличает графику современного удмуртского языка от русского, на основе которого был создан удмуртский алфавит. Данные буквы были включены в графическую систему удмуртского языка в 1897 г. Однако и в рассматриваемом нами переводе «Закона Божия», который был напечатан в Казани в 1912 г., наблюдается еще некоторая непоследовательность в употреблении этих графем, в связи с чем в памятнике встречаются двойные написания одних и тех же слов или их форм. Рассмотрим, к примеру, обозначения в анализируемом памятнике аффрикат.

В современном удмуртском литературном языке имеются четыре аффрикаты /ʒ/, /ʒ̥/, /č/, /č̥/, которые на письме передаются буквами *жс*, *ʒ*, *ч* и *ч* соответственно. В [Закон Божий] эти аффрикаты, как правило, также передаются этими же буквами, но с некоторыми исключениями.

/ʒ/ передается буквой *жс* (в одном случае через *жс*): *жсго* ‘быстро; скорый’ — литер. *жсго*, *жсго́ен* (ср. *жсго́ен*) ‘скоро’ — литер. *жсго́ен*; *жсжк* ‘стол’ — литер. *жсжк*; *жсуатыса́* ‘зажигая’ — литер. *жсуатыса*, *жсуатыськом* ‘зажигаем’ ITER-PRS-1PL — литер. *жсуатыськом/жсуатыськомы*; *жсутэм* ‘он, оказывается, поднял’ 2PST.3SG — литер. *жсутэм/жсутэмез*, *жсутэмзы́* ‘их поднятие’ POSS.3PL — литер. *жсутэмзы*, *жсутскэм* ‘вознесение’ — литер. *жсутскэм*, *жсутскэмэз* ‘его вознесение’ POSS.3SG — литер. *жсутскэмез*, *жсутскэмзэ́* ‘его вознесение’ POSS.3SG-ACC — литер. *жсутскэмзэ*, *жсутскыны́* ‘подниматься’ — литер. *жсутскыны*, *жсутскэм* ‘он, оказывается, поднялся’ 2PST.3SG — литер. *жсутскэм/жсутскэмез*, *жсутскыса́* ‘поднявшись’ — литер. *жсутскыса*; *жсыт* ‘вечером’ — литер. *жсыт*, *жсыт-азэ́* ~ *жсытазэ́* ‘вечером’ — литер. *жсытазэ*.

/ʒ̥/ передается:

а) в анлауте буквой *ʒ*: *ʒеч* ‘благодать, хороший’ — литер. *ʒеч* (также и в четырех формах этого слова), *ʒеч* ‘добро’ ACC — литер. *ʒеч* (также и в других пяти формах слова *ʒеч* ‘добро, доброта; благо’), *ʒеч* ‘хорошо’ — литер. *ʒеч*, *ʒечгэс* ‘лучше’ CMP — литер. *ʒечгэс/ʒечгэм*, *ʒечкын* ‘по-хорошему’ — литер. *ʒечкын*, *ʒеч-бур* ‘благо’ ACC — литер. *ʒечбур*, *ʒечсэ́-бурзэ́* ‘его благо’ POSS.3SG-ACC — литер. *ʒечбурзэ*; *ʒуч* ‘русский’ — литер. *ʒуч*.

б) в инлауте, как правило, буквосочетанием *ʒь* (или *ʒ* с последующей йотированной гласной либо *и*), но параллельно в тех же словах или в других их формах может встречаться и буква *ʒ̥*: *адʒыны́* ‘видеть’ — литер. *адʒыны*, *адʒэ́* ‘видит’ PRS.3SG — литер. *адʒэ*, *адʒэм* ‘он, оказывается, видел’ 2PST.3SG — литер. *адʒэм/адʒэмез*, *адʒылы́ям* (ср. *адʒылы́ям*) ‘они, оказывается, видели’ 2PST.3PL — литер. *адʒылы́ям/адʒылы́ямзы*, *ум-кэ́ но адʒысы́кэ* ‘хотя и не видим’ NEG.1PL-PRS-PL — литер. *ум ке но адʒысы́кэ*, *мед адʒэ́з* ‘пусть увидит’ IMP-FUT-3SG — литер. *мед адʒоз*, *адʒыты́эм* ‘он, оказывается, показал’ 2PST.3SG — литер. *адʒыты́эм/адʒыты́эмез*, *адʒыты́эк* ‘не видя’ — литер. *адʒыты́эк*, *адземзэ́с* ‘их увиденное’ POSS.3PL-ACC — литер. *адземзэ́с*, *адʒыты́эмэз* ‘его показ’ POSS.3SG — литер. *адʒыты́эмез*, *адземзы́* ‘их увиденное’ POSS.3PL — литер. *адземзы* (ср. также *адʒы́з* ‘увидел’ 1PST-3SG — литер. *адʒы́з*, *адʒылы́лы́ям* ‘они, оказывается, видели’ ITER-2PST.3PL — литер. *адʒылы́лы́ям/адʒылы́лы́ямзы*); *курадзем* (ср. *курадʒэм*) ‘он, оказывается, страдал’ 2PST.3SG — литер. *курадʒэм/курадʒэмез*, *курадзиты́са* ‘мучая’ — литер. *курадʒыты́са*, *курадзи́са* ‘страдающая’ — литер. *курадʒы́са*, *курадʒэм* ‘страдавший’ — литер. *курадʒэм*, *курадʒэн* ‘страдание’ ACC — литер. *курадʒэн* (ср. также *курадʒэ́* ‘страдает’ PRS.3SG — литер. *курадʒэ*, *курадʒы́ськомы* ‘страдаем’ PRS-1-PL — литер. *курадʒы́ськом/курадʒы́ськомы*, *курадʒэмэз* ‘его страдание’ POSS.3SG — литер. *курадʒэмез*, *курадʒэменыз* ‘из-за его страдания’ INS-POSS.3SG — литер. *курадʒэменыз*); *лыдʒыны́* ‘читать’ — литер. *лыдʒыны*, *лыдʒы́са* ~ *лыдʒы́са* ‘читая’ — литер. *лыдʒы́са*, *лыдʒы́ськэ* ~ *лыдʒы́ськэ* ~ *лыдʒы́ськэ* ~ *лыдʒы́ськэ́* ‘читается’ REFL-PRS.3SG — литер. *лыдʒы́ськэ*.

Как видим, в середине слова во всех примерах, которые представлены в памятнике, *ʒ* стоит после *д*. Вероятно, этим и обусловлено более частое употребление в данных словах *ʒ* (19 словоформ) по сравнению с *ʒ̥* (8 словоформ), поскольку до конца XIX в. фонема /ʒ̥/, как правило, передавалась сочетанием *дʒ*.

/č/ передается буквой *ч* во всех трех позициях (в двух случаях через *ч*):

а) в анлауте: *чож* ‘в течение’ — литер. *чожэ*; *чо́ч* ‘по’ — литер. *чож*; *чо́ч* ‘вместе’ — литер. *чош*; *чюкна* ~ *чюкна́* ‘утром’ — литер. *чюкна*;

б) в инлауте: *ва́чка́ла* ‘древний’ — литер. *вашка́ла*; *кортчо́ганы́* ‘распять’ — литер. *кортчо́ганы* (также и в пяти формах этого слова); *коть кы́чэ́* ~ *коть кы́чэ́* ~ *коть кы́че* (ср. *коть кы́чэ́*) ‘всякий, любой’ — литер. *котькы́че*; *лу́чкэм* ‘про себя’ — литер. *лушке́м*; *лу́чкало́зы* ‘украдут’ FUT-3-PL — литер. *лушкало́зы*; *пи́чкыны́* ‘светиться’ — литер. *пиштыны́* ‘светить’; *пу́чкамы́* ‘в нас (досл. в нашем нутре)’ POSS.1PL — литер. *пушкамы́* (ср. *пучкы́* ‘внутри’ — литер. *пушкы́*); *сы́че* ~ *сы́чэ́* ‘такой’ — литер. *сы́че*;

в) в аусллауте: *чо́ч* ‘по’ — литер. *чожэ*; *чо́ч* ‘вместе’ — литер. *чош*.

/č̥/ передается буквой *ч* также во всех трех позициях (одно исключение: *чоры́гъэс* ‘рыбы’ PL — литер. *чоры́гъэс*):

а) в анлауте: *чиньы́ен* ‘пальцем’ INS — литер. *чиньы́ен* (также и в других четырех формах слова *чиньы́* ‘палец, пальцы’); *чидám* ‘он, оказывается, терпел’ 2PST.3SG — литер. *чидам*; *чылкы́т дун* ‘непорочный’ — литер. *дун-чылкы́т*; *чы́ретскы́са* ‘выкрикнув’ — литер. *черетскы́са*; *чы́рты́ямы́* ‘на нашей шее’ INE-POSS.1PL — литер. *чы́рты́ямы* и т. д.

б) в инлауте: *Ачид* ‘ты сам’ — литер. *ачид*; *валчэ́* ‘вместе’ — литер. *валче*; *начáр* ‘бедный’ — литер. *начар*; *орчы́т* ‘слишком’ — литер. *ортчы́т*; *почи́* ‘младший, маленький’ — литер. *пичи* и т. д.

в) в аусллауте: *ʒеч* ‘добрый; хороший; благодать’ || *хорошо* || *добро; благо* — литер. *ʒеч*; *ʒуч* ‘русский’ — литер. *ʒуч*; *проч* диал. ‘совсем’.

Кроме рассмотренных выше четырех аффрикат, в тексте памятника [Закон Божий] встречается еще одна аффриката /с/ (графически **ц**), которая, в отличие от современного удмуртского языка, представлена не только в русских заимствованиях (напр., *цѣрковь* ‘церковь’ (< рус. *церковь*), *пѣтница* ~ *пѣтница* ‘пятница || пятничный’ (< рус. *пятница*), *царствояз* ‘в свое царство’ PLL-POSS.3SG (< рус. *царство*) и т. д.), но и в исконной удмуртской лексике. В данном случае эта графема, как правило, прослеживается на стыке корневой и суффиксальной морфемы, но при этом во многих словоформах аффриката /с/ также передана сочетанием букв **тс**: *ацкыны* ‘показаться’ — литер. *адзиськыны*, *ацкыса* ‘показавшись’ — литер. *адзиськыса*, *ацкэм* (ср. *атскэм*) ‘он, оказывается, показался’ 2PST.3SG — литер. *адзиськэм/адзиськемез* (ср. также *атскó* ‘показываются’ PRS.3PL — литер. *адзисько*, *атскытэк* ‘не показываясь’ — литер. *адзиськытэк*, *атскыльлям* ‘они, оказывается, показали’ 2PST.3PL — литер. *адзиськиллям/адзиськиллямзы*, *öвöлни атскыльлям* ‘они, оказывается, уже не показали’ NEG-2PST.3PL — литер. *адзиськиллямтэ/адзиськиллямтэзы/öвöл адзиськиллям/öвöл адзиськиллямзы ни*, *атскылэм* ‘он, оказывается, показывался’ ITER-2PST.3SG — литер. *адзиськылэм/адзиськылэмез*); *ворцкэм* (ср. *вортскэм*) ‘рождение’ — литер. *вордйськэм* (в двух формах этого слова используется **ц**), *ворцкытысь* ‘родитель’ — литер. *вордскытысь* (также и в трех формах этого слова), *ворцкэм* ‘родившийся’ — литер. *вордйськэм*, *ворцкыз* ‘родился’ 1PST-3SG — литер. *вордйськыз* (также и в двух других формах слова *вордйськыны* ‘родиться’), *ворцкытэм* ‘рожденный’ — литер. *вордскытэм*, *ворцкытэм* ‘она, оказывается, родила’ 2PST.3SG — литер. *вордскытэм/вордскытэмез*, *ворцкытэмéd* ‘твое зарождение’ POSS.2SG — литер. *вордскытэмед*, *ворцкытэмез* ‘его зарождение’ — литер. *вордскытэмез*; *дышецконни* ‘учебное заведение’ — литер. *дышетсконни*, *дышецкыса* ‘обучаясь’ — литер. *дышетскыса* (ср. *дышетскысь* ‘ученик’ — литер. *дышетскысь* (также и в двух формах этого слова)); *йыбырцкыса* ‘преклоняя колени’ — литер. *йыбырскыса*, *йыбырцкэ* ‘преклоняет колени’ PRS.3SG — литер. *йыбырске* (также и в других трех формах слова *йыбырскыны* ‘поклониться; преклонить колени’); *куцкóн* ‘начало’ — литер. *кутскон*, *куцкэм* (ср. *кутскэм*) ‘он, оказывается, начал’ 2PST.3SG — литер. *кутскэм/кутскемез* (ср. также *кутскемлэсь* ‘от начала’ ABL — литер. *кутскемлэсь*); *кылцкыса* ‘слушаясь’ — литер. *кылзйськыса*, *кылцкытэк* ‘не слушаюсь’ — литер. *кылзйськытэк*, *кылцкэ* ‘слушается’ PRS.3SG — литер. *кылзйське* (также и в трех других формах слова *кылзйськыны* ‘слушаться, быть послушным’) (ср. *кылкелэ* ‘слушайтесь’ IMP.2PL — литер. *кылзйське/кылзйськелэ*); *сэзъялцкэм* ~ *сэзъялцкэм* ‘он, оказывается, встряхнулся’ 2PST.3SG — литер. *сэзъялскэм/сэзъялскемез*; *турцкó* ‘стараются’ PRS.3PL — литер. *туртто*; *уаменцкэм* ‘упрямство’ — литер. *ваменскэм*, *уаменцкыны* ‘упрямиться’ — литер. *ваменскыны*. В корневой морфеме **ц** встречается лишь в двух лексемах: *быдцаясь* ‘величиной с’ PL — литер. *быдэаясь*, *нóкытцы* ‘никуда’ — литер. *нокытчы*.

Некоторые неточности прослеживаются и в написании графем **й** и **ö**. Так **й**, так же, как и буквы **и**, **і**, передающая фонему /i/ и употребляющаяся в удмуртском языке для обозначения твердости предшествующих согласных **д**, **з**, **л**, **н**, **с**, **т**, в нескольких случаях стоит без надстрочного двоеточия (*кудйз-огэз* ‘некоторые из них’ — литер. *кудйз-огез* (ср. *кудйз* ‘некоторые’ — литер. *кудйз-кудйз*), *одйг* (ср. *одйг*) ‘один’ — литер. *одйг*, *тилéd* (ср. *тйлéd* ~ *тйлед*) ‘вам’ DAT — литер. *тйлед/тйледлы*). Встречается и пара слов, в которых употребление надстрочных знаков над **и** неуместно: *вуйд* ‘ты прибыл’ 1PST-2SG — литер. *вуйд*, *курймы-ке* ‘если мы попросили’ 1PST-1-PL — литер. *куримы ке*. Также в памятнике можно отметить два слова, в которых вместо буквы **о**, по всей вероятности, должна была бы стоять графема **ö**: *пöлын* ‘в’ — литер. *пöлын* (ср. *пöлысь* ‘из’ — литер. *пöлысь*), *öвöл вылэм* (ср. *öвöл вылэм*) ‘оказывается, не было’ NEG-2PST.3SG — литер. *öвöл вылэм/öвöл вылэмез*.

Орфографические особенности

Мягкость согласных **д**, **з**, **л**, **н**, **с**, **т**, которые в удмуртском языке могут быть как твердыми, так и мягкими, в [Закон Божий] обозначается:

а) мягким знаком: *кадь* ‘как’ — литер. *кадь*, *тöдыы* ~ *тöдыы* ‘белый’ — литер. *тöдыы*; *азьын* ~ *азьын* ‘перед’ — литер. *азьын*, *изьыны* ‘спать’ — литер. *изьыны*, *сизьыл* ‘осенью’ — литер. *сйзьыл*; *вьль* ‘новый’ — литер. *вьль*, *каль* диал. ‘сейчас’, *нйльдон* ‘сорок’ — литер. *нйльдон*; *коньдон* ‘деньги’ — литер. *коньдон*, *куйнь* ‘три’ — литер. *куйнь*, *нянь* ‘хлеб’ — литер. *нянь*; *лэсьтыны* ‘делать’ — литер. *лэсьтыны*, *перэсь* ‘старый’ — литер. *перэсь*, *яратысь* ‘любящий’ — литер. *яратысь*; *вйтыны* ‘ждать’ — литер. *вйтыны*, *котьку* ~ *коть-ку* ~ *коть-ку* ~ *коть* ку ‘всегда’ — литер. *котьку*, *утьыны* ‘беречь’ — литер. *утьыны* и т. д.;

б) гласными

е: *гурэзэз* ‘гору’ ACC — литер. *гурезез*, *нуназэ* ‘день’ — литер. *нуназе*, *сизэм* ‘он, оказывается, обещал’ 2PST.3SG — литер. *сйзем/сйземез*; *дэлетó* ‘благодатный’ — литер. *дэлето*, *лек* ‘жестокий’ — литер. *лек*, *пилэм* ‘облако’ — литер. *пилем*; *дуннэ* ‘мир’ — литер. *дунне*, *кенешыльлям* ‘они, оказывается, обсу-

дили' 2PST.3PL — литер. *кенешиллям/кенешиллямзы*, *шонёр* 'правильный' — литер. *шонер*; *дүйсез* 'его одежда' POSS.3SG — литер. *дүйсез*, *йылысён* 'с вершины' — литер. *йылысен*, *секыт* 'тяжелый || тяжело' — литер. *секыт*; *куатетий* ~ *куатетий* 'шестой' ORD — литер. *куатетий*, *дасвитетий* 'пятнадцатый' ORD — литер. *дас витетий* и т. д.

ё: *изён* 'сон' ACC — литер. *изён*, *курадзён* 'страдание' ACC — литер. *курадзён*; *уальлё* диал. 'раньше; прежде чем...', *уальлён* диал. 'раньше; сначала, вначале'; *висён* 'болезнь' ACC — литер. *висён*, *сётыны* 'дать' — литер. *сётыны*, *сётыйс* 'дающий' — литер. *сётыйс*; *витёй* 'пять дней' — литер. *витёй*, *витёно* 'которое нужно ждать' — литер. *витёно*, *постной утён* диал. 'соблюдение поста' и т. д.;

ю: *люкасыкыса* 'собравшись' — литер. *люкасыкыса*, *люкасыкыльлям* 'они, оказывается, собрались' 2PST.3PL — литер. *люкасыкыльлям/люкасыкыльлямзы*, *люкысыкём* 'расставание' — литер. *люкысыкём*; *сюлворысыкó* 'умоляю' PRS.1SG — литер. *сюлворысыкó*, *сюрэсáз* 'на его путь' ILL-POSS.3SG — литер. *сюресаз*, *сюстыыл* 'восковую свечу' ACC — литер. *сюстыыл* и т. д.;

я: *адямий* 'человек' — литер. *адями*; *азяд* 'перед тобой' POSS.2SG — литер. *азяд*, *луытчозяз* ~ *луотчозяз* 'пока он станет' — литер. *луытчозяз*; *жалясы* 'жаляющий' — литер. *жалясы*, *кэляса* 'проводив' — литер. *кэляса*, *лякытэн* 'спокойно' — литер. *лякытэн*; *арня* ~ *арня* 'неделя; воскресенье || воскресный' — литер. *арня*, *нянь* 'хлеб' — литер. *нянь*; *вöсысыкыны* 'молиться' — литер. *вöсысыкыны*, *сымзы* 'их обычай' POSS.3PL — литер. *сымзы*, *сырысы* ~ *сырысы* 'о' — литер. *сырысы*; *каттяльлям* 'он, оказывается, лечивал' 2PST.3SG — литер. *каттяльлям*, *тымысэтий* 'восьмой' ORD — литер. *тымысэтий* и т. д.;

и (й): *пайдий* 'полезный' — литер. *пайдаё* (разг. *падиё*); *кизилиос* 'звезды' PL — литер. *кизилиос*, *азинзё* диал. 'его успех в делах' POSS.3SG-ACC; *али* 'сейчас' — литер. *али*, *уалильлям* 'они, оказывается, постелили' 2PST.3PL — литер. *валильлям/валильлямзы*, *Великтём* диал. 'Пасха', *кизилиос* 'звезды' PL — литер. *кизилиос*; *кёлонний* 'место ночлега' ACC — литер. *кёлонни*, *ни* 'уже' — литер. *ни*, *нимó* ~ *нимо* 'по имени; по названию' — литер. *нимо*; *висисьёсты* 'больных' PL-ACC — литер. *висисьёсты*, *си* 'ешь' IMP.2SG — литер. *си*, *синмó* 'зрячий' — литер. *синмо*, *сийны* 'есть' — литер. *сийны* и т. д.

Особым образом обозначается мягкость удвоенных согласных *лл*. В данном случае после первой буквы *л* ставится мягкий знак, после второй — йотированный гласный: *кыльлё* 'лежит' PRS.3SG — литер. *кылле*; *пальляназ* 'на тот, который левый' ILL-DET — литер. *палляназ*, *ужалляльям* 'они, оказывается, работали' 2PST.3PL — литер. *ужалляльям/ужалляльямзы*, *ульляльям* 'он, оказывается, прогнал' 2PST.3SG — литер. *ульляльям* и т. д. Мягкость остальных удвоенных согласных обозначается согласно современным нормам орфографии, т. е. йотированный гласный или *и* пишется после соответствующих удвоенных согласных: *дуннё* 'мир' — литер. *дунне*; *вöсысыконний* 'молельня' — литер. *вöсысыконни*, *дышецконний* 'учебное заведение' — литер. *дышетсконни*, *кёлонний* 'место ночлега' ACC — литер. *кёлонни* и т. д.

Особых отклонений в обозначении мягкости рассмотренных согласных в [Закон Божий] не наблюдается. В частности, для передачи фонемы /e/ после твердых *д, з, л, н, с, т* пишется *э*, а после мягких — *е*. Однако в обозначении данной фонемы после остальных согласных переводчики, видимо, испытывали затруднения, вследствие чего в тексте памятника встречается довольно много дублетных форм, ср.: *берэ* ~ *берё* 'после' — литер. *бере*, *вöсысыкэм* ~ *вöсысыкём* 'он, оказывается, молился' 2PST.3SG — литер. *вöсысыкём/вöсысыкемез*, *инмэ* ~ *инмё* ~ *инме* 'в небо' ILL — литер. *инме*, *Инмарэз* ~ *Инмарёз* 'бога' ACC — литер. *инмарез*, *кин-кэ* ~ *кинкэ* ~ *кинкё* 'кто-то' — литер. *кин ке*, *коть кычэ* ~ *коть кычэ* ~ *коть кычё* ~ *коть кыче* 'любой, всякий' — литер. *котькыче*, *макэ* ~ *макё* 'что' — литер. *маке*, *мугормэ* ~ *мугормэ* ~ *мугормё* 'мое тело' POSS.1SG-ACC — литер. *мугорме*, *нóмрэ но* ~ *нóмре-но* ~ *номрэ-но* 'ничего' — литер. *номыре но*, *ужэз* ~ *ужез* ~ *ужэз* 'работу, дело' ACC — литер. *ужез* и т. д.

Рассматривая орфографию текста «Закона Божия», хотелось бы остановиться также на некоторых особенностях слитного, раздельного либо дефисного написания различных частей речи.

1) Частица *ик* 'же', которая в современном удмуртском языке пишется отдельно, в [Закон Божий] в четырнадцати случаях пишется через дефис, в десяти — слитно с предыдущим словом, а в двух — и через дефис, и слитно, ср.:

а) через дефис: *кылынызы-ик* 'их языком же' INS-POSS.3PL — литер. *кылынызы ик*, *мгыстайсы-ик* диал. 'с места же' EIA, *озы-ик* 'так же' — литер. *озы ик*, *отын-ик* 'там же' — литер. *отын ик*, *Соё-ик* 'его же' ACC — литер. *сое ик*, *соос-ик* 'они же' — литер. *соос ик*, *сойн-ик* 'с ним же' INS — литер. *сойн ик*, *сойн-ик* 'и поэтому' — литер. *сойн ик*, *тазы-ик* 'так же' — литер. *тазы ик*, *тужгёс-ик* 'особенно же' CMP — литер. *тужгес ик*, *туннэ-ик* 'сегодня же' — литер. *туннэ ик*, *тусэныз-ик* 'его же обликом' INS-POSS.3SG — литер. *тусыныз ик*, *уйн-ик* 'ночью же' INE — литер. *уйн ик*, *шорын-ик* 'посредине же' — литер. *шорын ик*;

б) слитно: *вылазйик* 'вдобавок' — литер. *вылаз ик*, *зэмик* ~ *зэмик* 'действительно, истинно' — литер. *зэм ик* (также *зэмик-ке* 'если действительно' — литер. *зэм ик ке*, *зэмик-а* 'действительно ли' — литер. *зэм ик-а*), *куиньназэик* 'его все три же' POSS.3SG-ACC — литер. *куиньназэ ик*, *музэник* 'подобно же, словно же' — литер. *музэн ик*, *ношиик* 'и снова' — литер. *нош ик*, *прочик* диал. 'совсем же', *сокуик*

‘тотчас же’ — литер. *соку ик, солы́ик* ‘этому же’ DAT — литер. *солы ик, у́зик* ‘рано же’ — литер. *вазь ик, чукна́ик* ‘утром же’ — литер. *чукна ик*;

в) через дефис/слитно: *кадь-ик ~ кади́к* ‘как и’ — литер. *кадь ик, уальён-ик ~ уальёнйк* диал. ‘вначале же, сначала же’.

2) Частица **но** ‘и’ в памятнике, как и в современном удмуртском языке, в основном пишется раздельно (64 случая), но в качестве исключений встречается дефисное написание (8 случаев), а также слитное (2 случая), ср.:

а) раздельно: *Инма́р но* ‘и бог’ — литер. *инмар но, калыкъя́слы но* ‘и людям’ PL-DAT — литер. *калыкъя́слы но, мукэ́тъя́ссэ но* ‘и других’ PL-DET-ACC — литер. *мукэ́тъя́ссэ но, сельканы но* ‘и согрешить’ — литер. *сёлыканы но, ужъя́сты но* ‘и дела’ PL-ACC — литер. *ужъя́сты но/ужъя́сыз но* и т. д.;

б) через дефис: *ары́н-но* ‘и в году’ INE — литер. *арын но, ачимелы-но* ‘и нам’ DAT — литер. *асъмелы но, коть кыты́н-но* (ср. *коть кыты́н но*) ‘езде’ — литер. *котькытын но, но́кин-но ~ но́кинъ-но ~ но́кин-но* ‘никто’ — литер. *нокин но, но́кудыз-но* ‘никто из них’ — литер. *нокудйз но, но́мре-но ~ номрэ-но* (ср. *но́мрэ но*) ‘ничего’ — литер. *номыре но, разбо́йник-но* ‘и разбойник’ — литер. *разбойник но, улэмысы́тыз-но* ‘и из его жизни’ ELA-POSS.3SG — литер. *улэмысы́тыз но*;

в) слитно: *вылэ́но* ‘и на’ — литер. *вылэ но, но́куно* ‘никогда’ — литер. *ноку но*.

3) Частица **на** ‘еще; же’ в рассматриваемом памятнике пишется через дефис: *о́ддям-на* ‘он, оказывается, еще начал’ 2PST.3SG — литер. *о́ддям на, сылы́ля́м-на* ‘они, оказывается, еще стояли’ 2PST.3PL — литер. *сылй́ллям/сылй́ллямзы на, улэм-на* ‘он, оказывается, еще находился’ 2PST.3SG — литер. *улэм/улэмез на*.

4) Приставка **коть-** в [Закон Божий] чаще всего пишется раздельно, но встречаются случаи и дефисного, реже слитного написания, причем в одних и тех же формах, ср.: *коть кинлэн* ‘у каждого’ GEN — литер. *котькинлэн, коть кинлэ́сь ~ коть кинлэ́сь* ‘от каждого’ ABL — литер. *котькинлэ́сь, коть кинлы́* ‘каждому’ DAT — литер. *котькинлы́; коть ма ~ коть ма́ ~ коть-ма ~ коть-ма́ ~ котьма́* ‘всё’ — литер. *котьма; коть мар ~ коть-мар ~ коть-ма́р* ‘всё’ — литер. *котьмар; коть ку ~ коть-ку́ ~ коть-ку ~ котьку́* ‘всегда’ — литер. *котьку; коть кудзэ́* ‘каждого’ ACC — литер. *котькудзэ́; коть кыты́сь* ‘отовсюду’ — литер. *котькыты́сь; коть кыты́н ~ котькытын* ‘езде’ — литер. *котькытын, коть кыты́н-но* ‘езде’ — литер. *котькытын но; коть кычэ́ ~ коть кычэ́ ~ коть кычэ́ ~ коть кычэ́* ‘любой, всякий’ — литер. *котькычэ́*.

5) Составные числительные в тексте памятника [Закон Божий] пишутся слитно: *дасвитетй́* ‘пятнадцатый’ ORD — литер. *дас витетй́, даскы́к* ‘двенадцать’ — литер. *дас кык, дасни́ль* ‘четырнадцать’ — литер. *дас ньыль, даснилетй́* ‘четырнадцатый’ ORD — литер. *дас ньылетй́, кызьвитетй́ ~ кызьвитетй́* ‘двадцать пятый’ ORD — литер. *кызь витетй́, кызьодй́гетй́* ‘двадцать первый’ ORD — литер. *кызь одй́гетй́*.

6) Союз **ке** ‘если; когда’ пишется через дефис:

(1) <...> *Тон Инмарлэн-ке Пи́эз, киро́с вылысы́ты́д уасы́кыны́ быгатй́* <...>

Тон Инмар-лэн-ке Пи́-эз киро́с вылысы́ты́-д уасы́кы-ны́ быгатй́
ты бог-GEN если сын-POSS.3SG крест с-POSS.2SG спуститься-INF мочь.IMP.2SG
‘Если Ты Сын Божий, сойди с креста’

(2) <...> *Тон Инмарлэн-ке Пи́эз Астэ́ но милемды́ но мо́змыты* <...>

Тон Инмар-лэн-ке Пи́-эз Ас-тэ́ но мил-емды́ но мо́змыты
ты бог-GEN если сын-POSS.3SG ты сам.OBL-ACC и.CONJ мы.OBL-ACC и.CONJ освободить-IMP.2SG
‘Если Ты Сын Божий, освободи и Себя, и нас’

(3) <...> *ачимес-ты́ но Со курэ́къя́ськóн дыръя́мы вóсяськóмы-кэ́ буйгатэ́.*

ачимес-ты́ но Со курэ́къя́ськóн дыръя́-мы вóся-ськó-м-ы-кэ́ буйгатэ́
мы.OBL-ACC и.PART он горе во время-POSS.1PL молить-PRS-1-PL если успокоить-PRS.3SG
‘и нас Он утешает, если мы молимся во время горя’

(4) *Со улóн о́й-кэ́ сёты́сал, уаньмы́ ачимэ́с лутэмэ́сь луы́салмы.*

Со улóн о́й-кэ́ сёты́-сал уаньмы́ ачимэ́с лутэмэ́-э́сь луы́-сал-м-ы
он жизнь.ACC дать-NEG-COND если все мы мы сами неживой-PL быть-COND-1-PL
‘Если бы он не дал жизнь, мы бы все были неживыми’

(5) *Свято́й Духъ, курй́мы-ке, коть мар зечсэ́ сётэ́, <...>*

Свято́й Духъ кур-й-м-ы-ке коть мар зеч-с-э́ сёт-э́
святой дух просить-1PST-1-PL если все хороший-DET-ACC дать-PRS.3SG
‘Если мы просим, Святой Дух дает все хорошее’

- (6) <...> *Шöдтэк со пулэсь емышьс сийд-ке* — *кулöд* <...>
шöдтэк со пу-лэсь емышь-с-э сй-й-д-ке кул-ö-д
 вдруг тот дерево-AVL плод-POSS.3SG-ACC есть-1PST-2SG если умереть-FUT-2SG
 ‘Если вдруг съешь плод того дерева — умрешь’.

Заключение

Впервые жители Вятского края познакомились с православием еще в конце XII — начале XIII в., контактируя с новгородскими переселенцами, которые изначально пришли сюда с целью освоения естественных богатств Вятских земель. С началом миссионерского дела в этих краях довольно длительное время удмуртов принуждали принять новую веру, пытаясь искоренить язычество. Незнание русского языка, на котором с ними общались миссионеры и проповедники, непросвещенность удмуртов в целом приводили к тому, что «православие воспринималось ими как вера “русская”, чужая, которую надо избегать, чтобы не быть наказанными своими богами» [Корепанова 2011: 87]. С началом нового этапа миссионерской деятельности в XIX в. ситуация значительно улучшилась, поскольку главным условием успешной православной миссии с этого периода стали считать родной язык. Появление переводной Библии и других религиозных книг на удмуртском языке, проповедь и богослужения на родном языке сыграли огромную роль в приобщении удмуртов к христианству, в их просвещении и борьбе с неграмотностью, а также в создании письменности.

По поводу датировки возникновения удмуртской письменности до сих пор не утихают споры. Д. М. Сахарных, с мнением которого мы солидарны, связывает начальный этап ее становления именно с появлением в 1847 г. первых переводных печатных книг на удмуртском языке [Сахарных 2003, 2008]. В своей периодизации истории удмуртской письменности он выделяет три этапа:

- 1) начальный этап (с середины XIX в. до 1870-х гг.);
- 2) продвинутый этап (с середины 1870-х гг. до конца 1890-х гг.);
- 3) современный этап: а) казанский период (с 1897 г. по 1914 г.), б) общеудмуртский период (с 1914 г. по 1927 г.), в) период литературного языка (с 1927 г. до настоящего времени).

Рассматриваемый нами текст «Закона Божия» на вотском языке глазовского наречия, согласно периодизации Д. М. Сахарных, относится к казанскому периоду современного этапа истории удмуртской письменности, характерными чертами которого являются «графика на основе модифицированного русского алфавита, орфография — по русскому слоговому принципу» [Сахарных 2005]. Действительно, в [Закон Божий] мы видим графическую систему на основе русского алфавита с использованием дополнительных букв с диакритиками *Ж жс, З з, Ч ч, Й й, Ö ö*, хотя анализ показал, что в использовании этих графем в данном памятнике еще встречаются некоторые неточности (в основном в употреблении буквы *З* в инлауте для передачи фонемы /з/). В обозначении мягкости согласных *д, з, л, н, с, т*, которые в удмуртском языке могут быть как твердыми, так и мягкими, действует слоговой принцип, т. е. после мягких *д, з, л, н, с, т* пишутся буквы *е, ё, ю, я, и*, а после твердых *д, з, л, н, с, т* — графемы *э, о, у, а, й* соответственно. Определенные нормы в тексте «Закона Божия» прослеживаются и в слитном, раздельном, дефисном написании различных частей речи. Анализируя язык первых переводов Евангелий и азбук 1847 г., Л. М. Ившин отмечает, что «перебои в написании (дефисном, слитном) в Евангелиях и Азбуках наблюдаются в огромном количестве слов» [Ившин 2009б: 117]. В данном же памятнике явную непоследовательность мы выявили лишь в написании частицы *ик* ‘же’ и приставки *коть-*. В целом можно видеть, что графическая и орфографическая система памятника [Закон Божий], несмотря на наличие некоторых исключений, дублетных форм, по сравнению с первыми удмуртскими переводными памятниками уже более совершенна, близка к современному состоянию удмуртского литературного языка.

Проведенный нами анализ графических и орфографических особенностей в дальнейшем поможет нам выявить фонетические и морфологические⁵ изоглоссы данного перевода «Закона Божия» на удмуртский язык. Таким образом, анализируя язык переводных памятников письменности религиозного содержания различных периодов, мы можем проследить зарождение и становление удмуртской письменности.

⁵ Морфологические особенности перевода «Закона Божия» на удмуртский язык будут рассмотрены в отдельной статье.

Часть II. Фонетические особенности

В первой части статьи мы подробно рассмотрели особенности графики и орфографии перевода «Закона Божия» (1912 г.) на удмуртский язык. Далее на основе проведенного анализа мы постараемся описать вокализм и консонантизм этого памятника и тем самым выявить особенности языка [Закон Божий] на фонетическом уровне. Для этого мы сопоставим систему гласных и согласных фонем памятника с литературным удмуртским языком, параллельно приводя там, где они имеются, соответствия из словаря Ю. Вихманна [Wichmann 1987], материал для которого финский ученый собирал в конце XIX в., укажем современные формы по аудиословарям⁶, составленным нами на материале экспедиционных данных 2013 г., а при необходимости привлечем и другие источники.

Вокализм

Вокалическая система современного литературного удмуртского языка состоит из семи фонем:

/i/ — неогубленный гласный верхнего подъема переднего ряда;

/j/ — неогубленный гласный верхнего подъема среднего ряда;

/u/ — огубленный гласный верхнего подъема заднего ряда;

/e/ — неогубленный гласный среднего подъема переднего ряда;

/ɛ/ — неогубленный гласный среднего подъема среднего ряда;

/o/ — огубленный гласный среднего подъема заднего ряда;

/a/ — неогубленный гласный нижнего подъема среднего ряда [Кельмаков 1993а: 241].

Гласные /i/, /j/, /e/, /o/, /a/ могут выступать во всех позициях слова как в первом, так и непервом слоге, тогда как /ɛ/ и /u/ имеют некоторые ограничения. Эти фонемы в основном функционируют только в первом слоге слова: а) в анлауте: *ӧр* ‘русло, ложе (реки)’, *ӧрзи* ‘орел’, *ӧскыны* ‘рвать; тошнить’; *уд* ‘росток; всходы’, *узыр* ‘богатый, имущий, зажиточный’, *улыны* ‘жить, прожить; существовать’; б) в инлауте: *жӧк* ‘стол’, *пӧлы* ‘большой палец’, *пӧсьтыны* ‘износиться (об одежде, обуви)’; *вузаны* ‘продать, распродать’, *турын* ‘травя’, *пуж* ‘решето, сито’; в) в ауслауте (в конце односложных слов): *йӧ* ‘лед’, *кӧ* ‘жернов’, *шӧ* ‘лукошко (для курицы-наседки)’; *ву* ‘вода’, *ку* ‘шкура, шкурка; кожа, мех’, *пу* ‘дерево; древесина’. В непервом слоге гласные /ɛ/ и /u/ могут встречаться в сложных словах, второй компонент которых имеет фонему /ɛ/ или /u/ в первом слоге (напр., *силтӧл* ‘ураган, буря’, *кызыпу* ‘береза’, *ярдур* ‘берег’). Кроме этого, гласный /ɛ/ может выступать в некоторых деэтимологизированных лексемах (напр., *ӧвӧл* ‘не; нет’), а гласный /u/ – в составе суффиксов (напр., *вераку* ‘говоря’, *Веруш* ‘Верочка’), а также в заимствованиях из русского языка.

Аналогичная система представлена и в тексте перевода «Закона Божия». Ниже мы подробно остановимся на каждой гласной и рассмотрим, каким же фонемам современного удмуртского литературного языка соответствуют гласные памятника.

Кроме того, в удмуртском языке функционируют четыре дифтонга: /ца/ (*куазь* ‘погода; климат’), /ци/ (*куи́нь* ‘три’), /ац/ (*тау* ‘спасибо, благодарю’), /оц/ (*бугоу* ‘цепь; кандалы, оковы’) [Кельмаков 1993а: 241]. Из этих четырех дифтонгов в памятнике встречаются три:

а) /ца/: *жсуатьяськом* ‘зажигаем’ ITER-PRS-1PL — литер. *жсуатьяськом/жсуатьяськомы*; *куазь* ‘погода’ — литер. *куазь*; *куамын* ‘тридцать’ — литер. *куамын*; *куарá* ‘звук; голос’ — литер. *куара* (также и в двух формах этого слова); *куарьёссэ* ‘его листья’ PL-POSS.3SG-ACC — литер. *куарьёссэ*, *куарьёсыныз* ‘его листьями’ PL-INS-POSS.3SG — литер. *куарьёсыныз*; *куатетй* ~ *куатетй* ‘шестой’ ORD — литер. *куатетй*;

б) /ци/: *куи́нь* ‘три’ — литер. *куи́нь*, *куи́ньметй* ‘третий’ ORD — литер. *куинетй* (также и в двух формах этого слова), *куи́ньмойсын* ‘за три дня’ — литер. *куинёйскын*, *куинайз* ‘те трое’ DET — литер. *куи́ньнаиз* (также и в трех формах этого слова), *куи́нь-пол* ‘трижды’ — литер. *куи́нь пол*;

в) /ац/: *тау* ‘спасибо’ — литер. *тау*.

Никаких особых отклонений, связанных с употреблением дифтонгов, в анализируемом переводе «Закона Божия» нами не выявлено.

Общепринято мнение, что для финно-угорского праязыка были характерны двусложные основы непроизводных знаменательных слов, которые оканчивались на краткие неогубленные гласные *e или *a/*ä. Впоследствии эти конечные гласные практически во всех финно-угорских языках (за исключением финского) отпали, в некоторых в большей, в некоторых в меньшей степени. В удмуртском языке этот процесс шел достаточно интенсивно, в результате чего на сегодняшний день здесь осталось лишь отно-

⁶ Данные словари доступны на сайте «Lingvodoc» по адресу <http://lingvodoc.ispras.ru/>.

сительно небольшое количество слов, в которых сохранились следы конечных гласных финно-угорских основ. В связи с этим гласным первого слога анализируемого письменного источника мы уделим большее внимание по сравнению с вокализмом непервого слога. Для гласных первого слога памятника при стандартном соответствии, т. е. когда гласная памятника идентична литературной, приведем все лексемы (словоформы) финно-угорского происхождения; при нестандартном соответствии в каждом случае перечислим все встречающиеся в тексте «Закона Божия» примеры. Для гласных непервого слога при стандартном соответствии в качестве примера укажем лишь по три слова, а при нестандартном также перечислим все представленные в тексте памятника лексемы (словоформы). Кроме того, гласные непервого слога будем описывать только в пределах корневой морфемы, поскольку анализу различных аффиксов, встречающихся в памятнике, будет посвящена отдельная статья.

Употребление гласного /i/

1. В первом слоге:

а) /i/ в соответствии с литер. /i/:

Вирьиз ‘его кровь’ POSS.3SG — литер. *вирьиз* (также и в двух других формах слова *вир* ‘кровь’); ср. *vir* (G, S, M, J, MU, U), *vjr* (MU) ‘кровь’ [Wichmann 1987: 317]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *vir* ‘кровь’ < ПУДМ *i⁷;

вискысь ‘с, из (места между чем-кем-либо; послелог на вопрос *откуда?*)’ — литер. *вискысь*; ср. *vis* (G, S, M, J, U) ‘промежуток, расстояние’ [Wichmann 1987: 317]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *vis* ‘промежуток, интервал; щель’ < ПУДМ *i;

висьыны ‘болеть’ — литер. *висьыны*; *висён* ‘болезнь’ ACC — литер. *висён*, *висёнмес* ‘нашу болезнь’ POSS.1PL-ACC — литер. *висёнмес*; *висисьёсты* ‘больных’ PL-ACC — литер. *висисьёсты*, *висисьёслы* ‘больным’ PL-DAT — литер. *висисьёслы*; ср. *višn̄* (G, U), *viš-* (B), *višjn̄* (S, J, MU), *višnj* (M) ‘болеть’ [Wichmann 1987: 317]; бавлПУ., бесВ., счК., южВБ. *višn̄*, средВ. *vis'ón* ‘болезнь’, бавлПУ., южВБ. *višv̄n̄*, бесВ. *višv̄n̄*, средВ. *vis'n̄i*, счК. *višini* ‘болеть’ < ПУДМ *i;

витэй ‘пять дней’ — литер. *витэй*; ср. *vit* (G, B, M, J, MU, U) ‘пять’ [Wichmann 1987: 317]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *vit* ‘пять’ < ПУДМ *i;

виыны ~ *виыны* ‘убить’ — литер. *виыны* (также и в одной форме этого слова); ср. *viŋn̄* (G), *viŋ-* (B), *viŋjn̄* (S, MU), *viŋj* (M), *viŋj* (J), *viŋn̄* (U) ‘убить, убивать’ [Wichmann 1987: 316]; бавлПУ., южВБ. *viŋv̄n̄*, бесВ. *viŋv̄n̄*, средВ. *vin̄i*, счК. *viŋini* ‘убить’ < ПУДМ *i;

гидэ ‘в хлев’ ILL — литер. *гидэ* (также и в двух других формах слова *гид* ‘хлев, конюшня’); ср. *gid* (G, M, J, U), *gid'*, *gig* (J), *gid'*, *dip'* (MU) ‘хлев’ [Wichmann 1987: 57]; бавлПУ. *gid'*, бесВ., средВ., счК. *gid* ‘хлев, загон’ < ПУДМ *i;

ин ‘небо’ — литер. *ин* (также и в трех формах этого слова); *Инмар* ~ *Инмар* ‘бог || божий’ — литер. *инмар* (также и в восьми формах этого слова); ср. *in*, *inm-* (G, M, J, MU), *iñ*, *iñm-* (J, MU), *im* (U) ‘небо’, *inmar* (G, S, M, J), *iñmar* (B, J, MU), *inmar* (U) ‘бог’ [Wichmann 1987: 65]; бавлПУ. *in'bám*, бесВ. *in/inbám*, средВ. *inbám*, счК. *in*, южВБ. *in'* ‘небо’ < ПУДМ *i;

интйосытйиз ‘по его местам’ PL-PROL-POSS.3SG — литер. *интйосытйиз*, *интйяськы* ‘расположись’ IMP.2SG — литер. *интйяськы*, *интйяськыса* ‘расположившись’ — литер. *интйяськыса*; ср. *intj* (S, M), *inti* (M), *intj* (U), *iñtj* (G, U), *iñtj* (J, MU) ‘место’ [Wichmann 1987: 66]; счК. *intj* ‘место’ < ПУДМ *i;

ки ‘рука’ — литер. *ки* (также и в девяти формах этого слова); ср. *ki* (G, B, S, M, J, MU, U) ‘рука, кисть руки’ [Wichmann 1987: 104]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *ki* ‘рука, кисть руки’ < ПУДМ *i;

кизилиос ‘звезды’ PL — литер. *кизилиос*; ср. *kizil'i* (G, J, MU, U), *kizil'i* (G), *kizili* (M) ‘звезда’ [Wichmann 1987: 107]; бавлПУ., средВ., счК., южВБ. *kizil'i*, бесВ. *kizil'á* ‘звезда’ < ПУДМ *i;

кин ‘кто’ — литер. *кин*; *кинкэ* ~ *кинкэ* ~ *кин-кэ* ‘кто-то’ — литер. *кин ке*; ср. *kin* (G, M, U), *kin* (B, J, MU), *kino* (M) ‘кто?’ [Wichmann 1987: 105]; бавлПУ., южВБ. *kin'*, бесВ., счК. *kin*, средВ. *kiná* ‘кто’ < ПУДМ *i;

кисьтыськэм ‘пролившийся’ — литер. *кисьтыськэм*; ср. *kištjn̄* (G, U), *kištjn̄j* (M, J, MU) ‘лить, вылить’ [Wichmann 1987: 106]; бавлПУ. *kištvn̄*, бесВ. *kištvn̄*, средВ., счК. *kištini*, южВБ. *kištvn̄* ‘пролить, вылить’ < ПУДМ *i;

ми ‘мы’ — литер. *ми* (также и в трех формах этого слова); *милям* ‘наш’ — литер. *милям*; ср. *mi* (G, B, M, J, MU, U) ‘мы’ [Wichmann 1987: 159]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *mi* ‘мы’ < ПУДМ *i;

ни ‘уже’ — литер. *ни*; ср. *ini* (S, M), *ini* (G, J, MU, U), *ni* (S, M, J, U), *ni* (G, B, M, J, MU, U) ‘уже’ [Wichmann 1987: 66]; бавлПУ., южВБ. *in'i*, бесВ., счК. *ni*, средВ. *ini* ‘уже’ < ПУДМ *i;

⁷ Праудмуртские гласные первого слога даются по [Безенова 2014].

ним ‘имя’ АСС — литер. *ним* (также и в других четырех формах слова *ним* ‘имя; название’); *нимó* ~ *нимо* ‘по имени; по названию’ — литер. *нимо*; ср. *ńim* (G, B, M, J, MU, U), *ńim* (B), *ńim* (JI) ‘имя; название’ [Wichmann 1987: 176]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *n'im* ‘имя’ < ПУДМ *i;

ни ‘сын’ — литер. *ни* (также и в восьми формах этого слова); *ниос-муртэз* ‘мужчину’ АСС — литер. *ниосмуртэз*; ср. *pi* (G, B, M, J, MU, U) ‘мальчик; сын’ [Wichmann 1987: 195]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *pi* ‘сын; мальчик’ < ПУДМ *i;

пилем ‘облако’ — литер. *пилем*; ср. *pil'em* (G, M, J, MU, U) ‘облако, туча’ [Wichmann 1987: 196]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *pil'em* ‘облако, туча’ < ПУДМ *i;

пильыськыльлям ‘они, оказывается, разбились’ 2PST.3PL — литер. *пильыськыльлям/пильыськыльлямзы*; ср. *pil'iskinŋi* (G), *pil'iskinŋi* (M), *pil'iskinŋi* (U) ‘расколоться’ [Wichmann 1987: 196]; южВБ., бавлПУ. *pil'vne*, бесВ. *pil'vne*, средВ. *pil'ni*, счК. *pil'ini* ‘расколоть (напр. дрова); раскалывать’ < ПУДМ *i;

сизьыл ‘осенью’ — литер. *сизьыл*; ср. *sizil* (M, JI), *sizil* (G, U), *siziju* (J, MU), *siziju*, *siziju* (MU) ‘осень; осенью’ [Wichmann 1987: 222]; бавлПУ. *sizal*, бесВ. *εizal*, средВ. *sizil*, счК. *sizil*, южВБ. *sizel* ‘осень’ < ПУДМ *i;

сиземэз ‘обещание’ АСС — литер. *сиземэз* (также и в двух других формах слова *сизем* ‘обещание’); *сизем* ‘он, оказывается, обещал’ 2PST.3SG — литер. *сизем/сиземэз*, *сизьыльлям* ‘они, оказывается, обещали’ 2PST.3PL — литер. *сизиллям/сизиллямзы*; ср. *sizinŋi* (G, U), *sizinŋi* (M), *sizinŋi* (JI), *sizinŋi* (MU) ‘обещать’ [Wichmann 1987: 237];

силь ‘мясо’ АСС — литер. *силь*; ср. *sil'* (G, M, JI, MU, U) ‘мясо’ [Wichmann 1987: 221]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *sil'* ‘мясо’ < ПУДМ *i;

синмы ‘мой глаз’ POSS.1SG — литер. *синмы* (также и в двух других формах слова *син* ‘глаз, глаза’); *синмо* ‘зрячий’ — литер. *синмо*; *синтэмьэсты* ‘слепых’ PL-АСС — литер. *синтэмьэсты*; ср. *sin* (G, M, J), *sin* (G, B, J, MU), *sin* (MU), *sin* (U) ‘глаз’ [Wichmann 1987: 235]; бавлПУ., южВБ. *εin'*, бесВ., счК. *εin*, средВ. *s'in* ‘глаз’ < ПУДМ *i;

сины ‘есть’ — литер. *сины* (также и в восьми формах этого слова), *ситэк* ‘не кушая’ — литер. *ситэк*; *сисъкэм* ~ *сиусъкэм* ‘еда’ — литер. *сисъкэм*; *сион* ~ *сиён* ‘корм; пищу’ АСС — литер. *сиён*; *сион-юон* ‘пищу’ АСС — литер. *сиён-юон*, *сионэз-юонэз* ‘пищу’ АСС — литер. *сиёнэз-юонэз*; ср. *sinŋi* (G, B, U), *sinŋi* (M, J), *sinŋi* (J, MU) ‘есть’ [Wichmann 1987: 234]; бавлПУ., южВБ. *εijvne*, бесВ. *εijvne*, средВ. *s'ijinŋi*, счК. *εiinŋi* ‘есть, съест’ < ПУДМ *i;

тй ‘вы’ — литер. *тй*, *тйлед* ~ *тйлед* ~ *тйлед* ‘вам’ DAT — литер. *тйлед/тйледлы*; ср. *ti* (G, B, J, MU, U) ‘вы’ [Wichmann 1987: 260]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *ti* ‘вы’ < ПУДМ *i;

тйясá ‘сломать’ — литер. *тйяса*, *тйяськэм* ‘сломавшийся’ — литер. *тйяськэм*; ср. *tijanŋi* (S), *tijanŋi* (M), *tijanŋi* (U) ‘сломать’, *tijaškŋi* (G) ‘износиться (напр., ткань)’ [Wichmann 1987: 260]; ср. бавлПУ. *tijané*, бесВ. *kijané*, счК. *tijanŋi*, южВБ. *tijanv* ‘сломать, ломать’ < ПУДМ *i;

чиньыён ‘пальцем’ INS — литер. *чиньыён* (также и в других четырех формах слова *чиньы* ‘палец, пальцы’); ср. *t'sinŋi* (G, B, U), *t'sinŋi* (S, M, J, MU) ‘палец’ [Wichmann 1987: 285]; бавлПУ., южВБ. *εin'v*, бесВ. *εin'v*, средВ. *εin'i*, счК. *εin'i* ‘палец’ < ПУДМ *i.

б) /i/ в соответствии с литер. /j/:

нильдон ‘сорок’ — литер. *нильдон*; *нильдонэти* ‘сороковой’ ORD — литер. *нильдонэти*, *нильдонэтийэз* ~ *нильдонэтийэз* ~ *нильдонэтийэз* ‘на тот, который сороковой’ ORD-ILL-DET — литер. *нильдонэтийэз* (ср. также *дасниль* ‘четырнадцать’ — литер. *дасниль*; *даснилетй* ‘четырнадцатый’ ORD — литер. *даснилетй*); ср. *nil'-don* (G, B, MU), *nil'-don* (G), *nil'-don* (M, J, MU), *nil'-don* (U) ‘сорок’ [Wichmann 1987: 179]; Байд., Байр., Бел., ВБог., Ел., Ер., Кож., Кос., Кочук., Оз., НКуз., СБез., Пыш., Труб. *n'il'*, ВБог., ВСл., ВУн., Дон., Кыч., НБог., Пор., Пыш., Пышк. *n'yl'*, Байд., Ел., Зол., Каб., Кел., Кос., Кур., Мал., Мос., Оз., От., Пас., Пед., Пуд., Пус., Уш., Юш. *n'yl'*, Ис., Пыб. *n'yl'* ‘четыре’ [Карпова 2013: 350]; южВБ., бесВ., бавлПУ., средВ. *n'il'*, счК. *n'il'* ‘четыре’ < ПУДМ *i;

пидэсьяськыськэм ‘встаем на колени’ PRS-1PL — литер. *пидэсьяськыськэм/пидэсьяськыськэмы*; ср. *pīd'es* (G), *pīd'zes* (M), *pīd'es* (MU), *piges* (MU, U) ‘колени’ [Wichmann 1987: 198]; кож., пон., юк. *pōd'эс*, пон., яр. *pōd'эс*, пон. *pōd'эс*, Шол. *pōd'эс* ‘колени’ [Карпова 2013: 416]; южВБ., бавлПУ. *pidés*, бесВ., средВ., счК. *pīd'és* ‘колени’ < ПУДМ *i.

2. В первом слоге:

а) /i/ в соответствии с литер. /j/:

кудйз ‘некоторые’ — литер. *кудйз-кудйз*; ср. *kudiz* (G, J, MU, U) ‘который’ [Wichmann 1987: 128]; бавлПУ. *kudiz*, бесВ., средВ., счК., южВБ. *kudiz* ‘который’;

odúg ~ *odüg* ‘один’ — литер. *odüg*; ср. *odig* (G, M, J, MU, U), *odig*, *odig* (G), *odik* (MU, U), *oig* (B) ‘один’ [Wichmann 1987: 181]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *odig* ‘один’;

нóкин-но ~ *нóкинъ-но* ~ *нокúн-но* ‘никто’ — литер. *нокин но*; ср. *no·ki·n·no* (G), *no·kiñ·no* (B), *no·ki·ñ·no* (B, J), *ne·ki·n·no* (M), *no·kin·no* (J) ‘никто’ [Wichmann 1987: 171]; бавлПУ., южВБ. *nókin*, бесВ. *nókinno*, средВ., счК. *nókin* ‘никто’ и др.

б) /i/ в соответствии с литер. /j/:

лыдзисá (ср. *лыдзьысá*) ‘читая’ — литер. *лыдзыса*; ср. *l̥d'd'ž̥n̥i* (G), *l̥d'd'ž̥ni* (M, J, MU), *l̥d'd'ž̥ni* (MU), *l̥gd'ž̥-* (MU), *l̥d'd'j̥n̥i* (U) ‘считать; читать’ [Wichmann 1987: 146];

курадзисá ‘страдающая’ — литер. *курадзыса*; *курадзитысá* ‘мучая’ — литер. *курадзытыса*; ср. *kur·ad'd'ž̥n̥i* (G, U), *kur·ad'd'ž̥-* (J) ‘страдать’ [Wichmann 1987: 132];

тазú (ср. *тазь*) ‘так’ — литер. *тазьы*; ср. *taž* (G, B, U), *tažj*, *ta·žj* (M, J, MU), *taži*, *ta·ži* (MU), *tažj*, *ta·žj* (U) ‘так, таким образом’ [Wichmann 1987: 255]; кож., пон., юк. *таз'* ~ *таз'ь*, пон., яр. *таз'* ~ *таз'ы*, пон. *таз'* ~ *таз'ы* ‘так, таким образом’ [Карпова 2013: 473];

интúосытúз ‘по его местам’ PL-PROL-POSS.3SG — литер. *интыосытúз* (ср. *интыясыкы* ‘расположись’ IMP.2SG — литер. *интыясыкы*, *интыясыкысá* ‘расположившись’ — литер. *интыясыкыса*); ср. *intj* (S, M), *inti* (M), *intj* (U), *intj* (G, U), *intj* (J, MU) ‘место’, *kiros intjje ošl'l'am pekl'a* (G) ‘оказывается, вместо креста ему (на шею) повесили петлю’ [Wichmann 1987: 66]; глаз. *интúе*⁸ ‘на место’ [Лыткин, Тепляшина 1959: 223]; счК. *intj* ‘место’.

Таблица 1. Соответствия гласного /i/

гласный памятника	первый слог			непервый слог		
	/i/			/i/		
соответствия	литер.	/i/ (26) ⁹		/j/ (2)	/i/	/j/ (4)
	по [Wichmann 1987]	<i>G i</i> (25), <i>B i</i> (13), <i>i ~ j̃</i> (1) <i>S i</i> (10) <i>M i</i> (23) <i>J i</i> (22) <i>Л i</i> (3), <i>j̃</i> (1) <i>MU i</i> (21), <i>i ~ j̃</i> (2) <i>U i</i> (25)	<i>G j̃</i> (1) <i>M i</i> (1) <i>U i</i> (1)	<i>G u ~ ũ</i> (1), <i>j̃</i> (1) <i>B u</i> (1) <i>M j̃</i> (2) <i>J j̃</i> (1) <i>MU u ~ j̃</i> (1), <i>i</i> (1) <i>U i</i> (2)	<i>G i</i> <i>B i</i> <i>M i</i> <i>J i</i> <i>MU i</i> <i>U i</i>	<i>G 0</i> (1) <i>B 0</i> (1) <i>M j̃</i> (1) <i>J j̃</i> (1) <i>MU j̃ ~ i</i> (1) <i>U 0 ~ j̃</i> (1)
по аудиословарям	бавлПУ. <i>i</i> (23) бесВ. <i>i</i> (22), <i>v</i> (1) средВ. <i>i</i> (22) счК. <i>i</i> (24) южВБ. <i>i</i> (22)	бавлПУ. <i>i</i> (1) бесВ. <i>i</i> (1) средВ. <i>i</i> (1) счК. <i>ĩ</i> (1) южВБ. <i>i</i> (1)	бавлПУ. <i>i</i> (2) бесВ. <i>i</i> (1), <i>ĩ</i> (1) средВ. <i>i</i> (1), <i>ĩ</i> (1) счК. <i>ĩ</i> (2) южВБ. <i>i</i> (2)	бавлПУ. <i>i</i> бесВ. <i>i</i> средВ. <i>i</i> счК. <i>i</i> южВБ. <i>i</i>		
ПУдм	* <i>i</i>	* <i>j̃</i>	* <i>j̃</i>			

В данном случае в тексте памятника представлена особенность, заключающаяся в употреблении фонемы /i/ в соответствии с литер. /j/ как в первом, так и непервом слог. На сегодняшний день подобные формы, в которых первоначальный /j/ перешел в /i/ в соседстве с палатальными согласными, характерны в основном для говоров южной диалектной зоны, для одних в большей, для других — в меньшей степени [Кельмаков 2006: 65—67]. Данная особенность представлена также в бесермянском наречии [Кельмаков 1992: 75—77, 85; Люкина 2009: 236], нижнечепецком диалекте северного наречия, изредка формы с варьирующими гласными /j/ ~ /i/ встречаются и в некоторых других северных говорах [Карпова 2005: 45, Карпова 2018: 104—109; Лыткин, Тепляшина 1959: 222; Тепляшина 1957: 137, Тепляшина 1970а: 165]. В памятнике, как видно, эта особенность выражена не так ярко: количество лексем, подтверждающих это соответствие, невелико, при этом некоторые из них параллельно употребляются и с /j/.

⁸ «Конечный согласный звук ⟨...⟩ в двусложной основе перед *й* переходит в *и*» [Лыткин, Тепляшина 1959: 222].

⁹ Здесь и далее в скобках указано количество лексем, в которых представлено то либо иное соответствие.

Употребление гласного /i/

1. В первом слогe:

а) /i/ в соответствии с литер. /i/:

вылэ ‘вверх’ — литер. *вылэ*; *вылэ* ‘на (послелог на вопрос куда?)’ — литер. *вылэ* (также и в четырех формах этого слова); *вылысь* ‘верхний’ — литер. *вылысь*; *вылысь* ‘с’ — литер. *вылысь*, *вылысьтыд* ‘с тебя’ POSS.2SG — литер. *вылысьтыд*, *вылысьтыз* ‘с него’ POSS.3SG — литер. *вылысьтыз*; *вылын* ~ *вылын* ‘на (послелог на вопрос где?)’ — литер. *вылын*; *вылынгес* ‘выше’ CMP — литер. *вылынгес*; *вылазйк* ‘вдобавок’ — литер. *вылазйк*; ср. *v̄l* (G, U), *v̄l* (M, J), *v̄l̄* (J, MU) ‘поверхность’ [Wichmann 1987: 318]; бавлПУ. *vəl*, бесВ., южВБ. *vel*, средВ., счК. *v̄l* ‘верхняя часть, поверхность’ < ПУДМ *v;

выль ‘новый’ — литер. *выль*; ср. *vil* (B, S, M, J, MU, U), *v̄l* (G) ‘новый’ [Wichmann 1987: 316]; бавлПУ., бесВ., средВ., южВБ. *vil*, счК. *v̄l* ‘новый’ < ПУДМ *i;

вылэм ‘он, оказывается, был’ 2PST.3SG — литер. *вылэм/вылэмез*; *вылэмэз* ‘его бывшее’ POSS.3SG-ACC — литер. *вылэмэз*; *v̄l̄in̄i* (G, B), *v̄l̄in̄i* (J), *v̄l̄in̄i* (J, MU) ‘быть, быть в наличии’ [Wichmann 1987: 320];

дышетыны ‘учить’ — литер. *дышетыны* (также и в трех формах этого слова), *дышетыса* ‘обучая’ — литер. *дышетыса*; *дышецкыса* ‘обучаясь’ — литер. *дышетскыса*; *дышетскысь* ‘ученик’ — литер. *дышетскысь* (также и в пяти формах этого слова); *дышецконни* ‘учебное заведение’ — литер. *дышетсконни*; *дышетэмэз* ‘его учение’ POSS.3SG — литер. *дышетэмэз*; ср. *d̄išet̄in̄i* (G, U), *d̄išet̄in̄i* (M, MU) ‘учить’ [Wichmann 1987: 35]; бавлПУ. *dəʃen̄é*, бесВ. *d̄iʃen̄é*, средВ., счК. *d̄iʃin̄i*, южВБ. *dəʃen̄é* ‘научиться, привыкнуть, свыкнуться’ < ПУДМ *v;

йыр ‘голова’ — литер. *йыр* (также и в четырех формах этого слова); *йыр-курэнызы* ‘из-за их злобы’ INS-POSS.3PL — литер. *йыркурэнызы*; ср. *j̄ir* (G, B), *j̄ir* (S, M, J), *j̄ir* (J), *d̄'ir*, *d̄'ir* (MU), *d̄'ir*, *d̄'ir* (U) ‘голова’ [Wichmann 1987: 79]; бавлПУ. *d'ər*, бесВ., южВБ. *j̄er*, средВ., счК. *j̄ir* ‘голова’ < ПУДМ *v;

кызьвитетй ~ *кызьвитетй* ‘двадцать пятый’ ORD — литер. *кызь витетй*; *кызьодйетй* ‘двадцать первый’ ORD — литер. *кызь одйетй*; ср. *k̄iž* (G), *k̄iž* (M, J, MU), *kuž* (U) ‘двадцать’ [Wichmann 1987: 118]; бавлПУ. *kəz*, бесВ., средВ., счК., южВБ. *k̄iž* ‘двадцать’ < ПУДМ *i;

кызьы ~ *кызьы* ‘как’ — литер. *кызьы*, *кызьы-кэ но* ‘хоть как-нибудь’ — литер. *кызьы ке но*; ср. *k̄iž̄i* (G, B, U), *k̄iž̄i* (G), *k̄iž̄i* (M), *k̄iž̄i*, *k̄iž̄i* (J), *k̄iž̄i*, *k̄iž̄i* (MU) ‘как’ [Wichmann 1987: 127]; бавлПУ. *kəzə*, бесВ., южВБ. *k̄iž̄e*, средВ. *k̄iž̄ó*, счК. *k̄iž̄i* ‘как, каким образом’ < ПУДМ *i;

кык ‘два’ — литер. *кык*, *кыкэз* DET ‘те двое’ — литер. *кыкэз*; *кыктэти* ‘второй’ ORD — литер. *кыкетй*, *кыктэтиэз* ‘тот, который второй’ ORD-DET — литер. *кыкетйэз* (также и в двух формах этого слова); *кыкназы* ‘они оба’ — литер. *кыкназы*; *кыкпól* ‘дважды’ — литер. *кык пол*; *кыкна-палáз* ~ *кыкна палáз* ‘по обеим сторонам’ — литер. *кыкнапалáз*; ср. *k̄ik* (G, B, U), *k̄ik* (M, J, MU), *k̄ikt-* (U), *k̄ikt-* (M, J), *k̄ik-* (J) ‘два’ [Wichmann 1987: 109]; бавлПУ. *kək*, бесВ. *kək*, средВ., счК., южВБ. *k̄ik* ‘два’ < ПУДМ *v;

кыл ~ *кыл* ‘слово’ — литер. *кыл* (также и в трех формах этого слова); *кыл* ‘язык’ — литер. *кыл* (также и в двух формах этого слова); ср. *k̄il* (G, U), *k̄il* (SI, M, J), *k̄iç* (J, MU) ‘язык; речь; слово’ [Wichmann 1987: 110]; бавлПУ. *kəl*, бесВ., южВБ. *kəl*, средВ., счК. *k̄il* ‘язык’ < ПУДМ *v;

кылий ‘услышал’ 1PST.1SG — литер. *кылий* (также и в других трех формах слова *кылыны* ‘услышать, слышать’), *кылыса* ‘услышав’ — литер. *кылыса*, *кылымтэ* ‘неуслышанный’ — литер. *кылымтэ*; *кылэм* ‘услышанное’ — литер. *кылэм*; *кылыськэм* ~ *кылыськэм* ‘оказывается, послышалось’ 2PST.3SG — литер. *кылийськэм/кылийськэмез*; *кылицэ* ‘слушается’ PRS.3SG — литер. *кылизьске* (также и в двух других формах слова *кылизьскыны* ‘слушаться, быть послушным’), *кылицыса* ‘слушаясь’ — литер. *кылизьскыса*, *кылицытэк* ‘не слушаясь’ — литер. *кылизьскытэк*; *кылицыкеныз* ‘из-за его послушания’ INS-POSS.3SG — литер. *кылизьскыкеныз*; *кылицыкенызы* ‘из-за их непослушания’ INS-POSS.3PL — литер. *кылизьскыкенызы*; ср. *k̄il̄in̄i* (G, B, U), *k̄il̄in̄i* (M), *k̄il̄in̄i* (J), *k̄için̄i* (J, MU) ‘услышать’, *k̄için̄i* (MU) ‘слушать’ [Wichmann 1987: 111]; бавлПУ. *kəl̄en̄é*, бесВ. *k̄əl̄en̄é*, средВ., счК. *k̄il̄in̄i*, южВБ. *k̄əl̄en̄é* ‘услышать, слышать, расслышать’ < ПУДМ *v;

кыльлэ ‘лежит’ PRS.3SG — литер. *кылле*; ср. *k̄il̄'l̄in̄i* (G, U), *k̄il̄'l̄-* (B), *k̄il̄'l̄in̄i* (M, J), *k̄il̄'l̄in̄i* (MU) ‘лежать’ [Wichmann 1987: 112]; бавлПУ. *kəl̄'ən̄é*, бесВ. *k̄əl̄'ən̄é*, средВ., счК. *k̄il̄'in̄i*, южВБ. *k̄əl̄'ən̄é* ‘лежать’ < ПУДМ *v;

кымысад ‘на твой лоб’ ILL-POSS.2SG — литер. *кымысад*, *кымысамы* ‘на наш лоб’ ILL-POSS.1PL — литер. *кымысамы*; ср. *k̄im̄is* (G, U), *k̄im̄is* (J, JI, MU), *k̄imes* (JI, MU), *k̄imes* (MU) ‘лоб’ [Wichmann 1987: 113]; бавлПУ. *kəm̄ás*, бесВ. *kəm̄ás*, средВ. *k̄im̄és*, счК. *k̄im̄is*, южВБ. *kəm̄és* ‘лоб’ < ПУДМ *v;

кытын ‘где’ — литер. *кытын*; ср. *k̄it̄in* (G, B, U), *k̄it̄in* (G), *k̄it̄in* (U), *k̄it̄in* (M, J, MU), *k̄it̄in* (J) ‘где’ [Wichmann 1987: 127]; бавлПУ. *kát̄en*, бесВ. *k̄ét̄en*, средВ. *k̄it̄in̄é*, счК. *k̄it̄in̄i*, южВБ. *k̄ét̄en* ‘где’ < ПУДМ *v;

лыдзыны ‘читать’ — литер. *лыдзыны* (также и в одной форме этого слова), *лыдзыса* ~ *лыдзыса* ‘читая’ — литер. *лыдзыса*; *лыдзыськэ* ~ *лыдзыськэ* ~ *лыдзыське* ~ *лыдзыськэ* ‘читается’ REFL-PRS.3SG —

литер. *лыдзиське*; ср. *l̥d'd'z̥iŋi* (G), *l̥id'd'z̥iŋi* (M, J, MU), *l̥id'd'z̥iŋi* (MU), *l̥igd'z̥-* (MU), *l̥id'd'z̥iŋi* (U) ‘читать; читать’ [Wichmann 1987: 146]; бавлПУ. *l̥æz̥ené*, бесВ. *l̥id':ané*, средВ. *l̥idjaní*, *l̥idz̥:iŋi*, счК. *l̥idjaní*, южВБ. *l̥idjané* ‘читать, подсчитать’ < ПУДМ *i;

лыктыськó ‘прихожу’ PRS.1SG — литер. *лыктыськó* (также и в семи формах этого слова), *лыктысá* ‘придя’ — литер. *лыктыса*, *лыктонó* ‘который должен прийти’ — литер. *лыктоно*, *лыктымьин* ‘пришедший’ — литер. *лыктымьин*; *лыктон* ‘приход’ — литер. *лыктон*; *лыктымзэ* ‘его прибытие’ POSS.3SG-ACC — литер. *лыктымзэ*, *лыктымезлэсь* ‘от его прибытия’ POSS.3SG-ABL — литер. *лыктымезлэсь*; ср. *l̥ik̥t̥iŋi* (G, B, U), *l̥ik̥t̥iŋi* (M, J, MU) ‘приходить, прибывать’ [Wichmann 1987: 146]; бавлПУ. *l̥ækt̥ené*, бесВ. *l̥ækt̥l̥ené*, средВ., счК. *l̥ik̥t̥iŋi*, южВБ. *l̥ækt̥ené* ‘прийти, приходиться’ < ПУДМ *v;

лымьí ‘снег’ — литер. *лымь*; ср. *l̥im̥i* (G, B, U), *l̥im̥i* (SI, M, J, MU) ‘снег’ [Wichmann 1987: 147]; бавлПУ. *l̥ætá*, бесВ. *l̥ætá*, средВ., счК. *l̥im̥i*, южВБ. *l̥æté* ‘снег’ < ПУДМ *v;

мыдлань ‘ошибочно’ — литер. *мыдлань*; ср. *m̥idlan̥i* (G), *m̥idlan̥i* (M), *m̥id'lan̥i* (MU) ‘в неверном направлении (идти); неправильный’ [Wichmann 1987: 160];

мыжгиз ‘ударил (кулаком)’ 1PST-3SG — литер. *мыжгиз*, *мыжгысá* ‘ударив (кулаком)’ — литер. *мыжгыса*; ср. *m̥iž̥ik̥* (G), *m̥iž̥ig̥* (M), *m̥iž̥ig̥* (J, MU), *m̥iž̥ig̥* (MU), *m̥iž̥ig̥* (U) ‘кулак’ [Wichmann 1987: 163]; бавлПУ. *m̥æž̥ák*, бесВ. *m̥iž̥ék*, средВ., счК. *m̥iž̥ik̥*, южВБ. *m̥æž̥ék* ‘кулак’ < ПУДМ *v;

мылысь-кыдысь ~ *мылысь-кыдысén* ‘усердно’ — литер. *мылысь-кыдысь*; *m̥il* (G) ‘желание’ [Wichmann 1987: 160];

Мынам ~ *мынам* ‘мой’ — литер. *мынам*; ср. *m̥inam* (G, B, U), *m̥inam* (M, J, MU), *m̥inam aslam* (M), *m̥inam aslam* (U) ‘мой’ [Wichmann 1987: 163];

мыныны ‘идти’ — литер. *мыныны* (также и в трех формах этого слова), *мыно́н* ‘по которому предстоит идти’ — литер. *мыно́н*, *мынысá* ‘идя’ — литер. *мыныса*; ср. *m̥in̥iŋi* (G, B, U), *m̥in̥iŋi* (M, J), *m̥in̥iŋi* (J, MU), *m̥in̥iŋi* (MU) ‘идти; ехать’ [Wichmann 1987: 161]; бавлПУ. *m̥ævn̥é*, бесВ. *m̥in̥əné*, средВ. *m̥in̥:i*, счК. *m̥in̥iŋi*, южВБ. *m̥in̥vn̥é* ‘идти, пойти; ехать’ < ПУДМ *i;

Ныл ~ *Ныл* ‘дева’ — литер. *ныл* (также и в двух формах этого слова); *нылзы́* ‘их дочь’ POSS.3PL — литер. *нылзы* (также и в других четырех формах слова *ныл* ‘1) девочка, девушка; 2) дочь’); *Ныл-мурт* ‘дева’ — литер. *нылмурт*; *нылкышно́с* ‘женщины’ PL — литер. *нылкышноос*; *ныл-ни́* ‘ребенок’ — литер. *нылпи*; ср. *n̥il* (G, B, U), *n̥il* (M, J, MU), *n̥iŋi* (J, MU) ‘девочка; дочь’, *n̥il-k̥iŋno* (M, J), *n̥iŋi-k̥iŋno* (MU), *n̥il-k̥iŋno* (U) ‘женщина’ [Wichmann 1987: 169]; бавлПУ. *n̥əl*, бесВ., средВ. *n̥il*, счК. *n̥iláf*, южВБ. *n̥əl* ‘девочка, девушка’ < ПУДМ *v;

ныласькысá ‘купаюсь’ — литер. *ныласькыса*; ср. *p̥ilask̥iŋi* (M, J, MU), *plask̥iŋi*, *p̥iŋask̥iŋi* (J), *plask̥iŋi* (MU), *p̥ilask̥iŋi* (U) ‘купаться’ [Wichmann 1987: 199]; бавлПУ. *p̥ælaek̥ené*, бесВ. *plask̥ené*, средВ., счК. *p̥ilask̥iŋi*, южВБ. *p̥ilask̥ené* ‘купаться; мыться’ < ПУДМ *i;

пыр ‘всегда, постоянно’ — литер. *пыр*; ср. *p̥ir* (G) ‘всегда’ [Wichmann 1987: 199]; счК. *p̥ir* ‘всегда, постоянно’ < ПУДМ *i;

пырыны ‘войти’ — литер. *пырыны* (также и в двух формах этого слова), *пырысь* ‘входящий’ — литер. *пырысь*, *пырыкуз* ‘во время его входа’ 3SG — литер. *пырыкуз*; *пыро́н* ‘вход’ — литер. *пырон*; *пырэмэз* ‘его вход’ POSS.3SG — литер. *пырэмез*, *пырэмзы́* ‘их вход’ POSS.3PL — литер. *пырэмзы*; *пыртэм* ‘он, оказывается, привел’ 2PST.3SG — литер. *пыртэм/пыртэмез* (также и в трех других формах слова *пыртыны* ‘внести, вносить’), *пыртытэк* ‘не принимая’ — литер. *пыртытэк*; *пыртэмезлэсь* ‘от его ввода’ POSS.3SG-ABL — литер. *пыртэмезлэсь*; ср. *p̥ir̥iŋi* (G, B, U), *p̥ir̥ni* (M, J), *p̥ir̥iŋi* (J, MU) ‘входить, заходить’ [Wichmann 1987: 200]; бавлПУ. *p̥ærv̥né*, бесВ. *p̥ærv̥né*, средВ., счК. *p̥ir̥iŋi*, южВБ. *p̥ærv̥né* ‘зайти, заходить, войти’ < ПУДМ *v;

сылыськóм ‘стоим’ PRS-1PL — литер. *сылыськом/сылыськомы* (также и в двух других формах слова *сылыны* ‘стоять’); ср. *s̥il̥iŋi* (G, U), *s̥il̥ni* (M), *s̥il̥iŋi* (J, J), *s̥iŋiŋi* (MU) ‘стоять’ [Wichmann 1987: 222]; бавлПУ. *s̥æl̥ené*, бесВ. *s̥æl̥ené*, средВ., счК. *s̥il̥iŋi*, южВБ. *s̥æl̥ené* ‘стоять’ < ПУДМ *v;

сы́че ~ *сы́чэ* ‘такой’ — литер. *сы́че*; ср. *s̥iŋ̥t̥š̥e* (G), *s̥iŋ̥t̥š̥e* (S, M, J, MU), *t̥š̥iŋ̥t̥š̥e*, *š̥iŋ̥š̥e* (U) ‘такой’ [Wichmann 1987: 224]; бесВ., средВ. *s̥it̥š̥é*, счК. *s̥iŋ̥š̥é* ‘такой’ < ПУДМ *i;

тыл ‘огонь’ ACC — литер. *тыл*, *тылэн* ‘огнем’ INS — литер. *тылын/тылэн*; ср. *t̥il* (G, U), *t̥il* (M, J, MU), *t̥iŋi* (J, MU) ‘огонь’ [Wichmann 1987: 261]; бавлПУ. *t̥əl*, бесВ., средВ., счК. *t̥il*, южВБ. *t̥el* ‘огонь’ < ПУДМ *v;

тыло́-бурдо́с ~ *тыло-бурдо́с* ‘птицы’ PL — литер. *тылобурдоос*; ср. *t̥il̥i* (G, U), *t̥il̥-* (B), *t̥il̥i* (M, J, MU), *t̥iŋi* (J, MU) ‘перо (птицы)’, *t̥ilo-burdo* (M, J, MU), *t̥iŋo-burdo* (J), *t̥ilo-burdo* (U) ‘птица’ [Wichmann 1987: 261]; бавлПУ. *t̥ələ́*, бесВ., средВ., счК. *t̥il̥i*, южВБ. *t̥ələ́* ‘перо (птицы)’ < ПУДМ *v;

Тына́д ‘твой’ — литер. *тынад*; *t̥inad* (G, B), *t̥inad* (J, MU), *t̥inadaslad* (M), *t̥inadaslad* (U) ‘твой’ [Wichmann 1987: 265];

тырыны́ ‘платить’ — литер. *тырыны*; *тырмытыськóд* ‘наполняешь’ PRS-2SG — литер. *тырмытыськóд*, *тырмытэ́* ‘наполняет’ PRS.3SG — литер. *тырмытэ́*; *тырылыльлямы* ‘они, оказывается, наеда-

лись' 2PST-3PL — литер. *тырылліллям/тырылліллямзы*; *тырэмэд* 'твое насыщение' POSS.2SG — литер. *тырэмед*; ср. *t̥r̥ɪn̥ɪ* (G, U), *t̥r̥ɪ-* (B), *t̥ɪr̥n̥ɪ* (M), *t̥ɪr̥ɪn̥ɪ* (J, MU) 'наполнять; грузить; ставить; укладывать; собирать; платить; наполняться', *t̥ɪr̥m̥ɪn̥ɪ* (G, U), *t̥ɪr̥m̥ɪn̥ɪ* (M, MU) 'наполниться' [Wichmann 1987: 263]; бесВ. *t̥r̥* 'полный, целый', бесВ. *t̥r̥ən̥ə*, средВ., счК. *t̥ir̥ini*, южВБ. *t̥ér̥en̥v̥* 'погрузить, сложить', средВ. *t̥ir̥mit̥ini*, счК. *t̥ir̥mini*, южВБ. *t̥ir̥mit̥en̥é* 'заполниться, наполниться' < ПУДМ *v̥;

ыжпиез 'ягненка' — литер. *ыжпиез*; ср. *ĩž* (G, B, U), *ĩž* (S, M, J, MU) 'овца' [Wichmann 1987: 72]; бавлПУ. *əz*, бесВ., средВ., счК., южВБ. *ĩž* 'овца' < ПУДМ *ĩ;

ымнёр 'лицо' — литер. *ымнёр*; ср. *ĩm* (G, B, U), *ĩm* (S, M, J, MU) 'рот' [Wichmann 1987: 70]; бавлПУ. *əm*, бесВ., южВБ. *əm*, средВ., счК. *ĩm* 'рот' < ПУДМ *v̥.

б) /j/ в соответствии с литер. /i/:

иземьсы 'ото сна' — литер. *иземьсы* (ср. *изьыны* 'спать' — литер. *изьыны*, *изьыса* 'спав' — литер. *изьыса*, *изён* 'сон' — литер. *изён*); ср. *ĩžɪn̥ɪ* (G), *užɪn̥ɪ* (B), *ĩžɪn̥ɪ* (S, J), *ĩžn̥ɪ* (M), *ĩžɪn̥ɪ* (J, MU), *ĩžn̥ɪ* (J), *ĩžɪn̥ɪ* (U) 'спать' [Wichmann 1987: 72]; Байр., ВПар., ВУн., Ер., Пыш., СБез. *из'ьнь*, Байд., Ел., Кос., Кычин., Мал., Мос., Оз., Юд., Юш. *из'ыны*, От., Пус., Штан. *из'ьн̥ɪ*, ВУн., Дон., Мыр. *ыз'ьнь*, Яг. *ыз'ьны*, Зол., Ис., Каб., Кор., Корт., Кур., Мыр., Пуд., Уш., Чир. *ыз'ыны* 'спать, поспать' [Карпова 2013: 202].

в) /j/ в соответствии с литер. /e/:

чыретскыса 'выкрикнув' — литер. *чыретскыса*; ср. *t̥šerekjànɪ* (G, B), *t̥širekjànɪ* (M), *t̥šerekjànɪ*, *t̥širekjànɪ* (J), *t̥šeret'ànɪ* (J, MU), *t̥šerek'ànɪ*, *t̥širekɫ'ànɪ*, *t̥širet'ànɪ* (MU), *t̥šeregɫ'ànɪ* (U) 'кричать' [Wichmann 1987: 281]; ВБог., ВСл., Дон., Кож., НКуз., НБог. *чэрэтскънь* 'крикнуть; вскрикнуть' [Карпова 2013: 531].

2. В первом слого:

а) /j/ в соответствии с литер. /j/:

кужым 'сила' — литер. *кужым*; ср. *kužɪm* (G, B, U), *kužim* (M, J) 'сила, мощь' [Wichmann 1987: 139]; бавлПУ. *kužám*, средВ. *kužít*, южВБ. *kužém* 'сила, энергия, мощь';

неймыт 'темный' — литер. *неймыт*; ср. *peɫ'mɪt* (G), *peɫ'mɪt*, *pen'mɪt* (J), *peimɪt* (G, U), *peimɪt* (M, MU), *peimɪt* (U) 'темный; темно' [Wichmann 1987: 192]; бавлПУ. *pejmət*, бесВ. *pejmət*, средВ., счК. *pejmít*, южВБ. *pejmət* 'темный';

шунды 'солнце' — литер. *шунды*; ср. *šundɪ* (G, U), *šundɪ* (M, J, MU) 'солнце' [Wichmann 1987: 253]; бесВ. *šundé*, средВ., счК. *šundí* 'солнце' и др.

б) /j/ в соответствии с литер. /i/:

нокудыз-но 'никоторый' — литер. *нокудйз но* (ср. *кудйз* 'некоторые' — литер. *кудйз-кудйз*, *кудйз-огэз* 'некоторые из них' — литер. *кудйз-огез*); ср. *kudiz* (G, J, MU, U) 'который' [Wichmann 1987: 128]; бавлПУ. *kúdiz*, бесВ., средВ., счК., южВБ. *kudiz* 'который';

пумыть (ср. *пумйт*) 'против' — литер. *пумит* (ср. также *пумитаз* 'ему навстречу' POSS.3SG — литер. *пумитаз*, *пумитазы* 'им навстречу' POSS.3PL — литер. *пумитазы*, *пумитамы* 'нам навстречу' POSS.1PL — литер. *пумитамы*); ср. *puɲit* (M, J, U), *pumid*, *pumit*, *pumit'* (G), *puɲit'* (J, J, MU) 'навстречу, вопреки, напротив' [Wichmann 1987: 212]; бавлПУ., бесВ. *pumit'ané*, средВ., счК. *pumitaní*, южВБ. *pumitané* 'встречать'.

В употреблении гласного /j/ представлены лишь единичные отклонения от современных литературных норм. Что касается нестандартных соответствий первого слога, то можно предположить, что такие формы действительно могли быть характерны для языка памятника, поскольку в конце XIX в., по данным Ю. Вихманна, они функционировали сразу в нескольких диалектах удмуртского языка. Что касается употребления в памятнике /j/ в соответствии с литер. /i/ в первом слого, напротив, ни в словаре финского ученого, ни в аудиословарях такие формы не представлены, при этом в обоих случаях в тексте «Закона Божия» встречаются аналогичные лексемы с фонемой /i/, поэтому однозначно объяснить функционирование данных слов в памятнике сложно.

Употребление гласного /u/

1. В первом слого:

/u/ в соответствии с литер. /u/:

бур 'правый' — литер. *бур* (также и в одной форме этого слова); *бурмыты* 'исцели' IMP.2SG — литер. *бурмыт/бурмыты*; ср. *bur* (G, B, M, J, MU, U) 'правый', *burm̥ɪt̥ɪn̥ɪ* (G, U), *burm̥ɪt̥ɪn̥ɪ* (S, M, MU) 'вылечить' [Wichmann 1987: 28]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *bur* 'правый' < ПУДМ *u;

Таблица 2. Соответствия гласного /i/

гласный памятника		первый слог			непервый слог		
		/i/			/i/		
соответствия	литер.	/i/ (28)		/i/ (1)	/e/ (1)	/i/	/i/ (2)
	по [Wichmann 1987]	G <i>î</i> (19) B <i>î</i> (12) S <i>î</i> (2) Sl <i>î</i> (2) M <i>î</i> (18) J <i>î</i> (18), <i>î</i> ~ <i>ï</i> (1) Л <i>î</i> (2) MU <i>î</i> (17), <i>i</i> (1), <i>ï</i> ~ <i>ï</i> (1) U <i>î</i> (19)	G <i>î</i> (7), <i>î</i> ~ <i>i</i> (1) B <i>î</i> (3), <i>i</i> (1) S <i>î</i> (2), <i>i</i> (1) M <i>î</i> (7), <i>i</i> (1) J <i>î</i> (6), <i>i</i> (1) MU <i>î</i> (5), <i>i</i> (2), <i>ï</i> ~ <i>u</i> (1) U <i>î</i> (5); <i>i</i> (1), <i>u</i> (1)	G <i>î</i> (1) B <i>u</i> (1) S <i>î</i> (1) M <i>î</i> (1) J <i>ï</i> ~ <i>i</i> (1) MU <i>i</i> (1) U <i>i</i> (1)	G <i>e</i> (1) B <i>e</i> (1) M <i>i</i> (1) J <i>ï</i> ~ <i>e</i> (1) MU <i>ï</i> ~ <i>e</i> (1) U <i>e</i> (1)	G <i>î</i> B <i>î</i> M <i>î</i> J <i>î</i> MU <i>î</i> U <i>î</i>	G <i>i</i> (2) M <i>i</i> (1) J <i>i</i> (2) Л <i>i</i> (1) MU <i>i</i> (2) U <i>i</i> (2)
	по аудио- словарям	бавлПУ. <i>ə</i> (18) бесВ. <i>v</i> (14); <i>ï</i> (5) средВ. <i>ï</i> (19) счК. <i>ï</i> (19) южВБ. <i>v</i> (18); <i>ï</i> (1)	бавлПУ. <i>ə</i> (4), <i>i</i> (1) бесВ. <i>i</i> (5), <i>i</i> (1) средВ. <i>ï</i> (5), <i>i</i> (1) счК. <i>ï</i> (7) южВБ. <i>ï</i> (4), <i>i</i> (1)			бавлПУ. <i>ə</i> бесВ. <i>v</i> средВ. <i>ï</i> счК. <i>ï</i> южВБ. <i>v</i>	бавлПУ. <i>i</i> (2) бесВ. <i>i</i> (2) средВ. <i>i</i> (2) счК. <i>i</i> (2) южВБ. <i>i</i> (2)
ПУДм		* <i>v</i>	* <i>ï</i>				

вў ‘вода’ — литер. *ву* (также и в одной форме этого слова); ср. *vi* (G, B, S, M, J, MU, U), *viu* (G, J, MU, U) ‘вода’ [Wichmann 1987: 326]; ср. бавлПУ. *vi*, бесВ., средВ., счК., южВБ. *vi* ‘вода’ < ПУДм **и*;

вузаны ‘предать’ — литер. *вузаны* (также и в одной форме этого слова); *вузамэз* ‘его предательство’ POSS.3SG — литер. *вузамэз*, *вузамзэ* ‘его предательство’ POSS.3SG-ACC — литер. *вузамзэ*; ср. *vižanî* (G, B), *vižanî* (S, M, J, MU) ‘продать’ [Wichmann 1987: 328]; ср. бавлПУ. *vižanê*, средВ. *viž karinî*, счК. *vižanî*, южВБ. *vižanê* ‘продать, распродать’ < ПУДм **и*;

вуйд ‘ты прибыл’ 1PST-2SG — литер. *вуйд* (также и в двух других формах слова *вуыны* ‘прийти, прибыть’); *вуттылыны* ‘доводить’ — литер. *вуттылыны*; ср. *viîñî* (G, U), *vi-*, *vi-* (B), *viîñî* (S, M, J), *viñî* (M), *viîñî* (J, MU) ‘прийти; созреть; наступать’ [Wichmann 1987: 327]; бавлПУ. *viñê*, бесВ. *viñê*, средВ., счК. *viîñî*, южВБ. *viñê* ‘успеть; прийти, прибыть’ < ПУДм **и*;

гужэм ~ *гужэм* ‘лето’ — литер. *гужем*; ср. *gižet* (G, B, M, J, MU, U) ‘лето’ [Wichmann 1987: 64]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *gižet* ‘лето’ < ПУДм **и*;

дугдытэк ‘не переставая’ — литер. *дугдытэк*, *уз дўгды* ‘не перестанет’ NEG.FUT.3SG — литер. *уз дугды*, *дўгдэлэ* ‘перестаньте’ IMP.2PL — литер. *дугдэ/дугдэлэ*; *dugdîñî* (G, U), *dugdîñî* (M, J), *dugd-* (J, MU) ‘остановиться’ [Wichmann 1987: 38]; бавлПУ., южВБ. *dugdñê*, бесВ. *dugdñê*, средВ., счК. *dugdîñî* ‘остановиться; переставать’ < ПУДм **и*;

куд-куд дырья ‘иногда’ — литер. *куд-куддырья*; *кудйз* ‘некоторые’ — литер. *кудйз-кудйз*; *кудйз-огэз* ‘некоторые из них’ — литер. *кудйз-огез*; ср. *kud* (G, B, J, MU) ‘который’ [Wichmann 1987: 127], *kudiz* (G, J, MU, U) ‘который’ [Wichmann 1987: 128]; бавлПУ. *kudiz*, бесВ., средВ., счК., южВБ. *kudiz* ‘который’ < ПУДм **и*;

кужым ‘сила’ — литер. *кужым* (также и в пяти формах этого слова), *Кужымó* ‘всемогущий’ — литер. *кужымо*; ср. *kužît* (G, B, U), *kužît* (M, J) ‘сила, мощь’ [Wichmann 1987: 139]; бавлПУ. *kužît*, средВ. *kužît*, южВБ. *kužît* ‘сила, энергия, мощь’ < ПУДм **и*;

кукэ-соку ‘когда-нибудь’ — литер. *куке-соку*; ср. *ku* (G, B, M, U), *ku* (MU) ‘когда’ [Wichmann 1987: 126]; бавлПУ. *ku*, бесВ., средВ., счК., южВБ. *ku* ‘когда’ < ПУДм **и*;

кулóд ~ *кулóд* ‘умрешь’ PRS-2SG — литер. *кулóд* (также и в других четырех формах слова *кулыны* ‘умереть, умирать’), *кулытэк* ‘не умирая’ — литер. *кулытэк*, *кулыкүз* ‘во время его смерти’ 3SG — литер. *кулыкүз*, *кулэм* ‘умерший’ — литер. *кулэм*; *кулэм* ‘мертвый’ — литер. *кулэм* (также и в двух формах этого слова); *кулэмэз* ‘его смерть’ — литер. *кулэмэз* (также и в других четырех формах слова *кулэм* ‘мертвый || смерть’); *Кулонтэм* ‘бессмертный’ — литер. *кулонтэм*; *кулымтэсытыз* ‘из-за его бессмертия’ ELA-POSS.3SG — литер. *кулымтэсытыз*; ср. *kuîñî* (G, B, U), *kuñî* (M), *kuîñî* (J), *kuîñî* (J, MU) ‘умереть’ [Wichmann 1987: 130]; бавлПУ., южВБ. *kuñê*, бесВ. *kuñê*, средВ. *kuñî*, счК. *kuîñî* ‘умереть, умирать’ < ПУДм **и*;

кулэ ~ *кулэ* ‘надо, нужно, следует || нужный’ — литер. *кулэ*; ср. *kule* (G, B, M, J, U), *куце* (J, MU) ‘нужно, необходимо’ [Wichmann 1987: 130];

куруськóм ‘просим’ PRS-1PL — литер. *куруськом/куруськомы* (также и в других трех формах слова *куруны* ‘попросить, просить’); ср. *kurĩnĩ* (G, B, U), *kurnj* (M), *kurinj* (J, MU) ‘просить’ [Wichmann 1987: 132]; бавлПУ., южВБ. *kurvñé*, бесВ. *kurəñé*, средВ., счК. *kurĩnĩ* ‘попросить, просить’ < ПУДМ *и;

кускын ‘поясницей’ INS — литер. *кускын; kus* (G, M), *kus* (J, MU), *kĩs* (U) ‘поясница’ [Wichmann 1987: 133]; бавлПУ. *kns*, бесВ. *kvs*, средВ., счК. *kus*, южВБ. *kos* ‘поясница’ < ПУДМ *и;

кусьын ‘между, среди’ — литер. *кусьын*; ср. *kuspĩn* (G, U), *kuspjn* (J, MU), *kusjrn* (MU) ‘между, среди’ [Wichmann 1987: 134];

кутыны ‘схватить’ — литер. *кутыны* (также и в трех формах этого слова), *кутыса* ‘взяв’ — литер. *кутыса*; *куцкóн* ‘начало’ — литер. *кутскон*; *кутскемлэсь* ‘от начала’ ABL — литер. *кутскемлэсь*; ср. *kutĩnĩ* (G, B, U), *kutnj* (M), *kutinj* (J, MU) ‘поймать’ [Wichmann 1987: 135], *kutskĩnĩ*, *kuťskĩnĩ* (G), *kuťšĩk-* (B), *kutskinj*, *kutkinj* (M), *kutiškinj*, *kuškinj* (J), *kuťškinj* (J, MU), *kutiškinĩ* (U) ‘начинать, приступать’ [Wichmann 1987: 136]; бавлПУ., южВБ. *kutəñé*, бесВ. *kutəñé*, средВ., счК. *kutĩnĩ* ‘поймать; схватить’ < ПУДМ *и;

мед куштóз ‘пусть оставит’ IMP-FUT-3SG — литер. *мед куштоз, куштыса* ‘оставив’ — литер. *куштыса, қушты* ‘оставь’ IMP.2SG — литер. *кушты*; *куштэм* ‘оставление’ — литер. *куштэм*; *куштысьэсты* ‘бросающих’ PL-ACC — литер. *куштысьэсты/куштысьэсыз*; ср. *kuštĩnĩ* (G, U), *kušt-* (B), *kuštijn* (M, J, MU) ‘бросить; оставить’ [Wichmann 1987: 135]; бавлПУ. *kujané*, средВ., счК. *kujanĩ*, южВБ. *kijəv* ‘бросать’, бесВ. *kuťəñé* ‘бросить’ < ПУДМ *и;

луд ~ *луд* ‘поле’ — литер. *луд*; ср. *lud* (G, B, M, J, MU, U) ‘поле’ [Wichmann 1987: 147]; бесВ., средВ., счК. *lud* ‘поле’ < ПУДМ *и;

лулы ‘моя душа’ POSS.1SG — литер. *лулы* (также и в других семи формах слова *лул* ‘дух; душа’); *луло* ~ *луло* ‘живой’ — литер. *луло*; *лулоэз* ‘живое’ ACC — литер. *лулоэз*; *лултэмэсь* ‘неживые’ PL — литер. *лултэмэсь*; *луляськыса* ~ *луляськыса* ~ *луляськыса* ‘ожив’ — литер. *луляськыса*; *луляськытэм* ‘он, оказывается, оживил’ 2PST.3SG — литер. *луляськытэм/луляськытэмез*; ср. *lul* (G, M, J), *lul* (J, U), *луци* (MU) ‘душа; жизнь’, *lulo* (G, M, U), *lulo* (U), *луцо* (J, MU) ‘живой, оживленный’ [Wichmann 1987: 149]; бавлПУ. *lul*, бесВ., средВ., счК., южВБ. *lul* ‘душа’ < ПУДМ *и;

луод ‘будешь’ FUT-2SG — литер. *луод* (также и в других восьми формах слова *луыны* ‘быть, стать, становиться’), *луса* ~ *луса* ~ *луыса* ‘став’ — литер. *луыса*, *луэм* ‘ставший’ — литер. *луэм*, *луонтэм* ‘небывалый’ — литер. *луонтэм*; *луысьэслэсь* ‘от становящихся’ PL-ABL — литер. *луысьэслэсь*; ср. *luĩnĩ* (G, U), *lu-*, *lu-* (B), *luinj* (M), *luinj*, *luinj* (J, MU) ‘становиться, быть’ [Wichmann 1987: 148]; бавлПУ. *luəñé*, бесВ. *luəñé*, средВ., счК. *luĩnĩ*, южВБ. *luəñé* ‘быть, стать, становиться’ < ПУДМ *и;

люкаськыльлям ‘они, оказывается, собрались’ 2PST.3PL — литер. *люкаськилям/люкаськилямзы, люкаськыса* ‘собравшись’ — литер. *люкаськыса*; ср. *lukànĩ* (G, U), *lukànj* (S, M, J, MU) ‘складывать в кучу, собирать’ [Wichmann 1987: 152]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *luk* ‘груда, куча’ < ПУДМ *и;

люкыськэм ‘расставание’ — литер. *люкыськэм*; ср. *lukĩškĩnĩ*, *lukĩškĩnĩ* (G), *lukĩškĩnj* (S, MU), *jukĩškĩnj* (M), *đukĩškĩnĩ* (U) ‘делиться, разделиться; расставаться’ [Wichmann 1987: 152]; бавлПУ., южВБ. *lukəñé*, бесВ. *lukəñé*, средВ., счК. *lukĩnĩ* ‘делить, разделить’ < ПУДМ *и;

мугорзэ ‘его тело’ POSS.3SG-ACC — литер. *мугорзэ* (также и в других девяти формах слова *мугор* ‘тело, туловище’); *мугорó* ‘телесный’ — литер. *мугоро*; ср. *tugor* (G, M, J, MU, U) ‘тело, туловище’ [Wichmann 1987: 164]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *tugór* ‘тело, туловище’ < ПУДМ *и;

мукэм ‘другой’ — литер. *мукет* (также и в трех формах этого слова); ср. *muket* (G, B, M, J, U) ‘другой’ [Wichmann 1987: 164]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *mukét* ‘другой, иной’ < ПУДМ *и;

мурт ‘человек’ — литер. *мурт* (также и в восьми формах этого слова); ср. *murt* (G, B, M, J, MU, U) ‘человек; мужчина; чужой человек’ [Wichmann 1987: 165]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *murt* ‘человек (незнакомый)’ < ПУДМ *и;

нуназэ ‘день’ — литер. *нуназе*; *нунал* ‘день’ — литер. *нунал* (также и в шести формах этого слова); ср. *nunal* (G, B, M, J), *nunáц*, *nunáц*, *nunal*, *nĩnal* (J), *nĩnáц* (J, MU), *nĩnal* (U) ‘день’ [Wichmann 1987: 173]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *nunál* ‘день’ < ПУДМ *и;

нуыны ‘нести’ — литер. *нуыны* (также и в двух формах этого слова), *нуыса* ‘унеся’ — литер. *нуыса*, *нуэм* ‘уведенный’ — литер. *нуэм*; *нуэмзы* ‘их отведение’ POSS.3PL — литер. *нуэмзы*; *нуллыськóм* ‘носим’ PRS-1PL — литер. *нуллыськом/нуллыськомы*; *нуллón* ‘ношение’ — литер. *нуллон*; ср. *niĩnĩ* (G, B, U), *niinj* (M), *niinj*, *niñnj* (J), *niinj* (J, MU) ‘нести, везти, унести, увезти, тащить’ [Wichmann 1987: 172]; бавлПУ. *niəñé*, бесВ. *niəñé*, средВ., счК. *niĩnĩ*, южВБ. *niəñé* ‘нести, носить; унести, уносить’ < ПУДМ *и;

пу ‘дерево’ — литер. *пу* (также и в четырех формах этого слова); ср. *pu* (G, M, U), *pu* (J, MU) ‘дерево; древесина; дрова’ [Wichmann 1987: 208]; бавлПУ. *pu*, средВ., счК. *pu*, южВБ. *po* ‘дрова; дерево, древесина’ < ПУДМ *и;

пуксьыны́ ‘сесть’ — литер. *пуксьыны*, *пуксьыса́* ‘сев’ — литер. *пуксьыса*; *пуксэм* ‘присест’ — литер. *пуксем*; ср. *puks̥iŋi* (G, B, U), *puks̥ini* (M, J, MU) ‘сесть’ [Wichmann 1987: 209]; бавлПУ., южВБ. *pukené*, бесВ. *pukené*, средВ., счК. *pukini* ‘сидеть’ < ПУдм *и;

пуллы́ ‘доске’ ДАТ — литер. *пуллы*; ср. *pul* (G, M, U), *puṣi* (J), *puṣi* (MU) ‘доска’ [Wichmann 1987: 210]; бавлПУ. *pul*, бесВ. *pvl*, счК., южВБ. *pul* ‘доска, тес’ < ПУдм *и;

пумтэм ‘бесконечный || бесконечно’ — литер. *пумтэм*; ср. *puṣ* (M, J, MU), *puṣ* (G) ‘конец’ [Wichmann 1987: 211]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *puṣ* ‘конец’ < ПУдм *и;

пумыть ~ *пумит* ‘против’ — литер. *пумит*; *пумитаз* ‘ему навстречу’ POSS.3SG — литер. *пумитаз*, *пумитазы́* ‘им навстречу’ POSS.3PL — литер. *пумитазы*, *пумитамы́* ‘нам навстречу’ POSS.1PL — литер. *пумитамы*; ср. *puṣit* (M, J, U), *puṣid*, *puṣit*, *puṣit'* (G), *puṣit'* (J, JI, MU) ‘навстречу, вопреки, напротив’ [Wichmann 1987: 212]; бавлПУ., бесВ. *puṣit'ané*, средВ., счК. *puṣitani*, южВБ. *puṣitané* ‘встречать’ < ПУдм *и;

пурьись ‘седой’ — литер. *пурьись*; ср. *puris̥* (G), *puris̥* (M), *purit's̥* (J), *puris̥* (MU, U) ‘серый, седой’ [Wichmann 1987: 213]; бавлПУ. *puris̥*, бесВ., средВ., счК. *puris̥*, южВБ. *puris̥te* ‘серый’ < ПУдм *и;

пуцкы́ ‘во внутрь’ — литер. *пуцкы*; *пуцкысь* ‘изнутри’ — литер. *пуцкысь*; *пуцкамьы́* ‘в нас (досл. ‘в нашем нутре’)’ POSS.1PL — литер. *пуцкамьы*; ср. *puṣ̥* (G, M, MU), *puṣ̥* (U), *puṣ̥k-* (M), *puṣ̥k-* (J), *puṣ̥k-* (U) ‘внутреннее пространство’ [Wichmann 1987: 214]; бавлПУ., бесВ., счК., южВБ. *puṣ̥*, средВ. *puṣ̥* ‘внутренность, внутреннее пространство’ < ПУдм *и;

султэлэ ‘встаньте’ IMP.2PL — литер. *султэ/султэлэ* (также и в других трех формах слова *султыны* ‘встать, вставать’), *султыса́* ‘встав’ — литер. *султыса*; *султэм* ‘пробуждение’ — литер. *султэм* (также и в двух формах этого слова); *султонэзлы* ‘его воскрешению’ POSS.3SG-DAT — литер. *султонэзлы*; ср. *sult̥iŋi* (G, B, U), *silt̥iŋi* (B), *sult̥iŋi* (M, J), *sult̥iŋi* (J, MU) ‘встать, подняться’ [Wichmann 1987: 222]; счК. *sult̥ini*, южВБ. *sult̥ene* ‘встать, вставать’ < ПУдм *и;

сюдэмэз-вордэмэз ‘его воспитание’ POSS.3SG — литер. *сюдэмэз-вордэмэз*; ср. *sud̥iŋi* (G, U), *sud̥iŋi* (G, B), *sud̥ni* (M), *sud̥iŋi* (JI), *sud̥i-*, *sud̥iŋi* (MU) ‘кормить’ [Wichmann 1987: 234];

сюлмы́н ‘сердцем’ INS — литер. *сюлмын*; ср. *sulem* (G, M, JI, U), *suc̥em* (J, MU) ‘сердце’ [Wichmann 1987: 239]; бавлПУ., бесВ., счК., южВБ. *culém*, средВ. *s'ulém* ‘сердце’ < ПУдм *и;

сюрэсаз ‘на его путь’ ILL-POSS.3SG — литер. *сюрэсаз*; ср. *šures* (G, M, J), *šures* (G, M, J, MU, U), *šures* (B) ‘дорога, путь; тропа’ [Wichmann 1987: 240]; бавлПУ. *eurés*, бесВ. *evrés*, средВ. *s'urés*, счК., южВБ. *eurés* ‘дорога’ < ПУдм *и;

сюсьты́л ‘восковую свечу’ ACC — литер. *сюсьтыл*; ср. *šus̥* (G, M, MU, U), *šus̥* (JI, MU) ‘воск’, *šus̥-t̥il* (G), *šus̥-t̥il* (M), *šus̥-t̥il* (JI), *šus̥-t̥iṣi* (MU) ‘свеча (восковая)’ [Wichmann 1987: 241]; бавлПУ. *šus̥*, бесВ., средВ., счК., южВБ. *šus̥* ‘воск; воцина; соты’ < ПУдм *и;

тулы́с ‘весна’ — литер. *тулыс*; ср. *tulis̥* (G, U), *tulis̥* (M, J, MU), *tuṣ̥is̥* (J, MU), *tuṣ̥is̥* (MU) ‘весна’ [Wichmann 1987: 267]; бавлПУ. *tulós*, бесВ., южВБ. *tulés*, средВ., счК. *tulís* ‘весна’ < ПУдм *и;

тупатэмь́н ‘упорядочен’ — литер. *тупатэмьн*; ср. *tuṣ̥at̥iŋi* (G, U), *tuṣ̥at̥iŋi* (M, J, MU) ‘чинить, ремонтировать; улучшать; исправлять свою ошибку’ [Wichmann 1987: 268];

туры́м ‘трава’ — литер. *турын*; ср. *tur̥iŋ*, *t̥ir̥iŋ*, *tur̥iŋ* (G), *tur̥im* (M, J, MU), *tur̥iŋ* (U) ‘трава, сено’ [Wichmann 1987: 269]; бавлПУ. *tur̥at̥*, бесВ. *tur̥én*, средВ., счК. *tur̥in*, южВБ. *tur̥ém* ‘трава, сено’ < ПУдм *и;

узыр ‘богатый’ — литер. *узыр*; ср. *uz̥ir* (G, B, U), *uz̥ir* (S, M, MU) ‘богатый’ [Wichmann 1987: 304]; бесВ. *uz̥ár*, средВ., счК. *uz̥ir* ‘богатый’ < ПУдм *и;

уйзэ́ ‘его ночь’ POSS.3SG-ACC — литер. *уйзэ* (также и в двух других формах слова *уй* ‘ночь’); *уйбыт* ‘всю ночь’ — литер. *уйбыт*; ср. *uṣ̥* (G, S, M, J), *uṣ̥* (B, J, MU, U) ‘ночь’ [Wichmann 1987: 292]; бавлПУ. *uṣ̥*, бесВ., средВ., счК., южВБ. *uṣ̥* ‘ночь’ < ПУдм *и;

улы́н ‘под (последелог на вопрос где?)’ — литер. *улын*; *улы́сь* ‘из-под’ — литер. *улысь*; ср. *ullaŋ* (G, S, M, J, U), *uṣ̥ilaŋ* (J, MU) ‘вниз’ [Wichmann 1987: 295];

улыны́ ~ *улыны* ‘жить’ — литер. *улыны* (также и в пяти формах этого слова), *улыса́* ‘живя’ — литер. *улыса*, *улы́сь* ~ *улысь* ‘живущий’ — литер. *улысь*, *улэм* ‘живший’ — литер. *улэм*, *улымон* ‘достаточный для житья’ — литер. *улымон*; *уло́н* ‘жизнь’ — литер. *улон* (также и в двух формах этого слова); *улонни́* ‘кров’ ACC — литер. *улонни*, *улоннизэ́* ‘его кров’ POSS.3SG-ACC — литер. *улоннизэ*; *улэм* ‘жизнь’ — литер. *улэм* (также и в пяти формах этого слова); ср. *ul̥iŋi* (G, U), *ul̥i-* (B), *ul̥iŋi* (S, J, MU), *ul̥ni* (M), *uṣ̥iŋi* (J, MU) ‘жить, существовать’ [Wichmann 1987: 295], *ulon* (G), *uṣ̥ion* (MU) ‘жизнь’ [Wichmann 1987: 296]; бавлПУ., южВБ. *ul̥v̥né*, бесВ. *ul̥v̥né*, средВ., счК. *ul̥ini* ‘жить’ < ПУдм *и;

уммэ́ усэм ‘засыпание’ — литер. *умме усем*; ср. *um* (G, S, J, MU), *um* (M, J), *im* (U) ‘сон’ [Wichmann 1987: 297];

уно́ ‘много’ — литер. *уно*; ср. *ипо* (G, S, M, J, MU), *ипо* (J), *ино* (U) ‘много’ [Wichmann 1987: 298]; бавлПУ. *ипо́*, южВБ. *опо́* ‘много, множество’ < ПУдм *и;

усьыльлям ‘они, оказывается, упали’ 2PST.3PL — литер. *усиллям/усиллямзы*; ср. *ушнн̄* (G), *ушн̄* (G, U), *ушн̄* (S), *ушн̄* (M), *ушн̄* (J, MU), *ушн̄* (MU) ‘упасть’ [Wichmann 1987: 301]; бавлПУ. *ушн̄*, бесВ. *ушн̄*, средВ. *ушн̄*, счК. *ушн̄*, южВБ. *ушн̄* ‘упасть, падать’ < ПУдм *и;

утьыны ‘беречь’ — литер. *утьыны* (также и в одной форме этого слова), *утьыса́* ‘оберегая’ — литер. *утьыса*, *утьысь* ‘оберегающий’ — литер. *утьысь*; *Утьысь* ~ *Утьысь* ~ *утьысь* ‘хранитель’ — литер. *утьысь*; *утьымтэ́* ‘несоблюдение’ — литер. *утьымтэ*; ср. *утн̄* (G), *утн̄* (S, M, J, MU), *утн̄*, *утн̄* (MU), *утн̄* (U) ‘смотреть; присматривать; заботиться’ [Wichmann 1987: 302]; бавлПУ. *утн̄*, бесВ. *утн̄*, средВ. *утн̄*, южВБ. *утн̄* ‘беречь’ < ПУдм *и;

ушьяны́ ‘хвалить’ — литер. *ушьяны* (также и в шести формах этого слова), *ушьяса́* ‘восхваляя’ — литер. *ушьяса*, *ушьямысь* ‘из-за похвалы’ — литер. *ушьямысь*, *ушьямын* ‘восхвален’ — литер. *ушьямын*; *ушьяно́* ‘хвалебный’ — литер. *ушьяно*; *ушьяськон* ‘хвастовство’ — литер. *ушьяськон*; ср. *ушянн̄* (G, U), *ушянн̄* (S, M), *ушянн̄* (MU) ‘хвалить, похвалить’, *ушьяскн̄* (G), *ушьяскн̄* (MU) ‘хвастаться; быть гордым’ [Wichmann 1987: 302]; бесВ., южВБ. *ушянн̄*, средВ., счК. *ушянн̄* ‘хвалить’ < ПУдм *и;

шунды́ ‘солнце’ — литер. *шунды*; ср. *шунд̄* (G, U), *шунд̄* (M, J, MU) ‘солнце’ [Wichmann 1987: 253]; бесВ. *шунд̄*, средВ., счК. *шунд̄* ‘солнце’ < ПУдм *и;

шуо́ ‘говорят’ PRS.3PL — литер. *шуо* (также и в других шести формах слова *шуыны* ‘сказать, говорить’), *шусá* ‘сказав’ — литер. *шуыса*, *шум* ‘сказанный’ — литер. *шум*; *шум* ‘высказывание’ — литер. *шум* (также и в одной форме этого слова); *шун* ‘так называемый’ — литер. *шун*; *шусá* ~ *шуса* ‘что (союз)’ — литер. *шуыса*; *шусá* ~ *шуса* ‘чтобы’ — литер. *шуыса*; ср. *шунн̄* (G, U), *шунн̄* (G), *шун* (B, M), *шун* (M), *шун* (M), *шун* (J, MU) ‘говорить, сказать; называть’ [Wichmann 1987: 251]; бавлПУ., южВБ. *шунн̄*, бесВ. *шунн̄*, средВ. *шунн̄*, счК. *шунн̄* ‘сказать, говорить’ < ПУдм *и;

шур ‘река’ — литер. *шур* (также и в одной форме этого слова); ср. *шур* (G, M, J, MU, U) ‘река’ [Wichmann 1987: 253]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК. *шур*, южВБ. *шур* ‘река’ < ПУдм *и;

юальлям ‘они, оказывается, спросили’ — литер. *юаллям* (также и в двух других формах слова *юаны* ‘спросить, спрашивать’); ср. *юанн̄* (G, B), *юанн̄* (S, M, J), *юанн̄* (MU), *юанн̄* (U) ‘спросить’ [Wichmann 1987: 81]; бавлПУ. *юанн̄*, бесВ., южВБ. *юанн̄*, средВ., счК. *юанн̄* ‘спросить, спрашивать’ < ПУдм *и;

юн ‘сильно’ — литер. *юн*; *юнгес* ‘прочнее’ CMP — литер. *юнгес*; ср. *юн* (G, B, S, M, J), *юнн-* (G), *юнн-* (MU, U) ‘крепкий, прочный; твердый’ [Wichmann 1987: 83]; бавлПУ. *юнн-*, бесВ., средВ., южВБ. *юнн-* ‘крепкий, прочный’ < ПУдм *и;

юрттó ‘помогают’ PRS.3PL — литер. *юртто* (также и в других пяти формах слова *юрттыны* ‘помочь, помогать’); *юрттысь* ‘помощник’ — литер. *юрттысь*, *юрттысьёсмь* ‘наши помощники’ PL-POSS.1PL — литер. *юрттысьёсмь*; *юрттэмезлэсь* ‘от его помощи’ POSS.3SG-ABL — литер. *юрттэмезлэсь*, *юрттэменыз* ‘из-за его помощи’ INS-POSS.3SG — литер. *юрттэменыз*; *юрттонзэ́* ‘его помощь’ POSS.3SG-ACC — литер. *юрттонзэ*; ср. *юртн̄* (G), *юртн-* (B), *юртн̄* (MU); *юртн̄* (G), *юртн̄* (S, M) ‘помочь’ [Wichmann 1987: 84]; бесВ. *юртн̄*, средВ., счК. *юртн̄*, южВБ. *юртн̄* ‘помочь, помогать’ < ПУдм *и;

юыны́ ‘пить’ — литер. *юыны* (также и в трех формах этого слова); ср. *юнн̄* (G, B), *юнн̄* (S, J), *юнн̄* (J), *юнн̄* (M), *юнн̄* (MU), *юнн̄* (U) ‘пить’ [Wichmann 1987: 82—83]; бавлПУ. *юнн̄*, бесВ. *юнн̄*, средВ. *юнн̄*, счК. *юнн̄*, южВБ. *юнн̄* ‘пить’ < ПУдм *и.

2. В непервом слогe

/u/ в соответствии с литер. /u/:

ваньбур ‘достаток’ — литер. *ваньбур*; ср. *ван-бур* (G, M, MU, U), *ван-бур* (S, J, MU) ‘все имущество, собственность, состояние’ [Wichmann 1987: 307];

нокуно ‘никогда’ — литер. *нокуно*; ср. *по-ку-но* (M, J), *по-ку-но* (J) ‘никогда’ [Wichmann 1987: 126];

соку́ ~ *соку* ‘тогда’ — литер. *соку*; ср. *со-ку* (G, M, J), *со-ку* (G, J), *со-ку* (G, J), *со-к̄* (B, U), *со-к̄* (M, J, J, MU), *со-к̄* (MU), *со-к̄* (U), *сок* (G) ‘тогда’ [Wichmann 1987: 124].

В употреблении фонемы /u/ в памятнике, как видим, никаких особенностей по сравнению с литературным удмуртским языком не наблюдается. Можно лишь отметить тот факт, что праудмуртский огубленный гласный верхнего подъема среднего ряда *и в памятнике перешел в заднерядный /u/, как и в абсолютном большинстве современных диалектов удмуртского языка. На сегодняшний день эта древняя фонема сохранилась лишь в некоторых периферийно-южных говорах [Кельмаков 2006: 68].

Таблица 3. Соответствия гласного /u/

гласный памятника	первый слог		непервый слог	
	/u/		/u/	
соответствия	литер.	/u/ (51)		
	по [Wichmann 1987]	G u (34), u ~ ш (2), u ~ ш ~ î (1) B u (18), ш (1), u ~ î (1), u ~ ш (1) S u (11) M u (35), u ~ ш (1) J u (29), u ~ ш (2), u ~ ш ~ j (1), ш (1) Л u (3) MU u (30), ш (2), j (1), u ~ ш (1) U u (32), î (2)	G u (9), u ~ ш (4), ш (1) B u (4), u ~ ш (2), ш (2), î (2) S u (6) M u (12), u ~ ш (1), ш (1) J u ~ ш (8), ш (2), u (3) MU ш (11), u ~ ш (5) U u (6), ш (6), u ~ ш (1), î (1)	G u, u ~ ш B î S u M u, j J u, ш ~ j MU u, j U u, î
	по аудио- словарям	бавлПУ. u (29), u (2) бесВ. u (32) средВ. u (35) счК. u (34) южВБ. u (31), o (3)	бавлПУ. u (14) бесВ. u (11), v (3) средВ. u (13) счК. u (13) южВБ. u (13), o (1)	
ПУДМ	*u	*u		

Употребление гласного /e/

1. В первом слогѐ:

а) /e/ в соответствии с литер. /e/:

берэ ~ *берэ* 'после' — литер. *бере*; ср. *berε* (G, B, M, J, MU, U) 'после' [Wichmann 1987: 17]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *ber* 'зад, задняя часть; поздно' < ПУДМ *ε;

эн кельты 'не оставляй' NEG.IMP.2SG — литер. *эн кельты*, *кельтыса* 'оставив' — литер. *кельтыса*; ср. *kel'îñî* (G, B, U), *kel'tijî* (M, J, MU) 'оставить' [Wichmann 1987: 112]; бавлПУ. *kel'təñé*, бесВ. *kel'təñé*, средВ., счК. *kel'tini*, южВБ. *kél'təñv* 'оставить' < ПУДМ *ε;

кесыны 'порвать' — литер. *кесыны*; ср. *kešîñî* (G, U), *kešijî* (M) 'рвать, изорвать' [Wichmann 1987: 100]; бавлПУ., бесВ., южВБ. *kecané*, средВ., счК. *kešini* 'рвать' < ПУДМ *ε;

лэзыны 'отпустить' — литер. *лэзыны* (также и в одной форме этого слова); ср. *ležîñî* (G, B, U), *ležijî* (M), *ležijî* (J, MU) 'отпустить' [Wichmann 1987: 144]; бавлПУ., южВБ. *ležené*, бесВ. *ležené*, средВ. *ležni*, счК. *ležini* 'отпустить, пустить' < ПУДМ *ε;

лекаттяськэм 'хула' — литер. *лекаттяськем*; ср. *l'ekatiñî* (G, U), *l'ekatiñijî* (S, M) 'хулить, осуждать' [Wichmann 1987: 150];

лэстыны 'делать' — литер. *лэстыны* (также и в трех формах этого слова), *лэстыэм* 'сделанный' — литер. *лэстыэм*; ср. *leštîñî* (G, U), *lešt-* (B), *leštijî* (M, J, MU) 'делать' [Wichmann 1987: 144]; бавлПУ., южВБ. *leštəñé*, бесВ. *leštəñé*, средВ., счК. *leštini* 'делать, сделать' < ПУДМ *ε;

неймыт 'темный' — литер. *неймыт*; ср. *pel'mît* (G), *pel'mît*, *pen'mît* (J), *pejmît* (G, U), *pejmît* (M, MU), *pejmît* (U) 'темный; темно' [Wichmann 1987: 192]; бавлПУ. *pejmət*, бесВ. *pejmət*, средВ., счК. *pejmît*, южВБ. *pejmət* 'темный' < ПУДМ *ε;

пересь 'старый' — литер. *пересь*; *пересьслэсь* 'от стариков' PL-ABL — литер. *пересьслэсь*; *пересэзь* 'до старости' TER — литер. *пересэзь*; *пересьмурт* 'старик' — литер. *пересь мурт*; ср. *peres* (G, B, M, J, MU, U), *peres* (U) 'старый (только о живых существах)' [Wichmann 1987: 192]; бавлПУ., бесВ., счК., южВБ. *peres*, средВ. *peres* 'старый, пожилой' < ПУДМ *ε;

серэкьям 'он, оказывается, смеялся' 2PST.3SG — литер. *серекьям*, *серекьяса* 'смеясь' — литер. *серекьяса*; ср. *šerekjāñî* (G), *šerekjāñijî* (M, J), *šerekjāñijî*, *šerekjāñijî*, *šereṭjāñijî* (MU), *šeregd'āñijî* (U) 'смеяться' [Wichmann 1987: 231]; бавлПУ. *šerekjāñé*, бесВ., южВБ. *šerekjāñé*, средВ., счК. *šerekjāñijî* 'смеяться, хотеть' < ПУДМ *ε.

б) /e/ в соответствии с литер. /e/:

сelyк ~ *сelyк* 'грех' — литер. *сöлык* (также и в четырнадцати формах этого слова); *сelyкó* 'грешник' — литер. *сöлыкo* (также и в двух формах этого слова); *сelyкó* 'грешный' — литер. *сöлыкo*; *сelyктэм* 'безгрешный' — литер. *сöлыкэтэм*; *сelyканы* 'грешить' — литер. *сöлыканы*; *сelyкамзы* 'их

согрешение' POSS.3PL — литер. *сьӧлыкамзы* (также и в трех других формах слова *сьӧлыкам* 'согрешение'); ср. *šelĭk* (G, U), *šelij* (M), *šölik* (J), *šöčĭk* (MU) 'грех' [Wichmann 1987: 232];

серы́ ~ *серэ́* 'за (послелог на вопрос куда?)' — литер. *сьӧры*; *серын* 'за (послелог на вопрос где?)' — литер. *сьӧрын*; ср. *šerĭ* (G, U), *šerĭ* (M), *šöri* (J), *šöre* (MU) 'за', *šerĭn* (G, U), *šerĭn* (G, B), *šerĭn* (M), *šerĭn* (J), *šöriŋ* (J) 'за' [Wichmann 1987: 232].

2. В первом слого:

а) /e/ в соответствии с литер. /e/:

гужэм ~ *гужэм* 'лето' — литер. *гужем*; ср. *gužem* (G, B, M, J, MU, U) 'лето' [Wichmann 1987: 64]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *gužém* 'лето';

пӧртэм 'разный; особенный' — литер. *пӧртэм*; ср. *pertem* (G), *pörtem* (MU) 'разный, различный' [Wichmann 1987: 194]; бесВ., средВ., счК. *pörtém* 'различный, разный';

сыче ~ *сычэ* 'такой' — литер. *сыче*; ср. *sĭtšĕ* (G), *sĭtšĕ* (S, M, J, MU), *tšĭtšĕ*, *šĭšĕ* (U) 'такой' [Wichmann 1987: 224]; бесВ., средВ. *sitčé*, счК. *sifě* 'такой' и др.

б) /e/ в соответствии с литер. /i/:

бордэ́ 'к (послелог на вопрос куда?)' — литер. *борды*; ср. *bordĭ* (G), *bordĭ* (J), *bordĕ* (B, M, MU, U) 'к, в, на' [Wichmann 1987: 25];

дорэ́ ~ *дорэ́* 'к (послелог на вопрос куда?)' — литер. *доры*; ср. *dorĕ* (G, B, J, MU), *dorĭ* (G, U), *dorĭ* (M, J) 'к' [Wichmann 1987: 37];

серэ́ (ср. *серы́*) 'за (послелог на вопрос куда?)' — литер. *сьӧры*; ср. *šerĭ* (G, U), *šerĭ* (M), *šöri* (J), *šöre* (MU) 'за' [Wichmann 1987: 232].

Таблица 4. Соответствия гласного /e/

гласный памятника		первый слог		непервый слог	
		/e/		/e/	
соответствия	литер.	/e/ (9)	/e/ (2)	/e/	/i/ (3)
	по [Wichmann 1987]	G e (9) B e (5) S e (1) M e (8) J e (6) I e (1) MU e (7) U e (7), e ~ ĕ (2)	G ĕ (1), ĕ ~ e (1) B e (1) M ĕ (2) J ö ~ e (1) I ö (1) MU ä (1), ö (1) U ĕ (2)	G e, ε B e M e, ε J e, ε MU e, ε U e, ε	G ĭ (2), ĭ ~ ε (1) B ε (2) M ĭ (2), ε (1) J ĭ (2), ĭ ~ ε (1) MU ε (3) U ĭ (2), ε (1)
	по аудио- словарям	бавлПУ. ε (8) бесВ. ε (8) средВ. ε (8) счК. ε (8) южВБ. ε (8)		бавлПУ. ε бесВ. ε средВ. ε счК. ε южВБ. ε	
ПУДМ		*ε			

Особенность, заключающаяся в употреблении /e/ в соответствии с литер. /e/ в первом слого, на данный момент наиболее широко распространена в бесермянском наречии [Люкина 2016: 35—37; Тепляшина 1970б: 76—78]. Характерна она и для некоторых говоров северного наречия. Наиболее регулярно эта особенность выступает в косинском говоре нижнечепецкого диалекта, а в ярском, глазовском, юкаменском говорах среднечепецкого диалекта, а также в слободском говоре нижнечепецкого диалекта нередко встречается параллельное употребление форм с /e/ ~ /e/ [Карпова 2018: 111].

Другая особенность, заключающаяся в употреблении /e/ в соответствии с литер. /i/ в непервом слого, представлена в послелогах, обозначающих пространственные отношения и отвечающих на вопрос куда? (*бордэ́* 'к' — литер. *борды*; *дорэ́* ~ *дорэ́* 'к' — литер. *доры*; *серэ́* (ср. *серы́*) 'за' — литер. *сьӧры*). Из трех форм, выявленных нами в [Закон Божий], вариант с э-огласовкой в глазовском диалекте, который, со-

гласно названию памятника, лежит в основе языка анализируемого источника, Ю. Вихманном отмечен только для *дорэ* ~ *дорэ* (ср. *dorɛ* (G, B, J, MU), *dorɪ* (G, U), *dorj* (M, J) ‘к’ [Wichmann 1987: 37]). Однако подобные формы, согласно материалам словаря [Wichmann 1987], встречаются в качестве варианта и в ряде других удмуртских диалектов. Что касается современных диалектов, такие формы функционируют в бесермянском наречии, например: *borde* ‘к’ (*Kuar gur borde l'akis'kiz* ‘Лист прилип к печке’), *dore* ‘к (направление)’ (*todmotemjosâz dore ug karis'kâ* ‘[Лошадь] к незнакомым не подходит’), *s'ere* ‘за (движение)’ [БС]. Если учесть, что подобные послеложные формы в XIX в. имели более широкое территориальное распространение, то уместно предположить, что в данном случае в памятнике представлены архаичные формы удмуртских послелогов, которые на сегодняшний день в литературном языке частично сохранились лишь в составе выражений, например литер. *бордэ кыскыны* ‘привлечь к себе’, *бордэ басьтыны* ‘взять (захватить с собой)’ [УРС].

Употребление гласного /e/

1. В первом слоге:

а) /e/ в соответствии с литер. /e/:

жѳк ‘стол’ — литер. *жѳк*; ср. *džek* (G, M), *džek* (G, S), *d'žek* (B), *džök* (J, MU), *džök* (J), *žek* (U) ‘стол’ [Wichmann 1987: 42]; бавлПУ. *džok*, бесВ. *džek*, средВ., счК., южВБ. *džk* ‘стол’ < ПУДМ *e;

йѳл-вѳй ‘молочные продукты’ ACC — литер. *йѳл-вѳй*; ср. *jel* (G, B, S, M), *jöl* (JI), *j'ũ* (J), *d'ũ* (MU), *d'el* (U) ‘молоко’ [Wichmann 1987: 76]; бавлПУ. *d'el*, бесВ. *jzl*, средВ., счК., южВБ. *jel* ‘молоко’ < ПУДМ *e;

кѳлыны ‘ночевать’ — литер. *кѳлыны* (также и в одной форме этого слова); *кѳлонни* ‘место ночлега’ ACC — литер. *кѳлонни*; ср. *kelĩnĩ* (G, B, U), *kelni* (M), *k'ũni* (J, MU), *kölĩni* (J), *k'ũni* (MU) ‘переночевать’ [Wichmann 1987: 102]; средВ., счК. *kzlinĩ*, южВБ. *kzlnẽ* ‘переночевать’ < ПУДМ *e;

кѳтсэс ‘их живот’ POSS.3PL-ACC — литер. *кѳтсэс*; ср. *ket* (G, M, U), *köt* (J, MU) ‘живот, желудок, сердце’ [Wichmann 1987: 103]; бавлПУ. *ketó*, средВ., счК., южВБ. *kztó* ‘беременная (досл. ‘с животом’)’ < ПУДМ *e;

ѳддям ~ *ѳддям* ‘он, оказывается, начал’ 2PST.3SG — литер. *ѳддям*, *ѳддьяльямзы* 2PST-3-PL — литер. *ѳддьяльям/ѳддьяльямзы*; ср. *ed'janĩ*, *ed'd'anĩ*(G) ‘начать’ [Wichmann 1987: 53];

пѳлысь ‘из’ — литер. *пѳлысь*; ср. *pelĩs* (G) ‘из, среди’ [Wichmann 1987: 194]; бавлПУ. *pələn*, бесВ. *pzlén*, средВ., счК. *pzlin*, южВБ. *pzlén* ‘среди’ < ПУДМ *e;

пѳртэм ‘разный, особенный’ — литер. *пѳртэм*; ср. *pertem* (G), *pörtem* (MU) ‘разный, различный’ [Wichmann 1987: 194]; бесВ., средВ., счК. *pzrtém* ‘различный, разный’ < ПУДМ *e;

тѳлын ‘ветром’ INS — литер. *тѳлын*; ср. *tɛl* (G, B, M, U), *t'ũ* (J, MU), *töl* (MU) ‘ветер’ [Wichmann 1987: 259]; бавлПУ. *təl*, бесВ., средВ., счК., южВБ. *tzl* ‘ветер’ < ПУДМ *e.

б) /e/ в соответствии с литер. /e/:

щѳдѳем ‘попавший’ — литер. *щѳдем*; ср. *šed'ĩnĩ*, *šed'ĩnĩ* (G), *šed'* (B), *šed'ni* (M), *šed'ĩnĩ* (U) ‘попадать’ [Wichmann 1987: 244].

2. В непервом слоге:

а) /e/ в соответствии с литер. /e/:

ѳвѳл ‘не, нет’ — литер. *ѳвѳл*; ср. *evɛl* (G, S, M, U), *evɛl* (G, B), *övöl* (J), *öv'ũ* (J, MU), *eb'ũ* (= *e-vel* и т. д.) (MU) ‘не, нет’ [Wichmann 1987: 54];

йѳл-вѳй ‘молочные продукты’ ACC — литер. *йѳл-вѳй*; ср. *jel* (G, B, S, M), *jöl* (JI), *j'ũ* (J), *d'ũ* (MU), *d'el* (U) ‘молоко’ [Wichmann 1987: 76], *vej* (G, B, S, M, U), *vöj* (J, MU) ‘сливочное масло; растительное масло’ [Wichmann 1987: 314]; бавлПУ. *d'el*, бесВ. *jzl*, средВ., счК., южВБ. *jel* ‘молоко’, бавлПУ. *vej*, бесВ. *vzj*, средВ., счК., южВБ. *vej* ‘масло’.

б) /e/ в соответствии с литер. /i/:

ѳжѳт ‘немного’ — литер. *ѳжѳт*; ср. *ežet* (G), *ĩžĩt* (G, B, U), *ĩžet* (U), *ežit* (S, M), *öžit* (J, MU), *žöt*, *öžet* (MU) ‘мало, немного’ [Wichmann 1987: 55]; бавлПУ. *εžät*, средВ., южВБ. *εžit* ‘мало, немного’; Дон. *ѳжѳт*, Байр., ВБог., ВСл., ВУн., Дон., Ер., Люм, Кач., Коч., Лекш., МЛуд., НБог., НЕл., Пус., Ум. *ѳжѳт*, Байд., Ел., Ис., Кор., Кос., Кур., Мос., Мыр., Оз., Пас., Пуд., Тум, УЛек., Чар. *ѳжѳт*, Дзяк., Коч., От., Пус. *ѳжѳт*, Дон. *ѳжѳт*, Ел., Кос. *ѳжѳт* ‘мало, немного, незначительно’ [Карпова 2013: 374].

Таблица 5. Соответствия гласного /e/

гласный памятника	первый слог			непервый слог		
		/e/		/e/		
соответствия	литер.	/e/ (7)		/e/ (1)	/e/	/i/ (1)
	по [Wichmann 1987]	G e (5) B e (2) M e (3) J ä ~ ö (1), õ (1), ã (1) MU õ (2), ã (1), ä ~ ö (1) U e (3)	G e (2) B e (2) S e (2) M e (2) J õ (1), ã (1) MU õ (1), ã (1) U e (2)	G e ~ e (1) B e (1) M e (1) U e (1)	G e B e S e M e J ä ~ õ, õ MU ä, õ U e	G e ~ î (1) B î (1) S j (1) M j (1) J j (1) MU j ~ õ ~ e (1) U e ~ î (1)
	по аудио- словарям	бавлПУ. ø (2) бесВ. э (2) средВ. э (4) счК. э (4) южВБ. э (2), э (1)	бавлПУ. ø (2) бесВ. э (1), е (1) средВ. э (1), е (1) счК. э (1), е (1) южВБ. э (1), е (1)		бавлПУ. ø бесВ. э средВ. э счК. э южВБ. е	бавлПУ. э (1) средВ. î (1) южВБ. î (1)
ПУдм		*ø	*e			

В данном случае в памятнике мы видим два отклонения от современных литературных норм, представленные лишь единичными примерами. Обе лексемы встречаются и в словаре Ю. Вихманна, при этом подобные варианты с /e/, выявленные нами в [Закон Божий], финским ученым отмечены в глазовском диалекте. Одна из форм встречается и в словаре [Карпова 2013]: она зафиксирована автором в одном из населенных пунктов, относящихся к глазовскому говору среднечепецкого диалекта. Поэтому можно предположить, что данные формы-отклонения действительно функционировали на севере Удмуртии, и именно диалект северного наречия, по всей видимости, лег в основу анализируемого письменного источника.

Употребление гласного /o/

1. В первом слог:

а) /o/ в соответствии с литер. /o/:

бордэ́ ‘к (послелог на вопрос куда?)’ — литер. *борды*; *бордысьтыз* POSS.3SG ‘от него’ — литер. *бордысьтыз*; *борда́д* ‘у тебя’ POSS.2SG — литер. *бордад*, *борда́з* ‘у него’ POSS.3SG — литер. *бордаз*; ср. *bordî* (G), *bordj* (J), *bordε* (B, M, MU, U) ‘к, в, на’ [Wichmann 1987: 25]; бавлПУ., средВ., южВБ. *bɔd:ɔr*, бесВ., счК. *bɔrd:ɔr* ‘стена’ < ПУдм *э;

вожъяськыны́ ‘завидовать’ — литер. *вожъяськыны* (также и в одной форме этого слова); *вожъяськэм* ‘зависть’ — литер. *вожъяськем*; ср. *vožjaškîñî* (G, U), *vožjaškîñj* (M) ‘завидовать’ [Wichmann 1987: 326]; счК. *vɔzjaekîñj* ‘завидовать’ < ПУдм *э;

возьманы́ ‘охранять, сторожить’ — литер. *возьманы* (также и в четырех формах этого слова), *возьмасá* ‘защищая’ — литер. *возьмаса*, *возьмась* ~ *возьмась* ‘защищающий’ — литер. *возьмась*; *возьмась* ‘хранитель’ — литер. *возьмась*; *возьмасьёс* ‘пастухи’ PL — литер. *возьмасьёс*; *возьмамысьтыз* ‘из-за его защиты’ ELA-POSS.3SG — литер. *возьмамысьтыз*; ср. *vožmànî* (G), *vožmànj* (S, M, J, MU) ‘беречь, охранять’ [Wichmann 1987: 325]; счК. *vɔzmani* ‘беречь, оберегать’ < ПУдм *э;

возьылыльямзы ‘они, оказывается, держали’ ITER-2PST-3-PL — литер. *возьылыллям/возьылыллямзы*, *возьыса́* ‘держа’ — литер. *возьыса*, *возьысь* ‘державший’ — литер. *возьысь*; *воземысьтыз* ‘из-за его держания’ ELA-POSS.3SG — литер. *воземысьтыз*; *возькыныгэс* ‘быть более сдержанным’ CMP — литер. *возькыныгес*; ср. *vožîñî* (G, B), *vožñj* (M), *vožîñj* (J, MU) ‘держать’ [Wichmann 1987: 325]; бавлПУ., южВБ. *vɔzɔnɛ*, бесВ. *vɔzɔnɛ*, средВ. *vɔzɔnɛ*, счК. *vɔzɔnɛ* ‘держать; удерживать’ < ПУдм *э;

ворцкыз́ ‘родился’ 1PST-3SG — литер. *вордйськыз* (также и в двух других формах слова *вордйськыны* ‘родиться’), *ворцкэм* ‘родившийся’ — литер. *вордйськем*; *вортскэм* ~ *ворцкэм* ‘рождение’ — литер. *вордскем* (также и в двух формах этого слова); *ворцкытэм* ‘она, оказывается, родила’ 2PST.3SG — литер. *вордскытэм/вордскытэмез*; *ворцкытэм* ‘рожденный’ — литер. *вордскытэм*; *ворцкытэмед* ‘твое зарождение’ POSS.2SG — литер. *вордскытэмед*, *ворцкытэмез* ‘его зарождение’ — литер. *вордскытэмез*; *ворц-*

кытысь ‘родитель’ — литер. *вордскытысь* (также и в трех формах этого слова); ср. *vortskîñî*, *vortskîñî* (G), *vortskîñî* (M), *vort'skîñî* (MU), *vordiskîñî* (J, MU), *vordiskîñî* (U) ‘родиться, возникнуть’ [Wichmann 1987: 323]; бавлПУ., южВБ. *vordene*, средВ. *vordini* ‘родить’, бесВ. *vordaná*, счК. *vordini* ‘воспитать, вырастить’ < ПУдм *э;

горд ‘красный’ — литер. *горд*; ср. *gord* (G, M, J, MU), *gorv* (G, MU, U) ‘красный’ [Wichmann 1987: 60]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *gord* ‘красный’ < ПУдм *э;

дорэ ~ *дорэ* ‘к (послелог на вопрос куда?)’ — литер. *доры*; *дорын* ‘у, около (послелог на вопрос где?)’ — литер. *дорын*; *дорысьтыз* ‘от него’ POSS.3SG — литер. *дорысьтыз*; ср. *dore* (G, B, J, MU), *dorî* (G, U), *dorî* (M, J) ‘к’, *dorîñ* (G), *dorîñ* (J, MU) ‘у, около’, *dorîš* (G), *dorîš* (J, MU) ‘от’ [Wichmann 1987: 37]; бавлПУ. *doráz* ‘у него’, бесВ. *dorén*, средВ., счК., южВБ. *dorîñ* ‘у, около’ < ПУдм *э;

жог ‘быстро || скорый’ — литер. *жог*; *жогэн* ~ *жогэн* ‘скоро’ — литер. *жоген*; ср. *džog* (G, M, J, MU), *džok* (G), *džog* (G, S), *žog* (U) ‘быстро’ [Wichmann 1987: 43]; бесВ. *džog*, средВ., счК., южВБ. *džog* ‘быстро’ < ПУдм *э;

кортчоганы ‘распять’ — литер. *кортчоганы* (также и в одной форме этого слова); *кортчогам* ‘распятие’ — литер. *кортчогам* (также и в одной форме этого слова); *кортчогъяс* ‘гвозди’ PL — литер. *кортчогъяс*, *кортчогэн* ‘гвоздем’ INS — литер. *кортчоген*; ср. *kort-tšog* (G, B, S, MU), *kor-tšog* (MU) ‘гвоздь’ [Wichmann 1987: 122]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *kort* ‘железо’ < ПУдм *э;

косэм ‘он, оказывается, велел’ 2PST.3SG — литер. *косэм/косэмез* (также и в двух других формах слова *косыны* ‘велеть, повелеть’), *косэмын* ‘велено’ — литер. *косэмын*; *косэмезъя* ‘по его велению’ POSS.3SG-ADV — литер. *косэмезъя* (также и в двух других формах слова *косэм* ‘поручение; распоряжение; просьба’); ср. *kosîñî* (G, U), *kos-* (B), *kosñî* (M), *kosñî* (J, MU) ‘велеть’ [Wichmann 1987: 122]; бавлПУ. *kosvne*, бесВ. *kosvne*, средВ., счК. *kosini*, южВБ. *kosvne* ‘велеть, заставить, заставляя, потребовать, требовать’ < ПУдм *э;

лобаса ‘летающая’ — литер. *лобаса*; ср. *lobànî* (G, U), *lobànî* (M, J, MU) ‘летать’ [Wichmann 1987: 147]; бавлПУ. *lobavne* ‘взлететь’, бесВ. *lobvne*, счК. *lobini* ‘лететь’, средВ. *lobani*, южВБ. *lobvne* ‘летать’ < ПУдм *э;

мон ‘я’ — литер. *мон* (также и в двух формах этого слова); ср. *ton* (G, B, M, J, MU, U) ‘я’ [Wichmann 1987: 163]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *ton* ‘я’ < ПУдм *э;

нокин-но ~ *нокин-но* ~ *нокин-но* ‘никто’ — литер. *нокин но*; *нокуно* ‘никогда’ — литер. *ноку но*; *нокудыз-но* ‘никто из них’ — литер. *нокудыз но*; *нокытысь* ‘нигде’ — литер. *нокытысь*; *нокытыцы* ‘никуда’ — литер. *нокытыцы*; *номре-но* ~ *номре-но* ~ *номре-но* ‘ничего’ — литер. *номыре но*; ср. *po-ki-n-po* (G), *po-ki-n-po* (B), *po-ki-n-po* (B, J), *pe-ki-n-po* (M), *po-ki-n-po* (J) ‘никто’ [Wichmann 1987: 171]; бавлПУ., южВБ. *nokin*, бесВ. *nokin no*, средВ., счК., *nokin* ‘никто’, бавлПУ. *notar*, бесВ. *notare no* ~ *notare*, средВ. *notir* ~ *nenotir*, счК. *notire*, южВБ. *noter no* ‘ничего’ < ПУдм *э;

одиг ~ *одиг* ‘один’ — литер. *одиг* (также и в двух формах этого слова); *одиг пол* ‘однажды’ — литер. *одиг пол*; *одиг-огмылы* ‘мы друг другу’ DAT — литер. *ог-огмылы*; *одиг-огзылы* ‘они друг другу’ DAT — литер. *ог-огзылы*; *огэз* ‘один’ — литер. *огез*; ср. *odig* (G, M, J, MU, U), *odig*, *odig* (G), *odik* (MU, U), *oig* (B) ‘один’ [Wichmann 1987: 181]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *odig* ‘один’ < ПУдм *э;

озь ‘так’ — литер. *озы*; *отын* ‘там’ — литер. *отын*; *отсы* ‘туда’ — литер. *отчы*; *отысь* ‘оттуда’ — литер. *отысь*; ср. *oz* (G, B), *ozi* (M), *ozi* (S, M, J, MU), *o:zi* (J, MU) ‘так, таким образом’, *otîñ* (G, B), *otîñ* (G), *otîñ* (S, MU), *otîñ* (M, J, MU), *otîñ* (U) ‘там’, *otsî*, *otsî* (G), *ot'sî* (B), *ot't'sî* (S, M), *otsî* (J), *otsî* (MU), *ot't'sî*, *ot't'sî* (U) ‘туда’, *otîš* (G), *otîš* (S, M, MU), *otîš* (MU), *otîš* (MU, U) ‘оттуда’ [Wichmann 1987: 183]; бавлПУ. *ozvne*, бесВ., счК. *oz*, средВ. *ozî*, южВБ. *ozé* ‘так, таким образом’, бавлПУ. *otîñ*, бесВ., южВБ. *otîñ*, средВ., счК. *otîñ* ‘там’ < ПУдм *э;

оскыны ‘верить’ — литер. *оскыны* (также и в четырех формах этого слова), *оскыса* ‘веря’ — литер. *оскыса*, *оскысь* ‘верящий’ — литер. *оскысь*; *оскысь* ‘верующий’ — литер. *оскысь* (также и в трех формах этого слова); *осконэ* ‘моя вера’ POSS.1SG — литер. *осконэ*; ср. *oskîñî* (G, U), *osk-* (B, MU), *oskîñî* (S, M) ‘верить’ [Wichmann 1987: 185]; бавлПУ. *oskvne*, бесВ. *oskvne*, средВ., счК. *oskîñî*, южВБ. *oskvne* ‘верить, доверять’ < ПУдм *э;

пол ‘раз’ — литер. *пол*; ср. *pol* (G, B, M, J, U), *pol* (J, MU) ‘раз’ [Wichmann 1987: 203]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *pol* ‘раз’ < ПУдм *э;

понины ‘ставить’ — литер. *понины* (также и в шести формах этого слова), *пони́са* ~ *пони́са* ‘положив’ — литер. *пони́са*, *пони́ку* ~ *пони́ку* ‘во время прикладывания’ — литер. *пони́ку*, *понэм* ‘поставленный’ — литер. *понэм*; *понон* ‘прикладывание’ — литер. *понон*; *пононин* ‘в месте для складывания’ INE — литер. *пононин*; ср. *ponîñî* (G, U), *ponîñ-* (B), *ponîñî* (M), *ponîñî* (J, MU) ‘поставить, положить’ [Wichmann 1987: 204]; бавлПУ., южВБ. *ponvne*, бесВ. *ponvne*, средВ., счК. *ponini* ‘положить, поставить’ < ПУдм *э;

со ‘он, она’ — литер. *со*; *со* ‘тот’ — литер. *со*; *соос* ‘они’ — литер. *соос* (также и в пяти формах этого слова); *соку* ~ *соку* ‘тогда’ — литер. *соку*; *собрэ* ~ *собрэ* ‘затем, потом’ — литер. *собере*; ср. *so* (G, B, M, J, MU, U) ‘он, она, оно; тот, та, то’, *sojos* (G, M, J, MU), *sojos* (M, U), *soos* (G, B, M, J, MU), *souos* (MU) ‘они’, ср. *so-ku* (G, M, J), *so-ku* (G, J), *so-ku* (G, J), *so-kî* (B, U), *so-kî* (M, J, JI, MU), *so-kî* (MU), *so-kî* (U), *sok* (G) ‘тогда’ [Wichmann 1987: 224], *so-bere* (G, B, M, J, MU, U), *so-bere* (G, B), *se-bere* (G, MU, U), *se-bere* (G, B), *sö-böre* (J, MU), *so-bîre* (G), *so-bîre* (G, B), *se-bîre* (G, B), *se-bîre*, *se-bîre* (M), *so-bre*, *sobre*, *sebre* (G), *sebre* (G, MU), *so-bereze* (G), *se-bîreze* (G) ‘затем, потом’ [Wichmann 1987: 17];

тодамы ‘в нашу память’ ILL-POSS.1PL — литер. *тодамы* (также и в двух других формах слова *тод* ‘память’); *тодыны* ~ *тодыны* ‘знать’ — литер. *тодыны* (также и в трех формах этого слова), *тодыса* ‘зная’ — литер. *тодыса*; *тодон* ‘знание’ — литер. *тодон*; *тодыто* ‘сообщают’ PRS.3PL — литер. *тодыто* (также и в двух других формах слова *тодытыны* ‘дать знать; сообщить’); *тодытысь* ~ *тодытысь* ‘проповедующий’ — литер. *тодытысь*; ср. *tod* (G) ‘знание’, *todîñî* (G, U), *todî-* (B), *todñî* (M), *todîñî* (J, MU) ‘знать’, *todîñîñî* (G, U), *todîñî* (M), *todîñî* (MU) ‘сообщить’ [Wichmann 1987: 264]; бавлПУ. *tödné*, бесВ. *tödné*, средВ. *tödnî*, счК. *tödnî*, южВБ. *tödné* ‘знать, узнать’ < ПУДМ *э;

толалтэ ‘зимой’ — литер. *толалтэ*; ср. *tolalte* (G, M, MU, U), *töläte* (MU) ‘зимой’ [Wichmann 1987: 265]; бавлПУ., средВ. *töläte*, бесВ., счК., южВБ. *töl* ‘зима’ < ПУДМ *э;

тон ‘ты’ — литер. *тон* (также и в двух формах этого слова); ср. *ton* (G, B, M, J, MU, U) ‘ты’ [Wichmann 1987: 265]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *tön* ‘ты’ < ПУДМ *э;

шонёр ‘верно, правильно || правильный’ — литер. *шонер*; ср. *šonér* (G, MU, U), *šonér* (M) ‘прямой || прямо’ [Wichmann 1987: 248]; бавлПУ. *šön'erak*, бесВ., средВ., счК., южВБ. *šön'er* ‘прямо’ < ПУДМ *э;

чоже ‘в течение’ — литер. *чоже*; ср. *tšöž* (G, MU, U), *t'ož* (B) ‘определенное время’ [Wichmann 1987: 276]; бавлПУ., бесВ., средВ. *tšöžé*, счК., южВБ. *tšöžé* ‘за, в течение, в продолжение’ < ПУДМ *э;

чорыкъэс ‘рыбы’ PL — литер. *чорыкъэс*; ср. *t'sorîg* (G, U), *t'sorîg* (S, M, J, MU) ‘рыба’ [Wichmann 1987: 287].

б) /о/ в соответствии с литер. /i/:

почи ‘маленький; младший’ — литер. *пичи*; ср. *pi t'si* (M, J, MU), *pi t'si* (U), *pe t'si*, *pî t'si* (G), *po t'si* (G, B) ‘маленький; молодой’ [Wichmann 1987: 198]; Аз., Бел., ВБог., ВПар., ВСл., ВУн., Дон., Ел., Ер., Ис., Кол., Коч., Кыч., Люм, Мал., Оз., От., Пор., Пус., Пыш., Пышк., УЛек., Уш., Штан., Юш. *пичи*, Ан., Байр., БСаз., ВБог., Воег., ВПар., ВСл., Гул., Дзяк., Диз., Дон., Ел., Ер., Зол., Ис., Коб., Кож., Кос., Коршун., Коч., Куз., Кур., Люм, НЕл., НКуз., Оз., От., Пед., Пор., Пус., Пыш., СБез., Уш., Чар., Чур., Штан. *пöчи*, Быд., Зол., Кур., Пас., Пом., Шол. *пэчи* ‘маленький; младший’ [Карпова 2013: 388—389].

2. В первом слоге:

а) /о/ в соответствии с литер. /o/:

улон ‘жизнь’ — литер. *улон*; ср. *ulon* (G), *uilon* (MU) ‘жизнь’ [Wichmann 1987: 296];

уно ‘много’ — литер. *уно*; ср. *uno* (G, S, M, J, MU), *uno* (J), *ino* (U) ‘много’ [Wichmann 1987: 298]; бавлПУ. *unö*, южВБ. *onö* ‘много, множество’;

нильдон ‘сорок’ — литер. *ныльдон*; ср. *ñul'-don* (G, B, MU), *ñul'-don* (G), *ñil'-don* (M, J, MU), *ñil'-don* (U) ‘сорок’ [Wichmann 1987: 179] и др.

б) /о/ в соответствии с литер. /u/:

удморт ~ *удморт* ‘удмуртский’ — литер. *удмурт*; ср. *ud-mort* (G, U), *ud-murt* (S, M, J), *uk-mort* (MU) ‘удмурт’ [Wichmann 1987: 290]; сч. *удморт* (стар. пок., сред. пок.), *удмурт* (мол. пок.) ‘удмурт, удмуртка || удмуртский’ [Карпова 2013: 502].

В употреблении /о/ также встречаются лишь единичные отклонения, которые представлены в двух лексемах: *почи* ‘маленький; младший’ — литер. *пичи*, *удморт* ~ *удморт* ‘удмуртский’ — литер. *удмурт*. Оба варианта, согласно [Wichmann 1987], в конце XIX в. были характерны для глазовского диалекта.

Что касается современных диалектов, форма *удморт* зафиксирована в бесермянском наречии удмуртского языка (напр., *udmort mad'* ‘удмуртская песня’ [БС]), а также отмечена Л. Л. Карповой в среднечепецком диалекте. По мнению ученого, здесь наблюдается «сохранение праудмуртского *о в виде о (< праудм. *mort > мурт ‘человек’)» [Карпова 2018: 114], тогда как в абсолютном большинстве диалектов праудмуртский *о перешел в /u/ [Кельмаков 1993б: 17]. Вместе с тем, согласно данным словаря [Карпова 2013], форма *удморт* в среднечепецком диалекте постепенно выходит из употребления, поскольку на данный момент характерна лишь для старшего и среднего поколений, в речи более молодых носителей функционирует уже вариант *удмурт*.

Таблица 6. Соответствия гласного /o/

гласный памятника		первый слог		непервый слог	
		/o/		/o/	
соответствия	литер.	/o/ (25)	/i/ (1)	/o/	/u/ (1)
	по [Wichmann 1987]	G o (25) B o (15), u (1) S o (6) M o (22), e (1) J o (18), o ~ o (1) MU o (21), o (1), o ~ o (1) U o (21)	G e ~ i ~ o (1) B o (1) M i (1) J i (1) MU i (1) U i (1)	G o B o S o M o J o MU o U o	G o (1) S u (1) M u (1) J u (1) MU o (1) U o (1)
	по аудио- словарям	бавлПУ. o (20) бесВ. o (21) средВ. o (21) счК. o (23) южВБ. o (21)		бавлПУ. o южВБ. o	
ПУдм		*o			

Употребление гласного /a/

1. В первом слоге:

/a/ в соответствии с литер. /a/:

адзыны ‘видеть’ — литер. *адзыны* (также и в семи формах этого слова), *адзынтэк* ‘не видя’ — литер. *адзынтэк*; *адземзы* ‘их увиденное’ POSS.3PL — литер. *адземзы*, *адземзэс* ‘их увиденное’ POSS.3PL-ACC — литер. *адземзэс*; *адзытэм* ‘он, оказывается, показал’ 2PST.3SG — литер. *адзытэм*; *адзытэмэз* ‘его показ’ POSS.3SG — литер. *адзытэмэз*; *ацкыны* ‘виднеться’ — литер. *адзиськыны*, *ацкыса* ‘выглядя’ — литер. *адзиськыса*, *атскынтэк* ‘не показываясь’ — литер. *адзиськынтэк*; ср. *ad'd'žinî* (G, B), *ad'd'žinj* (M, J, JI), *add'žinj* (J), *ad'd'žinj* (MU), *ad'd'žinj* (MU), *ad'd'jîñî* (U) ‘видеть’ [Wichmann 1987: 2], *ad'd'žiskinj* (J, JI, MU), *adskinj* (JI), *at'skinj*, *aškinj* (MU), *atskîñî*, *at'skîñî* (G), *ad'd'žîkîñî* (B), *ad'd'jiskîñî* (U) ‘видеться, повидаться, (по-)казаться, свидеться’, *ad'd'žîñî* (G) ‘показать’ [Wichmann 1987: 3]; бавлПУ., южВБ. *adženê*, бесВ. *adžəpə*, средВ., счК. *adž:ini* ‘видеть, увидеть’ < ПУдм *a;

азьын ~ *азьын* ‘перед (послелог на вопрос где?)’ — литер. *азьын*; *азэ* ‘перед (послелог на вопрос куда?)’ — литер. *азэ*; *азьысэн* ‘с места’ EGR — литер. *азьысен*; *азьпалан* ‘впереди’ — литер. *азьпалан*; *азинзэ* ‘его успех в делах’ POSS.3SG-ACC — литер. *азинлыкэс*; ср. *az* (G, M, J, MU, U), *ad'ž* (J), *as* (U) ‘пространство перед чем-либо, передняя часть; место’ [Wichmann 1987: 11]; бесВ. *azpál*, средВ. *adž*, бавлПУ., счК., южВБ. *az* ‘перед, передняя часть’ < ПУдм *a;

айы ~ *айы* ‘отец’ — литер. *айы* (также и в девяти формах этого слова); ср. *aî* (G, JI), *ajî*, *ajî* (G), *ajj* (M, JI) ‘отец’ [Wichmann 1987: 3]; бавлПУ., южВБ. *ajé*, бесВ., средВ., счК. *ají* ‘самец’ < ПУдм *a;

арьэс ‘годы’ PL — литер. *арьэс*, *арын-но* ‘и в году’ INE — литер. *арын но*; *арэс* ‘лета’ — литер. *арес*; ср. *ar* (G, B, M, J, MU, U) ‘год’ [Wichmann 1987: 7], *ares* (M, J, MU, U) ‘годовалый’ [Wichmann 1987: 8]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *ar* ‘год; лета’ < ПУдм *a;

ачид ‘ты сам’ — литер. *ачид*; *ачиз* ~ *ачиз* ‘он сам’ — литер. *ачиз*; *ачимэс* ~ *ачимес* ‘мы’ — литер. *асьмеос* (также и в четырех формах этого слова); ср. *ač'sid* (G, B, U), *ač'sid* (G), (*ton*) *ač'sit* (U), *ač'sid* (M, J), *ton ač'sid* (M), *ač'sid*, *ton ač'sid* (MU) ‘ты сам’, *ač'siz* (G, B, U), *ač'siz* (G), *so ač'siz* (U), *ač'siz* (M, J, MU), *ač'siz* (J, MU), *so ač'siz* (MU), *ašsez* (< **ač'sizez*) (MU) ‘он сам’, *ač'simes* (G), *ašmes* (B), *ašmeješ* (J), *ač'sime*, *at'sme*, *ač'simes*, *ač'simez*, *mi ač'simes* (MU), *mi ač'simijos* (M), *mi ašmijos* (U) ‘мы сами’ [Wichmann 1987: 10];

вайыльлям ‘они, оказывается, принесли’ 2PST.3PL — литер. *вайыльлям/вайыльлямзы* (также и в других трех формах слова *вайыны* ‘доставить, принести’), *вайыса* ‘принося’ — литер. *вайыса*; *ваён* ‘приведение’ — литер. *ваён*; ср. *vajîñî* (G, B), *vajinj* (S, M, J, MU), *vajinj* (J, MU), *vajinî* (U) ‘приносить, привозить’ [Wichmann 1987: 310]; бавлПУ. *vajenê*, бесВ. *vajənê*, средВ. *vajni*, счК. *vajini* ‘принести, привести’ < ПУдм *a;

валамтэенызы 'из-за их непонимания' INS-POSS.3PL — литер. *валамтэенызы*; ср. *valànî* (G, U), *valànjî* (S, M, J), *vâùànjî* (J, MU) 'понимать' [Wichmann 1987: 310]; бавлПУ., бесВ., южВБ. *valané*, средВ., счК. *valani* 'понять, осмыслить' < ПУдм *а;

ванумэ ~ *ванумэ* 'в век' ILL — литер. *вануме*; ср. *ua-pum* (G, U), *ua-puŋ* (M, MU), *va-pum* (S), *va-puŋ* (MU) 'век, столетие' [Wichmann 1987: 305];

кадь 'как' — литер. *кадь*; ср. *kad'* (G, B, M, J) 'похожий; как' [Wichmann 1987: 86]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *kad'* 'будто, словно, как, как будто, подобно' < ПУдм *а;

ма 'что' — литер. *ма*; *мар* 'что' — литер. *мар*; *макэ* ~ *макэ* 'что' — литер. *маке*; ср. *ma* (G, B, J, MU), *mar* (G, B, M, J, MU, U) 'что?' [Wichmann 1987: 153]; бавлПУ., бесВ., южВБ. *mar*, средВ. *márэ*, счК. *ma* 'что' < ПУдм *а;

малпám 'он, оказывается, думал' 2PST.3SG — литер. *малпам*, *малпасá* 'думая' — литер. *малпаса*; ср. *malpànî* (G, U), *malpànjî* (M, J), *mâurànî* (J), *nâurànî* (MU) 'думать, мыслить' [Wichmann 1987: 155]; бавлПУ., южВБ. *malpané*, бесВ. *malpaekèné*, средВ., счК. *malpani* 'думать, мыслить' < ПУдм *а;

матысь 'близкий' — литер. *матысь*; ср. *matîs* (G), *matîs* (MU), *mâtîs* (U) 'близкий' [Wichmann 1987: 157]; бавлПУ. *matén*, бесВ., средВ., счК. *matin*, южВБ. *matén* 'близко' < ПУдм *а;

пальляназ 'в левый' ILL-DET — литер. *палляназ*; ср. *pal'lan* (G, B, MU, U), *pal'jan* (M) 'левый' [Wichmann 1987: 188]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *pal':án* 'левый' < ПУдм *а;

палэнтэм 'он, оказывается, убрал в сторону' 2PST.3SG — литер. *палэнтэм/палэнтэмез*; ср. *palentînjî* (G, U), *palentînjî* (M) 'уклонить в сторону, отложить' [Wichmann 1987: 187]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *pal* 'сторона, направление' < ПУдм *а;

саддяськысá 'придя в себя' — литер. *сазёмыса*; ср. *sad'd'aşkînjî* (G) 'протрезветь' [Wichmann 1987: 219];

сялальям 'они, оказывается, плевали' 2PST.3PL — литер. *сялальям/сялальямзы*; ср. *šalànî* (G, U), *šalànî* (M, J), *šâùànjî* (MU) 'плевать' [Wichmann 1987: 229]; бавлПУ., южВБ. *šalaekèné* 'плевать', бесВ. *šal'aşké* 'плюется' PRS.3SG, средВ. *šalaekîni*, счК. *šalanî* 'плевать' < ПУдм *а;

та 'этот' — литер. *та*; *тазь* ~ *тази* 'так' — литер. *таззы*; *тарэ* 'теперь' — литер. *табере*; *тамын* 'здесь' — литер. *тамын*; ср. *ta* (G, B, M, J, MU, U) 'этот; он, она, оно' [Wichmann 1987: 254], *taž* (G, B, U), *tažj*, *ta'žj* (M, J, MU), *taži* (MU), *ta'ži* (MU), *tažî*, *ta'žî* (U) 'так, таким образом', *tâtîj* (G, B, U), *taŋîj* (G), *tâtîj* (M, J, MU) 'здесь' [Wichmann 1987: 255], *ta'-berε* (G, B, M, J, MU), *ta-berε* (B, MU), *ta-berε* (B), *ta'-bîrε* (G), *ta-bîrε* (G, B), *ta'-bîrε* (MU), *ta-bîrε* (MU), *ta-brε*, *tarε* (G), *ta-bereze* (G, MU), *ta-bereze* (B), *ta-bîreze* (G, B) 'теперь, сейчас, отныне' [Wichmann 1987: 17]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *ta* 'этот' < ПУдм *а;

тямысэти 'восьмой' ORD — литер. *тямысэти*; ср. *t'amîs*, *t'jamîs* (G), *t'amîs* (M, MU), *t'amîs* (J), *t'amîs* (U) 'восемь' [Wichmann 1987: 271].

2. В непервом слогe:

/a/ в соответствии с литер. /a/:

пыласькысá 'купаюсь' — литер. *пыласькыса*; ср. *pîlaškinî* (M, J, MU), *pláškinî*, *pîlaškinî* (J), *pláškinî* (MU), *pîlaškinî* (U) 'купаться' [Wichmann 1987: 199]; бавлПУ. *pîlaškiné*, бесВ. *pláškiné*, средВ., счК. *pîlaškinî*, южВБ. *pîlaškiné* 'купаться; мыться';

нунál 'день' — литер. *нунал*; ср. *nunal* (G, B, M, J), *nunâŋ*, *nunâŋ*, *nunal*, *nînal* (J), *nînâŋ* (J, MU), *nînal* (U) 'день' [Wichmann 1987: 173]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *nunál* 'день';

толалтэ 'зимой' — литер. *толалтэ*; ср. *tolalte* (G, M, MU, U), *t'çâçtε* (MU) 'зимой' [Wichmann 1987: 265]; бавлПУ., средВ. *tolalté* 'зима' и др.

В употреблении гласного /a/ в соответствии с литературными нормами удмуртского языка нестандартных соответствий мы не выявили. Однако в анализируемом памятнике встречается еще одна особенность: первоначальный гласный /o/ языка-источника (в данном случае русского) в тексте [Закон Божий] соответствует фонеме /a/: *Госудáрствáмылы* 'нашему государству' POSS.1PL-DAT < рус. *государство*; *салдaтъёс* 'солдаты' PL (также и в трех других формах слова *солдат*) < рус. *солдат*; *цáрствáе* 'в царство' ILL (также и в других четырех формах слова *царство*) < рус. *царство*. На сегодняшний день подобные формы характерны для нижнечепецких говоров северного наречия удмуртского языка [Карпова 2018: 93], однако отдельные примеры встречаются и в говорах среднечепецкого диалекта (ср. Ан., Байд., Бач., Бел., БСаз., Быд., ВБог., ВПар., Воег., Деб., Дзяк., Дон., Ел., Ер., Заб., Зол., Ис., Кач., Коб., КНюр., Кож., Корш., Коршун., Кос., Коч., Кур., Лекш., Люк, Люм, МЛуд., Мос., НЕл., НКуз., Оз., От., Пом., Пуд., СБез., Сол., Ум., Уш., Чаб., Чар., Штан., Эр. *салдат*, Байд., Бач., Быд., ВБог., Дон., Зол., Ис., Кож., Коч., Кур., Люм, Оз., От., Пом., Пуд., Уш., Чар., Шол. *солдат* 'солдат || солдатский' [Карпова 2013: 436]).

Таблица 7. Соответствия гласного /a/

гласный памятник		первый слог /a/	непервый слог /a/
СООТВЕТСТВИЯ	литер.	/a/ (18)	/a/
	по [Wichmann 1987]	G a (17) B a (7) S a (3) M a (14) J a (9), a ~ ā (2) Л a (2) MU a (11), ā (3) U a (14)	G a B a M a J a, a ~ ā MU a, ā U a
	по аудио-словарям	бавлПУ. a (13) бесВ. a (13) средВ. a (13) счК. a (13) южВБ. a (12)	бавлПУ. a бесВ. a средВ. a счК. a южВБ. a
ПУДМ		*a	

В тексте «Закона Божия» наряду с другими особенностями прослеживается такое явление, как выпадение гласных. Чаще всего выпадению подвергается гласный /i/¹⁰. Однако стоит отметить, что данная особенность в памятнике имеет спорадический характер. Выпадение /i/ встречается в следующих случаях:

1) в конце глагольной основы I спряжения¹¹ перед аффиксами деепричастий *-са* и *-тэк* в таких словоформах, как: *шусá* ‘говоря’ — литер. *шуыса* (ср. также союз *шусá ~ шуса* ‘1) что; 2) чтобы’ — литер. *шуыса*; *šusa* (G, B, M, J, MU), *šuiša* (J, MU), *šui’sa* (J, MU), *šui’sa* (U) ‘говоря’ [Wichmann 1987: 251], *лусá ~ луса* (ср. *луысá*) ‘становясь, став; будучи’ — литер. *луыса*, *ситэк* ‘не съев’ — литер. *сиытэк*;

2) в утвердительных формах повелительного наклонения, образованных от глаголов I спряжения, в основе которых отсутствуют рядом стоящие согласные (в литературном языке конечный *ы* в данном случае также отпадает [УКК 2011: 164]): *кар* (ср. *кары́*) ‘сделай’ IMP.2SG — литер. *кар*, *си* ‘ешь’ IMP.2SG — литер. *си*, *сёт* (ср. *сёты*) ‘дай’ IMP.2SG — литер. *сёт*, *шумнот* ~ *шумнот* ‘радуйся’ IMP.2SG — литер. *шумноты*;

3) в отрицательных глагольных формах настоящего времени третьего лица единственного числа: *уг лу* (ср. *уг луы*) ‘не бывает’ — литер. *уг луы* (также *уг-ни лу* ‘уже нельзя’ — литер. *уг луы ни*), *уг лэзь* ‘не разрешает’ — литер. *уг лэзьы*;

4) на конце некоторых наречий, если /i/ предшествует мягкий согласный: *озь* ‘так’ — литер. *озьы*, *озь-ик* ‘так же’ — литер. *озьы ик*, *созь* ‘так’ — литер. *озьы* (ср. *ož* (G, B), *oži* (M), *oži* (S, M, J, MU), *o:ži* (J, MU) ‘так, таким образом’ [Wichmann 1987: 183]; кож., пон., юк. *оз’*, пон., яр. *оз’*, пон. *оз’* ‘так, таким образом’ [Карпова 2013: 366]; бавлПУ. *ožjén*, бесВ., счК. *ož*, средВ. *oži*, южВБ. *ožb* ‘так, таким образом’), *тазь* (ср. *тази*) ‘так’ — литер. *тазьы*, *тазь-ик* ‘так же’ — литер. *тазьы ик* (ср. *taž* (G, B, U), *tažj*, *ta:žj* (M, J, MU), *taži*, *ta:ži* (MU), *tažj*, *ta:žj* (U) ‘так, таким образом’ [Wichmann 1987: 255]; кож., пон., юк. *таз’* ~ *таз’ь*, пон., яр. *таз’* ~ *таз’ы*, пон. *таз’* ~ *таз’ь* ‘так, таким образом’ [Карпова 2013: 473]).

Все эти формы на сегодняшний день характерны для большинства говоров северного наречия удмуртского языка [Карпова 2018: 115—121]. Отдельные случаи представлены и в других удмуртских говорах, например, изменение, описанное в п. 1, широко распространено в срединных говорах, но может встречаться и в некоторых южных [Кельмаков 2006: 62], изменение, описанное п. 4, представлено в берсермянском наречии удмуртского языка [Люкина 2016: 41].

¹⁰ В нескольких лексемах выпадает /e/: *собрэ́* ~ *собрэ* ‘затем, потом’ — литер. *собрэ* (ср. сч. *собрэ́* ~ *собрэ́э* ~ *собрэ́э* ~ *срэ* ~ *сэрэ* ‘потом, затем, впоследствии’ [Карпова 2013: 442]), *сюлмы́н* ‘сердцем’ INS — литер. *сюлэмен*, *чо́ж* ‘в течение’ — литер. *чо́же* (ср. Бач., ВУн., Ел., Кож., Кос., Оз., Пор. *чо́ж*, Байд., ВБог., ВСл., Дон., Зол., Кор., Кур., Мос., Пас., Пуд. *чо́же* ‘послелог за, в течение, в продолжение’ [Карпова 2013: 442]).

¹¹ Глаголы I и II спряжения отличаются конечной гласной основы, которая стоит перед показателем инфинитива *-ны*. Глагольные основы с финальной *-ы-* относятся к I спряжению (напр., *мыныны* ‘идти, пойти’), а с *-а/-я-* — ко II спряжению (напр., *ужаны* ‘работать’).

Фонетические особенности также могут быть отражены в акцентуации. В рассматриваемом памятнике встречаются словоформы, в которых ударным отмечен то один, то другой слог, либо ударение вообще не обозначено. Однако такие случаи единичны, поэтому в анализируемом переводе «Закона Божия» мы можем выделить некоторые акцентуационные особенности, в отношении которых язык данного памятника отличается от литературного удмуртского языка. На сегодняшний день удмуртский язык характеризуется фиксированным типом словесного ударения. В абсолютном большинстве случаев оно падает на последний слог знаменательного слова, хотя есть и некоторые исключения. Так, например, в глаголах повелительного наклонения, а также в отрицательных формах изъявительного и условного наклонений ударение падает на первый слог (напр., *у́чкы* ‘смотри’, *уг у́жа* ‘он не работает’, *ой лэ́сьтысал* ‘я бы не сделал’). В говорах удмуртского языка, как правило, подобных отклонений представлено больше. Так, например, Л. Л. Карпова в акцентуационной системе севернoudмуртских диалектов выделяет порядка десяти групп слов, в которых ударение падает не на последний слог, что отличает северные говоры от литературного языка и большинства удмуртских диалектов [Карпова 2018: 123—135]. Две особенности подобного рода удалось выявить и нам в тексте [Закон Божий].

1) В глагольных формах, оканчивающихся на личные суффиксы *-мы*, *-ды*, *-зы*, ударение падает на предпоследний слог: *ваиськóмы* ‘мы приносим’ PRS-1-PL, *ушгьяськóмы* ‘мы хвалим’ PRS-1-PL, *поньськóмы* ‘мы ставим’ PRS-1-PL; *сётóды* ‘вы дадите’ FUT-2-PL; *мыныльля́мзы* ‘они, оказывается, пошли’ 2PST-3-PL, *яратыльля́мзы* ‘они, оказывается, любили’ 2PST-3-PL, *ушьялóзы* ‘они похвалят’ FUT-3-PL и др.

Аналогичное ударение в подобных формах отмечено диалектологами в среднечепецком, нижнечепецком диалектах и кезском говоре верхнечепецкого диалекта северного наречия [Карпова 2018: 124]. Кроме того, данная особенность характерна для бесермянского наречия [Люкина 2016: 46], а также для кукморского говора периферийно-южного диалекта удмуртского языка [Кельмаков 2006: 74]. Подобные формы с ударением не на последнем слове, по мнению В. К. Кельмакова, скорее всего, восходят «к ранним состояниям в развитии удмуртской акцентуации» [Кельмаков 1993б: 33].

2) В местоимениях и наречиях с приставкой *но-* ударение в основном падает на первый слог слова: *нóмрэ но* ~ *нóмре-но* ~ *номрэ-но* ‘ничего’, *нóкытысь* ‘нигде’, *нóкытцы* ‘никуда’, *нóкуно* ‘никогда’, *нóкудыз-но* ‘никто из них’, *нóкин-но* ~ *нóкинь-но* ~ *нокын-но* ‘никто’.

Подобные формы зафиксированы в бесермянском наречии [Люкина 2016: 47—48], граховских говорах южного диалекта [Атаманов 2005: 169], а также в диалектах северного наречия. При этом для говоров среднечепецкого диалекта характерно дублетное использование данных лексем с ударением как на первом слове, так и на последнем, хотя «более активно бытуют формы с фиксацией ударения на первом слове приставки» [Карпова 2018: 131].

Консонантизм

Система консонантизма современного удмуртского литературного языка состоит из 26 согласных фонем (/p/, /t/, /tʰ/, /k/, /b/, /d/, /dʰ/, /g/, /s/, /sʰ/, /ʃ/, /z/, /zʰ/, /ʒ/, /v/, /j/, /č/, /čʰ/, /ʒ/, /ʒʰ/, /m/, /n/, /nʰ/, /l/, /lʰ/, /r/), которые встречаются в исконно удмуртских словах. В заимствованиях представлены также согласные /f/, /x/, /c/, /šʰšʰ/.

Из 26 исконно удмуртских согласных фонем семь (/v/, /ʒ/, /ʒʰ/, /r/, /z/, /tʰ/, /dʰ/) имеют некоторые ограничения в дистрибуции. Аффриката /ʒʰ/ в удмуртских словах представлена лишь в двух позициях из трех возможных: а) в анлауте: *ʒоз* ‘кузнечик’, *ʒичы* ‘лиса, лисица’, *ʒуқыртыны* ‘скрипеть’; б) в инлауте: *кенʒали* ‘ящерица’, *кырʒаны* ‘петь, спеть’, *пегʒыны* ‘убегать, убежать’. Согласные /v/ и /ʒ/ в исконной лексике встречаются только в анлауте (*вай* ‘ветка, ветвь; сучок, сук’, *вурьыны* ‘шить, сшить; зашить; подшить’, *вышкы* ‘кадка, кадушка’; *ʒсажы* ‘полка’, *ʒсуы* ‘мох; лишайник’, *ʒсужыт* ‘высокий; рослый’), а также в инлауте в составе сложных слов, второй компонент которых начинается с соответствующей согласной (*йырвим* ‘мозг’, *улвай* ‘ветка, ветвь, ветки; сук, сучок, сучья’, *шайвыл* ‘кладбище’; *кóтʒеож* ‘обида, досада’, *тулʒеу* ‘горячие угли, жар’, *тылʒеуатон* ‘включатель’). Фонема /v/ в середине и в конце слова также может встречаться в заимствованной лексике. Функционирование фонем /r/, /zʰ/, /dʰ/ и /tʰ/ в ин- и ауслауте, напротив, не ограничено, а в анлауте они встречаются, как правило, лишь в заимствованиях. Согласные /tʰ/ и /dʰ/ в начале слова также употребляются в лексемах, имеющих относительно позднее происхождение¹², которые в основном представлены звукоподражательными и изобразительными словами (*тёр* ‘подражание звуку, который издает струйка жидкости или сыпучие материалы’, *тютю* ‘1) слово для подзывания птенцов; 2) птенец’; *динь-динь* ‘подражание звону (напр., колокольчика)’).

¹² В анлауте фонемы /tʰ/ и /dʰ/ в праудмуртском языке, как и в более ранний период, не употреблялись [Кельмаков 1993б: 37].

Алфавит памятника [Закон Божий] состоит из 41 буквы, из которых 25 согласных: *б, в, г, д, ж, жс, з, з̄, й, к, л, м, н, п, р, с, т, ф, ѓ, х, ц, ч, ч̄, ш, ш̄*. На основе анализа графической системы данного памятника письменности, который был проведен нами в первой части статьи, мы можем предположить, что консонантная система «Закона Божия» состоит из 31 согласной фонемы, из которых в исконно удмуртских словах встречаются 28:

— шумные:

- взрывные: /p/, /t/, /t'/, /k/, /b/, /d/, /d'/, /g/;
- фрикативные: /s/, /s'/, /š/, /z/, /z'/, /ž/, /v/;
- аффрикаты: /č/, /č'/, /c/, /ž/, /ž'/;

— сонанты:

- носовые: /m/, /n/, /n'/;
- боковые: /l/, /l'/;
- срединные: /ɥ/, /j/;
- вибрант: /r/.

Согласные /f/¹³, /x/ и /š's'/ в тексте памятника употребляются только в заимствованиях, напр.: *февраль* ‘февраль’ (< рус. *февраль*), *Виолеём* ~ *Виолеёмь* ‘Вифлеем’ (< рус. *Вифлеем*), *Христос* ~ *Христось* ~ *Христось* ‘Христос’ (< рус. *Христос*), *священникъ* ~ *священникъ* ‘священник’ (< рус. *священник*) и др.

Как видим, система консонантизма рассматриваемого памятника отличается от современного литературного наличием двух дополнительных фонем: а) смычно-щелевого согласного /c/, который функционирует в исконной лексике наряду с четырьмя аффрикатами /č'/, /č/, /ž'/ и /ž/, представленными в современном удмуртском языке (напр., *но́кытцы* [nokıccı] ‘никуда’ — литер. *нокытчы, быдцаесь* [bıccajes] ‘величиной с’ PL — литер. *быдзаесь*); б) билабиального сонанта /ɥ/, который встречается в тексте «Закона Божия» в анлауте некоторых слов перед /a/ (напр., *уаменцкэм* ‘упрямство’ — литер. *ваменскем*). Более подробно эти и другие особенности мы рассмотрим ниже.

Консонантизм в количественном отношении намного богаче вокализма. Однако, как показывают предыдущие исследования подобного характера по описанию памятников письменности, особенностей, связанных с системой согласных фонем, по сравнению с гласными, как правило, выявляется меньше. В связи с этим ниже мы рассмотрим лишь те согласные фонемы, в употреблении которых есть какие-либо отклонения от литературных норм современного удмуртского языка¹⁴.

Употребление согласного /m/

1. В анлауте:

/m/ в соответствии с литер. /m/:

мугорó ‘телесный’ — литер. *мугоро*; ср. *tugor* (G, M, J, MU, U) ‘тело, туловище’ [Wichmann 1987: 164]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *tugór* ‘тело, туловище’;

мурт ‘человек’ — литер. *мурт*; ср. *murt* (G, B, M, J, MU, U) ‘человек; мужчина; чужой человек’ [Wichmann 1987: 165]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *murt* ‘человек (незнакомый)’;

мыныны ‘идти’ — литер. *мыныны*; ср. *m̄n̄n̄n̄* (G, B, U), *m̄nn̄n̄* (M, J), *m̄jn̄n̄n̄* (J, MU), *m̄un̄n̄n̄* (MU) ‘идти; ехать’ [Wichmann 1987: 161]; бавлПУ. *m̄n̄n̄n̄*, бесВ. *m̄n̄n̄n̄*, средВ. *m̄n̄n̄n̄*, счК. *m̄n̄n̄n̄*, южВБ. *m̄n̄n̄n̄* ‘идти, пойти; ехать’ и др.

2. В инлауте:

/m/ в соответствии с литер. /m/:

лымы́ ‘снег’ — литер. *лымы*; ср. *l̄m̄* (G, B, U), *l̄m̄* (SI, M, J, MU) ‘снег’ [Wichmann 1987: 147]; бавлПУ. *l̄m̄*, бесВ. *l̄m̄*, средВ., счК. *l̄m̄*, южВБ. *l̄m̄* ‘снег’;

нимó ~ *нимо* ‘по имени; по названию’ — литер. *нимо*; ср. *n̄im* (G, B, M, J, MU, U), *n̄im* (B), *n̄im* (J) ‘имя; название’ [Wichmann 1987: 176]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *n̄im* ‘имя’;

пумтэм ‘бесконечный || бесконечно’ — литер. *пумтэм*; ср. *puṅ* (M, J, MU), *puṅ* (G) ‘конец’ [Wichmann 1987: 211]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *puṅ* ‘конец’ и др.

¹³ Данный согласный на письме передается двумя графемами: *ф* и *ѓ*.

¹⁴ При стандартном соответствии в качестве примера приведем по три слова (словоформы); при нестандартном соответствии перечислим все встречающиеся в тексте памятника слова (словоформы).

3. В ауслауте:

а) /m/ в соответствии с литер. /m/:

гужэм ~ *гужэм* 'лето' — литер. *гужем*; ср. *gužem* (G, B, M, J, MU, U) 'лето' [Wichmann 1987: 64]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *guzém* 'лето';

пилэм 'облако' — литер. *пилем*; ср. *pil'em* (G, M, J, MU, U) 'облако, туча' [Wichmann 1987: 196]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *pil'ém* 'облако, туча';

пöртэм 'разный; особенный' — литер. *пöртэм*; ср. *pertem* (G), *pörtem* (MU) 'разный, различный' [Wichmann 1987: 194]; бесВ., средВ., счК. *pzrtém* 'различный, разный' и др.

б) /m/ в соответствии с литер. /n/:

турым 'трава' — литер. *турын*; ср. *turĭn*, *tĭrĭn*, *turĭn* (G), *turim* (M, J, MU), *turĭni* (U) 'трава, сено' [Wichmann 1987: 269]; ВУн., Дзяк., Диз., НЕл. *турум*, Байд., Бач., Бел., Быд., ВПар., ВУн., Гул., Деб., Дзяк., Диз., Ел., Ер., Кос., Куз., Кыч., Мос., НЕл., Оз., Пыб., Пыш., СБез., УКар., Шол. *турун*, ВБог., ВПар., ВУн., Дон., Кол., Коч., Люм, Пус., Пыш., Сол., УКар., УКл. *турьн*, ВСл. *турым*, Ад., Бач., Диз., Ел., Зол., Кел., Кор., Кос., Мал., Оз., Пуд., Чир., Шоб., Юш. *турын*, Пом., Пыб. *турьн* '1) трава; 2) сено' [Карпова 2013: 490]; бавлПУ. *turém*, бесВ. *turén*, средВ., счК. *turĭn*, южВБ. *turém* 'трава, сено'; коми литер. *турун*, иж. *турын*, вв. *турин* 'трава, сено' [КЭСКЯ 1970: 287];

ялам ~ *ялам* 'вечно, всегда, постоянно' — литер. *ялан*; ср. *jalan* (B, S, M), *jalam* (G, B), *ǰ'alan* (MU), *ǰ'alan* (U) 'всегда, постоянно' [Wichmann 1987: 73]; сч. *йала-м* (больш.), Оз. *йа-лам*, Байд., Мал., Оз., Юш. *йалан* 'всегда; все время; все еще' [Карпова 2013: 210].

Таблица 8. Соответствия согласного /m/

согласный памятника		анлаут	инлаут	ауслаут	
		/m/	/m/	/m/	
	литер.	/m/	/m/	/m/	/n/ (2)
	соответствия	по [Wichmann 1987]	G m B m M m J m MU m U m	G m B m Sl m M m, η J m, η Il m MU m, η U m	G m B m M m J m MU m U m
по аудиословарям		бавлПУ. m бесВ. m средВ. m счК. m южВБ. m	бавлПУ. m бесВ. m средВ. m счК. m южВБ. m	бавлПУ. m бесВ. m средВ. m счК. m южВБ. m	бавлПУ. m (1) бесВ. n (1) средВ. n (1) счК. n (1) южВБ. m (1)

В данном случае употребление в памятнике /m/ в соответствии с литер. /n/ в словах *турым* 'трава' и *ялам* ~ *ялам* 'вечно, всегда, постоянно', вероятно, представляет собой инновационное явление (ср. ПУДМ **турун*, **jalan*). Функционирование данных форм в современных диалектах в целом совпадает с данными словаря [Wichmann 1987]: вариант *йалам* встречается в говорах нижнечепецкого и среднечепецкого диалектов удмуртского языка [Карпова 2018: 139], а форма *турым* характерна для южного наречия и для некоторых срединных говоров [Максимов 2010: 234]. Но, как видим, вариант *турын* зафиксирован Л. Л. Карповой и в одном из говоров среднечепецкого диалекта.

Употребление согласного /s'/

1. В анлауте

а) /s'/ в соответствии с литер. /s'/:

синмо 'зрячий' — литер. *синмо*; ср. *sin* (G, M, J), *siñ* (G, B, J, MU), *siñ* (MU), *sim* (U) 'глаз' [Wichmann 1987: 235]; бавлПУ., южВБ. *cin'*, бесВ., счК. *cin*, средВ. *s'in* 'глаз';

сiыны ‘есть’ — литер. *сиыны*; ср. *śiṅṅi* (G, B, U), *śini* (M, J), *śijni* (J, MU) ‘есть’ [Wichmann 1987: 234]; бавлПУ., южВБ. *eiṅṅé*, бесВ. *eiṅṅé*, средВ. *s'ijini*, счК. *eiini* ‘есть, съесть’;

сярись ~ *сярись* ‘о’ — литер. *сярись*; ср. *śariś* (G), *śariś* (J), *śariś* (U) ‘о, об’ [Wichmann 1987: 230] и др. б) /s/ в соответствии с литер. /s/:

сиземэз ‘обещание’ ACC — литер. *сiземез* (также и в двух других формах слова *сiзем* ‘обещание’); *сизэм* ‘он, оказывается, обещал’ 2PST.3SG — литер. *сiзем/сiземез*, *сизьыльям* ‘они, оказывается, обещали’ 2PST.3PL — литер. *сiзиллям/сiзиллямзы*; ср. *śiṅṅi* (G, U), *śiṅṅi* (M), *śiṅṅi* (J), *śiṅṅi* (MU) ‘обещать’ [Wichmann 1987: 237];

сизьыл ‘осенью’ — литер. *сiзьыл*; ср. *śiṅṅi* (M, J), *śiṅṅi* (G, U), *śiṅṅi* (J, MU), *śiṅṅi*, *śiṅṅi* (MU) ‘осень; осенью’ [Wichmann 1987: 222]; бавлПУ. *śiṅṅi*, бесВ. *eiṅṅi*, средВ. *śiṅṅi*, счК. *śiṅṅi*, южВБ. *śiṅṅi* ‘осень’; кож., пон., юк. *с'из'ыл*, пон., яр. *с'из'ыл*, пон. *с'из'ыл*, Ан., БСаз. *сиз'ыл* ‘осень || осенью’ [Карпова 2013: 459];

сiлы ~ *силы* ‘почитаемый’ — литер. *сiлы*; *ситэм-сантэм* ‘непочитаемый’ — литер. *сiтэм-сантэм*; ср. *silj* (S, M, MU) ‘в почете, почетный, почтенный’, *sitem* (G, J) ‘не в чести, не в уважении’ [Wichmann 1987: 221].

2. В инлауте

/s/ в соответствии с литер. /s/:

кесыны ‘порвать’ — литер. *кесыны*; ср. *keśṅṅi* (G, U), *keśni* (M) ‘рвать, изорвать’ [Wichmann 1987: 100]; бавлПУ., бесВ., южВБ. *keśṅṅé*, средВ., счК. *keśni* ‘рвать’;

лэстыны ‘делать’ — литер. *лэстыны*; ср. *leśṅṅi* (G, U), *leś-* (B), *leśṅṅi* (M, J, MU) ‘сделать’ [Wichmann 1987: 144]; бавлПУ., южВБ. *leśṅṅé*, бесВ. *leśṅṅé*, средВ., счК. *leśni* ‘сделать, делать’;

уаскыны ‘спуститься’ — литер. *уаскыны*; ср. *waśkṅṅi* (G, U), *waśki-* (M), *waśk-*, *waśk-* (MU), *waśki-* (S), *waśkiṅṅi* (J) ‘спуститься, слезть’ [Wichmann 1987: 308]; бавлПУ., южВБ. *waśkṅṅé*, бесВ. *waśkṅṅé*, средВ. *waśkiṅṅi*, счК. *waśkiṅṅi* ‘спуститься, слезть’ и др.

3. В ауслауте

/s/ в соответствии с литер. /s/:

матысь ‘близкий’ — литер. *матысь*; ср. *maṅṅi* (G), *maṅṅi* (MU), *maṅṅi* (U) ‘близкий’ [Wichmann 1987: 157];

пересь ‘старый’ — литер. *пересь*; ср. *peś* (G, B, M, J, MU, U), *peś* (U) ‘старый (только о живых существах)’ [Wichmann 1987: 192]; бавлПУ., бесВ., счК., южВБ. *peśé*, средВ. *peśé* ‘старый, пожилой’;

пöлысь ‘из’ — литер. *pölyсь*; ср. *peṅṅi* (G) ‘из, среди’ [Wichmann 1987: 194] и др.

Таблица 9. Соответствия согласного /s/

	согласный памятника		анлаут		инлаут	ауслаут
	литер.	/s/	/s/	/s/ (3)	/s/	/s/
соответствия	по [Wichmann 1987]	G ś	G ś (2), s (1)	G ś	G ś	
		B ś	S s (1)	B ś	B ś	
		M ś	M s (3)	S ś	M ś	
		J ś	J s (1)	M ś	J ś	
		J ś	J s (3)	J ś	MU ś	
		MU ś	MU ś (1), s ~ ś (1), s (1)	MU ś	U ś	
		U ś	U ś (2)	U ś		
по аудиословарям	бавлПУ. ε	бавлПУ. s (1)	бавлПУ. ε			
	бесВ. ε	бесВ. ε (1)	бесВ. ε			
	средВ. s'	средВ. s (1)	средВ. ε			
	счК. ε	счК. s (1)	счК. ε			
	южВБ. ε	южВБ. s (1)	южВБ. ε			

В данном случае представлена особенность, заключающаяся в употреблении в анлауте /s/ в соответствии с литер. /s/. Одна из лексем, выявленных нами в памятнике, приведена в словаре [Карпова 2013],

причем также с анлаутным мягким /s/. Аналогичные примеры зафиксированы Т. И. Тепляшиной в бесермянском наречии (напр., *s'iz'əl* ‘осень, осенний’, *s'iz'no* ‘обещать, завещать’ и др.) и объясняются систематическим смягчением твердого /s/ под влиянием последующего переднерядного /i/ [Тепляшина 1970б: 79—80]. Подобная форма с мягким анлаутным /s/ отмечена и нами во время экспедиции 2013 г. в одном из бесермянских говоров (бесВ. *ɛizəl* ‘осень’).

Употребление согласного /č/

1. В анлауте:

/č/ в соответствии с литер. /č/:

čож ‘в течение’ — литер. *čоже*; ср. *čož* (G, MU, U), *t'ož* (B) ‘определенное время’ [Wichmann 1987: 276]; бавлПУ., бесВ., средВ. *čəzə*, счК., южВБ. *čəzə* ‘за, в течение, в продолжение’;

čоі ‘вместе’ — литер. *čош*; ср. *čotš* (G, S, M, J, MU, U), *čoš* (J), *t'oš* (B) ‘вместе’ [Wichmann 1987: 275];

čукна ~ *čукна́* ‘утром’ — литер. *čукна*; ср. *čukna* (G, B, S, M, J, MU, U), *t'sukna* (B), *čug'na*, *čuk'na* (MU) ‘утром’ [Wichmann 1987: 276] и др.

2. В инлауте:

а) /č/ в соответствии с литер. /č/:

кортčоганы́ ‘распять’ — литер. *кортčоганы* (также и в пяти формах этого слова); ср. *kort-čog* (G, B, S, MU), *kor-čog* (MU) ‘гвоздь’ [Wichmann 1987: 122]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *kort* ‘железо’, бавлПУ., средВ., счК., южВБ. *čog*, бесВ. *čog* ‘вешалка; кол, колышек’;

коть кыčэ ~ *коть кыčе* ~ *коть кыčе* (ср. *коть кычэ*) ‘всякий, любой’ — литер. *котькыčе*; ср. *kečə* (G, M, U), *kjčə* (G), *köčə* (J, MU) ‘какой’ [Wichmann 1987: 126]; бавлПУ. *käfe*, бесВ., средВ., счК., южВБ. *kifə* ‘какой’;

сыčе ~ *сыčе* ‘такой’ — литер. *сыčе*; ср. *sīčə* (G), *sīčə* (S, M, J, MU), *tšičə*, *šičə* (U) ‘такой’ [Wichmann 1987: 224]; бесВ., средВ. *sīčə*, счК. *sifə* ‘такой’.

б) /č/ в соответствии с литер. /š/:

ваčкалá ‘древний’ — литер. *вашкала*; ср. *vaščkâca*, *vaškâca*, *vaščkâca*, *vaškâca* (MU), *vaščkala* (S), *vaškala*, *vaškâca* (J) ‘старый, древний, прежний’ [Wichmann 1987: 308];

луčкэм ‘про себя’ — литер. *лушкэм* ‘тайком, тайно’, *луčкалóзы* ‘украдут’ FUT-3-PL — литер. *лушкалóзы*; ср. *luščket* (G, M, J), *lušket* (U) ‘тайно, скрытно’, *luščkânî* (G), *luščkânî* (M), *luškânî* (MU), *luškânî* (U) ‘красть, воровать’ [Wichmann 1987: 149]; ВБог., ВСл., ВУн., Дон., Люм, Мыр., НБог., Пышк. *луčкас'кнь*, Байд., Кор., Корт., Кур., Мал., Мос., Мыр., Юш. *луčкас'кыны*, Мал., Юш. *лушкас'кыны* ‘украсть’ [Карпова 2013: 308];

пиčкыны́ ‘светиться’ — литер. *пиштыны* ‘светить’; ср. *pištîni* (M, J), *pištîni*, *piščkîni*, *pit'stîni* (G), *pîštîni* (U) ‘светить’ [Wichmann 1987: 197];

пуčкамы́ ‘в нас (досл. ‘в нашем нутре’) POSS.1PL — литер. *пушкамы* (ср. *пучкы́* ‘вовнутрь’ — литер. *пушкы*); ср. *pušč* (G, M, MU), *puš* (U), *puščk-* (M), *pušk-* (J), *pušk-* (U) ‘внутреннее пространство’ [Wichmann 1987: 214]; ср. коми литер. *пытшкӧс* ‘внутреннее пространство’, *пытшкӧ* ‘внутри’, *пытшкысь* ‘изнутри’ [КЭСНЯ 1970: 237].

3. В ауслауте:

а) /č/ в соответствии с литер. /ž/: *čоі* ‘по’ — литер. *čож*; ср. *čož* (G, MU, U), *t'ož* (B) ‘определенное время’ [Wichmann 1987: 276];

б) /č/ в соответствии с литер. /š/: *čоі* ‘вместе’ — литер. *čош*; ср. *čotš* (G, S, M, J, MU, U), *čoš* (J), *t'oš* (B) ‘вместе’ [Wichmann 1987: 275]; сч. *čоі* ~ *čош* ‘вместе, совместно; одновременно’ [Карпова 2013: 535]; коми литер. *тшӧтш* ‘вместе, совместно; сразу, одновременно’ [КЭСНЯ 1970: 290].

Что касается употребления /č/ в соответствии с литер. /š/ в инлауте, вероятно, в памятнике представлены более архаичные формы, поскольку для праудмуртского периода, по данным ученых, было характерно свободное функционирование аффрикат во всех позициях слова [Кельмаков 1987: 35]. На это указывают и коми параллели по [КЭСНЯ 1970].

Таблица 10. Соответствия согласного /č/

согласный памятника		анлаут		инлаут		ауслуат	
		/č/		/č/		/č/	
СООТВЕТСТВИЯ	литер.	/č/	/č/	/š/ (4)	/š/ (1)	/ž/ (1)	
	по [Wichmann 1987]	G tš B t', tš ~ t's S tš M tš J tš MU tš U tš	G tš B tš S tš M tš J tš MU tš U tš, š	G tš (2), tš ~ t's (1) S tš (1) M tš (2), š (1) J š (3), tš (1) MU tš (1), tš ~ š (1), š (1) U š (2), š (1)	G tš (1) B š (1) S tš (1) M tš (1) J tš ~ š (1) MU tš (1) U tš (1)	G ž (1) B ž (1) MU ž (1) U ž (1)	
	по аудиословарям	бавлПУ. <i>te</i> бесВ. <i>te</i> средВ. <i>te</i> счК. <i>f</i> южВБ. <i>f</i>	бавлПУ. <i>f</i> бесВ. <i>te, f</i> средВ. <i>f, te</i> счК. <i>f</i> южВБ. <i>f</i>				

В диссертационной работе Л. Л. Карпова отмечает, что в северноудмуртских диалектах (нижнечепецком, среднечепецком, спорадически в верхнечепецком) «в ряде слов в инлауте перед согласным *к* и в инлауте или конце слова после сочетания *-čГ* древняя аффриката *č* в основном сохраняется, тогда как в большинстве удмуртских диалектов и литературном языке она деаффрикатизируется и заменяется фрикативным *ш*» [Карпова 2018: 143]. В связи с этим мы можем внести в список лексем, подтверждающих данное соответствие, еще один пример употребления /č/ в соответствии с литер. /š/ в ауслуате: *čoč* 'вместе' — литер. *čoш*. А вот объяснить употребление /č/ в соответствии с литер. /ž/ в слове *čoč* 'по' проблематично, поскольку подобный вариант нам не удалось зафиксировать ни в словаре финского учебного, ни в современных диалектных материалах.

Употребление согласного /с/

В исконной лексике /с/ встречается только в инлауте:

а) /сс/ в соответствии с литер. /čč/:

но́кытчы 'никуда' — литер. *нокытчы*; ср. *kī·tsī* (G), *kītsī* (G), *kīt'sī* (B), *kī't'sī* (M), *kī·ts'ī* (J), *kī·t't'sī* (J), *kī·tsj* (MU), *kī't't'sī* (U) 'куда?' [Wichmann 1987: 127]; кож., пон., юк. *нокъццъ* ~ *но къццъ*, пон., яр. *нокыццы* ~ *но кыццы*, пон. *нокъццы* ~ *но къццы* '1) некуда; 2) куда' [Карпова 2013: 340];

отсы́ 'туда' — литер. *отчы*; ср. *o·tsī*, *otsī* (G), *ot'sī* (B), *ot't'sī* (S, M), *o·tsj* (J), *otsj* (MU), *ot't'sī*, *o·t't'sī* (U) 'туда' [Wichmann 1987: 183]; кож., пон., юк. *оццъ*, пон., яр. *оццы*, пон. *оццы* 'туда, в ту сторону' [Карпова 2013: 372].

б) /сс/ в соответствии с литер. /šš/:

быдцэсь 'величиной с' PL — литер. *быдцаесь*; ср. *bītsa* (G), *bītsa* (MU) 'величиной с' [Wichmann 1987: 22], *ogbjd'd'za* (M) 'одного возраста' [Wichmann 1987: 23]; кож., пон., юк. *бътса*, пон., яр. *бытса*, пон. *бътса*, Дон. *бъца* 'последлог величиной с' [Карпова 2013: 96].

Здесь представлена особенность, которая заключается в употреблении в инлауте /сс/ в соответствии с литер. /čč/. На сегодняшний день подобные формы встречаются в говорах северного наречия (среднечепецком, нижнечепецком, в отдельных говорах верхнечепецкого диалекта) [Карпова 2005: 59], в кукморском и частично шошминском говорах периферийно-южного диалекта [Кельмаков 2006: 238], а также в некоторых срединных и южных говорах удмуртского языка. Данная особенность объясняется тем, что «составные звуки аффрикаты *ч* (*m'c'*) в звукосочетании *тч*, встречающегося в нескольких наречиях, под влиянием твердого согласного *т* веларизуются и образуют звук *тс*, близкий русскому *ц*» [Карпова 2018: 157]. Вероятно, подобный переход с последующим оглушением происходит и в лексеме *быдцэсь* 'величиной с' PL — литер. *быдцаесь*.

Таблица 11. Соответствия согласного /с/

согласный памятника		анлаут	инлаут		ауслаут
			/сс/		
соответствия	литер.		/čč/ (2)	/čč/ (1)	
	по [Wichmann 1987]		G ts (2) B t's (2) S t't's (1) M t't's (2) J ts (1), ts' ~ t't's (1) MU ts (2) U t't's (2)	G ts (1) M d'd'z (1) MU ts (1)	
	по аудиословарям				

Употребление согласного /ц/

Фонема /ц/ (графически у) употребляется в анлауте нескольких слов перед /а/ в соответствии с литер. /v/:

у́азик ‘рано же’ — литер. *вазь ик*; ср. *ца́з* (G, B, M, MU, U), *vad'z* (S), *važ* (MU) ‘рано’ [Wichmann 1987: 308]; сч. *ваз'* ‘ранний || рано’ [Карпова 2013: 101], сч. *у́аз'* ‘ранний || рано’ [Карпова 2013: 137]; бавлПУ., счК., южВБ. *vaz*, бесВ. *waz*, средВ. *važ* ‘рано’; коми литер. *водз*, др.-перм. *уо́ж'*, вс. *о́ж'*, к.-я. *и́ж'* ‘рано’ [КЭСНЯ 1970: 60];

уалилля́м ‘они, оказывается, постелили’ 2PST.3PL — литер. *валиллям/валиллямзы*; *цал'и-* (B), *цал'ни* (M), *цал'ини* (MU), *цал'ини* (U), *вал'ини* (S, MU) ‘стелить’; *цал'es* (G, M, MU, U), *val'es* (B, S, J, MU) ‘постель’ [Wichmann 1987: 306]; кож., пон., юк. *вал'ънь*, пон., яр. *вал'ыны*, пон. *вал'бини* ‘постлать, постелить; подостлать, подстелить; настелить, настилать’ [Карпова 2013: 105], кож., пон., юк. *у́ал'ънь*, пон., яр. *у́ал'ыны*, пон. *у́ал'бини* ‘постлать, постелить’ [Карпова 2013: 139]; бавлПУ. *вал'енэ*, бесВ. *вал'эна́*, средВ. *вал'ickini*, счК. *wal'ini*, южВБ. *вал'env* ‘постелить, подстелить, настелить’; коми литер. *вольос*, вс. *ol'ras'*, к.-я. *il'ras'*, к.-п. *ol'ras'* ‘постель’ [КЭСНЯ 1970: 62];

уальля́ла ‘прежний’ — литер. *валляла* (ср. также *уальлэ* диал. ‘раньше; прежде чем...’, *уальлэн* диал. ‘раньше; сначала, вначале’, *уальлэн-ик* ~ *уальлэник* диал. ‘сначала, вначале же’, *уальлясянь* диал. ‘заранее, изначально’); ср. *цал'ан* (G, B), *vad'an* (S), *val'an* (MU), *цал'ан* (U) ‘раньше (B); прежде, в старину (MU); позавчера (S); в позапрошлом году (U); старый урожай (G)’ [Wichmann 1987: 308]; сч. *вал'лана* ‘древний, старинный’ [Карпова 2013: 104], сч. *у́ал'лана* (больш.), БСаз., Воег., Коршун. *у́ал'лана* ~ *у́ал'ала* ‘древний, старинный; прежний’ [Карпова 2013: 138];

уаменцкы́ны ‘делать наперекор’ — литер. *ваменскыны*; *уаменцкэм* ‘упрямство’ — литер. *ваменскем*; ср. *цатен* (G, B, M, MU, U) ‘поперек’ [Wichmann 1987: 306]; сч. *вамэнэс* ‘упрямый, непослушный’ [Карпова 2013: 106], сч. *у́амэнэс* ‘упрямый, непослушный’ [Карпова 2013: 141]; коми литер. *вамён*, вс. *отен*, п. *отен* ‘поперек’ [КЭСНЯ 1970: 62];

уа́нь ‘есть’ — литер. *вань*; ср. *цаи́*, *цайт-* (G, B, MU), *цаи́* (M, U), *ваи́* (S), *ваи́*, *цайт-* (J, MU) ‘есть, имеется; весь’ [Wichmann 1987: 307]; сч. *ван'* ‘есть, имеется’ [Карпова 2013: 106], сч. *у́ан'* ‘есть, имеется’ [Карпова 2013: 141];

уа́нь ~ *уань* ‘весь, все’ — литер. *вань*, *уаньзэ* ~ *уа́ньзэ* ‘всё’ DET-ACC — литер. *ваньзэ*; *уаньмы́з* ‘все’ — литер. *ваньмы́з* (также и в двух формах этого слова); *уаньмы* ‘все мы’ — литер. *ваньмы*; *уа́ньды* ‘все вы’ — литер. *ваньды*; *уа́ньзы* ‘все они’ — литер. *ваньзы*, *уа́ньзылы* ‘всем им’ DAT — литер. *ваньзылы*; ср. *цаи́*, *цайт-* (G, B, MU), *цаи́* (M, U), *ваи́* (S), *ваи́*, *цайт-* (J, MU) ‘есть, имеется; весь’ [Wichmann 1987: 307]; кож., пон., юк. *ва'н'зэ* ~ *ван'зэ*, пон., яр. *ва'н'зы* ~ *ван'зы*, пон. *ва'н'зэ* ~ *ван'зэ*: ‘они все’ [Карпова 2013: 106], кож., пон., юк. *у́а'н'зэ* ~ *у́ан'зэ*, пон., яр. *у́а'н'зы* ~ *у́ан'зы*, пон. *у́а'н'зэ* ~ *у́ан'зэ*: ‘они все’ [Карпова 2013: 141];

уаськы́ны ‘спуститься’ — литер. *васькыны* (также и в двух формах этого слова); *уаськемэ́з* ‘его спуск’ POSS.3SG — литер. *васькемэз*, *уаськемэ́з* ‘его спуск’ POSS.3SG-ACC — литер. *васькемэз*; ср. *ца́ск'ини́* (G, U), *ца́ск'и-* (M), *ца́ск-*, *ва́ск-* (MU), *ва́ск'и-* (S), *ва́ск'ини́* (J) ‘спуститься, слезть’ [Wichmann 1987: 308]; кож., пон., юк. *вас'кънь*, пон., яр. *вас'кыны*, пон. *вас'к'ини́* ‘спуститься, слезть; скатиться, стечь; сойти, выйти; пой-

ти' [Карпова 2013: 108], кож., пон., юк. *ўас'кънъ*, пон., яр. *ўас'кыны*, пон. *ўас'кѣнѣ* 'спуститься, слезть; ска- титься, стечь; сойти, выйти; пойти' [Карпова 2013: 143]; бавлПУ., южВБ. *vaekēnē*, бесВ. *vaekānē*, средВ. *vaekini*, счК. *waekini* 'спуститься, слезть';

уатэм 'он, оказывается, спрятал' 2PST.3SG — литер. *ватэм/ватэмез*, *уатыльлям* 'они, оказывается, спрятали' 2PST.3PL — литер. *ватіллям/ватіллямзы*; *уатэм* 'он, оказывается, схоронил' 2PST.3SG — ли- тер. *ватэм/ватэмез*, *уатыльлям* 'они, оказывается, схоронили' 2PST.3PL — литер. *ватіллям/ватіл- лямзы*, *уатэм* 'похороненный' — литер. *ватэм*, *уатэмьин* 'спрятан' — литер. *ватэмын*; *уатэм* 'погребение' — литер. *ватэм*, *уатэмзы* 'их погребение' POSS.3PL — литер. *ватэмзы*; ср. *џатѣнѣ* (G, B, U), *џатнѣ* (M), *џатинѣ* (MU), *ватинѣ* (S, MU) 'спрятать, прятать' [Wichmann 1987: 308]; кож., пон., юк. *ватънъ*, пон., яр. *ватыны*, пон. *ватѣнѣ* '1) прятать, спрятать; 2) хоронить, похоронить' [Карпова 2013: 109], кож., пон., юк. *ўатънъ*, пон., яр. *ўатыны*, пон. *ўатѣнѣ* '1) прятать, спрятать; 2) хоронить, похоронить' [Кар- пова 2013: 145]; к.-я. *ūtənə* 'спрятать, прятать' [КЭСКЯ 1970: 90].

Таблица 12. Соответствия согласного /ц/

согласный памятника		анлаут	инлаут	аушлаут
		/ц/ (графически у)		
соответствия	литер.	/v/ (8)		
	по [Wichmann 1987]	G ц (8) B ц (7) S v (7) M ц (7) J v (4) MU ц ~ v (6), ц (1), v (1) U ц (8)		
	по аудиословарям	бавлПУ. v (3) бесВ. v (2), w (1) средВ. v (3) счК. w (2), v (1) южВБ. v (3)		

В [Закон Божий] мы выделили восемь лексем, в анлауте которых перед /a/ употребляется /ц/ (графиче- ски у) в соответствии с литер. /v/. Все эти слова встречаются и в словаре [Wichmann 1987] с анлаутным *ц* как минимум в одном из диалектов, хотя чаще автором подобные варианты отмечены сразу в нескольких диалектах. Однако в анализируемом памятнике в данной позиции примерно в таком же количестве при- меров встречается и согласный /v/. В данном случае у трех из семи выявленных нами лексем Ю. Вихманном в анлауте зафиксирован *v* во всех диалектах, а у остальных четырех встречается как *v*, так и *ц*, ср.:

ваём 'он, оказывается, принес' 2PST.3SG — литер. *ваем/ваемез* (также и в других трех формах слова *вайыны* 'доставить, принести, привезти'), *вайыса* 'принеся' — литер. *вайыса*, *ваён* 'принос' — литер. *ваён*; ср. *vajēnē* (G, B), *vajinē* (S, M, J, MU), *vajinē* (J, MU), *vajinē* (U) 'принести, привезти' [Wichmann 1987: 310]; бавлПУ. *vajēnē*, бесВ. *vajēnē*, средВ. *vajinē*, счК. *vajinē* 'принести'; коми литер. *вайны*, др.-перм. *џaj-* 'приносить' [КЭСКЯ 1970: 47];

валамтэенызы 'из-за их непонимания' INS-POSS.3PL — литер. *валамтэенызы*; ср. *valānē* (G, U), *valānē* (S, M, J), *vāūānē* (J, MU) 'понимать' [Wichmann 1987: 310]; бавлПУ., бесВ., южВБ. *valanē*, средВ., счК. *valanē* 'понять, осмыслить'; коми литер. *велавны*, др.-перм. *veled*, к.-я. *vōlotnə*, *vōlatnə* 'усваивать, пони- мать' [КЭСКЯ 1970: 51];

ваньбур 'достаток' — литер. *ваньбур*; ср. *џаѣ-bur* (G, M, MU, U), *ваѣ-bur* (S, J, MU) 'все имущество, собственность, состояние' [Wichmann 1987: 307]; сч. *ван'бур* 'богатство' [Карпова 2013: 106]; сч. *џан'бур* 'богатство, достаток' [Карпова 2013: 141];

ванумэ ~ *ванумэ* 'в век' ILL — литер. *вануме*; ср. *џа-put* (G, U), *џа-пуџ* (M, MU), *ва-put* (S), *ва-пуџ* (MU) 'век, столетие' [Wichmann 1987: 305]; ср. коми литер. *ва*, вс. *р*, к.-п. *о*, к.-я. *и* 'год' [КЭСКЯ 1970: 59];

ватъсын 'над' — литер. *вадъсын*; ср. *џатъѣн* (G, U), *џатъѣн* (M), *џат'сѣн* (MU), *vatsin* (S), *vat'sin* (J, MU) 'около, рядом; против' [Wichmann 1987: 305—306]; кож., пон., юк. *ватсън*, пон., яр. *ватсын*, пон. *ватсѣн*, Кыч., Штан. *ватсън* ~ *ват'сън*, Байд., Ел., Кос., Мос., Чар. *ватсын* ~ *вад'эскын* 'против, напротив; над' [Кар-

пова 2013: 109]; кож., пон., юк. *ўатсын*, пон., яр. *ўатсын*, пон. *ўатсын*, Кыч., Штан. *ўатсын* ~ *ўат'сын*, Байд., Ел., Кос., Мос., Чар. *ўатсын* ~ *ўад'эскын* 'против, напротив; над' [Карпова 2013: 145];

валчэ 'вместе' — литер. *валче*; ср. *valt'se* (G, U), *va-lt'se* (G), *valt'se* (S), *val'se* (M), *vau't'se* (J, M), *vau'se* (J) 'вместе' [Wichmann 1987: 311]; сч. *валчэ* 'вместе, совместно' [Карпова 2013: 104];

ваікала 'древний' — литер. *ваикала*; ср. *vařškâua*, *vařškâua*, *vařškâua*, *vařškâua* (MU), *vařškala* (S), *vařkala*, *vařkâua* (J) 'старый, древний, прежний' [Wichmann 1987: 308]; сч. *ваикала* 'древний, старинный; первобытный' [Карпова 2013: 110]; сч. *ўаикала* 'древний, старинный; первобытный' [Карпова 2013: 146].

В общей сложности В. К. Кельмаков выделяет в удмуртских диалектах около трех десятков корней, в анлауте которых перед /a/ функционирует билабиальный сонант /ц/. Встречается эта особенность в той или иной мере во всех современных наречиях удмуртского языка: нижнечепецком и среднечепецком диалектах северного наречия, бесермянском наречии, отдельных говорах южного наречия (нижнеижском, татышлинском, буйско-таньпском), спорадически в срединных говорах [Кельмаков 2006: 83]. По мнению ученых, этот согласный в указанной позиции восходит к прапермскому *ц [Лыткин 1964: 24; Uotila 1933: 63—70], который при дальнейшем развитии консонантной системы удмуртского языка в большинстве случаев был замещен согласным /v/, имевшим бóльшую частотность в анлауте по сравнению с /ц/ [Кельмаков 2006: 85]. При этом процесс замещения анлаутного билабиального сонанта, по всей видимости, продолжается и в настоящее время, о чем свидетельствуют наблюдения Л. Л. Карповой. Исследовательница указывает, что в говорах среднечепецкого и нижнечепецкого диалектов анлаутный /ц/ «более последовательно отмечается в речи диалектоносителей старшего поколения, в речи молодежи встречается очень редко и заменяется губно-зубным в-» [Карпова 2018: 142].

Наряду с перечисленными особенностями консонантизма в тексте памятника [Закон Божий] можно также отметить явление ассимиляции согласных по палатальности. В этом случае /j/ подвергается полному уподоблению предшествующему согласному; при этом, если предыдущий согласный твердый, он сначала смягчается под действием /j/ и лишь потом происходит прогрессивная ассимиляция: *даньяськó* 'восхваляю' PRS.1SG — литер. *даньясько*; *лекаттяськém* 'хула' — литер. *лекаттяськем*; *óддям* 'он, оканчивается, начал' 2PST.3SG — литер. *óдьям*, *óддьяльямзы* 'они, оканчивается, начали' 2PST-3-PL — литер. *óдьяллям/óдьяллямзы* (ср. *ed'jànî*, *ed'd'anî* (G) 'начать' [Wichmann 1987: 53]; кож., пон., юк. *óд'дань*, пон., яр. *óд'даны*, пон. *óд'дань* 'намереваться; начать, положить начало (чему-либо)' [Карпова 2013: 375]); *каттяльям* 'он, оканчивается, излечивал' ITER-2PST.3SG — литер. *катьяллям* (ср. *kat'jànî* (G) 'выздоровливать' [Wichmann 1987: 94]; кож., пон., юк. *кат'ўас'кнь* ~ *кат'т'ас'кнь*, пон., яр. *кат'ўас'кны* ~ *кат'т'ас'кны*, пон. *кат'ўас'кнь* ~ *кат'т'ас'кнь* 'вылечиться, излечиться (после болезни)' [Карпова 2013: 237]).

Ассимиляция /j/ предшествующему согласному наблюдается в среднечепецком и нижнечепецком диалектах удмуртского языка, при этом, по мнению Л. Л. Карповой, этот процесс в говорах северного наречия «начался не так давно и продолжает развиваться в настоящее время» [Карпова 2018: 155]. Уподобление /j/ характерно также для бесермянского наречия [Люкина 2016: 65—66; Тепляшина 1970б: 151], отдельных срединных, южных и периферийно-южных говоров удмуртского языка [Кельмаков 2006: 104].

Выводы

Итак, если принимать во внимание только регулярные соответствия, то есть те, которые подтверждаются тремя и более лексемами, на основе сопоставления вокалической и консонантной систем текста [Закон Божий] с современным литературным удмуртским языком с учетом особенностей графики «Закона Божия», данных словаря [Wichmann 1987] и материалов современных диалектов, мы можем выделить несколько архаичных и инновационных черт, характерных для языка данного переводного памятника.

К архаичным особенностям мы можем отнести следующие:

- 1) употребление в непервом слогое /e/ в соответствии с литер. /j/ в послелогогах;
- 2) употребление в инлауте (ауслaute) /č/ в соответствии с литер. /š/;
- 3) употребление в анлауте /ц/ (графически у) в соответствии с литер. /v/ перед /a/.

Особенностями инновационного характера, по всей видимости, являются:

- 1) употребление /i/ в соответствии с литер. /j/ как в первом, так и в непервом слогое;
- 2) спорадическое выпадение гласного /i/, характерное для отдельных групп слов;
- 3) употребление в анлауте /s/ в соответствии с литер. /s/ перед /i/;
- 4) употребление в инлауте /c/ в соответствии с литер. /č/ (/š/);
- 5) ассимиляция /j/ предшествующему согласному.

Все перечисленные особенности как инновационного, так и архаичного характера в различной степени представлены, как мы показали выше, в большинстве говоров северного наречия удмуртского языка, при этом в наибольшей степени они характерны для среднечепецкого диалекта.

Среднечепецкий диалект распространен в Глазовском, Юкаменском, Ярском, частично Балезинском и Красногорском районах Удмуртской Республики. На сегодняшний день в нем выделяют балезинский, глазовский, юкаменский и ярский говоры, при этом глазовский подразделяется на два подговора: кожильский и понинский [Карпова 2018: 11]. Если учесть параллели из словаря Л. Л. Карповой [Карпова 2013], содержащего лексику среднечепецкого диалекта, можно предпринять попытку более конкретной локализации памятника, то есть определить, какой современный говор среднечепецкого диалекта является потомком языка анализируемого письменного источника. Для этого приведем все нестандартные соответствия, в которых встречаются особые рефлексии в соответствии с литературными формами, в том числе подтверждающиеся единичными лексемами, и посмотрим, в каких современных среднечепецких говорах¹⁵ они представлены.

В таблице 13 указаны соответствия для гласных памятника, отличающихся от литературных аналогов. Как видно, всего в памятнике встречается 11 нестандартных соответствий, при этом в восьми из них гласный памятника совпадает с гласным, отмеченным в словаре [Wichmann 1987] для глазовского диалекта.

Что касается параллелей со словарем Л. Л. Карповой, можно предположить, что язык памятника [Закон Божий] наиболее близок к понинскому подговору, поскольку в данном случае мы имеем совпадение в четырех случаях: в двух нестандартных соответствиях первого слога (употребление /i/ в соответствии с литер. /i/, употребление /i/ в соответствии с литер. /i/) и в двух — непервого слога (употребление /e/ в соответствии с литер. /i/, употребление /o/ в соответствии с литер. /u/). В кожильском подговоре, а также балезинском, юкаменском и ярском говорах совпадение с гласным памятника имеется лишь в двух случаях.

Таблица 13. Отражение нестандартных соответствий гласных памятника в современных среднечепецких говорах

позиция	гласный памятника	соответствия							
		литер.	по [Wichmann 1987] G	по [Карпова 2013]			бал.	юк.	яр.
				глаз.					
				кож.	пон.				
первый слог	/i/	/i/ (2)	и ~ и (1) î (1)	и (1) ь (1)	и ~ ы ~ ё ~ ь (2)	ы (2)	и ~ ь (1) ь (1)	и ~ ы (1) ы (1)	
непервый слог	/i/	/i/ (4)	o (1)	o ~ ь (1)	o ~ ы ~ ё ~ ь (1)	o ~ ы (1)	o ~ ь (1)	o ~ ы (1)	
первый слог	/i/	/i/ (1) /e/ (1)	î (1) e (1)	и (1) э (1)	и ~ ы ~ ь (1) э (1)	ы (1)	и ~ ь (1)	и (1)	
непервый слог	/i/	/i/ (2)	i (2)						
первый слог	/e/	/e/ (2)	е (1) е ~ e (1)						
непервый слог	/e/	/i/ (3)	î (2) î ~ e (1)						
первый слог	/e/	/e/ (1)	e ~ e (1)						
непервый слог	/e/	/i/ (1)	е ~ î (1)	ь (1)	ö ~ ы ~ ь (1)		ь (1)	ы (1)	
первый слог	/o/	/i/ (1)	е ~ î ~ o (1)	и ~ ö (1)	и ~ ö ~ э (1)	и ~ ö ~ э (1)	и ~ ö (1)	и ~ ö (1)	
непервый слог	/o/	/u/ (1)	o (1)	o ~ y (1)	o ~ y (1)	o ~ y (1)	o ~ y (1)	o ~ y (1)	

¹⁵ В таблицах 13 и 14 параллели приводятся по словарю [Карпова 2013], но с учетом диалектного членения, которое дано в работе [Карпова 2018], поскольку на данный момент, согласно Л. Л. Карповой, среднечепецкий диалект подразделяется на четыре говора: балезинский, глазовский, юкаменский и ярский. Ранее исследовательница выделяла лишь три говора: глазовский, юкаменский и ярский [Карпова 2013: 7]. Населенные пункты, которые, согласно [Карпова 2018], представляют балезинский говор среднечепецкого диалекта, в [Карпова 2013] были отнесены к понинскому подговору глазовского диалекта.

В системе консонантизма «Закона Божия» представлено восемь нестандартных соответствий (см. таблицу 14), при этом, за исключением одного случая — употребления /č/ в соответствии с литер. /ž/, согласные памятника в тех же позициях могут соответствовать одним и тем же фонемам как в словаре [Wichmann 1987], так и в словаре [Карпова 2013]. Явных особенностей в функционировании словотклонений памятника в современных среднечепецких говорах в данном случае мы не наблюдаем.

Таблица 14. Отражение нестандартных соответствий согласных памятника в современных среднечепецких говорах

позиция	согласный памятник	соответствия						
		литер.	по [Wichmann 1987] G	по [Карпова 2013]				
				глаз.		бал.	юк.	яр.
				кож.	пон.			
ауслaut	/m/	/n/ (2)	n (1) m (1)	n (1) m (1)	m ~ n (2)	n (1) m (1)	m ~ n (1) m (1)	m ~ n (2)
анлаут	/s'/	/s/ (3)	ś (2) s (1)	c' (1)	c' (1)	c' ~ c (1)	c' (1)	c' (1)
инлаут	/č/	/š/ (4)	tṣ̌ (2) tṣ̌ ~ t's (1)	č̣ (1)	č̣ ~ ш (1)	č̣ (1)	č̣ (1)	č̣ (1)
ауслaut	/č/	/š/ (1) /ž/ (1)	tṣ̌ (1) ẓ̌ (1)	č̣ ~ ш (1)	č̣ ~ ш (1)	č̣ ~ ш (1)	č̣ ~ ш (1)	č̣ ~ ш (1)
инлаут	/cc/	/č̣č̣/ (2)	ts (2)	цц (2)	цц (2)	цц (2)	цц (2)	цц (2)
		/č̣č̣/ (1)	ts (1)	тс (1)	тс ~ цц (1)	тс (1)	тс (1)	тс (1)
анлаут	/ц/	/v/ (8)	v ~ j̣ (8)	v ~ j̣ (8)	v ~ j̣ (8)	v ~ j̣ (8)	v ~ j̣ (8)	v ~ j̣ (8)

Таким образом, если учесть особенности вокализма, можно предположить, что в основе данного переводного памятника лежит диалект, который на сегодняшний день территориально совпадает с понинским подговором среднечепецкого диалекта северного наречия удмуртского языка. Поэтому не вызывает сомнения тот факт, что данный памятник, как и указано в названии, написан «на вотском языке глазовского наречия». В связи с этим можно также предположить, что работа над переводом текста «Закона Божия» на удмуртский язык шла в г. Глазове. В самом переводе указано, что данное издание — «Переводческой Комиссии 4-го благочиннического округа, Глазовского уезда, Вятской епархии» [Закон Божий: 1]. В начале XX в. в 4-й благочиннический округ Глазовского уезда Вятской епархии входили церкви г. Глазова, а также семнадцать удмуртских сел [Алф. указатель], но при этом только глазовские церкви были расположены на территории распространения современного понинского подговора удмуртского языка.

Сокращения

Языки и диалекты

- бавлПУ. — говор с. Покровский Урустамак (бавлинский говор периферийно-южного диалекта южного наречия удмуртского языка)
 бесВ. — говор д. Ворца (бесермянское наречие удмуртского языка)
 глаз. — глазовский диалект по [Лыткин, Тепляшина 1959]
 праудм. — праудмуртский
 ПУдм — праудмуртский
 рус. — русский язык
 средВ. — говор д. Вылынгурт (срединный говор удмуртского языка)
 счК. — говор д. Кабаково (среднечепецкий диалект северного наречия удмуртского языка)
 татар. — татарский язык
 южВБ. — говор с. Варклет-Бодья (центрально-южный диалект южного наречия удмуртского языка)

диалекты по [Wichmann 1987]:

В — бесермянский диалект
 G — глазовский диалект
 J — елабужский диалект
 Л — елабужский диалект по рукописному словарю
 В. Ислентьева

М — малмыжский диалект
 MU — малмыжско-уржумский диалект
 S — сарапульский диалект
 SI — слободской диалект
 U — уфимский диалект

языки и диалекты по [КЭСНЯ 1970]:

др.-перм. — древнепермский (XIV—XVII вв.)
 коми-зырянские диалекты:
 иж. — ижемский диалект
 вс. — верхнесысольский диалект
 вв. — верхневычегодский диалект

к.-п. — коми-пермяцкий литературный язык
 к.-я. — коми-язьвинский диалект
 п. — коми-пермские диалекты

диалекты по [Карпова 2013]:

сч. — среднечепецкий диалект северного наречия удмуртского языка
 кож. — кожильский подговор глазовского говора среднечепецкого диалекта
 ВПар. — с. Верхние Парзи, Глазовский район
 Гул. — д. Гулеково, Глазовский район
 Кож. — д. Кожиль, Глазовский район
 Люм — с. Люм, Глазовский район
 НКуз. — д. Нижняя Кузьма, Глазовский район
 УКл. — д. Удмуртские Ключи, Глазовский район
 пон. — понинский подговор глазовского говора среднечепецкого диалекта
 Ад. — д. Адам, Глазовский район
 Аз. — д. Азамай, Глазовский район
 Ан. — д. Андрейшур, Базезинский район
 БСаз. — д. Большое Сазаново, Базезинский район
 Быд. — д. Быдыпи, Базезинский район
 ВБог. — д. Верхняя Богатырка, Глазовский район
 Воег. — д. Воегурт, Базезинский район
 ВСл. — д. Верхняя Слудка, Глазовский район
 Деб. — д. Дебы, Красногорский район
 Дон. — д. Дондыкар, Глазовский район
 Заб. — д. Заболотное, Глазовский район
 Зол. — д. Золотарево, Глазовский район
 Ис. — д. Исаково, Базезинский район
 Каб. — д. Кабаково, Глазовский район
 Кач. — д. Качашур, Глазовский район
 Кел. — д. Кельдыково, Глазовский район
 КНюр. — д. Кер-Нюра, Базезинский район
 Коб. — д. Кобиньпи, Базезинский район
 Кол. — д. Колеваи, Глазовский район
 Кор. — д. Коротай Куреговского сельского поселения, Глазовский район
 Корт. — д. Кортышево, Глазовский район
 Корш. — д. Коршуново, Глазовский район
 Коршун. — д. Коршуново, Базезинский район
 Коч. — д. Кочишево, Глазовский район
 Кур. — д. Курегово, Глазовский район
 Лекш. — д. Лекшур, Глазовский район
 Люк — д. Люк, Базезинский район
 Мал. — д. Малягурт, Красногорский район
 МЛуд. — д. Малый Лудошур, Глазовский район
 Мыр. — д. Мыртыково, Глазовский район
 НБог. — д. Нижняя Богатырка, Глазовский район
 От. — д. Отогурт, Глазовский район
 Пас. — д. Паслаково, Глазовский район
 Пед. — д. Педоново, Глазовский район
 Пом. — д. Помяг, Глазовский район
 Пуд. — д. Пудвай, Глазовский район
 Пус. — д. Пусошур, Глазовский район
 Пыб. — д. Пыбья, Базезинский район
 Пышк. — д. Пышкец, Глазовский район
 Сол. — д. Солдырь, Глазовский район
 Труб. — д. Трубашур, Глазовский район
 УКар. — д. Удмуртский Караул, Красногорский район
 Ум. — д. Умск, Глазовский район
 Уш. — д. Ушур, Базезинский район
 Чир. — д. Чиргино, Глазовский район
 Шол. — д. Шолоково, Базезинский район
 Штан. — д. Штанигурт, Глазовский район
 Эр. — д. Эркешево, Базезинский район
 Юш. — д. Юшур, Красногорский район
 Яг. — д. Ягошур, Базезинский район
 юк. — юкаменский говор среднечепецкого диалекта
 Байр. — д. Байран, Юкаменский район
 Бел. — д. Беляново, Юкаменский район
 ВУн. — д. Верхние Уни, Юкаменский район
 Ер. — д. Ертем, Юкаменский район
 Кочук. — д. Кочуково, Юкаменский район
 Кыч. — д. Кычён, Юкаменский район
 Нел. — д. Ново-Елово, Юкаменский район
 Пор. — д. Порово, Юкаменский район
 Пыш. — д. Пышкет, Юкаменский район
 СБез. — д. Старый Безум, Юкаменский район
 Чур. — д. Чурашур, Юкаменский район
 яр. — ярский говор среднечепецкого диалекта
 Байд. — д. Байдалино, Ярский район
 Бач. — д. Бачумово, Ярский район
 Дзяк. — д. Дзякино, Ярский район
 Диз. — д. Дизьмино, Ярский район

Ел. — с. Елово, Ярский район
 Кос. — д. Костромка, Ярский район
 Куз. — д. Кузьмино, Ярский район
 Кычин. — д. Кычино, Ярский район
 Мос. — д. Мосеево, Ярский район
 Оз. — д. Озерки, Ярский район

Тум — д. Тум, Ярский район
 УЛек. — д. Усть-Лекма, Ярский район
 Чаб. — д. Чабырово, Ярский район
 Чар. — д. Чарланово, Ярский район
 Шоб. — д. Шобоково, Ярский район
 Юд. — д. Юдчино, Ярский район

Г л о с с ы

1, 2, 3 — первое, второе, третье лицо
 1PST — первое (очевидное) прошедшее время
 2ILL — иллатив (жилищно-местный)
 2PST — второе (неочевидное) прошедшее время
 ABL — аблатив
 ACC — аккузатив
 ADV — адвербиаль
 CMP — сравнительная степень
 COND — условное наклонение
 CONJ — союз
 DAT — датив
 DET — детерминативный аффикс
 EGR — эгрессив
 ELA — элатив
 FUT — будущее время
 GEN — генитив
 ILL — иллатив

IMP — повелительное наклонение
 INE — инессив
 INF — инфинитив
 INS — инструменталис
 ITER — итератив
 NEG — отрицательный глагол
 OBL — косвенная форма
 ORD — порядковое числительное
 PART — частица
 PL — множественное число
 POSS — посессивный показатель
 PROL — пролатив
 PRS — настоящее время
 REFL — рефлексив
 SG — единственное число
 TER — терминатив

О б щ и е

больш. — большинство
 Г — гласный
 диал. — диалект, диалектный
 досл. — дословно; дословный перевод
 литер. — литературная форма, литературный язык

мол. пок. — молодое поколение
 разг. — разговорное слово или выражение
 сред. пок. — среднее поколение
 стар. пок. — старшее поколение
 устар. — устаревшее слово или выражение

Л и т е р а т у р а

Азбука Глаз. — Азбука, составленная изъ Россійскихъ, церковной и гражданской печати, буквъ, для обученія вотскихъ дѣтей чтенію на ихъ нарѣчїи (По Глазовскому). Казань, 1847. (Переизд.: Первые печатные книги на удмуртском языке. Глазовское наречие (Репринтное воспроизведение текстов издания 1847 г.) / Сост. *Ившин Л. М.* Отв. за вып. *Карпова Л. Л.* Предисл. *Ившина Л. М.* (Памятники культуры: Лингвистическое наследие, 3.) Ижевск, 2003. С. 387—558.) {The ABC book compiled from Russian letters of canonical and civil print for teaching Wotyak children to read in their language (in Glazovskoye). Kazan, 1847 (Reprint: The first printed books in the Udmurt language. Glazov dialect (Reprint of the texts of the 1847 eidtion) / Comp. by *L. M. Ivshin*. Ed. by *L. L. Karpova*. Introduction by *L. M. Ivshin* (Cultural monuments: Linguistic heritage, 3.) Izhevsk, 2003. P. 387—558.)}

Азбука Сар. — Азбука, составленная изъ Россійскихъ, церковной и гражданской печати, буквъ, для обученія вотскихъ дѣтей чтенію на ихъ нарѣчїи (По Сарапульскому). Казань, 1847. (Переизд.: Первые печатные книги на удмуртском языке. Сарапульское наречие (Репринтное воспроизведение текстов издания 1847 г.) / Сост. *Ившин Л. М.* Отв. за вып. *Кириллова Л. Е.* Предисл. *Ившина Л. М.* (Памятники культуры: Лингвистическое наследие, 4.) Ижевск, 2003. С. 249—439.) {The ABC book compiled from Russian letters of canonical and civil print for teaching Wotyak children to read in their language (in Sarapulskoe). Kazan, 1847 (Reprint: The first printed books in the Udmurt language. Sarapul dialect (Reprint of the texts of the 1847 edition) / Comp. by *L. M. Ivshin*. Ed. by *L. E. Kirillova*. Introduction by *L. M. Ivshin* (Cultural monuments: Linguistic heritage, 4.) Izhevsk, 2003. P. 249—439.)}

Алатырев 1975а — *Алатырев В. И.* Введение // Первая научная грамматика удмуртского языка. Ижевск, 1975. С. 3—15. {*Alatyrev V. I.* Introduction // The first scientific grammar of the Udmurt language. Izhevsk, 1975. P. 3—15.}

Алатырев 1975б — *Алатырев В. И.* Примечания // Первая научная грамматика удмуртского языка. Ижевск, 1975. С. 1—17. {*Alatyrev V. I.* Commentaries // The first scientific grammar of the Udmurt language. Izhevsk, 1975. P. 1—17.}

Алатырев 1976 — *Алатырев В. И.* Первая научная грамматика 1775 года и развитие удмуртского языкознания // 200 лет удмуртской письменности. Ижевск, 1976. С. 15—36. {*Alatyrev V. I.* The first scientific grammar of 1775 and the development of Udmurt linguistics // 200 years of Udmurt writing. Izhevsk, 1976. P. 15—36.}

Алатырев 1977 — *Алатырев В. И.* Об авторстве первых чувашской, удмуртской и марийской грамматик // Советское финно-угроведение. 1977, 3 (XIII). С. 208—215. {*Alatyrev V. I.* About the authorship of the first Chuvash, Udmurt and Mari grammars // Soviet Finno-Ugric Studies. 1977, 3 (XIII). P. 208—215.}

Алф. указатель — Алфавитный указатель сел и церквей Вятской епархии, с подразделением их на благочиннические округа, с указанием почтового адреса // КОГБУ «ГАКО». Ф. 237, оп. 74, д. 3406, л. 3—30. {Alphabetical index of villages and churches of the Vyatka diocese, with their division into deanery districts, indicating the mailing address // The central state archive of the Kirov region. Fund 237, series 74, item 244, sheets 3—30.}

Атаманов 2005 — *Атаманов М. Г.* Песни и сказы ушедших эпох = Эгра кырза, Эгра вера. Ижевск, 2005. {*Atamanov M. G.* Songs and tales of bygone eras. Izhevsk, 2005.}

Безенова 2014 — *Безенова М. П.* Удмуртский вокализм первого слога в историческом аспекте (на материале памятников письменности и современных диалектов). Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2014. {*Bezenova M. P.* Udmurt vocalism of the first vowel in historical aspect (a case study of written monuments and modern dialects). Ph. D. thesis. Moscow, 2014.}

Безенова 2016а — *Безенова М. П.* «Наставление христианское святителя Тихона на вотском языке» (1891) («Зеч кыльёс. Святой Тихонлэн зечлы дышетэм кыльёсыз»): графические и вокалические особенности // Урало-алтайские исследования. 2016, 1 (20). С. 7—40. {*Bezenova M. P.* The Udmurt written monument “Christian admonition of St. Tikhon in the Votyak language” (1891): graphical and vocalic features // Ural-Altai Studies. 2016, 1 (20). P. 7—40.}

Безенова 2016б — *Безенова М. П.* «Наставление христианское святителя Тихона на вотском языке» (1891) («Зеч кыльёс. Святой Тихонлэн зечлы дышетэм кыльёсыз»): особенности консонантизма // Урало-алтайские исследования. 2016, 3 (22). С. 46—63. {*Bezenova M. P.* The Udmurt written monument “Christian admonition of St. Tikhon in the Votyak language” (1891): consonant features // Ural-Altai Studies. 2016, 3 (22). P. 46—63.}

Безенова 2017 — *Безенова М. П.* «Наставление христианское святителя Тихона на вотском языке» (1891) («Зеч кыльёс. Святой Тихонлэн зечлы дышетэм кыльёсыз»): именная морфология // Урало-алтайские исследования. 2017, 2 (25). С. 7—24. {*Bezenova M. P.* “Christian admonition of St. Tikhon in the Votyak language” (1891): nominal morphology // Ural-Altai Studies. 2017, 2 (25). P. 7—24.}

Безенова 2018 — *Безенова М. П.* «Наставление христианское святителя Тихона на вотском языке» (1891) («Зеч кыльёс. Святой Тихонлэн зечлы дышетэм кыльёсыз»): глагольная морфология // Урало-алтайские исследования. 2018, 1 (28). С. 7—22. {*Bezenova M. P.* The “Christian admonition of St. Tikhon in the Votyak language” (1891): verbal morphology // Ural-Altai Studies. 2018, 1 (28). P. 7—22.}

Белова 2002 — *Белова Е. Б.* Развитие кириллического изображения аффрикат // Первой удмуртской грамматике 225 лет: Сб. статей. Ижевск, 2002. С. 98—105. {*Belova E. B.* The development of the Cyrillic affricate image // The First Udmurt Grammar 225 years. Collection of articles. Izhevsk, 2002. P. 98—105.}

БС — Бесермянский словарь // <http://beserman.ru/?page=dictionary> {Beserman dictionary // <http://beserman.ru/?page=dictionary>}

Вахрушев 1975 — *Вахрушев В. М.* Первая удмуртская грамматика и развитие удмуртской лингвистики // Вопросы удмуртского языкознания. Вып. 3. Ижевск, 1975. С. 3—23. {*Vakhrushev V. M.* The first Udmurt grammar and development of the Udmurt linguistics // Issues in Udmurt linguistics. Is. 3. Izhevsk, 1975. P. 3—23.}

Вахрушев 1976 — *Вахрушев В. М.* Формирование и развитие удмуртского литературного языка // 200 лет удмуртской письменности. Ижевск, 1976. С. 37—43. {*Vakhrushev V. M.* Formation and development of the Udmurt literary language // 200 years of Udmurt writing. Izhevsk, 1976. P. 37—43.}

Закон Божий — Закон божий: Книжка с картинками для маленьких детей на вотском языке глазовского наречия. Часть I. Казань, 1912. {God’s law: A book with pictures for young children in the Votyak language of the Glazov dialect. Part I. Kazan, 1912.}

Ившин 1998 — *Ившин Л. М.* Графические особенности удмуртско-русского словаря Захария Кротова // Проблемы удмуртской и финно-угорской филологии: Межвузовский сборник научных трудов. Ижевск, 1998. С. 140—145. {*Ivshin L. M.* Graphic features of the Udmurt-Russian dictionary by Zakhary Krotov // Problems of the Udmurt and Finno-Ugric Philology. Interuniversity collection of scientific papers. Izhevsk, 1998. P. 140—145.}

Ившин 2001 — *Ившин Л. М.* Некоторые графические особенности переводного Евангелия 1847 года // Пермистика 8: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: Сб. статей. Сыктывкар, 2001. С. 99—103. {*Ivshin L. M.* Some graphic features of the translated Gospel of 1847 // Permistika 8: Dialects and history of Perm languages in interaction with other languages. Collection of articles. Syktyvkar, 2001. P. 99—103.}

Ившин 2002а — *Ившин Л. М.* О некоторых диалектных особенностях Евангелия от Матфея 1847 года // Первой удмуртской грамматике 225 лет: Сб. статей. Ижевск, 2002. С. 153—158. {*Ivshin L. M.* About some dialectal features of the Gospel of Matthew 1847 // First Udmurt grammar 225 years. Collection of articles. Izhevsk, 2002. P. 153—158.}

Ившин 2002б — *Ившин Л. М.* Об удмуртской орфографии XVIII века // Вордском кыл. 2002, 2. С. 57—62. {*Ivshin L. M.* About the Udmurt spelling of the 18th century // *Mother tongue*. 2002, 2. P. 57—62.}

Ившин 2003а — *Ившин Л. М.* Предисловие // Первые печатные книги на удмуртском языке: Глазовское наречие (Репринтное воспроизведение текстов издания 1847 г.) / Сост. *Ившин Л. М.* Отв. за вып. *Карпова Л. Л.* Предисл. *Ившина Л. М.* (Памятники культуры: Лингвистическое наследие, 3.) Ижевск, 2003. С. 5—12. {*Ivshin L. M.* Foreword // The first printed books in the Udmurt language. Glazov dialect (Reprint of the texts of the 1847 edition) / Comp. by *L. M. Ivshin*. Ed. by *L. L. Karpova*. Introduction by *L. M. Ivshin* (Cultural monuments: Linguistic heritage, 3.) Izhevsk, 2003. P. 5—12.}

Ившин 2003б — *Ившин Л. М.* Предисловие // Первые печатные книги на удмуртском языке: Сарапульское наречие (Репринтное воспроизведение текстов издания 1847 г.) / Сост. *Ившин Л. М.* Отв. за вып. *Кириллова Л. Е.* Предисл. *Ившина Л. М.* (Памятники культуры: Лингвистическое наследие, 4.) Ижевск, 2003. С. 5—10. {*Ivshin L. M.* Foreword // The first printed books in the Udmurt language. Sarapul dialect (Reprint of the texts of the 1847 edition) / Comp. by *L. M. Ivshin*. Ed. by *L. E. Kirillova*. Introduction by *L. M. Ivshin* (Cultural monuments: Linguistic heritage, 4.) Izhevsk, 2003. P. 249—439.}

Ившин 2005 — *Ившин Л. М.* Некоторые графические особенности Евангелия от Марка 1847 года (глазовского наречия) // Марийская филология: Ученые записки, посвященные 70-летию профессора И. Г. Иванова. Йошкар-Ола, 2005. С. 118—121. {*Ivshin L. M.* Some graphic features of the Gospel of Mark 1847 (Glazov dialect) // *Mari Philology: Scientific notes on the 70th anniversary of Professor I. G. Ivanov*. Yoshkar-Ola, 2005. P. 118—112.}

Ившин 2008 — *Ившин Л. М.* Традиционное и диалектное в памятниках удмуртской письменности первой половины XIX века // Вестник Чувашского университета. 2008, 1. С. 169—173. {*Ivshin L. M.* Traditional and dialect in the monuments of the Udmurt writing of the first half of the XIX century // *Bulletin of the Chuvash University*. 2008, 1. P. 169—173.}

Ившин 2009а — *Ившин Л. М.* О рукописном удмуртско-русском словаре 1816 года // *Linguistica Uralica*. 2009, 1 (XLV). С. 44—48. {*Ivshin L. M.* About the handwritten Udmurt-Russian dictionary of 1816 // *Linguistica Uralica*. 2009, 1 (XLV). P. 44—48.}

Ившин 2009б — *Ившин Л. М.* Становление и развитие удмуртской графики и орфографии в XVIII — первой половине XIX века. Дисс. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2009. {*Ivshin L. M.* Formation and development of Udmurt graphics and orthography in 18th — first half of 19th centuries. Ph. D. thesis. Izhevsk, 2009.}

Ившин 2010а — *Ившин Л. М.* Материалы Й. Ф. Фишера по удмуртскому языку: лингвистическая характеристика // Урало-алтайские исследования. 2010, 1 (2). С. 86—94. {*Ivshin L. M.* Materials of J. F. Fisher on the Udmurt language: linguistic characteristics // *Ural-Altaic Studies*. 2010, 1 (2). P. 86—94.}

Ившин 2010б — *Ившин Л. М.* Становление и развитие удмуртской графики и орфографии в XVIII — первой половине XIX века. Екатеринбург — Ижевск, 2010. {*Ivshin L. M.* Formation and development of Udmurt graphics and orthography in the 18th — first half of the 19th centuries. Ekaterinburg — Izhevsk, 2010.}

Ившин 2013 — *Ившин Л. М.* Рукописное наследие Г. Е. Верещагина. Русско-удмуртские словари // *Linguistica Uralica*. 2013, 3 (XLIX). С. 208—213. {*Ivshin L. M.* Manuscript heritage of G. E. Vereshchagin. Russian-Udmurt dictionaries // *Linguistica Uralica*. 2013, 3 (XLIX). P. 208—213.}

Ившин 2017 — *Ившин Л. М.* Об особенностях языка «Первой книги для чтения на вотском языке» И. С. Михеева // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017, 3. С. 90—94. {*Ivshin L. M.* About the features of the language of the “First book for reading in the Votyak language” by I. S. Mikheev // *Bulletin of the Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2017, 3. P. 90—94.}

Иоанн — От Иоанна святое благовествование (Иоаннлэсь святой благовествование) // СПб., Архив РАН, ф. 94, оп. 1, № 244, 61 л. {The holy gospel according to John (Ioannles svyatoy blagovestvovanie) // SPb, RAS Archive. Fund 94, series 1, item 244, 61 sheets.}

Каракулов 1987а — *Каракулов Б. И.* О диалектных особенностях памятников удмуртской письменности XIX в. // Пермистика: Вопросы диалектологии и истории пермских языков. Ижевск, 1987. С. 103—107. {*Karakulov B. I.* About the dialectic specifics of the Udmurt written monuments of the 19th century // *Permistica: Issues in dialectology and history of Perm languages*. Izhevsk, 1987. P. 103—107.}

Каракулов 1987б — *Каракулов Б. И.* Диалектная основа удмуртского литературного языка. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1987. {*Karakulov B. I.* The dialect base of the Udmurt literary language. Ph. D. thesis. Moscow, 1987.}

Каракулов 2000 — *Каракулов Б. И.* Язык удмуртского перевода Евангелий, изданных в 1847 году // Коренные этносы севера Европейской части России на пороге нового тысячелетия: История, современность, перспективы: Материалы научной конференции (Сыктывкар 17—19 мая 2000 год). Сыктывкар, 2000. С. 467—469. {*Karakulov B. I.* The language of the Udmurt translation of the Gospels published in 1847 // *Native peoples of the North of the European part of Russia at the edge of the millennium: History, modern age, perspectives. Proceedings of the scientific conference (Syktyvkar, May 17—19 2000)*. Syktyvkar, 2000. P. 467—469.}

Каракулов 2006 — *Каракулов Б. И.* Удмурт литературной кыллэн сюресэз: XVIII—XXI даурьёс (История удмуртского литературного языка: XVIII—XXI века). Ижевск, 2006. {*Karakulov B. I.* History of the Udmurt literary language: 18th — 21st centuries. Izhevsk, 2006.}

Карпова 2005 — *Карпова Л. Л.* Среднечепецкий диалект удмуртского языка: Образцы речи. Ижевск, 2005. {*Karpova L. L.* The Middle-Chepts dialect of Udmurt: Speech examples / UHLL UrD RAS. Izhevsk, 2005.}

Карпова 2013 — *Карпова Л. Л.* Лексика северного наречия удмуртского языка: Среднечепецкий диалект. Ижевск, 2013. {*Karpova L. L.* The vocabulary of the northern dialect of the Udmurt language: the Middle-Chepts dialect. Izhevsk, 2013.}

Карпова 2018 — *Карпова Л. Л.* Диалекты северного наречия удмуртского языка: формирование и современное состояние. Дисс. ... докт. филол. наук. Ижевск, 2018. {*Karpova L. L.* Northern Udmurt dialects: formation and current status. D. Litt. thesis. Izhevsk, 2018.}

Кельмаков 1987 — *Кельмаков В. К.* Прапермские аффрикаты в современных удмуртских диалектах // Советское финно-угроведение. 1987, XXIII. С. 34—44. {*Kel'makov V. K.* Proto-permic affricates in modern Udmurt dialects // Soviet Finno-Ugric Studies. 1987, XXIII. P. 34—44.}

Кельмаков 1992 — *Кельмаков В. К.* К описательной и исторической фонетике бесермянского наречия // Проблемы современной удмуртской диалектологии в исследованиях и материалах. Ижевск, 1992. С. 33—107. {*Kel'makov V. K.* To the descriptive and historical phonetics of the Beserman dialect // Problems of modern Udmurt dialectology in research and materials. Izhevsk, 1992. P. 33—107.}

Кельмаков 1993а — *Кельмаков В. К.* Удмуртский язык // Языки мира: Уральские языки. М., 1993. С. 239—255. {*Kel'makov V. K.* Udmurt language // World Languages: Uralic Languages. Moscow, 1993. P. 239—255.}

Кельмаков 1993б — *Кельмаков В. К.* Формирование и развитие фонетики удмуртских диалектов. Ижевск, 1993. {*Kel'makov V. K.* Formation and development of the Udmurt dialects' phonetics. Moscow, 1993.}

Кельмаков 2001 — *Кельмаков В. К.* Очерки истории удмуртского языкознания (= Удмурт вераськетъёс 4). Ижевск, 2001. {*Kel'makov V. K.* Essays on the history of Udmurt linguistics. Izhevsk, 2001.}

Кельмаков 2002 — *Кельмаков В. К.* Зарождение и развитие удмуртского языкознания // Первой удмуртской грамматике 225 лет: Сб. статей. Ижевск, 2002. С. 17—53. {*Kel'makov V. K.* The origin and development of Udmurt linguistics // First Udmurt grammar 225 years. Collection of articles. Izhevsk, 2002. P. 17—53.}

Кельмаков 2004 — *Кельмаков В. К.* О языке и стиле первопечатного Евангелия от Матфея на «сарапальском наречии» удмуртского языка // *Permiek, finnek, magyarok: Írások Szi'j Enikő 60. születésnapjára / Szerkesztő Csepregi Márta és Várady Eszter.* Budapest, 2004. С. 537—546. {*Kel'makov V. K.* On the language and style of the first-printed Gospel of Matthew in the "Sarapul dialect" of the Udmurt language // *Permians, Finns, Hungarians: Writings for Enikő Sij's 60th Birthday / Ed. by Márta Csepregi and Eszter Várady.* Budapest, 2004. С. 537—546.}

Кельмаков 2006 — *Кельмаков В. К.* Краткий курс удмуртской диалектологии: Учебное пособие для высших учебных заведений. 2-е изд. Ижевск, 2006. {*Kel'makov V. K.* A concise course on Udmurt dialectology. A textbook for higher education institutes. Second edition. Izhevsk, 2006.}

Кельмаков 2007 — *Кельмаков В. К.* Об «орфографии» первопечатного Евангелия от Матфея на «сарапальском наречии» удмуртского языка // Вестник Удмуртского университета. 2007, 5. С. 17—24. {*Kel'makov V. K.* On the "spelling" of the first-printed Gospel of Matthew in the "Sarapul dialect" of the Udmurt language // *Bulletin of the Udmurt University.* 2007, 5. P. 17—24.}

Кельмаков 2008 — *Кельмаков В. К.* Очерки истории удмуртского литературного языка: Учебное пособие. Ижевск, 2008. {*Kel'makov V. K.* Essays on the history of the Udmurt literary language. Textbook. Izhevsk, 2008.}

Корепанова 2011 — *Корепанова Д. Е.* Православная религиозная миссия среди удмуртов в XIX в. // Иднакар: Методы историко-культурной реконструкции. 2011, 3 (13). С. 66—96. {*Korepanova D. E.* The orthodox religious mission amongst the Udmurts in the 19th century // *Idnakar: Methods of a historical-cultural reconstruction.* 2011, 3 (13). P. 66—96.}

КЭСЛЯ 1970 — *Лыткин В. И., Гуляев Е. С.* Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970. {*Lytkin V. I., Gulyaev E. S.* Brief etymological dictionary of the Komi language. Moscow, 1970.}

Луппов 1905 — *Луппов П. Н.* О первых вотских переводах источников христианского просвещения: Очерк из истории инородческих переводов. Казань, 1905. {*Lup'pov P. N.* About the first Votyak translations of the sources of Christian enlightenment. An essay from the history of the foreign translations. Kazan, 1905.}

Лыткин 1964 — *Лыткин В. И.* Исторический вокализм пермских языков. М., 1964. {*Lytkin V. I.* Historical vocalism of Perm languages. Moscow, 1964.}

Лыткин, Тепляшина 1959 — *Лыткин В. И., Тепляшина Т. И.* Некоторые особенности глазовского диалекта // Записки. Вып. 19. Ижевск, 1959. С. 218—227. {*Lytkin V. I., Teplyashina T. I.* Some features of the Glazov dialect // *Notes. Is. 19.* Izhevsk, 1959. P. 218—227.}

Люкина 2009 — *Люкина Н. М.* Жувамский диалект удмуртского языка // Пермистика 10. Ижевск, 2009. С. 234—238. {*Lyukina N. M.* Zhuvam dialect of the Udmurt language // *Permistika 10.* Izhevsk, 2009. P. 234—238.}

Люкина 2016 — *Люкина Н. М.* Фонетико-морфологические особенности языка лекминских и юндинских бесермян. Ижевск, 2016. {*Lyukina N. M.* Phonetic-morphological features of the language of Lekma and Yunda Besermyans. Izhevsk, 2016.}

Максимов 2010 — *Максимов С. А.* Комментарий к карте «Слеза» // Диалектологический атлас удмуртского языка: Карты и комментарии. Вып. II. Ижевск, 2010. С. 230—236. {*Maksimov S. A.* Comment on the map “Tear” // Dialectological atlas of the Udmurt language. Maps and comments. Is. II. Izhevsk, 2010. P. 230—236.}

Марк — Евангелие от Марка // Господа нашего Иисуса Христа Евангелия отъ св. евангелистовъ Матѳея и Марка на русскомъ и вотякскомъ языкахъ, Глазовскаго нарѣчія. Казань, напечатанъ въ типографіи Императорскаго Казанскаго университета, 1847. {*The Gospel according to Mark // Our Lord Jesus Christ’s Gospels according to SS. evangelists Matthew and Mark in Russian and Votyak languages, Glazov dialect. Kazan, 1847.*}

Матфей Глаз. — Евангелие от Матфея // Господа нашего Иисуса Христа Евангелия отъ св. евангелистовъ Матѳея и Марка на русскомъ и вотякскомъ языкахъ, Глазовскаго нарѣчія. Казань, напечатанъ въ типографіи Императорскаго Казанскаго университета, 1847. {*The Gospel according to Matthew // Our Lord Jesus Christ’s Gospels according to SS. evangelists Matthew and Mark in Russian and Votyak languages, Glazov dialect. Kazan, 1847.*}

Матфей Сар. — Господа нашего Иисуса Христа Евангелия отъ св. евангелиста Матѳея на русскомъ и вотякскомъ языкахъ, Сарапульскаго нарѣчія. Казань, напечатанъ въ типографіи Императорскаго Казанскаго университета, 1847. {*Our Lord Jesus Christ’s Gospels according to st. evangelist Matthew in Russian and Votyak languages of the Sarapul dialect. Kazan, 1847.*}

Напольских 1998 — *Напольских В. В.* Дважды забытый (Д. Г. Мессершмидт — первый исследователь удмуртского языка и культуры) // Арт. 1998, 4. С. 146—156. {*Napolskikh V. V.* Twice forgotten (D. G. Messerschmidt — the first scholar of the Udmurt language and culture) // Art. 1998, 4. P. 146—156.}

Напольских 2001 — *Напольских В. В.* Удмуртские материалы Д. Г. Мессершмидта. Дневниковые записи, декабрь 1726 г. Ижевск, 2001. {*Napolskikh V. V.* Udmurt materials of D. G. Messerschmidt. Diary entries, December 1726. Izhevsk, 2001.}

Напольских 2002 — *Напольских В. В.* К вопросу о диалектной базе удмуртского словника Ф. И. фон Штраленберга // *Linguistica Uralica*. 2002, 1. С. 33—49. {*Napolskikh V. V.* On account of the dialect base of the F. I. von Stralenberg’s Udmurt word list // *Linguistica Uralica*. 2002, 1. P. 33—49.}

Насибуллин 1999 — *Насибуллин Р. Ш.* Русские заимствования в удмуртском языке (дооктябрьский период). Дис. ... докт. филол. наук. Ижевск, 1999. {*Nasibullin R. Sh.* Russian borrowings in the Udmurt language (pre-October period). D. Litt. thesis. Izhevsk, 1999.}

Сахарных 2003 — *Сахарных Д. М.* Из истории удмуртской письменности // Актуальные проблемы современной России: Сб. научных работ. Вып. 2. Ижевск, 2003. С. 326—334. {*Sakharnykh D. M.* From the History of Udmurt Literature // Actual problems of modern Russia. Collection of scientific studies. Is. 2. Izhevsk, 2003. P. 326—334.}

Сахарных 2005 — *Сахарных Д. М.* О периодизации истории удмуртской письменности // Седьмая научно-практическая конференция преподавателей и сотрудников УдГУ, посвященная 245-летию г. Ижевска. Материалы конференции. Часть 1. Ижевск, 2005. С. 63—65. {*Sakharnykh D. M.* About the periodization of the Udmurt writing history // The 7th theoretical and practical conference of the UdSU lecturers and research workers on account of 245 years since Izhevsk city’s foundation. The conference proceedings. Part 1. Izhevsk, 2005. P. 63—65.}

Сахарных 2008 — *Сахарных Д. М.* К реконструкции истории удмуртской письменности // <http://online.rae.ru/220>, 2008. {*Sakharnykh D. M.* On reconstruction of the Udmurt writing history // <http://online.rae.ru/220>, 2008.}

Тараканов 1959 — *Тараканов И. В.* О первой научной грамматике удмуртского языка // Записки. Вып. 19. Ижевск, 1959. С. 149—166. {*Tarakanov I. V.* About the first scientific grammar of the Udmurt language // Proceedings. Is. 19. Izhevsk. 1959. P. 149—166.}

Тараканов 1965 — *Тараканов И. В.* Первой грамматике удмуртского языка 190 лет // Советское финно-угроведение. 1965, 3 (I). С. 229—230. {*Tarakanov I. V.* 190 years of the first scientific grammar of the Udmurt language // Soviet Finno-Ugric Studies. 1965, 3 (I). P. 229—230.}

Тараканов 1998 — *Тараканов И. В.* О старинных рукописных словарях удмуртского языка // Исследования и размышления об удмуртском языке: Сб. статей: Пособие для высших учебных заведений. Ижевск, 1998. С. 330—338. {*Tarakanov I. V.* On ancient manuscript dictionaries of the Udmurt language // Studies and Reflections on the Udmurt Language. Collection of articles. The manual for higher education. Izhevsk, 1998. P. 330—338.}

Тепляшина 1957 — *Тепляшина Т. И.* Фонетическая характеристика тыловайского говора // Записки. Вып. 18. Ижевск, 1957. С. 114—140. {*Teplyashina T. I.* Phonetic characteristics of the Tylovai dialect // Notes. Is. 18. Izhevsk, 1957. P. 114—140.}

Тепляшина 1965 — *Тепляшина Т. И.* Памятники удмуртской письменности XVIII в. М., 1965. {*Teplyashina T. I.* Udmurt written monuments of the 18th century. Moscow, 1965.}

Тепляшина 1970а — *Тепляшина Т. И.* Нижнечепецкие говоры севернудмуртского наречия // Записки. Вып. 21. Филология. Ижевск, 1970. С. 156—196. {*Teplyashina T. I.* The Low-Chepts dialects of the North Udmurt dialect // Notes. Is. 21. Philology. Izhevsk, 1970. P. 156—196.}

Тепляшина 1970б — *Тепляшина Т. И.* Язык бесермян. М., 1970. {*Teplyashina T. I.* Beserman language. Moscow, 1970.}

Тепляшина 1971 — *Тепляшина Т. И.* Об удмуртско-русском словаре Захария Кротова // СФУ. 1971, 2 (VII). С. 129—139. {*Teplyashina T. I.* About the Udmurt-Russian dictionary of Zakhary Krotov // Soviet Finno-Ugric Studies. 1971, 2 (VII). P. 129—139.}

Тепляшина 1973 — *Тепляшина Т. И.* Морфологические диалектизмы в словаре Захария Кротова // Вопросы удмуртского языкознания. Вып. 2. Ижевск, 1973. С. 224—226. {*Teplyashina T. I.* Morphological dialectisms in the Zakhary Krotov's dictionary // Issues in Udmurt linguistics. Is. 2. Izhevsk, 1973. P. 224—226.}

Тепляшина 1995 — *Тепляшина Т. И.* Об удмуртско-русском словаре З. Кротова // Кротовъ З. Удмуртско-русский словарь. Ижевск, 1995. (= Краткой Вотской словарь съ російскимъ переводомъ собранный и по Алфавиту расположенный села Еловскаго Троицкой церкви священникомъ Захарією Кротовымъ, 1785). С. VII—XX. {*Teplyashina T. I.* About Z. Krotov's Udmurt-Russian dictionary // *Krotov Z.* Udmurt-Russian dictionary. Izhevsk, 1995. (= A short Votyak dictionary with a Russian translation compiled and organized by alphabet by the priest of the Trinity church in the Yelovskoe village Zakhary Krotov, 1785). P. VII—XX.}

УКК 2011 — Удмурт кылэн кылкабтодосэз (морфологиез): Тодослыко-дышетскон издание (Морфология удмуртского языка: Научно-учебное издание) / Отв. ред. *Тимерханова Н. Н.* Ижевск, 2011. {Morphology of the Udmurt language: Scientific and educational publication / Ed. *Timerkhanova N. N.* Izhevsk, 2011.}

УРС — Удмуртско-русский словарь. Ижевск, 2008. (в электронном варианте <http://tangyra.ru/etno/vocabular/search>) {Udmurt-Russian dictionary. Izhevsk, 2008.}

Шутов 1997 — *Шутов А. Ф.* Первым удмуртским книгам — 150 лет // *Linguistica Uralica.* 1997, 3 (XXXIII). С. 215—217. {*Shutov A. F.* 150 years since the first Udmurt books // *Linguistica Uralica.* 1997, 3 (XXXIII). P. 215—217.}

Csúcs 1983 — *Csúcs S.* Egy 18. századi votják nyelvmélek // *NyK.* 1983, 2 (85). 311—320. old.

Csúcs 1984 — *Csúcs S.* A votják nyelv a 18. században // *NyK.* 1984, 1 (86). 63—80. old.

Uotila 1933 — *Uotila T. E.* Zur Geschichte des Konsonantismus in den permischen Sprachen. Helsinki, 1933.

Wichmann 1987 — *Wichmann Y.* Wotjakischer Wortschatz / Aufgezeichnet *Wichmann Y.* Bearb. *Uotila T. E., Korhonen M.* Hrsg. *Korhonen M.* Helsinki, 1987. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. 1987, XXI.)

РЕЗЮМЕ

Представленная статья состоит из двух частей. В первой части описываются графические и орфографические особенности одного из памятников удмуртской письменности начала XX в. Анализ графико-орфографических особенностей памятника проводится с целью дальнейшего рассмотрения фонетических и морфологических особенностей письменного источника. Во второй части статьи описываются особенности вокализма и консонантизма анализируемого памятника. На основе сопоставления выявленных особенностей с материалами словаря [Wichmann 1987] и данными современных удмуртских говоров предпринимается попытка определения их архаичного или инновационного характера.

SUMMARY

The article consists of two parts. The first part represents graphic and orthographic characteristics of the Udmurt written monument of the early 20th century. The analysis of the graphic and orthographic features of the monument is carried out in order to further consider the phonetic and morphologic features of the written source. The second part of the article describes vocalic and consonant characteristics of the Udmurt written monument. Comparing these characteristics with the materials of the dictionary [Wichmann 1987] and the data of the modern Udmurt dialects the authors attempt to describe these features as archaic or innovative.

Ключевые слова: удмуртский язык, памятники письменности, графические особенности, орфографические особенности, особенности вокализма, особенности консонантизма

Keywords: the Udmurt language, written monuments, graphic features, orthographic features, vocalic features, consonant features

Безенова Мария Петровна, Удмуртский институт истории языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН (Ижевск), Институт языкознания РАН (Москва); mary_kaj@mail.ru

Maria P. Bezenova, Udmurt Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of RAS (Izhevsk); Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences; mary_kaj@mail.ru

Кондратьева Наталья Владимировна, ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет» (Ижевск); nataljakondratjeva@yandex.ru

Natalia V. Kondratieva, Udmurt State University; nataljakondratjeva@yandex.ru

Анализ системы вокализма и консонантизма в первых кириллических книгах на казахском языке¹

В связи с миссионерской деятельностью Русской Православной Церкви во второй половине XIX в. на языках многих народов Российской империи была издана духовно-назидательная литература. Для решения этой задачи известный просветитель и миссионер Н. И. Ильминский разработал письменность на основе русской азбуки, что, по его замыслу, должно было послужить более точной фиксации живых языков и диалектов [Благова 2005: 104].

С целью претворения в жизнь просветительских и образовательных начинаний в 1876 г. при Братстве святителя Гурия была учреждена Переводческая Комиссия Православного Миссионерского Общества, которая занималась издательской и переводческой деятельностью. Так, только с 1883 по 1898 г. были переведены на киргизский (казахский) язык и изданы: «Святое Евангеліе отъ Луки» (Казань, 1883), «Первоначальныя свѣдѣнія о Святой Христіанской вѣрѣ» (Казань, б. г.), «Жизнь и страданія Св. Великомученика Евстафія Плакиды съ семействомъ» (Казань, 1886), «Изъ премудрости Иисуса сына Сирахова» (Казань, 1890), «Священная исторія Ветхаго завета» (Казань, 1890), «Благовѣрный князь Владиміръ» (Казань, 1892), «Училище благочестія» (Казань, 1892), «Крещеніе Руси» (Казань, 1892), «Священная исторія Ветхаго и Новаго Завѣта» (Казань, 1893), «Притчи Иисуса Христа» (Казань, 1893), «Практическіе уроки русскаго языка для киргизовъ» (Оренбург, 1893), «Букварь для киргизовъ» (Казань, 1892, 1894; 3-е изд. Оренбург, 1908), «Киргизско-русскій словарь» (Оренбургъ, 1897), «Грамматика киргизскаго языка» (Оренбург, 1898) и другие [Никольский 1901: 38; 52; 54; 60; 64—65]. По сведениям библиографа А. Г. Каримуллина, на протяжении 1860—1917 гг. на казахский язык было переведено 72 книги вероучительного содержания [Каримуллин 1971: 158].

В настоящей статье проводится лингвистический анализ особенностей употребления гласных и согласных графем в памятнике «Акыл бере тугун кнеге» («Изъ премудрости Иисуса сына Сирахова») — Казань: Типография и Литография В. М. Ключникова, 1891 — в сопоставлении со следующими кириллическими книгами на казахском языке, исследованными ранее А. В. Дыбо, Ю. В. Норманской и Н. Г. Шаймердиновой [Дыбо, Норманская 2016; Шаймердинова 2016]:

1. Училище благочестія на киргизскомъ языке. Езгиликке үйрететин кнеге. Изданіе 3. Православнаго Миссіонерскаго общества. Казань: типографія М. А. Чирковой, 1892 [Училище 1892];
2. Букварь для киргизовъ. Жазуга үйрететин кнеге. Казань: типографія Императорскаго университета, 1892 [Букварь 1892];
3. Крещеніе Руси на киргизскомъ языке. Ауліе княз Владиміръ тура динге бзи де крип; орыс калкында кргизгени. Казань: типографія М. А. Чирковой, 1892 [Крещеніе 1892];
4. Киргизско-русскій словарь. Оренбургъ: типо-литографія Б. А. Бреслина, 1897 [Словарь 1897];
5. Букварь для киргизъ. Букуар. Казань: Центральная типографія, 1908 [Букварь 1908].

Несомненно, при исследовании такого рода лингвистических материалов необходимо учитывать данные различных историко-архивных и лингвистических источников, подтверждающих, дополняющих и уточняющих языковые факты. Это даст возможность понять и изучить историю территориальных особенностей языка письменного памятника, а также процесс формирования норм современного литературного языка.

Прежде чем перейти к анализу фонетических особенностей указанных изданий, хотелось бы кратко остановиться на истории создания кириллических книг на казахском языке миссионерами Переводческой комиссии, а также результатах работы Киргизской миссии, которая имела непосредственное отношение к созданию этих памятников.

Известно, что первая Киргизская миссия, созданная в 1882 г., находилась в подчинении Алтайской духовной миссии Тобольской епархии вплоть до 1895 г. Изначально в состав Киргизской миссии входило 7 станом: в Семипалатинской области — Центральный стан в Заречной слободе, Буконьский (открыт в 1881 г.), Большенарымский (1890 г.), Долонской (1891 г.), Шульбинский (1892 г.), в Акмолинской области — Атбасарский стан, открытый в 1894 г., и Александровский, открытый в 1895 г. [Лысенко 2007: 59].

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 18-18-00501 «Создание электронного диалектологического атласа тюркских языков России».

В деятельности Алтайской духовной миссии до официального утверждения Киргизской миссии уже существовало казахское направление. Один из первых миссионеров на Алтае игумен Акакий (в миру Артемий Левицкий) занимался крещением казахов, которые приезжали к нему с Иртыша. Из новокрещенных казахов он сформировал село Черно-Ануйское (1849) и половину села Тюдралинского (1865), что в дальнейшем послужило отправной точкой для организации Киргизской миссии [Голубцов 2011: 314].

10 апреля 1882 г. миссионером вновь учрежденной Киргизской миссии был назначен священник Филарет Алексеевич Синьковский. В качестве псаломщика и переводчика в миссию назначили крещеного казаха Алексея Холуева, родившегося в Черно-Ануйске, где он окончил школу, затем улалинское училище и некоторое время преподавал в улалинской и черно-ануйской школах [Епархиальные ведомости 1883: 220]. Не исключено, что А. Холуев был потомком казахов, переселившихся в южный Алтай из долины Бухтармы (ныне Восточно-Казахстанская область, правый приток Иртыша) либо с юго-западных границ Бийского округа. Вполне можно предположить, что он был одним из первых переводчиков, помогавших переводить Ф. А. Синьковскому миссионерскую литературу на казахский язык или, по крайней мере, тем, кто осуществлял окончательную обработку миссионерских текстов на казахском языке. Ибо, по убеждению Н. И. Ильминского, «русскому человеку невозможно узнать всех тонкостей и оттенков, всей психологической глубины чужого языка без помощи природных инородцев» [Никольский 1901: 10].

В 1884 г. на место Холуева был назначен переводчик казах Х. И. Котлов. А в 1886 г. состав Киргизской миссии увеличился благодаря поступлению в качестве толмача-переводчика некрещеного киргиза Ибрагима Дусукова, получившего образование в Барнаульском Горном училище [Макарий 1886: 94].

Таким образом, Киргизская миссия во главе с Филаретом Синьковским осуществляла свою деятельность до 1890 г., располагаясь до 1883 г. в Усть-Каменогорске, затем с января по декабрь 1883 г. в Семипалатинске, а с декабря 1883 г. в казачьем поселке Буконь, недалеко от города Кокпекты [Елисеев 1900: 2—4]. За время его миссионерства в стане Киргизской миссии было переведено на казахский язык и издано несколько книг. Ему приписывается авторство перевода на казахский язык Евангелия от Матфея [Куликова 2008: 116]. Однако сам Ф. А. Синьковский отмечает, что переводы книг создавались с помощью киргизов (казахов). Так, в воспоминаниях о своей деятельности в Киргизской миссии он пишет: «С открытием весны я отправился в Семипалатинск для переводов на киргизский язык с г. Асановым (переводчиком г. Губернатора) из “Чина, како приимати отъ магометантства къ православной христианской вѣрѣ приходити желающихъ”. Перевод был исполнен» [Макарий 1886: 77].

В 1894 г. была открыта миссия Оренбургской епархии, действовавшая в Уральской и Тургайской областях. Изначально Оренбургская епархия была образована путем выделения ее в самостоятельную из Оренбургско-Уфимской епархии. Ей были переданы приходы Оренбургского, Орского, Верхнеуральского, Троицкого и Челябинского уездов Оренбургской губернии, а также Уральской и Тургайской областей.

Таким образом, деятельность Киргизской миссии можно условно разделить на два этапа: первый — с 1881 по 1895 г., тесно связан с образованием Киргизской миссии в составе Алтайской духовной миссии, второй — с 1895 по 1917 г., связан с самостоятельной деятельностью Киргизской миссии.

Исследователи первых кириллических книг на казахском языке А. В. Дыбо и Ю. В. Норманская, учитывая информацию о времени и месте учреждения станов миссии, выдвигают предположение о том, что первые три книги — Училище 1892, Букварь 1892, Крещение 1892 — были созданы в Семипалатинске. Две более поздние книги — Словарь 1897 и Букварь 1908, — учитывая архивные свидетельства о принимавших участие в создании книг переводчиках-киргизах Балгимбаеве, Бийсеневе, Сарыбатырове, Джумалиеве и Бахтигирееве, они причисляют к памятникам, созданным в Оренбургской области [Дыбо, Норманская 2016: 138]. И с этим трудно не согласиться. В «Памятной книжке Тургайской области 1899 года» нам удалось отыскать информацию о казахских переводчиках, которые помогали в составлении «Сборника киргизских пословиц» В. В. Катаринского. Это учителя и переводчики Султан Бабин (в Тургае), Бергали Бахтигиреев (в Уральске), Юлдузов (в Уиле — ныне административная единица на северо-западе Актюбинской области), Мейрман Бийсенов (в Джамбейте Уральской области), Джумалиев, а также священник Соколов, бывший учителем в киргизских училищах и много путешествовавший по Киргизской степи [Памятная книжка 1899: 145]. Имя Б. Б. Бахтигиреева упоминается также в предисловии к «Грамматике киргизского языка» В. В. Катаринского (Оренбург, 1906). Из «Памятных книжек Уральской области 1898—99 гг.» нам удалось найти дополнительные сведения о султанине Б. Б. Бахтигирееве, который служил переводчиком в Уральском областном суде, и М. Бийсенове — учителе Русско-киргизской школы в Джамбейтинской волости Уральского уезда. Таким образом, учитывая, что миссии Оренбургской епархии были открыты в Тургайской и Уральской областях в 1894 г., можно предположить, что более поздние миссионерские издания на казахском языке были созданы с помощью перечис-

ленных выше учителей и переводчиков. К сожалению, найти более полные и достоверные сведения о переводчиках, имевших непосредственное отношение к созданию кириллических книг на казахском языке до 1894 г., нам пока не удалось. В воспоминаниях Н. И. Ильминского упоминается некий Бахтияров — выпускник Оренбургской киргизской школы, который перевел на казахский язык его «Самоучитель русской грамоты для киргизов» (Казань, 1861) [Ильминский 1891: 14, 31]. Также известно, что первые кириллические книги на казахском языке «Казахская хрестоматия» (1879; 2 изд. — 1906) и «Начальное руководство к обучению казахов русскому языку» (1879) были написаны известным казахским педагогом-просветителем И. Алтынсариним — учеником и другом Н. И. Ильминского. Однако мы не располагаем архивными свидетельствами об их участии в создании первых миссионерских книг на казахском языке.

Весьма необходимыми в наших исследованиях являются сведения из трудов казахских диалектологов. Так как изучение памятников письменности необходимо проводить, с одной стороны, определяя места их создания, что подразумевает использование исторических и палеографических методов, с другой стороны — путем соотношения их фонетических, морфологических, синтаксических, лексико-семантических данных с данными уже локализованных памятников письменности и с особенностями современных диалектов [Дыбо, Норманская 2016: 139], наше исследование окажется неполным, если мы не обратимся к исследованиям казахских диалектологов.

Как известно, работы диалектологических экспедиций в Казахстане начались в 1937 г. Основоположниками казахской диалектологии являются известные казахские ученые С. Аманжолов, Ж. Доскараев и А. Сауранбаев. Долгое время материалы диалектологических экспедиций оставались необработанными, соответственно, высказанные мнения ученых оставались на уровне предположений. Более плодотворных результатов казахские диалектологи достигли начиная с 1960-х гг. В это время увидели свет статьи и монографии нескольких ученых. К ним можно отнести труды Ж. Болатова, исследовавшего группу восточных говоров (1970), А. Нурмаганбетова, посвятившего свои труды западному диалекту (1975), О. Накысбекова, описавшего особенности южного диалекта (1982), и С. Омарбекова, изучавшего фонетические различия системы согласных казахской речи (1992).

Так, С. Аманжолов выдвигает гипотезу о трех диалектах казахского языка, связанных с тремя жузами. Это 1) южный диалект, охватывающий Алма-Атинскую, Джамбульскую, Чимкентскую, Талды-Курганскую области и некоторые районы Кызыл-Ординской области; 2) западный диалект, представленный в Актюбинской, Гурьевской (ныне Атырауская область) и отчасти в Кызыл-Ординской и Кустанайской областях; 3) северо-восточный диалект, включающий в себя говоры жителей Акмолинска (ныне Нур-Султан), Павлодара, Семипалатинска, Кокчетавы, Караганды, Восточно-Казахстанской области, Северного Казахстана, жителей большей части Костанайской области.

С. Аманжолов рассматривает фонетические особенности казахских диалектов по трем параметрам звуковых изменений или отклонений от современного литературного казахского языка: 1) по линии изменений глухих и звонких согласных; 2) по линии переходов некоторых глухих и звонких в сонорные *y, й*; 3) по линии изменения гласных. Таким образом, звуковые изменения трех диалектных зон он представил в единой таблице, не выделяя при этом дифференцирующие признаки отдельных говоров трех ареалов. В частности, фонетическими признаками южного диалекта он считает звуковые соответствия лит. *e = a* (лит. *едәуір* — *адауір* ‘значительный’; лит. *кемеңгер* — *каменгер* ‘выдающийся’); лит. *б = п* (лит. *бітіру* — *пітіру* ‘завершать’; лит. *байқау* — *пайқау* ‘замечать’); лит. *д = л* (главным образом после сонорных *ң, н*: лит. *маңдай* — *маңлай* ‘лоб’; лит. *теңдік* — *теңлік* ‘равноправие’; лит. *аңдамау* — *аңламау* ‘не понимать’)²; лит. *т = д* (лит. *тұз* — *дұз* ‘соль’; лит. *тілмәр* — *ділмәр* ‘говорун’); лит. *с = ш* (лит. *мысық* — *мышық* ‘кошка’; лит. *масқара* — *машқара* ‘позор’).

Западный диалект, по мнению ученого, довольно четко отличается по звуковым особенностям от других диалектов казахского языка. В качестве особенностей он выделяет, в частности, звуковые соответствия лит. *а = ы* (лит. *қаймықпай* — *қымықпай* ‘не боясь’; лит. *зарлау* — *зырлау* ‘рыдать’; лит. *тайаз* — *тайыз* ‘неглубокий’); лит. *о = у* (лит. *қолдану* — *құлдану* ‘употреблять’; лит. *шошқа* — *шұшқа* ‘свинья’); лит. *д = ж* (лит. *домалау* — *жұмалау* ‘катиться’); лит. *ш = ж* (лит. *қашар* — *қажыр* ‘мул’; лит. *қыыр-шыйыр* — *қыыр-жыйыр* ‘без конца и края’). Характерных признаков северо-восточного диалекта С. Аманжолов не называет, так как считает, что этот диалект лег в основу казахского литературного языка. При этом он признает, что в речи жителей этого региона встречается некоторое количе-

² Чередование *-l/-d* в словообразовательных и словоизменительных аффиксах казахского языка, как известно, представляет собой позиционные реализации морфемы {L}, восходящей исторически к пратюркской фонеме */l/. Ср., в частности: в памятнике Кюль-Тегина казахскому глаголу *тыңда*- соответствует форма *тыңла*-. См. [Малов 1951: 27]. В «Codex Cumanicus» употреблен соответствующий казахскому глаголу *аңда*- ‘понимай’ глагол *аңла*-. См. [Сауранбаев 1955: 47—48].

ство территориальных говоров. Однако большинство из них, по его мнению, вошли в литературный язык и утратили свою диалектальную окраску [Аманжолов 1959: 246].

Ж. Доскараев, основываясь на своих диалектологических исследованиях, выделяет две большие группы: 1) юго-восточный диалект, распространенный в Алма-Атинской, Джамбульской областях, в районах юго-запада Талды-Курганской и юго-востока Кзыл-Ординской областей; 2) северо-западный диалект, распространенный в областях Западного и Северного Казахстана, в Актюбинской, Гурьевской, Костанайской, Карагандинской, Акмолинской, Павлодарской областях, в западных районах Кзыл-Ординской и северо-западных частях Семипалатинской областей. В классификации Ж. Доскараева вторая группа диалектов делится на западную и северо-восточную подгруппы. Ученый поясняет, что в силу таких исторических условий, как непрерывная культурно-экономическая связь между племенами, которые ежегодно передвигались на далекие расстояния с севера на юг и обратно, казахский язык ныне представлен двумя большими группами говоров [Доскараев 1954: 87].

Характерными фонетическими признаками этих групп диалектов он считает:

1) соответствие звуков лит. **а** = **ы** в некоторых словах северо-западных говоров: лит. *саяз* — *сайыз* ‘мель’; лит. *айырмасы* — *айырмысы* ‘различие’, лит. *апы-тапы* — *ыпы-тыпы* ‘торопливо’ и др.;

2) наличие преимущественно негубных гласных в некоторых юго-восточных говорах при соответствии им губных гласных в северо-западных: лит. *бұқтыру* — *бықтыру* ‘разварить’, лит. *үнемі* — *інемі* ‘все время’;

3) наличие в юго-восточных районах звука **ч** при соответствии ему **ш** в северо-западных: лит. *чеше* — *чече* (лит. каз. *шеше*) ‘мать’, лит. *шал* — *чал* ‘старик’, лит. *әнші* — *әнчі* ‘певец’, лит. *малшы* — *малчы* ‘пастух’. Кроме того, такие фонетические особенности характерны для говоров юго-восточных районов начиная от Алтая-Тарбагатай до Арысского района Южно-Казахстанской области;

4) наличие в юго-восточных говорах аффрикативного **дж** при соответствии ему **ж** в северо-западных: лит. *жігіт* — *джігіт* ‘молодец’, лит. *жоқ* — *джоқ* ‘нет’, лит. *жер* — *джер* ‘земля’ и др.;

5) наличие соответствия лит. **ң** = **н** в юго-восточных говорах при отсутствии его в северо-западных: лит. *қалың* — *қалын* ‘толстый, густой’, лит. *көбең* — *көбен* ‘разжиревший’, лит. *біздің* — *біздің* ‘наш’, лит. *өлең* — *өлен* ‘песня’ и др.;

6) наличие соответствия лит. **с** = **ш** в некоторых словах северо-западных говоров: лит. *сама* — *шама* ‘чайный отвар’. В юго-восточных говорах это фонетическое явление наблюдается чаще. Например: лит. *тұрмыс* — *тұрмыш* ‘жизнь’, лит. *есек* — *ешек* ‘осел’, лит. *тысқары* — *тышқары* ‘наружу’;

7) наличие соответствия лит. **ш** = **ж** в некоторых словах северо-западных говоров: лит. *былшырақ* — *былшырақ* ‘мокрый’; лит. *келемеж* — *келемеш* ‘насмешка’;

8) соответствие в некоторых говорах звонкого **д**- начальному глухому звуку **т**- литературного языка: *деңіз* — лит. *теңіз* ‘море’, *дұз* — лит. *тұз* ‘соль’, *диірмен* — лит. *тиірмен* ‘мельница’ и др. Это явление, которое особенно наблюдается в разговорной речи жителей юго-западных областей Казахстана, Ж. Доскараев объясняет влиянием огузской группы языков [Доскараев 1954: 88].

Н. Сауранбаев также предлагает свою классификацию казахских диалектов, по сути аналогичную классификации Ж. Доскараева: 1) группа диалектов **ш**-; **д**- на северо-западе (*шапан* ‘чапан’, *шоқпар* ‘дубина’, *таңдай* ‘нёбо’, *аңды* ‘следы’), распространенная в северных и западных областях Казахстана; 2) группа диалектов **ч**-; **л**- (*чапан*, *чокпар*, *таңлай*, *аңлы*), охватывающая южные и юго-восточные области [Сауранбаев 1955: 47—48].

А. Нурмагамбетов выделяет четыре диалекта: восточный (говоры Аягоза, Усть-Каменогорска, Кош-Агача, Баян-Ольгий, Синьцзяна); западный (центральный говор, охватывающий Гурьев (ныне Атырау), Уральскую, Актюбинскую области (кроме Шалкарского и Иргизского районов), Житикаринский район Костанайской области, районы компактного проживания казахов Оренбургской области; мангыстауский, аральско-сырдарьинский говоры, а также говоры казахов Каракалпакской АССР (ныне Республика Каракалпакстан) и Туркменистана); южный (говоры казахов Семиречья, Чу, Чимкента, Кзыл-Орды, Ташкента и Таджикистана) и центрально-северный (говоры жителей Северо-Казахстанской, Кокчетавской, Павлодарской, Целиноградской (ныне Акмолинской) областей и части Костанайской, Карагандинской, Семипалатинской областей). В связи с тем, что последняя группа диалектов исследована в недостаточной степени, ученый приводит малочисленные языковые факты, опираясь на публикации Ж. Доскараева, О. Накысбекова, А. Байжолова, С. Кызылбаева и Ш. Сарыбаева.

В качестве характерных фонеморфологических признаков трех диалектов ученый указывает:

(а) восточный диалект:

1) употребление **д** в соответствии с лит. **л** в окончаниях множественного числа существительных: *атадар* — лит. *аталар* ‘деды’, *үйдер* — лит. *үйлер* ‘дома’, *інідер* — лит. *інілер* ‘младшие братья’, *бауырдар* — лит. *бауырлар* ‘братья’, *қойчыдар* — лит. *қойшылар* ‘пастухи’ и др.;

2) это же явление встречается в суффиксах **-дық/-дік** в соответствии с лит. **-лық/-лік** и **-да/-де** в соответствии с лит. **-ла/-ле**: *қордық* — лит. *қорлық* ‘издевательство’, *зордық* — лит. *зорлық* ‘насилие’, *ауырдық* — лит. *ауырлық* ‘тяжесть’, *батырдық* — лит. *батырлық* ‘героизм’; *өрде* — лит. *өрле* ‘поднимаясь вверх’, *терде* — лит. *терле* ‘потей’, *сөйде* — лит. *сөйле* ‘говори’ и т. д.;

3) употребление окончаний местного и исходного падежа в соответствии с дательным в литературном языке, а окончаний дательного падежа — в соответствии с окончаниями винительного: *ол көп жерге* — лит. *жерде жүрген кісі* ‘это человек, который был во многих местах’, *маган домбыраға* — лит. *домбыраны үйреткен сол кісі* ‘именно этот человек научил меня игре на домбыре’, *біз ол үйге сағат жетіде* — лит. *жетіге таман бардық* ‘мы приехали в тот дом к семи часам’.

А. Нурмагамбетов также выделяет языковые особенности, присущие двум-трем говорам восточного диалекта:

1) отсутствие ассимиляции согласных при присоединении аффикса инструментального и исходного падежей в кош-агачском и усть-каменогорском говорах. Например: *қолыңбенен* — лит. *қолыңменен* ‘своей рукой’; *кісінен* — лит. *кісіден* ‘от человека’, а также употребление локатива: *үшінде таман* — лит. датив *үшіне таман* ‘к третьему (числу)’;

2) употребление формы причастия на **-тын/-тін** в соответствии с лит. формой имени действия на **-у** в этих же говорах: *баратын керек* — лит. *бару керек* ‘должен пойти’;

3) употребление суффикса **-шы/-ші** в соответствии с лит. **-лық/-лік** в этих же говорах: *семейшілер* — лит. *семейліктер* ‘семипалатинцы’, *арасанышы* — лит. *арасандық* ‘арасанец’;

4) употребление личных окончаний 1 лица мн. ч. в форме **-мыс/-міс** вм. **-мыз/-міз** в аягосском, усть-каменогорском и кош-агачском говорах: *алғанымыс жоқ* — лит. *алғанымыз жоқ* ‘мы не брали’, *үйде боламыс* — лит. *үйде боламыз* ‘мы будем дома’;

5) употребление аффикса деепричастия **-ғайы/-гейі** в соответствии с лит. **-ғалы/-гелі** в усть-каменогорском, кош-агачском и баян-ульгийском говорах: *барғайы* — лит. *барғалы* ‘поехать’, *айтқайы* — лит. *айтқалы* ‘сказать’, *кеткейі* — лит. *кеткелі* ‘уйти’.

(б) западный диалект:

1) употребление **-улы/-улі** в соответствии с лит. суффиксом причастия прошедшего времени **-ган/-ген/-қан/-кен** и суффиксом глагола прошедшего времени **-ды/-ді/-ты/-ті**. Например: *бідулі* — лит. *білген* или *білді* ‘узнал’, *болулы* — лит. *болған, болды* ‘был’, *деулі* — лит. *деген, деді* ‘сказал’;

2) употребление суффикса **-ажақ/-ежақ** вместо **-мақ/-мек/-бақ/-бек/-пақ/-пек** в значении будущего времени, указывающего на цель: *баражақпыз* — лит. *бармақпыз* ‘мы собираемся пойти’, *салынажақ* — лит. *салынбақ* ‘будет строиться’;

3) употребление личных окончаний второго лица уважительной формы **-сыңыз/-сіңіз** вместо **-сыз/-сіз**: *қазақсыңыз* вм. *қазақсыз* ‘вы казах’;

4) употребление форм страдательного и возвратного залога глагола вместо основного: *келіндік* — лит. *келдік* ‘мы приехали’, *өтілдік* — лит. *өттік* ‘мы прошли’;

5) употребление личных местоимений: *бізін* — лит. *біздің* ‘наш’, *сізін* — лит. *сіздің* ‘ваш’;

6) употребление суффиксов **-шылық/-шілік** в соответствии с лит. **-лық/-лік/-дық/-дік**: *батыршылық* — лит. *батырлық* ‘героизм’, *зұлымшылық* — лит. *зұлымдық* ‘злодеяние’, *ақыншылық* — лит. *ақындық* ‘поэтический’.

Необходимо отметить, что А. Нурмагамбетов называет центральный говор основой западного диалекта.

(в) южный диалект:

1) выражение повелительного наклонения глагола с помощью суффиксов **-қын/-ғын/-кін/-гін**: *келгін* — лит. *кел* ‘приди’, *таныстырғын* — лит. *таныстыр* ‘познакомь’;

2) употребление притяжательного аффикса третьего лица в форме **-ысы/-ісі** в соответствии с лит. **-ы/-і/-сы/-сі**: *бәрісі* — лит. *бәрі* ‘все они’, *уақытысы* — лит. *уақыты* ‘его время’, *ақырысы* — лит. *ақыры* ‘ее конец’.

Однако некоторые фонетические явления, реально зафиксированные в казахских современных диалектах и отраженные в памятниках, например переходы **и > о**, **й > ъ**, казахские диалектологи не связывают с определенной диалектной группой. По этой причине нам представляется немаловажным при анализе первых кириллических книг не только принимать во внимание фонетические различия между казахскими говорами, отмеченные лингвистами, но и использовать материалы аудиословарей всех диалектных групп казахского языка, размещенные на сайте <http://lingvodoc.ispras.ru/>. Такой подход позволит (1) увеличить список диагностических фонетических явлений для того или иного казахского говора, (2) проиллюстрировать фонетические явления, отличающиеся от литературной нормы, примерами из аудиословарей, доступных он-лайн, что даст возможность любому читателю верифицировать наши утверждения, и (3) более надежно определить диалектную принадлежность той или иной книги, изданной на казахском языке до 1917 г.

Далее мы рассмотрим все основные отличия, встречающиеся в графике памятника [Премудрости 1891], от литературного казахского языка, сравнивая их с материалами современных диалектов³. Как показывает проведенный анализ, большинство уникальных рефлексаций в этом памятнике, связанные с упреждением гласного, не отмечены в восточных, центрально-северных и южных современных диалектах, а представлены в Костанайской области, в говорах западного диалекта (подробнее см. казахские словари на сайте lingvodoc.ispras.ru), поэтому ниже при разборе рефлексаций, свойственных памятнику, но имеющих отличие от литературного языка, мы приводим примеры из костанайского говора. При этом следует отметить, что транскрипция костанайских данных носит предварительный характер и в будущем должна быть доработана с помощью анализа спектрограмм. Наиболее многочисленные примеры рефлексаций, когда графика памятника совпадает с литературным казахским языком, можно посмотреть в корпусе книги и конкордансе. Ниже для экономии места мы подробно приводим примеры из рассматриваемой книги только на особые рефлексии в исконной лексике, когда соответствие представлено в трех и более лексемах.

Миссионерские кириллические книги на казахском языке, созданные до и после 1893 г.

1. Гласные первого слога

Для анализа гласных и согласных фонем памятника мы будем использовать результаты исследования А. В. Дыбо, Ю. В. Норманской и Н. Г. Шаймердиновой по вышеуказанным кириллическим книгам. Результаты анализа гласных фонем по исследуемым памятникам, созданным до и после 1893 г., можно представить в виде следующей таблицы⁴:

лит. каз.	і	ы	ө	ү	о	ұ	е	ә	а
Премудрости 1891	u/-/e/э	ы/-	ö/ÿ	ÿ/ö	o/ö/(y)	y/o/ÿ/(ö)	e/э/u/(ä)	ä/a	a
Училище 1892	u/-	ы	ö (ÿ)	ÿ/ö	o	y	e	ä	a
Букварь 1892	u/-/e	ы	ö	ÿ(ö)	o	y	e	ä	a
Крещение 1892	u/-/(ы)	ы	ö/o	ö/ÿ (#_)	o	y/o (#_)	e/u	ä/a	a
Словарь 1897	u/e	ы	ö/ÿ	ÿ/ö	o/y/ö	y/o	e/u	ä/a/e	a/ä
Букварь 1908 ⁵	u	ы	ö	ÿ/ö	o/y	y	e/(a)/(u)	ä/(a)	a/(ä)

Лит. каз. *i*

Стандартное соответствие: [Премудрости 1891] **u** — лит. каз. *i*;

Нестандартные соответствия: анализ употребления гласных в памятнике [Премудрости 1891] показал, что для обозначения гласного *i* в анлауте используются графемы **e** после согласных и **э** в абсолютном начале слов. Ниже рассмотрим это на конкретных примерах.

e — лит. каз. *i*:

[Премудрости 1891]	лит. каз.	перевод
<i>белген</i>	<i>білген</i>	‘знавший; узнавший’
<i>бетип</i>	<i>бітіп</i>	‘закончившись’
<i>жебереди</i>	<i>жібереді</i>	‘отправит’
<i>сез</i>	<i>сіз</i>	‘Вы’
<i>еззелек</i>	<i>ізгілік</i>	‘благодеяние’

Соответствие [Премудрости 1891] **e** — лит. каз. *i* отмечено в 48 лексемах как в корне, так и в аффиксах.

³ Глоссированный текст книги «Ақыл бере тугун кнеге» («Из Премудрости Иисуса сына Сирахова», 1891) и сделанный к нему конкорданс доступен на сайте lingvodoc.ispras.ru.

⁴ Условные знаки в таблице, введенные А. В. Дыбо и Ю. В. Норманской, означают: / — рефлекс, для которого найдено более трех примеров; () — рефлекс, для которого найдено 1-2 примера; # — знак начала или конца слова.

⁵ В [Букварь 1908] система записи гласных практически совпадает с употреблением гласных графем в литературном казахском языке, за исключением лабиальной гармонии узких гласных второго слога [Дыбо, Норманская 2016: 146].

[Премудрости 1891] *э* — лит. каз. *і*:

[Премудрости 1891]	лит. каз.	перевод
<i>эзги</i>	<i>ізгі</i>	‘святой; благой’
<i>эши</i>	<i>іші</i>	‘внутри’
<i>эшип</i>	<i>ішип</i>	‘выпив’
<i>эшкиш</i>	<i>ішкиш</i>	‘пьяница’
<i>эсти</i>	<i>істі</i>	‘человек, находящийся в беде’

Соответствие [Премудрости 1891] *э* — лит. каз. *і* встречается в памятнике в абсолютном начале девяти лексем, большинство из которых являются однокоренными.

Аналогичное соответствие представлено также в [Букварь 1892]. Подобного рода переходы наблюдались в разных регионах проживания носителей казахского языка, например в говорах жителей восточно-казахстанской области: *серенке* — лит. каз. *сіріңке* ‘спички’, *ерегесу* — лит. каз. *ерегісу* ‘препираться’, *бүлдірге* — лит. каз. *бүлдіргі* ‘гречиха’, *керпіш* — лит. каз. *кірпіш* ‘кирпич’ [Болатов 1963: 194—195]. В западном диалекте на тенденцию перехода *і* > *е* указывал Н. И. Ильминский, иллюстрируя это явление примерами *елбеу* — лит. каз. *ілбу* ‘брести’, *ілегу* — лит. каз. *іліну* ‘зацепляться’, *кер* — лит. каз. *кір* ‘грязь’ [Аманжолов 1959: 400]. Соотношение звуков *і* — *е*, таким образом, не является уникальной чертой конкретного диалекта. Соответственно, эту рефлексацию нельзя назвать диагностической для определения диалектной группы нашего памятника.

Отсутствие гласной в первом слоге — лит. каз. *і*:

[Премудрости 1891]	лит. каз.	перевод
<i>блимдик</i>	<i>білімдік</i>	‘мудрость’
<i>кси</i>	<i>кісі</i>	‘человек’
<i>тлек</i>	<i>тілек</i>	‘пожелание’
<i>бликти</i>	<i>білікті</i>	‘сведущий’
<i>тли</i>	<i>тілі</i>	‘язык его’
<i>бр бри мен</i>	<i>бір-бірімен</i>	‘друг с другом’
<i>кирейту</i>	<i>кішірейту</i>	‘уменьшить’
<i>три</i>	<i>тірі</i>	‘живой’
<i>бтрсем</i>	<i>бітірсем</i>	‘если закончу’
<i>мндетинге</i>	<i>міндетіңе</i>	‘к твоей обязанности’

Л и т. к а з. *ы*

Стандартное соответствие: [Премудрости 1891] *ы* — лит. каз. *ы*

Нестандартное соответствие: отсутствие гласной в первом слоге — лит. каз. *ы*:

[Премудрости 1891]	лит. каз.	перевод
<i>шуга</i>	<i>шығуға</i>	‘выйти’
<i>тныш</i>	<i>тыныш</i>	‘тихий’
<i>трысады</i>	<i>тырысады</i>	‘старается’
<i>жртып</i>	<i>жыртып</i>	‘рвать, пахать’
<i>шрайы</i>	<i>шырайы</i>	‘лицо его’
<i>срын</i>	<i>сырын</i>	‘тайну его’
<i>клып</i>	<i>қылып</i>	‘делая’
<i>клыш</i>	<i>қылыш</i>	‘сабля’
<i>снап</i>	<i>сынап</i>	‘проверяя’
<i>блаigy</i>	<i>былайғы</i>	‘другой’

Отметим, что по статистике выпадение *і*, *ы* в первом слоге менее частотно по сравнению со стандартными соответствиями. Это явление представлено во всех диалектных группах казахского языка в быстрой речи, поэтому не является диагностическим.

Лит. каз. *ø*

Стандартное соответствие: [Премудрости 1891] *ö* — лит. каз. *ø*;

Нестандартное соответствие: [Премудрости 1891] *ǰ* — лит. каз. *ø*:

[Премудрости 1891]	лит. каз.	перевод
<i>күрсетип</i>	<i>көрсетип</i>	‘показав’
<i>түзүмдик</i>	<i>төзүмдік</i>	‘терпение’
<i>күрер</i>	<i>көрер</i>	‘увидит’
<i>күнли</i>	<i>көңлі</i>	‘душа его’
<i>үмрү</i>	<i>өмірі</i>	‘жизнь его’
<i>үтинип</i>	<i>өтініп</i>	‘умоляя; прося’
<i>сүндреді</i>	<i>сөндіреді</i>	‘гасит’
<i>сүйлеп</i>	<i>сөйлеп</i>	‘говоря’
<i>шүлмек</i>	<i>шөлмек</i>	‘бутылка’
<i>үнүнде</i>	<i>өңүңде</i>	‘наяву’
<i>үш</i>	<i>өш</i>	‘мечь’

Это развитие не является частотным. В таблице приведены все найденные примеры данного соответствия. Необходимо отметить, что *ø* передается через *ǰ* также в слове, использованном в [Букварь 1892]: *сүйтүб* — лит. каз. *сөйтүп* ‘так, таким образом’.

Лит. каз. *ү*

Стандартное соответствие: [Премудрости 1891] *ǰ* — лит. каз. *ү*;

Нестандартное соответствие: [Премудрости 1891] *ö* — лит. каз. *ү*

[Премудрости 1891]	лит. каз.	перевод
<i>мөмкен</i>	<i>мүмкін</i>	‘возможно’
<i>жөрген</i>	<i>жүрген</i>	‘ходивший’
<i>өкүт</i>	<i>үгүт</i>	‘наставление’
<i>өзбейтн</i>	<i>үзбейтін</i>	‘не прерывающий’
<i>өлестр</i>	<i>үлестір</i>	‘раздай’
<i>өлесин</i>	<i>үлесін</i>	‘долю его’
<i>өлкен</i>	<i>үлкен</i>	‘большой’
<i>өмүт</i>	<i>үмүт</i>	‘надежда’
<i>өндөмөй</i>	<i>үндөмөй</i>	‘молча’

Аналогичный переход наблюдается в костанайском говоре:⁶

Костанайская обл.	лит. каз.	перевод
<i>зөр</i>	<i>жүр</i>	‘ходить’
<i>төс</i>	<i>түс</i>	‘сон’
<i>көп</i>	<i>күн</i>	‘солнце; день’
<i>өп</i>	<i>үн</i>	‘звук’
<i>өр</i>	<i>үр</i>	‘дуть’
<i>өк</i>	<i>үк</i>	‘молоть, крошить’
<i>көл</i>	<i>күл</i>	‘пепел, зола’

Здесь хотелось бы отметить высокую частотность употребления *ö* в соответствии с лит. каз. *ү* в [Премудрости 1891].

⁶ Полную выборку примеров на каждое из соответствий можно найти он-лайн в словаре <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/2705/15/perspective/2705/16/edit>.

Л и т. к а з. *o*Стандартное соответствие: [Премудрости 1891] *o* — лит. каз. *o*;Нестандартное соответствие: [Премудрости 1891] *ö* — лит. каз. *o*.

Примеров на данное соответствие в памятнике только три: *көр* — лит. каз. *қор* ‘униженный, оскорбленный’; *жөгн* — лит. каз. *жогын* ‘то, что не имеется; ничто; ничего’; *өл* — лит. каз. *ол* ‘он, она’. Такое же соотношение звуков мы встречаем и в костанайском говоре: *өq* — лит. каз. *оq* ‘стрела’, *зөq* — лит. каз. *жоq* ‘не имеется’, *төpіraq* — лит. каз. *топырақ* ‘земля’, *фөq* — лит. каз. *шоq* ‘жар, тлеющие уголья’.

Л и т. к а з. *ұ*Стандартное соответствие: [Премудрости 1891] *y* — лит. каз. *ұ*.Нестандартные соответствия: [Премудрости 1891] *o* — лит. каз. *ұ*:

[Премудрости 1891]	лит. каз.	перевод
<i>оста</i>	<i>ұста</i>	‘держи’
<i>онгайтын</i>	<i>ұнайтын</i>	‘нравящийся’
<i>озак</i>	<i>ұзақ</i>	‘долгий; долго’
<i>олуг//олук</i>	<i>ұлық</i>	‘великий’
<i>омутпа</i>	<i>ұмытпа</i>	‘не забывай’
<i>омтолоб</i>	<i>ұмтылып</i>	‘стремясь’
<i>оксас</i>	<i>ұқсас</i>	‘похожий’
<i>оялтады</i>	<i>ұялтады</i>	‘стыдит’
<i>бол</i>	<i>бұл</i>	‘это; этот’

Звук *o* на месте лит. каз. *ұ* встречается в [Премудрости 1891] довольно-таки часто. И в костанайском говоре этот переход нередок, см., например, *озип* — лит. каз. *ұзын* ‘длинный’; *qom* — лит. каз. *құм* ‘песок’; *орəq* — лит. каз. *ұрық* ‘семья’.

[Премудрости 1891] *ÿ* — лит. каз. *ұ*:

[Премудрости 1891]	лит. каз.	перевод
<i>бÿрÿс</i>	<i>бұрыс</i>	‘неправильный’
<i>ÿмутпа</i>	<i>ұмытпа</i>	‘не забывай’

Эта же фонетическая особенность была выявлена в костанайских записях, например, *ÿзақ* — лит. каз. *ұзақ* ‘долго’, *ÿтÿбäq* — лит. каз. *жұтбақ* ‘загадка’, *byläq* — лит. каз. *бұлақ* ‘источник’.

Л и т. к а з. *e*Стандартное соответствие: [Премудрости 1891] *e* (э в анлауте) — лит. каз. *e*.Нестандартные соответствия: [Премудрости 1891] *u* — лит. каз. *e*:

[Премудрости 1891]	лит. каз.	перевод
<i>ит</i>	<i>ет</i>	‘делай’
<i>иртегеси</i>	<i>ертегісі</i>	‘сказка его’
<i>кигес</i>	<i>кеңес</i>	‘советуйся’
<i>биреди//берген</i>	<i>береді</i>	‘дает’
<i>тик</i>	<i>тек</i>	‘только’

Аналогичные примеры представлены и в современном костанайском говоре, ср. *зир* — лит. каз. *жер* ‘земля’.

Л и т. к а з. ә

Стандартное соответствие: [Премудрости 1891] *ä* — лит. каз. *ә*;Нестандартные соответствия: [Премудрости 1891] *a* — лит. каз. *ә*

[Премудрости 1891]	лит. каз.	перевод
<i>баринедe</i>	<i>бәрине де</i>	‘и всем’
<i>мангы//мәнги</i>	<i>мәңгі</i>	‘вовек; вечно’
<i>жана</i>	<i>және</i>	‘и’

Как отмечает С. А. Аманжолов, переход *ә > a* свойственен западному диалекту. Например: *жана* — лит. каз. *және* ‘и’, которое употребляется также в [Премудрости 1891], *жармөнке* — лит. каз. *жәрмеңке* ‘ярмарка’ [Аманжолов 1959: 396].

Л и т. к а з. а

Стандартное соответствие: [Премудрости 1891] *a* — лит. каз. *a*.

Обзор особенностей рефлексов гласных звуков первого слога в [Премудрости 1891] показал, что с точки зрения особенностей отражения гласных звуков этот памятник наиболее близок к книгам, созданным после 1897 г. на севере в Акмолинской области, под ред. В. В. Катаринского. Одновременно эти рефлексы зафиксированы в костанайском говоре, и большая их часть представлена в современном павлодарском диалекте. Это указывает на близость диалектов Павлодара и Костаная, а также на их отличия от восточных говоров, на материале которых создавались первые книги [Букварь 1892; Училище 1892; Крещение 1892], и коррелирует с историческими сведениями о центрах создания первых кириллических книг.

1.2. Гласные второго слога. Губная гармония

Прежде чем мы перейдем к анализу гласных звуков непервых слогов, необходимо пояснить, что в устной речи на литературном казахском языке в словах с губными гласными в первом слоге звуки *i, ы, e* следующего слога произносятся как *ү, ұ, ө* соответственно. Например: *тұмсуқ* вм. *тұмсық* ‘морда, рыло’, *болдұ* вм. *болды* ‘был, стал’, *орұн* вм. *орын* ‘место’, *құлұн* вм. *құлын* ‘жеребенок’, *өрүк* вм. *өрік* ‘абрикос’, *күмүс* вм. *күміс* ‘серебро’, *үйдө* вм. *үйде* ‘в доме’, *үйрөк* вм. *үйрек* ‘утка’, *көшө* вм. *көше* ‘улица’, *бөлмө* вм. *бөлме* ‘комната’. Лабиальная аттракция в казахском языке не отражается на письме. Показательно, что в [Премудрости 1891] лабиализация гласных второго и третьего слога в большинстве случаев зафиксирована на письме. Это связано с тем, что переводчики пытались отразить именно особенности устной речи.

В то же время в [Премудрости 1891] встречаются слова, в которых огубление гласного второго слога не происходит: *буйрыгы* ‘веление Его’, *өнерин* ‘мастерство его’, *күтип* ‘ожидая’, *күши* ‘сила Его’, *үйренген* ‘научившийся’, *өзи* ‘он сам’ и др.

Ниже в суммирующей таблице приведем примеры, иллюстрирующие тенденции губного сингармонизма в [Премудрости 1891]. Все примеры разделены на несколько групп в соответствии с качеством гласных первого и непервых слогов:

		1-й узкий	1-й широкий		1-й узкий	1-й широкий
Задний ряд	Непервые узкие гласные	слабее на 3-м слоге, примеров на губную гармонию 22% <i>бурун</i> , но: <i>турып</i>	слабее на 3-м слоге, примеров на губную гармонию 8% <i>сонун</i> , но: <i>толы</i>	Непервые широкие гласные	—	всего два примера на случаи с перегласовкой: <i>омтолоб</i> ; <i>котолмас</i>
Передний ряд		примеров на губную гармонию 40% <i>үмүт</i> , но: <i>үстине</i>	примеров на губную гармонию 24% <i>көнүл</i> , но: <i>сөзди</i>		всего два примера на губную гармонию: <i>сүйөде</i> , <i>сүйө</i>	всего один пример на губную гармонию: <i>көндөгүге</i>

Приведем примеры на наличие и отсутствие губной гармонии в [Премудрости 1891] в виде таблиц.

[Премудрости 1891]	лит. каз.
у—у	ұ—ы
<i>буйруктарын</i>	<i>бұйрықтарын</i> ‘веления Его’
<i>буйурмаган</i>	<i>бұйырмаган</i> ‘не повелевал’
<i>буйуғуп</i>	<i>бұйығып</i> ‘смущаясь’
<i>бурунғы</i>	<i>бұрынғы</i> ‘древний; давний’
<i>бурун</i>	<i>бұрын</i> ‘прежде’
<i>бузук</i>	<i>бұзық</i> ‘испорченный’
<i>бузуктык</i>	<i>бұзықтық</i> ‘злонамеренность’
<i>жумус</i>	<i>жұмыс</i> ‘работа’
<i>умтуп</i>	<i>ұмытып</i> ‘забыв’
<i>урус</i>	<i>ұрыс</i> ‘ссора’
<i>урусқан</i>	<i>ұрысқан</i> ‘поссорившийся’
<i>кулуксыз</i>	<i>құлықсыз</i> ‘безвольный’
<i>бузулады</i>	<i>бұзылады</i> ‘портится’
у—ы	ұ—ы
<i>буйрыктары</i>	<i>бұйрықтары</i> ‘повеления Его’
<i>буйрылган</i>	<i>бұйырылган</i> ‘предназначенный’
<i>урып</i>	<i>ұрып</i> ‘побив’
<i>турынғыз</i>	<i>тұрыңыз</i> ‘стойте, встаньте’
<i>турып</i>	<i>тұрып</i> ‘стоя’
<i>улы</i>	<i>ұлы</i> ‘сын его’
о—у	о—ы
<i>орунсыз</i>	<i>орынсыз</i> ‘неуместный’
<i>орунды</i>	<i>орынды</i> ‘уместный’
<i>отурурсын</i>	<i>отырарсың</i> ‘сядешь’
<i>болус</i>	<i>болыс</i> ‘помоги’
<i>сонун</i>	<i>соның</i> ‘это’
о—ы	о—ы
<i>созып</i>	<i>созып</i> ‘протянув’
<i>толы</i>	<i>толы</i> ‘полный’
<i>тоздыр</i>	<i>тоздыр</i> ‘износи’
<i>согылып</i>	<i>согылып</i> ‘ударившись’
ү—ү	ү—i // e
<i>түбүн</i>	<i>түбін</i> ‘дно’
<i>үмүт</i>	<i>үміт</i> ‘надежда’
<i>үстү үстүне</i>	<i>үсті-үстіне</i> ‘беспрестанно’
<i>үшүн</i>	<i>үшін</i> ‘для’
<i>әр түрлү / но: эки түрли</i>	<i>әртүрлі</i> ‘различный’
<i>әр түрлүше</i>	<i>әр түрліше</i> ‘по-разному’
<i>түсүп</i>	<i>түсіп</i> ‘опустившись’
<i>түсүрме</i>	<i>түсірме</i> ‘не опускай’
<i>сүйүнбе</i>	<i>сүйенбе</i> ‘не опирайся; не полагайся’
<i>сүйүниш</i>	<i>сүйеніш</i> ‘подпорка; опора’
<i>сүйүндүрер</i>	<i>сүйіндірер</i> ‘вызывать восхищение’
<i>сүйүнүб</i>	<i>сүйініп</i> ‘восторгаясь’
<i>сүйүнүшти</i>	<i>сүйінішти</i> ‘радостный; приятный’
<i>сүйүнүр</i>	<i>сүйінер</i> ‘будет восторгаться’
<i>сүйкүмди</i>	<i>сүйкімді</i> ‘миловидный; обаятельный’
<i>сүйкүмшилик</i>	<i>сүйкімділік</i> ‘обаятельность; обаяние’
<i>түгүл</i>	<i>түгіл</i> ‘не только’
<i>түкүрсен</i>	<i>түкірсең</i> ‘если плюнешь’
<i>жүрүп</i>	<i>жүріп</i> ‘ходить’

<i>жүрүс турусунан</i>	<i>жүріс-тұрысынан</i> ‘по поступкам’
<i>бүйтүп</i>	<i>бүйтiп</i> ‘так’
<i>күйшүң</i>	<i>күйшiң</i> ‘сила твоя’
<i>күтүп</i>	<i>күтiп</i> ‘ожидая’
<i>күйөк</i>	<i>күйiк</i> ‘печаль’
<i>күңүңде</i>	<i>күңiңде</i> ‘в день твой’
<i>ү—и</i>	<i>ү—i</i>
<i>күтип</i>	<i>күтiп</i> ‘ожидая’
<i>жүкиши</i>	<i>жүкiшi</i> ‘поручитель’
<i>жүзи</i>	<i>жүзi</i> ‘лик; лицо’
<i>күлки</i>	<i>күлкi</i> ‘смех; посмешище’
<i>жүргизедi</i>	<i>жүргiзедi</i> ‘ведет’
<i>күни-түни</i>	<i>күни-түни</i> ‘днем и ночью’
<i>күши</i>	<i>күшi</i> ‘сила его’
<i>үстине</i>	<i>үстiне</i> ‘на поверхность’
<i>ү—ө</i>	<i>ү—e</i>
<i>сүйөдө</i>	<i>сүйедi</i> ‘любит’
<i>сүйө</i>	<i>сүйе</i> ‘поддержи’
<i>ө—ү</i>	<i>ө—i</i>
<i>өзү</i>	<i>өзi</i> ‘сам’
<i>өзүңди өзүң</i>	<i>өзiңдi өзiң</i> ‘сам себя’
<i>сөзүңиң</i>	<i>сөзiнiң</i> ‘слово его’
<i>өмүри</i>	<i>өмiрi</i> ‘жизнь его’
<i>көңлү</i>	<i>көңлi</i> ‘душа его’
<i>көзүң</i>	<i>көзiн</i> ‘глаза его’
<i>көрүп</i>	<i>көрiп</i> ‘увидев’
<i>өкнүшти</i>	<i>өкiнiштi</i> ‘досадный’
<i>өмүрлик</i>	<i>өмiрлiк</i> ‘жизненный: навеки’
<i>өтрүк</i>	<i>өтiрiк</i> ‘ложь; обман’
<i>өтрүкши</i>	<i>өтiрiкшi</i> ‘лжец; лживый’
<i>өлүм</i>	<i>өлiм</i> ‘смерть’
<i>өлүп</i>	<i>өлiп</i> ‘умерев’
<i>сөйтүп</i>	<i>сөйтiп</i> ‘так’
<i>өткүзгөн</i>	<i>өткiзгөн</i> ‘проводивший’
<i>ө—ө</i>	<i>ө—i</i>
<i>көндөгүгө</i>	<i>көндiгүгө</i> ‘чтобы привыкнуть’
<i>ө—и</i>	<i>ө—i</i>
<i>көзим</i>	<i>көзiм</i> ‘глаза мои’
<i>өзи</i>	<i>өзi</i> ‘он сам’
<i>өткизеди</i>	<i>өткiзедi</i> ‘проводит’
<i>өлмнiң</i>	<i>өлiмнiң</i> ‘смерти’
<i>бөлип</i>	<i>бөлiп</i> ‘разделив’
<i>сөзiңдi</i>	<i>сөзiңдi</i> ‘слова твои’
<i>эки сөздi</i>	<i>эки сөздi</i> ‘двуличный’
<i>шөби</i>	<i>шөбi</i> ‘шелуха’
<i>ү—e</i>	<i>ү—e</i>
<i>үндемей</i>	<i>үндемей</i> ‘молча’
<i>күнде-күнде</i>	<i>күнде-күнде</i> ‘каждодневно’
<i>үзбеген</i>	<i>үзбеген</i> ‘не прервавший’
<i>үлкенишлик</i>	<i>үлкенишiлiк</i> ‘старшинство’
<i>үлкенсенип</i>	<i>үлкенсiнiп</i> ‘считать себя старшим’
<i>жүрө туугун</i>	<i>жүрөтүгүн</i> ‘идуший’
<i>жүрөксиз</i>	<i>жүрөксiз</i> ‘бессердечный’
<i>үйлерин</i>	<i>үйлерiн</i> ‘дома их’

<i>үйретбе</i>	<i>үйретпе</i> ‘не приучай; не учи’
<i>сүйер</i>	<i>сүйер</i> ‘возлюбит’
<i>түсерсин</i>	<i>түсерсің</i> ‘спустишься; попадешь’
<i>үрсен</i>	<i>үрлесең</i> ‘если подуешь’
<hr/>	
<i>ө—е</i>	<i>ө—е</i>
<i>өнерин</i>	<i>өнерін</i> ‘искусство его’
<i>өлшеп</i>	<i>өлшеп</i> ‘измерив’
<i>өлер</i>	<i>өлер</i> ‘умрет’
<i>өпкелеуши</i>	<i>өкпелеуші</i> ‘обиженный’
<i>бөтендер</i>	<i>бөтендер</i> ‘чужие’
<i>көргенде</i>	<i>көргенде</i> ‘когда увидел’
<i>сөздер</i>	<i>сөздер</i> ‘слова’
<i>төре</i>	<i>төре</i> ‘господин’
<i>төбелі</i>	<i>төбелі</i> ‘с кровлей’
<i>көтермеге</i>	<i>көтермеге</i> ‘в долг’
<i>өлгелі</i>	<i>өлгелі</i> ‘с тех пор, как умер’
<i>төлеуге</i>	<i>төлеуге</i> ‘на выплату’

Таким образом, с точки зрения наличия губной гармонии книга [Премудрости 1891] отличается от всех ранее изученных в [Дыбо, Норманская 2016] первых казахских кириллических книг. В семипалатинских книгах представлены следующие схемы сингармонизма⁷:

		1-й узкий	1-й широкий		1-й узкий	1-й широкий
[Букварь 1892]						
Задний ряд	Непервые узкие гласные	+ / — <i>кумус</i> , но <i>уқыб</i>	+ / — <i>торсук</i> , но <i>коркыб</i>	Непервые широкие гласные	— <i>бура</i>	— <i>мола</i>
Передний ряд		+ / — <i>үйүңши</i> , но <i>күзди</i>	+ / — <i>көңлү</i> , но <i>көршици</i>		— <i>күнненсон</i> (1 искл. <i>мүшө</i>)	— <i>өйленетн</i>
[Училище 1892]						
Задний ряд	Непервые узкие гласные	+ / — <i>бурулыб</i> , но <i>турмыс</i>	+ / — <i>тормусымз</i> , но <i>жолыккан</i>	Непервые широкие гласные	— <i>турамысн</i>	— <i>токта</i>
Передний ряд		+ <i>жүзүңүб</i>	+ / — <i>төзү</i> , но <i>өкиниб</i>		— <i>үлкени</i>	— <i>көрсетеди</i>
[Крещение 1892]						
Задний ряд	Непервые узкие гласные	+ <i>бурун</i>	— <i>сондыктан</i>	Непервые широкие гласные	— <i>кудай</i>	— <i>болган</i>
Передний ряд		+ / (— редко) <i>түзүл</i> , но <i>күнги</i>	— / (+ редко) <i>көзим</i> , но <i>көңдрүге</i>		— <i>күдреттерін</i>	— <i>көрсетип</i>

В акмолинских книгах стабильно представлен сингармонизм на узких гласных второго слога, как и в литературном казахском языке.

⁷ В таблице приведены предварительные сведения о губном сингармонизме в семипалатинских книгах [Дыбо, Норманская 2016: 143].

Памятник [Премудрости 1891] отличается от книг, созданных под руководством Катаринского: при *y*, *y̆*, *ö* первого слога сингармонизм встречается только примерно в 20—40% случаев у словоформ со вторым узким гласным, что сближает его с [Букварь 1892], но, в отличие от «Букваря...», при *o* в первом слоге здесь имеется только 8% словоформ со вторым узким гласным, подвергшимся гармонии.

Мы проанализировали статистические данные по наличию гармонии в костанайском говоре для слов с узкими гласными во втором слоге после огубленных гласных первого слога в литературном языке. В словаре <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/2705/15/perspective/2705/16/view> содержится 961 лексема. Мы рассмотрели примеры слов с *o* и *y* в первом слоге в литературном языке, поскольку статистика, связанная с наличием гармонии на втором узком гласном в [Премудрости 1891], для этих графем наиболее существенно различается. Оказалось, что из слов, которые имеют в первом слоге *o*⁸, в 87% лексем гласный второго слога не приобретает огубленность, ср. *opır* ‘ломать’, *zoñısqɑ* ‘клевер’, *qobız* ‘вид музыкального инструмента’, *otız* ‘тридцать’, *qojın* ‘подмышка’, *qozı* ‘ягненок’, *qoñız* ‘жук’, *doñız* ‘свинья’, *qoñır* ‘рыжевато-бурый’, *fomıl* ‘погружаться, нырять’, *tobıq* ‘коленная чашечка’, *otır* ‘сидеть’, *tojın* ‘шея’. В 13% лексем гласный второго слога огубленный, ср. *foqu* ‘клевать’, *orıq* ‘семья’.

Для *y* в первом слоге статистика в костанайском говоре другая: сингармонизм отсутствует в 41% лексем, ср. *kyfigen* ‘орел’, *tygil* ‘нет’, *zyzik* ‘кольцо’, *tykir* ‘плевать’, *yrki* ‘бояться’, *zyzim* ‘виноград’, *brldırgen* ‘вид ягоды’, и представлен в 59% лексем: *syngö* ‘копье, пика’, *zygyn* ‘кланяться’, *kyrtök* ‘сугроб’, *brldır* ‘разрушаться’, *yjyr* ‘поворачивать’, *tytyk* ‘трубка’, *kyjrök* ‘слабеть’, *tysyn* ‘думать’, *tyndyk* ‘дымовое отверстие’, *tylkö* ‘лиса’⁹. Таким образом, в современном костанайском говоре также представлен особый тип сингармонизма, не отмеченный в других известных нам диалектах, поскольку в нем частота появления гармонии зависит от качества гласного первого слога.

В отличие от других памятников, о которых шла речь выше, в [Премудрости 1891] есть редкие примеры, когда узкий гласный второго слога литературного языка соответствует широкому: *омтолоб* — лит. каз. *ұмтылып* ‘стремясь’, *котолмас* — лит. каз. *құтылмас* ‘не избавится’, *көндөзүге* — лит. каз. *көндізуге* ‘чтобы привыкнуть’. Как можно видеть из примеров выше, такие случаи есть и в костанайском говоре: *syngö* ‘копье, пика’, *kyrtök* ‘сугроб’, *kyjrök* ‘слабеть’, *tylkö* ‘лиса’. Также в [Премудрости 1891] в отличие от всех первых книг есть случаи, когда сингармонизму подвергается гласный, соответствующий лит. *e* во втором слоге. Отметим, что это примеры, когда инлаутный согласный *y̆*: *сүйө* — лит. каз. *сүйе* ‘поддержи’, *сүйөде* — лит. каз. *сүйеди* ‘любит’. В такой же позиции гласный *e* подвергается гармонии во втором слоге и в костанайском говоре: *tyjө* — лит. каз. *түйе* ‘верблюд’, *kyjrök* ‘слабеть’ — лит. каз. *күйрек*. Впрочем, в этом говоре гласный *e* второго слога иногда подвергается гармонии и в других случаях: *zyrök* — лит. каз. *жүрек* ‘сердце’; *tyzө* — лит. каз. *түзе* ‘упорядочивать’; *ylkөп* — лит. каз. *үлкен* ‘большой’; *kөтөр* — лит. каз. *көтер* ‘поднимать’.

1.3. Согласные

Анлаут

Употребление звонкого *b* в анлауте в соответствии с литературным *п* во всех памятниках встречается только в персидских и арабских заимствованиях:

[Премудрости 1891]

бенде (перс.) [Премудрости 1891: 43] — лит. каз. *пенде* ‘раб, человек’.

[Училище 1892]

байгамбарлардын (перс.) [Училище 1892: 3] — лит. каз. *пайгамбарлардың* ‘пророков’

бутка (перс.) [там же: 7] — лит. каз. *пұтқа* ‘идолу’

бендеси (перс.) [там же: 11] — лит. каз. *пендесі* ‘смертный’.

[Букварь 1892]

беристе (перс.) [Букварь 1892: 9] — лит. каз. *періште* ‘ангел’.

[Крещение 1892]

буттарды (перс.) [Крещение 1892: 4] — лит. каз. *пұттарды* ‘идолов’.

[Словарь 1897]

байгамбар (перс.) [Словарь 1897: 30] — лит. каз. *пайгамбар* ‘пророк’

байда (араб.) [там же: 31] — лит. каз. *пайда* ‘выгода, польза’.

⁸ Здесь не учитывается лексема, в которой лит. *o* соответствует *ө* в первом слоге *tөқи* ‘ткать’, поскольку рассматривается именно синхронная система сингармонизма.

⁹ Если не принимать во внимание случаи, когда узкий гласный второго слога стал широким, то статистика будет несколько иная: 53% слов без сингармонизма и 47% слов с сингармонизмом.

Употребление звонкого *d* в соответствии с литературным *m*:

[Премудрости 1891]

Встречается в формах слова *денгиз*:

денгиздердин [Премудрости 1891: 3] — лит. каз. *теңіздердің* ‘морей’.

Такое соответствие весьма широко представлено в [Словарь 1897]:

денгиз — лит. каз. *теңіз* ‘море’

дажал — лит. каз. *тажал* (перс.) ‘Антихрист’

дузақ — лит. каз. *тұзақ* // *дозақ* (перс.) ‘силок; ад’

дүзөт, *дүзө* — лит. каз. *түзет*, *түзе* ‘исправь, поправь’

дырқрат — лит. каз. *тырқырат(у)* ‘гонять, разогнать шибко’

деспе — лит. каз. *таспиқ* (араб.) ‘четки’

денгел — лит. каз. *теңел(у)* ‘равняться’

дандан — лит. каз. *аң-таң* ‘удивление’.

Инлаут и ауслаут

При анализе согласных мы пришли к выводу, что в памятнике [Премудрости 1891] формы с ауслаутным *-n*, совпадающие с литературным, употребляются гораздо чаще, чем формы с ауслаутным *-b*.

Во всей книге в показателе деепричастия соответствие [Премудрости 1891] *b* — лит. каз. *n* встречается только три раза: *омтолоб* (с. 14) — лит. каз. *ұмтылып* ‘стремясь’; *сүйүнүб* (с. 20) — лит. каз. *сүйініп* ‘восторгаясь’; *корланыб* (с. 51) — лит. каз. *қорланып* ‘унижаясь’. Схожую статистику показал анализ книги [Крещение 1892], где в 98% случаев применяется написание литературного *-n* на конце этой формы деепричастия, и книги [Словарь 1897], где формы на *-b* отсутствуют [Дыбо, Норманская 2016: 143]. Напротив, в [Букварь 1892] деепричастия этой формы оканчиваются только на звонкий *-b* [Шаймердинова 2016: 130]. Согласно статистике, приведенной Н. Г. Шаймердиновой, в [Училище 1892] встречаются деепричастия с конечным *-b* и формы на *-n*, совпадающие с литературной нормой, почти в равных количествах (на *-b* 17 слов, на *-n* 15 слов).

В [Премудрости 1891] встречается также употребление звонкого *-b* на конце арабских заимствований:

азаб (араб.) [Премудрости 1891: 43] — лит. каз. *азап* ‘мука, мучение’

гариблерге (араб.) [Премудрости 1891: 42] — лит. каз. *гариптерге* ‘несчастливым, обездоленным’.

Кроме того, в одном случае звонкий *b* встречается на конце корневой морфемы в словоформах:

табкын келсе [Премудрости 1891: 10] — лит. каз. *тапқың келсе* ‘если хочешь найти’

табкан [там же: 10] — лит. каз. *тапқан* ‘найденный, добытый’

табкансон [там же: 13] — лит. каз. *тапқан соң* ‘после того, как найдешь’.

Аналогичное явление имеет место в [Училище 1892]. Наряду с этим в [Премудрости 1891] употребляются варианты слова, совпадающие с литературной нормой: *тапқан* (с. 4, 13) ‘нашедший’, *тапсан* (с. 13) ‘если найдешь’.

В памятнике достаточно много слов с аффиксом отрицания *-ба/-бе* в глаголах, причастиях и деепричастиях после глухих согласных:

[Премудрости 1891]	лит. каз.	перевод
<i>айтба</i>	<i>айтпа</i>	‘не говори’
<i>акылдасба</i>	<i>ақылдаспа</i>	‘не советуйся’
<i>үйретбе//үйретпе</i>	<i>үйретпе</i>	‘не учи’
<i>келісбейди</i>	<i>келіспейді</i>	‘не соглашается’
<i>жаратбайды</i>	<i>жаратпайды</i>	‘не одобрит’
<i>қорықбайды</i>	<i>қорықпайды</i>	‘не боится’
<i>этбейди</i>	<i>етпейді</i>	‘не будет делать’
<i>қалжыңдасба</i>	<i>қалжыңдаспа</i>	‘не шути’
<i>қосбаған</i>	<i>қоспаған</i>	‘не прибавил’
<i>омутбасн</i>	<i>ұмытпасын</i>	‘пусть не забывают’
<i>түсбесін</i>	<i>түспесін</i>	‘пусть не спускается’
<i>істетбес</i>	<i>істетпес</i>	‘не заставит сделать’
<i>кемитбе</i>	<i>кемітпе</i>	‘не унижай’
<i>кетбес</i>	<i>кетпес</i>	‘не уйдет’
<i>қарсыласбай</i>	<i>қарсыласпай</i>	‘не сопротивляясь’

В то же время встречаются примеры, соответствующие литературной норме: *истетпейди* (с. 5) ‘не заставит совершать’, *ауыспай* (с. 5, 6) ‘не меняясь’, *этпегендигинен* (с. 7) ‘из-за того, что не делал’, *ренжитпе* (с. 8) ‘не обижай’, *жетпестикти* (с. 9) ‘нехватку’, *түзетпейди* (с. 9) ‘не исправит’, *телмиртпе* (с. 9) ‘не утомляй ожиданием’, *сатпа* (с. 15) ‘не продавай’, *кириспе* (с. 15) ‘не приступай’, *кашпа* (с. 15) ‘не убегай’, *карайтпа* (с. 16) ‘не очерняй’, *этпе* (с. 16) ‘не делай’, *жаратпайды* (с. 17, 22) ‘не одобрит’, *жетпейтинди* (с. 19) ‘то, чего не хватает’, *өмутпа* (лит. каз. *ұмытпа*) (с. 22) ‘не забывай’, *сүйлетпе* (лит. каз. *сөйлетпе*) (с. 25) ‘не заставляй говорить’, *үйретпе* (с. 27) ‘не учи’, *кешпес* (с. 29) ‘не прости’, *кинеспе* (лит. каз. *кеңеспе*) (с. 40) ‘не советуйся’, *айтпасан* (с. 50) ‘если не скажешь’.

Диереза согласного *й*

[Премудрости 1891]: *шеин* — *шейін* ‘до’, *саин* — *сайын* ‘по мере’, *моин* — *мойын* ‘шея’, *баин* — *байын* ‘мужа ее’, *пейл* — *пейіл* ‘отзывчивость’, *жаин тап* — *жайын тап* ‘успокой его’, *оина* — *ойыңа* ‘в память; в мысли’, *жаинды* — *жайыңды* ‘твое положение’ и др. В общей сложности это явление представлено в памятнике в 21 слове. В памятниках [Училище 1892; Букварь 1892; Крещение 1892] диереза согласного *й* встречается реже.

На уровне единичных фактов в [Премудрости 1891] встречаются:

1. Употребление *ч* в начале и в конце слова: *чагында* — лит. каз. *шагында* ‘в пору’, *дегенче* — лит. каз. *дегеше* ‘чем сказать’, *эткинче* — каз. лит. *еткенше* ‘чем делать’. Чоканье является одной из специфических особенностей как западного диалекта (*чап* — лит. каз. *шап* ‘скачи’, *тігінчі* — лит. каз. *тігінші* ‘портной’), так и говоров жителей восточного Казахстана (*чақча* — лит. каз. *шақша* ‘табакерка’, *чарчадым* — лит. каз. *шаршадым* ‘я устал’, *қамчы* — лит. каз. *қамшы* ‘камча’, *қойчы* — *қойшы* ‘чабан’, *тершіді* — *тершіді* ‘вспотел’). Это явление не встречается в центральном диалекте.

2. Употребление *с* в соответствии с литературным *ш*. Такое соответствие встречается в [Премудрости 1891] во всех формах одного слова: *доспан* вм. *дұшпан* (перс.) ‘враг’. Употребление *с* в соответствии с литературным *ш* присутствует во всех анализируемых памятниках в персидских и арабских заимствованиях.

3. Неустойчивое положение звука *р*: ср. *беркіту* вм. *бекіту* ‘укреплять, закреплять’, *кадаргала* вм. *қадағалау* ‘караулить, следить’.

4. Явление метатезы: *өпкелеуши* вм. *өкпелеуші* ‘обиженный’.

5. Появление гласной в абсолютном начале слова: *ыластанган* вм. *ластанган* ‘испачканный’, *элаик* вм. *лайық* ‘приемлемо, достойно’, *иреттеп* вм. *реттеп* ‘упорядочив’.

6. Элизия наблюдается в следующих словосочетаниях: *бтрылмасын* — лит. каз. *бітіре алмасын* ‘не сможешь закончить’; *арттыралмайды* — лит. каз. *арттыра алмайды* ‘не сможет увеличить’; *бола-мас* — лит. каз. *бола алмас* ‘не сможет быть’; *жақсатты* — лит. каз. *жақсы атты* ‘почитаемый’; *тұралмайды* — лит. каз. *тұра алмайды* ‘не сможет жить’ — и в др. примерах. В разговорной речи при стечении двух гласных гласный звук предыдущего или последующего слова обычно также выпадает, например, *келе алмады* — *келалмады* ‘не смог прийти’, *не үшін* — *нешүн* ‘зачем?’.

Выводы

Обобщая все вышесказанное, можно сделать следующие выводы:

1. Большинство гласных заднего и среднего ряда в [Премудрости 1891] опережаются. В исследуемом памятнике встречаются такие редкие для первых книг диалектные явления, как соответствия лит. *у* — *ү*, лит. *о* — *ө*. Необходимо отметить, что в доступных нам источниках такая диалектная черта не была описана. В связи с этим мы обратились к словарям живых диалектов, представленным на сайте на lingvodoc.ispras.ru, и не выявили эту особенность ни в южном, ни в центральном, ни в восточном диалектах казахского языка. Тенденция опережения у носителя костанайского говора: <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/2705/15/perspective/2705/16/view>.

2. Тип сингармонизма в [Премудрости 1891] отличается от всех ранее рассмотренных памятников, поскольку гармония узких гласных второго слога присутствует лишь в 8—40% в зависимости от гласного первого слога. Схожая ситуация представлена и в современном костанайском диалекте — гармония гласных присутствует в 13—59% процентах случаев также в зависимости от типа гласного первого слога. Такой тип сингармонизма не зафиксирован в обследованных нами северных, центральных, южных и восточных диалектах.

3. В отличие от других первых книг, в [Премудрости 1891] есть примеры, когда узкие гласные второго слога становятся более широкими под влиянием губной гармонии: *омтолоб* — лит. каз. *ұмтылып* ‘стремясь’; *котолмас* — лит. каз. *құтылмас* ‘не избавится’; *көндөгүге* — лит. каз. *көндігуге* ‘чтобы привыкнуть’. Эта особенность была обнаружена нами и в современном костанайском говоре. На сайте lingvodoc.ispras.ru она не зафиксирована в словарях южного, восточного и центрального диалектов казахского языка.

4. В памятнике [Премудрости 1891] формы с ауслатным *п*, совпадающие с литературным, употребляются гораздо чаще, чем формы с ауслатным *б*. Во всей книге написание *б* в показателе деепричастия встречается только три раза. Схожую статистику показал анализ книг [Крещение 1892] и [Словарь 1897]. При этом в памятнике [Премудрости 1891] часто употребляется *б* в соответствии с лит. каз. *п* в показателе отрицания в глаголах, причастиях и деепричастиях после глухих согласных. Аналогичное явление имеет место в [Букварь 1892].

Таким образом, анализ книги [Премудрости 1891] показывает, что она имеет отличия от всех ранее изученных книг, и эти отличия сближают ее с современным западно-казахским костанайским говором. Но при этом хотелось бы отметить, что мы не утверждаем, что именно данный говор связан с памятниками, поскольку другие говоры этого региона еще не были подробно описаны. Для определения точной диалектной привязки нам представляется немаловажным провести дальнейшие полевые работы по сбору аудиословарей казахских говоров и полное исследование первых казахских книг на кириллице, созданных в рамках деятельности Переводческой комиссии.

Сокращения

араб. — арабский язык
лит. — литературный язык
лит. каз. — литературный казахский язык
мн. ч. — множественное число
перс. — персидский язык

Литература

- Аманжолов 1959 — Аманжолов С. А. Вопросы диалектологии и истории казахского языка. Алматы, 1997. {*Amanzholov S. A. Issues of dialectology and the history of the Kazakh language. Almaty, 1997.*}
- Благова 2005 — Благова Г. Ф. Николай Иванович Ильминский как исследователь туркменских диалектов // Вопросы языкознания. 2005, 6. С. 97—114. {*Blagova G. F. Nikolai Ivanovich Ilminsky as a researcher of Turkmen dialects // Topics in the study of language. 2005, 6. P. 97—114.*}
- Болатов 1963 — Болатов Ж. Шығыс Қазақстан облысы Большенарым селолық ауданында тұратын қазақтар тіліндегі жергілікті ерекшеліктер туралы // Вопросы истории и диалектологии казахского языка. 1963, 5. С. 177—205. {*Bolatov Zh. About local features in the Kazakh language of the Bolshenarym rural region of the East Kazakhstan region // Issues of dialectology and the history of the Kazakh language. 1963. 5. P. 177—205.*}
- Букварь 1892 — Букварь для киргизовъ. Жазуга ұйрететін кнеге. Казань, 1892. {*Primer for the Kirghiz people. Zhazuga üjretetin knege. Kazan', 1892.*}
- Букварь 1908 — Букварь для киргизъ. Букуар. Казань, 1908. {*Primer for the Kirghiz people. Bukuar. Kazan', 1908.*}
- Голубцов 2011 — Голубцов С. В. Киргизская (Казахская) миссия Русской православной церкви // Вестник Омского университета. 2011, 2. С. 313—316. {*Golubtsov S. V. Kyrgyz (Kazakh) mission of the Russian Orthodox Church // Bulletin of the Omsk University. 2011, 2. P. 313—316.*}
- Доскараев 1954 — Доскараев Ж. Д. Некоторые вопросы диалектологии и истории казахского языка // Вопросы языкознания. 1954, 2. С. 6—92. {*Doskaraev Zh. D. Some issues of dialectology and the history of the Kazakh language // Topics in the study of language. 1954, 2. P. 6—92.*}
- Дыбо, Норманская 2016 — Дыбо А. В., Норманская Ю. В. Первые кириллические книги на казахском языке как источники для изучения истории диалектов и создания литературной нормы // Урало-алтайские исследования. 2016, 4 (23). С. 138—152. {*Dybo A. V., Normanskaya Yu. V. First cyrillic books in Kazakh as a base for studying the history of dialects and creating literary standard // Ural-Altaic Studies. 2016, 4 (23). P. 138—152.*}
- Епархиальные ведомости 1883 — Томские епархиальные ведомости. № 8. Томск, 1883. {*Tomsk diocesan sheets for 1883. No 8. Tomsk, 1883.*}
- Елисеев 1900 — Елисеев Е. Записки миссионера Буконского стана Киргизской миссии за 1892—1899 гг. СПб., 1900. {*Eliseev E. Notes of the missionary of the Bukonsky camp of the Kyrgyz mission for 1892—1899. Saint-Petersburg, 1900.*}

Ильминский 1891 — *Ильминский Н. И.* Воспоминания об Алтынсарине. Казань, 1891. {*Ilminsky N. I.* Memories of Altynsarin. Kazan, 1891.}

Каримуллин 1971 — *Каримуллин А. Г.* У истоков татарской книги. От начала возникновения до 60-х годов XIX в. Казань, 1971. {*Karimullin A. G.* At sources of the Tatar book: from the beginning of emergence until 60th years of the XIX century. Kazan, 1971.}

Крещение 1892 — Аулие княз Владимир тура динге бзи де крип; орыс калкын-да кргызгени. Крещение Руси на киргизскомъ языке. Казань, 1892. {*Cristianization of Russia in the Kirghiz language. Aulie kn'az Vladimir tura dinge bzi de krip; orys kalkyn-da krgyzgeni. Kazan', 1892.*}

Куликова 2008 — *Куликова Т. А.* Очерки истории Киргизской Духовной Миссии // Богословский сборник. К 85-летию Новосибирской епархии. 2008, 4. С. 108—138. {*Kulikova T. A.* Essays on the history of the Kyrgyz Spiritual Mission // Theological collection. To the 85th anniversary of the Novosibirsk diocese. 2008, 4. P. 108—138.}

Лысенко 2007 — *Лысенко Ю. А.* Киргизская духовная миссия Омской епархии в 1881—1917 гг. // Макарьевские чтения: материалы VI международной конференции. Горно-Алтайск, 2007. С. 58—68. {*Lysenko Yu. A.* The Kyrgyz spiritual mission of the Omsk diocese in 1881—1917 // Makaryev readings: materials of the VI international conference. Gorno-Altai, 2007. P. 58—68.}

Макарий 1886 — *Макарий Епископъ Бійскій.* Миссионерство на Алтае и Киргизской степи в 1885 году. Томск, 1886. {*Macarius Bishop of Biysk.* Missionary work in Altai and the Kyrgyz steppe in 1885. Tomsk, 1886.}

Малов 1951 — С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М. — Л., 1951. {*Malov S. E.* Old Turkic written monuments. Moscow — Leningrad, 1951.}

Никольский 1901 — *Никольский А.* Переводческая комиссия православнаго миссионерскаго общества. М., 1901. {*Nikolsky A.* Translation Commission of the Orthodox Missionary Society. M., 1901.}

Омарбеков 1992 — *Омарбеков С.* География фонетических различий казахской речи. Алма-Ата, 1992. {*Omarbekov S.* Geography of phonetic differences of Kazakh speech. Alma-Ata, 1992.}

Памятная книжка 1899 — Памятная книжка Тургайской области 1899 года. Оренбург, 1899. {*Memorial book of Turgay region in 1899. Orenburg, 1899.*}

Премудрости 1891 — Акыл бере тугун кнеге. Изъ Премудрости Исуса сына Сирахова. Казань, 1891. {*Akyl bere tugun knege. Wisdom of Jesus the Son of Sirach. Kazan, 1891.*}

Сауранбаев 1955 — *Сауранбаев Н. Т.* Диалекты в современном казахском языке // Вопросы языкознания. 1955, 5. С. 43—51. {*Sauranbaev N. T.* Dialects in the modern Kazakh language // Topics in the study of language. 1955, 5. P. 43—51.}

Словарь 1897 — Киргизско-русский словарь. Оренбургъ, 1897. {*Kirghiz-Russian dictionary. Orenburg', 1897.*}

Училище 1892 — Езгиликке үйрететин кнеге. Училище благочестия на киргизскомъ языке. Издание 3. Православнаго Миссионерскаго общества. Казань, 1892. {*School of piety in the Kirghiz language. 3rd ed. Orthodox Missionary society. Ezgilikke üjretetin knege. Kazan', 1892.*}

Шаймердинова 2016 — *Шаймердинова Н. Г.* Анализ системы консонантизма в казахских памятниках конца XIX — начала XX вв. // Урало-алтайские исследования. 2016, 4 (23). С. 128—136. {*Shaymerdinova N. G.* Analysis of consonant system in the Kazakh written monuments of the late 19th and early 20th centuries. // Ural-Altai studies. 2016, 4 (23). P. 128—136.}

РЕЗЮМЕ

В статье проводится анализ употребления гласных и согласных графем в шести кириллических книгах на казахском языке, изданных в рамках деятельности Переводческой комиссии в конце XIX — начале XX вв., рассмотрены фонетические и морфологические особенности текста памятника «Акыл бере тугун кнеге» («Изъ премудрости Исуса сына Сирахова»), Казань, 1891 в сопоставлении с данными современных казахских говоров и современного литературного казахского языка. На основании сравнения полученных данных сделан вывод о том, что особенности отражения гласных графем в [Премудрости 1891] почти полностью совпадают с [Словарь 1897]. Одновременно они зафиксированы в костанайском говоре, и большая часть представлена в современном павлодарском диалекте. Это указывает на близость диалектов Павлодара и Костаная, на их отличия от восточных говоров, на материале которых создавались первые книги [Букварь 1892; Училище 1892; Крещение 1892], и коррелирует с историческими сведениями о центрах создания первых кириллических книг.

SUMMARY

The author analyzes the use of vowels and consonants in six Cyrillic books, which were published within the framework of the Kyrgyz mission at the end of 19th and the beginning of the 20th century. The article deals with phonetic and morphological characteristics of the text of the book “Wisdom of Jesus the Son of

Sirach” (Kazan, 1891) in comparison with the data of modern dialects and of the Literary Kazakh language. Based on a comparison of the data obtained, it was concluded that the features of the reflection of vowel graphemes in [Wisdom of Jesus the Son of Sirach 1891] almost completely coincide with [Kyrgyz-Russian dictionary 1897]. At the same time, they are reflected in the Kostanay dialect, and most of them are represented in the modern Pavlodar dialect. This indicates the proximity of the dialects of Pavlodar and Kostanay, their differences from the Eastern dialects of the Kazakh language, on the material of which the first books were created [Primer for Kyrgyz People 1892; School of Piety 1892; The Baptism of Russia 1892], and correlates with historical information about the centers for creating the first Cyrillic books.

Ключевые слова: литературный язык, казахский язык, литературная норма, письменные памятники, диалектная фонетика

Keywords: literary language, Kazakh language, literary norm, written monuments, phonetics of dialects

Гаджиева Анар Ахметбековна, Военный университет МО РФ (Москва); nuanar@yandex.ru

Anar A. Gadzhieva, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation (Moscow); nuanar@yandex.ru

Рефлексы праэвенкийского *s в говорах эвенкийского языка в конце XVII в. и первой половине XVIII в.¹

Эвенкийский язык относится к сибирской подгруппе тунгусской ветви тунгусо-маньчжурской группы алтайской языковой семьи. Зона расселения эвенков России простирается от бассейна Таза и Оби на западе до Сахалина на востоке и от Таймыра на севере до границ с Китаем на юге [Казакевич, Митрофанова, Рудницкая 2009: 288]. По классификации Н. Я. Булатовой и В. И. Цинциус, в эвенкийском языке выделяется три наречия, которые состоят из 15 диалектов, распадающихся, в свою очередь, на более чем 50 говоров [Булатова 1987: 9—11].

Первая классификация диалектов и говоров, представленная Г. М. Василевич в 1930—1940-е гг. и уточненная впоследствии В. А. Горцевской и О. А. Константиновой, базировалась на ряде устойчивых фонетических и морфолого-синтаксических признаков. В качестве одного из основных дифференцирующих признаков эвенкийских диалектов было принято фонетическое соответствие $h \sim s \sim f$ рефлексов праэвенкийского *s (восходящего к пратунгусо-маньчжурскому *s) в анлауте и в интервокальной позиции в инлауте.

Диалектное распределение и позиции рефлексов *s

На основе дифференцирующего признака $h \sim s \sim f$ выделяются три наречия эвенкийского языка: северное (спирантное), южное (сибилянтное) и восточное (сибилянтно-спирантное) [Василевич 1948: 10]. В говорах северного наречия в инициальной и интервокальной позиции отражения *s имеют вид спиранта *h* (*hu*: ‘вы’, *uhi*: ‘веревка’). Южное наречие представлено двумя группами говоров: шипящими с рефлексом *f* (*fu*: ‘вы’, *ufi*: ‘веревка’) и свистящими с рефлексом *s* (*su*: ‘вы’, *usi*: ‘веревка’) вне зависимости от позиции согласного. В говорах восточного наречия в анлаутной позиции проявляется *s*, тогда как для интервокальной позиции в инлауте характерен *h* (*su*: ‘вы’, *uhi*: ‘веревка’). За основу литературного варианта эвенкийского языка принят полигусовский говор южного наречия, в фонологической системе которого фонемы *h* и *f* отсутствуют.

Стоит отметить, что при анализе фонетического соответствия $h \sim s \sim f$, как правило, не рассматривается рефлекс ауслаутного *s, поскольку он мало характерен для исхода основы эвенкийской лексики.

Однако отражения *s встречаются в составе словоизменительных аффиксов, восходящих к местоимениям второго лица *si:, *su:. К ним относятся посессивный суффикс 2sg -s и сохранившие связь с причастиями показатели глагольных форм 2sg, личные суффиксы которых совпадают с показателями посессива. Такими глагольными формами являются формы прошедшего, прошедшего многократного, ближайшего будущего времен изъявительного наклонения, а также формы долженствовательного наклонения, второго вероятного наклонения и сослагательного наклонения.

Лексика, зафиксированная в ранних источниках, в основном представляет собой имена в словарной форме, поэтому в данной статье рефлекс ауслаутного *s описан в той мере, в какой он был представлен в источниках.

Также в статье рассматриваются консонантные кластеры, фигурирующие в составе корня и суффиксов -ksV и -ski:. Суффикс -ksa, его сингармонизированные алломорфы (-ksə, -kso) и диалектный вариант -kta служат для деривации названия шкуры от названия животного (*mo:ti*: ‘лось’ > *mo:ti*:-ksa ‘шкура лоса’), а также для образования имен, обозначающих массу однородного материала (*tamna*- ‘стлаться о тумане’ > *tamna*:-ksa ‘туман’) [Василевич 1958: 763]. Суффикс -ski: как вариант -tki: является показателем аллатива (*tulin* ‘пространство вне помещения’ > *tuliski*: ‘вон’) [Василевич 1958: 789].

Таким образом, данное исследование охватывает отражения праэвенкийского *s в следующих позициях:

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РНФ 15-18-00044 «Информационная система для описания малочисленных языков народов мира. Создание описаний алтайских и уральских языков России, находящихся на грани исчезновения» (рук. В. М. Алпатов).

1. Анлаут: *sarimi:kta* ‘бровь’;
2. Инлаут
 - 2.1. Интервокальная позиция: *e:sa* ‘глаз’;
 - 2.2. Консонантный кластер в корне: *si:kse* ‘вечер’;
 - 2.3. Консонантный кластер в суффиксе *-kse-*: *tiru-kse* ‘икра’;
 - 2.4. Консонантный кластер в суффиксе *-ski-*: *hu:-ski*: ‘напротив’;
3. Аусллаут: *gus* ‘орел’.

Анализ рефлексов праэвенкийского *s в различных позициях может дополнить и уточнить картину распределения дифференцирующего признака $h \sim s \sim f$ по говорам и диалектам эвенкийского языка в диахронии.

На сегодняшний день при первом приближении намеченное Г. М. Василевич диалектное распределение рассматриваемого фонетического соответствия не подверглось существенным изменениям. В то же время тунгусоведение не располагает комплексными сведениями о его распределении в досоветскую эпоху [Василевич 1948: 10]. Необходимость изучения данного аспекта эвенкийской фонетики и диалектологии в диахронии обуславливает актуальность этого исследования. В рамках настоящей работы была предпринята попытка проследить распределение дифференцирующего признака $h \sim s \sim f$ по говорам эвенкийского языка на основе первых фиксаций лексики эвенкийского языка.

Кроме того, на актуальность исследования указывают замечания тунгусоведов о недостаточном числе специальных работ по фонетике эвенкийского языка [Бурькин 2000: 160] и необходимости в фонетическом исследовании не только литературной основы, но и говоров эвенкийского языка [Афанасьева 2010: 15].

Источники эмпирического материала

В качестве источников для извлечения фонематической информации диахронического уровня по множеству говоров эвенкийского языка были использованы словари и списки, собранные исследователями естественных наук: Н. Витсенем (изд. 1692 и 1705 гг.), Д. Г. Мессершмидтом (1723 г.²), Г. Ф. Миллером (1735—1740 гг.), Я. И. Линденау (1744—1745 гг.).

Материалы, опубликованные Н. Витсенем в 1692 и 1705 гг.

Первые записи на эвенкийском языке были опубликованы голландцем Николаасом Витсенем в книге «Северная и Восточная Тартария» (издания 1692 и 1705 гг.). Сочинение носило компилятивный характер и обобщало отчеты ряда должностных лиц и путешественников. Указаний на место записи и личность посредника, зафиксировавшего эвенкийскую лексику, Н. Витсен не приводит. Примечательно, что Г. М. Василевич [Василевич 1948: 7] указывает на этот труд как на первый источник тунгусских материалов и отмечает, что в книге приведены 40 эвенкийских слов и эвенские числительные, не уточняя при этом, что эвенкийская лексика представляет собой перевод молитвы «Отче наш». Однако перевод с церковнославянского языка [Witsen 1705: 654] выполнен пословно без соблюдения эвенкийского синтаксиса и не может быть расценен как полноценный эвенкийский текст.

В тексте молитвы имеются примеры секанья в анлауте: *singi *si* ‘твой’, *siltu* ‘воля’.

В интервокальной позиции *s* фигурирует в глаголе *bisin* ‘быть-PRS.3SG’: *singi bisin ogidgoe* ‘Твое есть Царство’. Эвенкийский суффикс *-si-*, образующий формы вспомогательного глагола и глагола отрицания в настоящем времени, имеет параллели с ороц. *-si*, уд. *-hi*, эвен. *-sə* (в настоящем времени) и *-si* (в прошедшем времени) [Василевич 1958: 778]. Так, глагол *bisin* иллюстрирует сохранение спирантного характера *s в вокальном окружении.

В тексте также встречается лексема *baschin* ‘слава’ с интервокальным сибиллянтном, который на письме передан триграфом *sch*. Однако для данного слова не представляется возможным подобрать ни эквивалент в современном литературном эвенкийском языке, ни соответствие в других тунгусо-маньчжурских языках. Кроме того, сочетание *sch* появляется в аусллаутной позиции: *gerbisch* ‘имя-PS2SG’. Согласно ранней орфографии нидерландского языка, сочетание *sch* в ряде слов передавало *s* в инлауте и аусллауте [Мионов 2001: 18].

Диграф *sj* встречается в записи глагольных образований *garisjegan* ‘да святится’, *osjegan* ‘да будет’, *jemesjegal* ‘да придет’ и в слове *tesje* ‘аминь’. В современном эвенкийском в этих позициях фигурирует *d'*: *-d'ə* IPFV и *təde*: ‘правда, истина’.

Таким образом, можно предположить, что зафиксированный в XVII в. говор эвенкийского языка был секающего типа.

² Здесь и далее в скобках указан год записи материалов в ходе экспедиции.

Материалы, собранные Д. Г. Мессершмидтом в 1723 г.

Г. М. Василевич приписывает сбор эвенкийских материалов в 1723 г. Ф. И. Страленбергу, ссылаясь на публикацию лексических списков Ю. Г. Клапротом в “Asia polyglotta” [Василевич 1948: 7]. Однако Клапрот приводит лексику, записанную от оротонг-тунгусов на Нижней Тунгуске 17 июня 1723 г. Д. Г. Мессершмидтом [Klaproth: 286]. В трудах самого Страленберга дается перечисление тунгусских родов без приведения эвенкийской лексики [Strahlenberg 1730: 423]. Шведский офицер сопровождал Д. Г. Мессершмидта в его экспедиции с 1 марта 1721 г. по 28 мая 1722 г., после чего отбыл на родину [Новлянская 1970: 41].

17 июня 1723 г., ожидая в Мангазее (современный пос. Туруханск) отправления в путь по Нижней Тунгуске, Мессершмидт записывает лексику от местных эвенков. Об этом свидетельствует соответствующая запись в путевом дневнике путешественника³. Этот список, собранный от оротонгов (подразумеваются орононы, оленные эвенки) на Нижней Тунгуске, представляет собой базовую лексику, включающую числительные, предметную лексику, названия животных и растений. Последующие эвенкийские записи содержат в основном подробную зоологическую и ботаническую номенклатуру с латинскими и немецкими эквивалентами. Вплоть до осени 1723 г. Мессершмидт собирает материалы от эвенков разных групп: нижнетунгусские, верхнеленские, ангарские, забайкальские.

Г. М. Василевич в своей работе «Значение дневников Мессершмидта...» определяет группы говоров, охваченные исследователем, следующим образом: енисейско-туруханская, учамско-вивинская, нидымско-турыжская, илимпейско-кочомская группы и непская группа эвенков, проживающих между Могой и Подволошиной [Василевич 1969: 120].

Лексика, записанная Мессершмидтом, показывает, что в говоре эвенков енисейско-туруханской группы (округа Туруханска и устье реки Летняя) преобладает шеканье во всех позициях:

— / в анлауте:

- schuhn* (су:н⁴) **su.n*⁵ ‘кафтан’;
- scharrum* (се:рун) **siaru*:- ‘радуга’;
- schenilgan* (сиуилгэн) **sünji*- ‘снег’;
- schekta* (се:кта) **siakta* ‘ива, тальник’;

— / в инлауте в интервокальном положении:

- hischa* (хисэ) **pias*- ‘камень, скала’;

— / в ауслауте:

- gusch* (гус, гусикэ:н) **gusi* ‘орел’;
- hasch* (сым. хаиш) **rasu*- ‘напальник, кольцо, надеваемое на палец при стрельбе из лука’.

Также в отдельных случаях, преимущественно в интервокальном положении, начинает проявляться секанье и промежуточное между *s* и / шепелявое произношение сибиланта:

— *s* в анлауте:

- sulaki* (сулаки:) **sulaki*: ‘лиса’;

— *s* в инлауте в интервокальном положении:

- obilasa* (эви:лэсэни:) ‘весна в апреле’;
- öhsah* (э:са) **nia-sa* ‘глаз’;

— *s*₁ в инлауте в интервокальной позиции:

- ashadkan* (аса:тка:н) **asi*: ‘девочка, дочь’;
- oshichta* (о:сикта) **xo:si-hta* ‘звезда’.

Примеры лексики, собранной от учамско-вивинской группы эвенков, иллюстрируют проявление как секанья, так и шеканья. Для анлаутной позиции характерно секанье, тогда как в инлаутном положении встречаются как шипящий, так и свистящий сибилант.

³ “Indessen wurde heute auch ein Tunguse — von denen, so umb die Nižnjaja Tunguska wohnen — zu mir gebracht, dessen Sprache in folgenden bestand” [Messerschmidt 1964: 82].

⁴ Здесь и далее в скобках приводится лексика на литературном варианте эвенкийского языка по эвенкийско-русскому словарю, составленному Г. М. Василевич [Василевич 1958].

⁵ Здесь и далее под астериском приводятся реконструированные формы пратунгусо-маньчжурской лексики по материалам базы данных алтайских этимологий, составленной С. А. Старостиным, А. В. Дыбо и О. А. Мудраком (<http://starling.rinet.ru>).

- s, s' в анлауте:
s'ogdia (сэгдэн) *sig- / seg- 'дикий олень';
sewocky (сэвэки:) *sebe 'бог';
singoroldygon (сиуэри:- 'пищать') 'мышь';
- s в инлауте в консонантном кластере корня:
abhsack (авса) *xapsa 'ящик';
- f в инлауте в консонантном кластере корня:
guschkoh (гускэ:) 'волк';
- f в инлауте в консонантном кластере суффикса -ksV:
oldokscho (олдоксо) *xolda-ksa 'доска' от *xolda-n 'бок, сторона';
itukkscha (иму:ксэ) *ximū-ηkse 'жир'.

В говоре нидымско-турыжской группы наравне с шеканьем возникает чеканье. При этом шипящие свойственны преимущественно инлаутной позиции, а в анлауте проявляется аффриката:

- tʃ в анлауте:
tschavaki (сэвэки:) *sebe 'бог';
tschingrekan (сиуэрэкэ:н) 'мышь';
tschonngakon (со:нҗа:т) *sōn-ηa- / *sōn-da- 'дикий новорожденный олень';
- f в инлауте в интервокальной позиции:
hischa (хисэ) *pias- 'камень, скала';
- f в инлауте в консонантном кластере суффикса -ksV:
dowauekscha 'красная минеральная краска', ср. ульч., ороч., негид. дэвэксэ 'окрашенная кожа'.

В говорах илимпейско-кочомской группы (от устья Илимпеи до Тетеи) реализация рефлекса *s в чеканящем варианте передается графически при помощи записи *tsch* и *dsh*.

- tʃ в анлауте:
dshuptila (сунтылэ:) 'шиповник';
tschashibhky (часи:вки:) 'щука-травянка';
tschankirrah (сэҗкирэ:) 'можжевелик';
tscheetschul (сичу) 'утка-моклок';
- tʃ в инлауте в интервокальной позиции:
tscheetschul (сичу) 'утка-моклок';
schutschu 'утка-моклок'.

Однако в данном говоре также встречаются шеканье и секанье.

- f в анлауте:
schondokunti (сэ́ннэку:н) 'птица семейства дятловых';
schuchschu (су:кса) 'ровдужная завязка на обуви';
- s, s' в анлауте:
sengoroldybhun (сиуэрэ:лды:вун) 'птица-мышелов';
s'ebhocki (сэвэки:) *sebe 'бог';
- f в инлауте в интервокальной позиции:
gascha (гаса) *gasa 'белый журавль';
- f в инлауте в консонантном кластере корня:
taukschacky (туксаки:) 'заяц' от *tuksa- 'бежать';
Uschmun (Усмун) 'река в Забайкальском крае';
- f в ауслауте:
gusch (гус, гусикэ:н) *gusi 'орел'.

Промежуточное между s и f шепелявое произношение сибиллянта, по всей вероятности, передается двумя графическими способами: *ss* и *sh*.

- s_f в анлауте:
sheckta (се:кта) *siakta 'ива, тальник';
ssummi (суму) *sumi- 'жила';
- s_f в инлауте в интервокальном положении:
gasha (гаса) *gasa 'белый журавль'.

Лексика, собранная Д. Г. Мессершмидтом от эвенков непской группы (между Могой и Подволошиной), показывает, что для говора данного ареала было свойственно шипящее произношение. В отдельных примерах зафиксировано шепелявое произношение сибиланта.

— *f* в анлауте:

schadshiga (са:дигэ) ‘сорока’;

schonniakun (сэннэку:н) ‘птица семейства дятловых’;

— *s_f* в анлауте:

ssumu (суму) **sumi-* ‘жила’;

— *s_f* в инлауте в интервокальном положении:

hundyshal (хунуш: ‘хозяин животного’, -сал — показатель собирательности) — эндоэтноним группы эвенков, букв. ‘хозяева собак’;

— *f* в инлауте в консонантном сочетании корня:

thaugshacky (туксаки:) ‘заяц’ от **tuksa-* ‘бежать’;

— *f* в ауслауте:

gusch (гус, гусикэ:н) **gusi* ‘орел’.

Обобщение проанализированных данных приведено в таблице 1.

Таблица 1. Рефлексы **s* по материалам Д. Г. Мессершмидта

Группы эвенков	1. Енисейско-туруханская	2. Учамско-вивинская	3. Нидымско-турыжская	4. Илимпейско-кочомская	5. Непская
Тип говора	шекающий	секающе-шекающий	чекающе-шекающий	чекающе-секающе-шекающий	шекающий-шепелявящий
Анлаут	<i>f</i>	<i>s, s'</i>	\widehat{f}	$\widehat{f}, f, s_f, s, s'$	<i>f, s_f</i>
Инлаут интервок.	<i>f</i>		<i>f</i>	\widehat{f}, f, s_f	<i>s_f</i>
Инлаут консон.		<i>s, f</i>		<i>f</i>	<i>f</i>
Суффиксы - <i>ski, -ksV</i>		<i>f</i>	<i>f</i>		
Ауслаут	<i>f</i>			<i>f</i>	<i>f</i>

Территориальное распределение данных ареалов проиллюстрировано картой на рис. 1.

Колебания между *f, s* и промежуточным *s_f* в шипящих говорах, записанных Д. Г. Мессершмидтом, отличают данные говоры по степени проникновения *s* в разных позициях. В ауслауте данные колебания не наблюдаются.

К XX в. рефлекс **s* в говорах эвенков енисейско-туруханской, учамско-вивинской и илимпейско-кочомской групп, объединяемых в илимпийский диалект северного наречия эвенкийского языка, утратил шекающе-секающий характер и приобрел единое спирантное произношение преимущественно во всех позициях слова. Об этом свидетельствуют материалы Г. М. Василевич, описавшей состояние илимпийского диалекта в 1930—50-е гг., а также аудиальные словари и тексты, записанные в экспедициях под руководством О. А. Казакевич в наши дни⁶.

Говор эвенков нидымско-турыжской группы также относится к ареалу современного северного спирантного наречия. Однако, как показывает словарь, записанный О. А. Казакевич от уроженки п. Нидым⁷, в данном говоре на сегодняшний день в анлауте равно представлены спиранты и свистящие сибиланты, в то время как в инлауте в интервокальной позиции и в сочетаниях -*ks-*, -*sk-* проявляется секанье.

Говор эвенков непской группы показал чеканье в анлауте и шеканье в инлауте. Современный полигусовский говор, соответствующий этой зоне, относится к секающей подгруппе южного наречия.

⁶ Материалы доступны на интернет-ресурсе «Малые языки Сибири: наше культурное наследие» <http://siberian-lang.srcc.msu.ru/>.

⁷ Чапогир Лидия Гавриловна 1966 г. р. Запись производилась в экспедиции 2014 г. в п. Юкта Эвенкийского муниципального района Красноярского края.

Рис 1. Рефлексы *s в говорах эвенков бассейна Нижней Тунгуски по материалам Д. Г. Мессершмидта

Материалы, собранные Г. Ф. Миллером в 1735—1740 гг.

С октября 1734 г. по март 1735 г. Академический отряд Великой Северной экспедиции, возглавляемый Г. Ф. Миллером, следовал по маршруту Томск — Енисейск — Красноярск — Иркутск. 8 марта 1735 г. Г. Ф. Миллер и И. Г. Гмелин прибыли в Иркутск, откуда переправились по льду озера в Забайкалье. Посетив Селенгинск, Кяхту, Удинск, Читинский острог и Нерчинск, они добрались до горы Абагатуй на русско-китайской границе и 29 июля повернули обратно. 20 сентября 1735 г. экспедиция вернулась в Иркутск.

26 января 1736 г. Г. Ф. Миллер и И. Г. Гмелин отправились в Якутск. Путь пролегал через Илимск (район Верхней Ангары) и по верховьям Лены через Усть-Кут и Усть-Ильгинскую крепость. С 31 августа 1736 г. до июля 1737 г. Миллер провел зиму в Якутске. В свою очередь, команда под началом С. П. Крашенинникова, посланная посетить Баргузинский и Верхоленинский остроги, прибыла в Якутск в первой половине 1737 г.

После зимовки в Якутске Миллер и Гмелин отправились в обратный путь. Следующую зиму Гмелин провел в Киренске, а Миллер — в Иркутске. Затем они совершили плавание по Ангаре и остановились в Енисейске на срок с 25 августа 1738 г. по 27 мая 1739 г. Летом и осенью 1739 г. они предприняли экспедиции по Енисею на север до Туруханска и на юг до Красноярска, куда добрались к 7 ноября 1739 г. 2 февраля 1740 г. Г. Ф. Миллер отправился через Томск в Петербург [Греков 1960: 132—133].

В переиздании 10 первых глав пятитомного труда «История Сибири» источниковед А. И. Андреев отмечает, что в пунктах, посещенных Миллером лично, провинциальные канцелярии обязывались собирать представителей местного коренного населения и переводчиков с туземных языков задолго до его приезда. Сведения, сообщенные тунгусами Нерчинского и Селенгинского уездов, были получены посредством личных бесед с Г. Ф. Миллера с инородцами [Андреев 1937: 64].

По ряду вопросов Г. Ф. Миллер делает письменные запросы. Так, в апреле 1741 г. во время зимовки в Тобольске [Греков 1960: 133], обнаружив в своих записях отсутствие необходимых сведений, исследователь направил в Иркутскую канцелярию длинный перечень вопросов «о верхней Ангаре и тамошних тунгусах» [Андреев 1937: 67].

За время путешествия Миллер составил сравнительные списки лексики. В рукописях Миллера сохранились «вокабулярии на латинском, мунгальском, тунгусском и тангутском языках»⁸ и тунгусо-остячко(сангино)-ассанито-латинский словарь⁹ [Миллер 1937: 76].

Г. Ф. Миллер придавал большое значение этногенетическим вопросам. Несмотря на отмечаемые им сходства в образе жизни степных тунгусов с «татарами и монголами», Г. Ф. Миллер отрицает идею о родстве этих народов, выдвинутую Ф. И. Страленбергом: «Судя по их совершенно непохожему на другие языку, тунгусы имеют особое происхождение».

Кроме того, исследователь указывает на заимствованные из монгольских языков термины скотоводства в говорах эвенков, живущих в степях Нерчинского и Селенгинского уездов [Миллер 1937: 184]. В «Описании сибирских народов» он даже отмечает, что «тунгусы в Нерчинском уезде говорят больше на монгольском, чем на своем собственном тунгусском языке» [Миллер 2009: 64].

Миллер обращает внимание на гидроним Шилкир, которым нерчинские эвенки называли Амур [Миллер 1937: 177]. В работе «Об инородцах Амурского края» 1883 г. Л. Шренк приводит различные варианты названия реки, используемые тунгусскими племенами бассейна Амура: Шилкар, Шилкир, Силкар, Силкир и Сиркал [Шренк 1883: 150]. Исходя из названия Шилкир, зафиксированного Миллером летом 1735 г., можно сделать предположение о шекающем характере говора нерчинских эвенков.

Шипящий рефлекс *s также встречается в слове, записанном от мангазейских эвенков предположительно летом 1739 г.: *schuhn* [Миллер 2009: 137] (*сун*) **su.n* ‘зимняя одежда’, ср. с записанным в Мангазее в июне 1723 г. *schuhn* [Messerschmidt 1964: 72].

Эвенкийская лексика, приведенная Г. Ф. Миллером в работе «Описание сибирских народов», дается преимущественно без указания места записи и родовой принадлежности носителей, от которых она была собрана. Прослеженный маршрут отряда Миллера и Гмелина позволяет сделать вывод о том, что исследователь мог контактировать с представителями групп забайкальских, верхоленских, якутских, верхнеангарских и енисейских эвенков.

В основном эвенкийская лексика, опубликованная в «Описании сибирских народов», шекающего характера.

— *f* в анлауте:

schonkan [Миллер 2009: 76] (*сонка:н*) ‘месяц отела оленей и вскрытия рек, май’, ср. с *schonka* ‘время, когда лед становится ноздреватым’ [Georgi: 272];

schütikan [Миллер 2009: 228] ‘трехгодовалый теленок лося’;

schenikta [Миллер 2009: 258] ‘длинный белый корень, который тунгусы едят сырым’, ср. *чэнэктэ* [Василевич 1958: 534], *чэнэктэ* [Мыреева 2004: 741] ‘цветок’, в современном эвенкийском языке слово характерно преимущественно для чумиканского говора восточного наречия;

schókscho [Миллер 2009: 223] (*сэгдэн*) **sig-/seg-* ‘дикий олень’, ср. с *s'ogdia*, записанным Д. Г. Мессершмидтом от эвенков учамско-вивинской группы на Нижней Тунгуске, ср. также с *соддэ* в токкинском говоре восточного наречия [Мыреева 2004: 511].

Примечательно, что Г. Ф. Миллер также приводит два тунгусских проклятия, в которых фигурирует рефлекс этимологического *s. Проклятия представляют собой полносоставные синтаксические структуры. Исследователь отмечает более эвфемистичный характер первого выражения в сравнении со вторым:

— *schína búga dschípigin* (*шина буга депигин*) ‘чтоб тебя бог сожрал’;

— *buniltiki/ngöwiltiki schurukol* (*буни:лтуйки/нге:вилтики: шуру:кол*) ‘уйди к покойникам’ [Миллер 2009: 206].

Лексика данных проклятий иллюстрирует шипящее произношение сибиллянта в записанном говоре: *schína* (*шина*) **si* 2SG.ACCIN, *schurukol* (*шуру:кол*) **suri-* ‘уйти-IMPER2SG’.

Менее широко представлена лексика с свистящим произношением сибиллянта, *s* фигурирует как в анлауте, так и в ауслауте.

— *s* в анлауте:

süülè [Миллер 2009: 299] (*сул-* ‘заострить’) **suli-* ‘копьевидная, ромбовидная узкая стрела’, ср. *хул* ‘стрела для охоты на кабаргу’ в урмийском говоре¹⁰ восточного наречия [Мыреева 2004: 571];

⁸ Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 5, № 148.

⁹ Российский государственный архив древних актов, портф. 529, II.

¹⁰ Урмийский говор распространен по р. Урми, одной из составляющих Тунгуски (левого притока Амура) [Василевич 1948: 281], в районе современного г. Хабаровск.

ср. якут. *sulemà* [Миллер 2009: 299], якут. *сулумах ох* ‘стрела с обыкновенным железным острием’, *сулумах* одиночный, голый [Пекарский 1958—1959: стб. 2333]; *sodschi* [Миллер 2009: 302] ‘широкие железные стрелы’; *Serintscha* [Миллер 2009: 396] ‘тунгусское мужское имя’;

— s в ауслауте:

ármus [Миллер 2009: 138] (*арамус*) **xara-musa* ‘наголенники, длинная ноговица из ровдуги’.

Таким образом, согласно материалам Г. Ф. Миллера, анлаутный /s/ встречается у нерчинских эвенков (гидроним Шилкир) и мангазейских эвенков (*schuhn* ‘зимняя одежда’). В лексике, приведенной в «Описании народов Сибири» без определенного места записи, превалирует шеканье в анлаутной позиции, но есть и примеры проникновения секанья в анлауте (*sodschi* ‘широкие железные стрелы’) и ауслауте (*ármus* ‘наголенники’).

На основе того, что часть лексем, приводимых Миллером (*schenikta* ‘длинный белый корень’ — ср. *чэнгэктэ* в чумиканском говоре, *sülè* ‘копьевидная стрела’ — ср. *хул* в урумийском говоре), на современном срезе языка встречаются преимущественно в говорах восточного наречия, можно допустить, что данная лексика (или ее часть) была записана в ареале восточного наречия.

Материалы, собранные Я. И. Линденау в 1744—1745 гг.

В рамках Великой Северной экспедиции сбором лингвистического и этнографического материала на Дальнем Востоке по программе Г. Ф. Миллера занимались С. П. Крашенинников и Я. И. Линденау. Миллер составил инструкции С. П. Крашенинникову и Г. В. Стеллеру, которые поясняли, «каким образом при описании народов, а паче Сибирских, поступать должно» [Миллер 1937: V]. Крашенинниковым был составлен «Лексикон тунгусский, ламутский»¹¹, в то время как Стеллер направил для сбора материала к р. Уде переводчика экспедиции Линденау.

В Удском остроге и его окрестностях Я. И. Линденау находился с 10 сентября 1744 г. по 20 февраля 1745 г. [Греков 1960: 152]. На тот момент в округе острога по р. Уде, Торому и Тугуру обитали следующие тунгусские роды: *Laligir*, *Noigan*, *Oddjan*, *Butal*, *Oginckagig* или *Aginckagig*, *Kitigir*. Тунгусы рода *Oginckagig* или *Aginckagig* (33 человека) и *Kitigir* (1 человек) имели связь с родом *Oril*, представители которого сидели на оз. Эворон в бассейне нижнего Амура. Роды *Laligir*, *Noigan*, *Oddjan* и *Butal* пришли в Удскую округу с Лены и Алдана. Также были распространены браки между тунгусами р. Уды и р. Амгунь [Линденау 1984: 78]. Эндозтроним тунгусов Удского острога — *owunski* «поперешные» [Линденау 1984: 79].

Словарь говора удских эвенков, составленный Линденау, иллюстрирует, что рефлекс праэвенкийского *s в анлауте в основном сохраняет свистящий характер:

— s в анлауте:

sackdi (*сагды*) **sag-da-* ‘старый’;

sacksa (*сэ:ксэ:*) ‘кровь’ от *sēgV-* ‘течь (о крови)’;

sangar (*саҗа:р*) **saҗa-* пещера;

samaseck (*самасик*) ‘одежда шамана’ от **sama:-n* (*сама:н*);

soella (*сэлэ*) **sele* ‘железо’;

selli (*сэлли*) ‘кольчуга’ от **sele*;

segub (*сэгэв*) **seger* ‘соболь’;

seckta (*секта*) **siakta* ‘ива’;

sectaun (*сэктэву:н*) ‘постель’ от **seg-* ‘подстилать’

secti ‘прилежание’;

seradack ‘семизвездие’;

seruna (*серун*) **siaru:-* ‘радуга’;

seruuk ‘приданое, кожаная сумка’, ср. *сэрук* ‘охотничья выючная сумка’ от **seruk* ‘сума’, *суру:вук* ‘приданое (олени)’ от **suri-* ‘уйти-’;

sewuki (*сэвэки:*) **sebe* ‘Бог, идол’;

silluckta (*силукта*) **silu-hta* ‘кишка’;

simki (*симкин*) **simki-* ‘кашель’;

sinam ‘сильный’;

sinin (*си:*) **si:*, **si:l-se* ‘желчь’, ср. *sini* ‘желчный пузырь рыбы’ [Болдырев 2000: 38];

sirikta ‘тополь’, ср. *сирукта* ‘большая старая ива’

¹¹ Российский государственный архив древних актов, портф. 513, тетр. 17, лл. 1—12.

sokdono (сэ:гдэ:ннэ) **sogda-nsa* ‘спина’;
solikta ‘толченая рыба’ от *со:ли:-* ‘смешать’;
solloki (сулаки:) **sulaki*: ‘лиса’;
songgoron (согорон) **soŋa-* ‘плакать-NFUT-3SG’;
subgu (субгу) **subgu* ‘рыбья кожа’;
sukka (сукэ) **sak-pi* ‘топор’;
suksil (су:ксилла) ‘лыжи, подбитые камусом’;
sumu (суму) **sumi-* ‘жила’.

Также есть отдельные примеры лексики с рефлексами **s* в анлауте в виде *h, f, s', tʃ*.

— *h* в анлауте:

heckta ‘древесная губка’ ср. *seckta* (секта) **siakta* ‘ива, тальник’, ‘тальниковая стружка для вытирания посуды’;

— *f* в анлауте:

schonckan (со:нка:н) ‘месяц отела оленей и вскрытия рек, май’;
schipschickun (сивсику:н) ‘кузнечик’;

— *s'* в анлауте:

sjeng (се:н) **sian* ‘ухо’;
siudiackan ‘дикий олененок в третий год’, ср. брг *сэгдэн* ‘дикий олень’;

— *tʃ* в анлауте:

tschiro (циру: ‘олень-пороз’) ‘олень-двухлетка’ ср. негид. *хира* [ТМС 2: 96];
tschinirkan (цинэрэкан) ‘мышь’.

В интервокальном положении рефлекс **s* преимущественно сохраняет свое качество.

— *s* в интервокальном положении:

osekta (осу:кта) **xosī-hta* ‘ноготь’;
osikta (о:сикта) **xōsi-hta* ‘звезда’;
oesal (э:са) **hīa-sa* ‘глаз-PL’, *osaiw* ‘глаз-PS1SG’;
osal (о:са) **xōsa* ‘камус-PL’;
dusin ‘рукав реки’, ср. *duhin* ‘протока’ [Мыреева 2004: 176];
asakki (асаки:) **xasa-kī* ‘крыло’;
giosun ‘волшебный жезл’ (*гис, гихун*) ‘колотушка шаманского бубна’, ср. сол. *гисун*, ороц. *гису*;
aseckam ‘дядя-PS1SG’, ср. *этки*: ‘тесть, отец жены’, ‘свекор, отец мужа’ [Бурыкин, Булатова: 275].

Интервокальное положение также создается на стыке корня и суффикса *-sik* [Василевич: 1958: 788]; *tuge-* ‘настать, быть (о зиме)’ > *tugesik* ‘зимняя одежда’; *d'u:* ‘дом’ > *d'u:sik* ‘домашняя одежда’, ср. негид. *-sik*; эвен. *-sak*:

mosek ‘налучник’, ср. *мо:huk* ‘чехол для ружья, колчан для стрел’ [Мыреева 2004: 368];
samaseck (самасик) ‘одежда шамана’ от **sama:-n* (сама:н).

В отдельных лексемах **s* в интервокальной позиции приобретает спирантный характер.

— *h* в интервокальном положении:

ahickta (асу:кта) **xasī-hta* ‘ель’;
nihukhi ‘дубленая кожа’;
uhakta (ухакта) **husakta* ‘молоки’.

Суффикс имени состояния и признака *-si*, ср. эвен. *-si*, встречается во многих прилагательных в виде *-hin*: *akterehin* ‘темный’; *dalihin* ‘сладкий’; *diuarihin* ‘кислый’; *solomohin* ‘солёный’; *gottihin* ‘горький’; *inginhin* ‘холодный’; *niamahin* ‘теплый’; *norihin* ‘светлый’; *urgahin* ‘тяжелый’.

Кроме того, в интервокальной позиции встречаются случаи колебания *s* и *h*.

— *s* и *h* в интервокальном положении:

asiw (асу:) **asī* ‘жена-PS1SG’;
asilacktari **asī* ‘жених’;
ahillamatscha (асу:ла:н) **asī* ‘свадьба’;
bullaselti (булэ:сэл) ‘враг’;
bullehelti ‘вражда’;

Ср. плюрализатор *-sal* (-сэл) с негид., эвен., нан. *-sal*; ороц. *-sa(-ta)*; ульч. *-сали*; ман. *-са*; *-си*.

Немногочисленны также примеры с шепелявым произношением сибиллянта:

- *s*_ʃ в интервокальном положении:
gasha (*гаша* ‘журавль’) **gasa* ‘аист’;
gushika (*гус, гусикэ:н*) **gusi* ‘орел’;
ishilla (*хисэлэ:*) ‘ящерица’.

В инлауте в консонантных сочетаниях корня сохраняется свистящий сибиллянт.

- *s* в консонантных сочетаниях корня:
siksani, suksani (*сиксэни:*) **sikse* ‘вечер, сумерки’;
tauksaki (*туксаки:*) ‘заяц’ от **tuksa-* ‘бежать’;
suksil (*суксилла*) ‘лыжи, подбитые камусом’;
uksi (*у:ксин*) ‘чирей, нарыв, опухоль с гнойником’;
eksan ‘иней’;
ogolasna ‘запад, заход солнца’, возможно, от *ogo-* ‘взойти (о солнце)’ [Мыреева 2004: 454].

Пример лексики с шекающим сибиллянтом единичен: *shipschickun* (*сивсику:н*) ‘кузнечик’.

В инлауте в консонантном кластере суффикса *-ksV* фигурирует этимологический **s*: *tergaksi* (*тэргэксэ*) ‘одежда’ от **terge-* ‘ровдуга’; *dewuksi* ‘руда’ от *dewin* < якут. *дьэбин* ‘ржавчина’ [Мыреева 2004: 57].

Суффигированная лексика принадлежит к следующим семантическим полям:

- Атмосферные явления: *tamnaksa* (*тамнакса*) ‘туман’ от *tamna-* ‘стлаться (о тумане)’; *taukse* (*туксу*) ‘облако, туча’ от *tugu-* ‘покрыться облаками, затянуться тучами’; *utuksu* (*уму:ксу*) ‘лед, ледяное сало, шуга’; *sillaksa* (*силэксэ*) ‘роса’ от **sile-* ‘роса’.
 — Субстанции организма: *tisha* (*тырэ:ксэ, тысэ*) **tiru-kse* ‘икра’; *sacksa* (*сэ:ксэ:*) ‘кровь’ от *se:gi:-* ‘течь (о крови)’, ср. *iliksa* ‘сопля’, *na:ksə* ‘гной’, *no:ksə* ‘пот’, *imu:ksə* ‘жир’.

Обобщение проанализированных данных приведено в таблице 2.

Таблица 2. Рефлекс *s в говоре удских эвенков по материалам Я. И. Линденау

Анлаут	<i>s, h</i>
Инлаут, интервокальная позиция	<i>s, h, s_ʃ</i>
Инлаут, корневое консонантное сочетание	<i>s</i>
Инлаут, суффикс <i>-ksV</i>	<i>s</i>

Заключение

Проанализированная лексика эвенкийского языка, собранная исследователями в конце XVII в. и первой половине XVIII в., представляет собой первые письменные свидетельства состояния говоров эвенкийского языка. Данный лексический материал показывает отличное от современного распределение дифференцирующего признака *h ~ s ~ ʃ* как по качеству рефлексов праэвенкийского **s*, так и по границам ареалов распространения его фонетических отражений.

Материалы, опубликованные Н. Витсенем в 1692 и 1705 гг., не могут быть соотнесены с определенным говором, но имеют ценность как первая письменная фиксация эвенкийского языка. Зафиксированный говор принадлежал к секающему типу.

Лексика, записанная Д. Г. Мессершмидтом в ходе экспедиционных исследований в 1723 г., дает подробную картину распределения рефлексов **s* в пяти говорах Нижней Тунгуски. Их характер чрезвычайно разнится, представлены практически все возможные фонетические варианты: шекающий, секающе-шекающий, чекающе-шекающий, чекающе-секающе-шекающий, шекающий-шепелявящий.

Материалы, собранные Г. Ф. Миллером в 1735—1740 гг., подтверждают шекающий характер говора мангазейских эвенков, впервые зафиксированный в дневниковых записях Д. Г. Мессершмидта. На современном срезе языка шеканье не присуще данному ареалу. Также шеканье у нерчинских эвенков, пролеженное по материалам Миллера, отличается от современного шеканья в соответствующем говоре.

По лексике говора удских эвенков, вошедшей в словарь Я. И. Линденау 1744—1745 гг., можно сделать вывод о секающе-хекающем характере говора, что соответствует отражению *s в селемджинском и джелтулакском диалектах в наши дни¹².

Стоит отметить, что рамки ареалов, намеченных В. Г. Василевич, на основе рассматриваемого фонетического признака на диахроническом уровне первоначально были иными. Кроме того, в сравнении с современным состоянием говоров большее распространение имело шекающее и чекающее отражения *s. Для восстановления полной картины развития рефлексов *s как дифференцирующего признака диалектов эвенкийского языка планируется продолжение исследования на материале более поздних источников.

Сокращения

Языки

брг — баргузинский диалект эвенкийского языка	сол — солонский
ман. — маньчжурский	сым. — сымский диалект эвенкийского языка
нан. — нанайский	уд. — удэгейский
негид. — негидальский	ульч. — ульчский
ороч. — ороцкий	эвен. — эвенский
ПТМ — прототунгусо-маньчжурский	якут. — якутский

Глоссы

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо	PL — множественное число
ACCIN — неопределенный аккузатив	PRS — настоящее время
IMPER — императив	PS — посессив
IPFV — имперфектив	SG — единственное число

Литература

Андреев 1937 — Андреев А. И. Труды Г. Ф. Миллера о Сибири / Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. М. — Л., 1937. {*Andreev A. I. Works of G. F. Müller about Siberia / Müller G. F. The History of Siberia. Vol 1. Moscow — Leningrad, 1937.*}

Афанасьева 2010 — Афанасьева Е. Ф. Принципы классификации согласных фонем эвенкийского языка // Вестник ЗабГУ. 2010, 6. С. 14—20. {*Afanas'eva E. F. Principles of the classification of consonant phonemes in the Evenki language // Newsletter of Zabaikalsky State University. 2010, 6. P. 14—20.*}

Болдырев 2000 — Болдырев Б. В. Эвенкийско-русский словарь. Ч. 2.: Р—Я. Новосибирск, 2000. {*Boldyrev B. V. Evenki-Russian dictionary. Part 2: R—Ya. Novosibirsk, 2000.*}

Булатова 1987 — Булатова Н. Я. Говоры эвенков Амурской области / Булатова Н. Я.; отв. ред. Суник О. П. Л., 1987. {*Bulatova N. Ya. The Evenki dialects of the Amur Region / Bulatova N. Ya.; ex. ed. Sunik O. P. Leningrad, 1987.*}

Бурькин 2000 — Бурькин А. А. Изучение фонетики языков малочисленных народов Севера России и проблемы развития их письменности (обзор) // Язык и речевая деятельность. Т. 3. Ч. 1. СПб., 2000. С. 150—180. {*Burykin A. A. Studies of the phonetics of languages of indigenous minorities of the North of Russia and development challenges of their writing (review) // Language and Speech Activity. Vol. 3. Part. 1. Saint-Petersburg, 2000. P. 150—180.*}

Бурькин, Булатова 1999 — Бурькин А. А., Булатова Н. Я. Система терминов родства эвенков (предварительные материалы к описанию) // Алгебра родства. СПб., 1999. С. 267—278. {*Burykin A. A., Bulatova N. Ya. The Evenki kinship system (preliminary materials for the description) // Kinship Algebra. Saint-Petersburg, 1999. P. 267—278.*}

Василевич 1948 — Василевич Г. М. Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка. Л., 1948. {*Vasilevich G. M. Essays on the dialects of the Evenki (Tungus) language. Leningrad, 1948.*}

Василевич 1958 — Василевич Г. М. Эвенкийско-русский словарь. М., 1958. {*Vasilevich G. M. Evenki-Russian dictionary. Moscow, 1958.*}

Василевич 1969 — Василевич Г. М. Значение дневников Мессершмидта для тунгусоведения // Известия Сибирского отделения Академии Наук СССР. 1969, 6. Вып. 2. (Серия общественных наук.) С. 116—123. {*Vasilevich G. M. The Importance of Messerschmidt Diaries for Tungus Studies // Bulletin of SB USSR AS. 1969, 6. Iss. 2. (Social Science Series) P. 116—123.*}

¹² Данные Речевого корпуса эвенкийского языка (аннотированного): <https://linguacorporus.amursu.ru/>.

- Греков 1960 — Греков В. И. Очерки по истории русских географических исследований в 1725—1765 гг. М., 1960. {*Grekov V. I. Essays on the history of Russian geographical research in the years 1725—1765. Moscow, 1960.*}
- Казакевич, Митрофанова, Рудницкая 2009 — Казакевич О. А., Митрофанова Н. К., Рудницкая Е. Л. Истории жизни автохтонного населения Сибири: публикация глоссированных текстов (Публикация 2-я) // Вестник РГГУ. 2009, 6. С. 286—323. {*Kazakevich O. A., Mitrofanova N. K., Rudnitskaya E. L. Life stories of the autochthonous population of Siberia: publication of glossed texts (2nd Publication) // Newsletter of RSUH. 2009, 6. P. 286—323.*}
- Линденау 1984 — Линденау Я. И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII века). Магадан, 1984. {*Lindenau J. J. Description of the peoples of Siberia (first half of the XVIII century). Magadan, 1984.*}
- Миллер 1937 — Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. М.—Л., 1937. {*Müller G. F. The History of Siberia. Vol 1. Moscow — Leningrad, 1937.*}
- Миллер 2009 — Миллер Г. Ф. Описание сибирских народов / Изд. Элерт А. Х., Хинтцше В. М., 2009. {*Müller G. F. The description of Siberian peoples / Ed. Elert A. H., Hintsche V. Moscow, 2009.*}
- Миронов 2001 — Миронов С. А. Нидерландский (голландский) язык. 2-е переработанное изд. Калуга, 2001. {*Mironov S. A. Dutch language. 2nd revised edition. Kaluga, 2001.*}
- Мыреева 2004 — Мыреева А. Н. Эвенкийско-русский словарь = Эвэдэ-лүчады түрэрүк. Новосибирск, 2004. {*Myreeva A. N. Evenki-Russian dictionary = Evedy-luchady türerük. Novosibirsk, 2004.*}
- Новлянская 1970 — Новлянская М. Г. Даниил Готтлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири. Л., 1970. {*Novlyanskaya M. G. Daniel Gottlieb Messerschmidt and his works on the study of Siberia. Leningrad, 1970.*}
- Пекарский 1958—1959 — Пекарский Э. К. Словарь якутского языка. Т. 1—3. Изд. 2-е. Л., 1958—1959. {*Pekarskij E. K. Dictionary of the Yakut language. Vol. 1—3. 2nd edition. Leningrad, 1958—1959.*}
- ТМС — Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: Материалы к этимологическому словарю / Под ред. Цинциус В. И. Л., 1975. {*Comparative Dictionary of the Tungus-Manchu Languages: Materials for the Etymological Dictionary / Ed. by Cincius V. I. Leningrad, 1975.*}
- Шренк 1883 — Шренк Л. Обь инородцахъ Амурскаго края. Т. 1. СПб., 1883. {*Schrenck L. On the indigenous dwellers of the Amur Territory. Vol. 1. Saint-Petersburg, 1883.*}
- Klaproth 1823 — Klaproth J. Asia Polyglotta. Paris, Gedruckt bei Eberhardt J. M., 1823.
- Messerschmidt 1964 — Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien 1720—1727. Т. 2: Tagebuchaufzeichnungen, Januar 1723 — Mai 1724 / In Verbindung mit Zahlreichen Fachgelehrten Herausgegeben von Winter E., Uschmann G. und Jarosch G. Berlin, 1964.
- Strahlenberg 1730 — Strahlenberg P. J. Das Nord-und Ostliche Theil von Europa und Asia. In Verlegung des Autoris, 1730.
- Witsen 1705 — Witsen N. Noord en Oost Tartarye. 2de druk. Amsterdam, 1705.

РЕЗЮМЕ

Одним из дифференцирующих фонетических признаков диалектов эвенкийского языка является рефлекс праэвенкийского *s. На основе данного признака в эвенкийском языке было выделено три наречия: северное (спирантное), южное (сибилянское) и восточное (сибилянско-спирантное). Тем не менее, на диахроническом уровне единообразных отражений *s внутри каждого из выделенных наречий не наблюдается. В статье предпринята попытка восстановления картины распространения данного дифференцирующего признака на основе первых записей эвенкийского языка.

Ключевые слова: фонетика эвенкийского языка, диалектология эвенкийского языка, праэвенкийский, сибилант, спирант, тунгусо-маньчжурские языки

SUMMARY

One of the differential phonetic features of the Evenki dialects is the reflection of the Proto-Evenki *s. Based on this feature, the Evenki language is divided into three dialectal areas: northern (spirant), southern (sibilant) and eastern (sibilant-spirant). However, at the diachronic level, the consistency of the *s reflection within each area is not observed. The article attempts to reconstruct the distribution pattern of this differential feature based on the first written monuments of the Evenki language.

Keywords: Evenki phonetics, Evenki dialects, Proto-Evenki, sibilant, spirant, Tungusic languages

Мищенко Карина Олеговна, Институт языкознания РАН (Москва); karinam6@mail.ru

Karina O. Mischenkova, Institute of linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow); karinam6@mail.ru

Опыт составления анкеты по именным предложениям в южносибирских тюркских языках и первые результаты ее применения¹

*95-летию со дня рождения
М. И. Черемисиной посвящается*

Введение

В данной статье представлены результаты исследования простых предложений с именным сказуемым, полученных на основе пробного анкетирования, проведенного среди носителей ряда диалектов алтайского языка (алтай-кижи и теленгитского), тувинского и хакасского языков (сагайский диалект). Носителям данных идиом была предложена анкета, разработанная авторами статьи. Информанты, в основном молодого и среднего возраста, заполняли ее самостоятельно. Анкета учитывает формальные и семантические особенности именного предложения в тюркских языках Сибири. Ее применение для сбора синтаксического материала позволяет получить сравнимые результаты по тюркским языкам и диалектам.

Статья состоит из вводно-теоретической (1) и практической (2) частей. Вводно-теоретическая часть начинается с краткого обзора литературы по именному предложению в общем и тюркском языкознании (раздел 1.1). В разделе 1.2 представлена синтаксическая концепция М. И. Черемисиной о природе простого предложения, которая стала основой нашего структурно-семантического описания именного предложения в южносибирских идиомах. В следующем разделе — 1.3 — дается описание основных структурных особенностей предложений с именным сказуемым в южносибирских тюркских языках. В разделе 1.4 представлены классификации тюркских именных предложений и предлагается выработанная на основе анкетных материалов типология именных предложений. Практическая часть посвящена описанию отдельных типов именных предложений. В приложении приводится анкета, заполненная носителем диалекта алтай-кижи алтайского языка.

1. Теоретические основы описания именного предложения

1.1. Краткий обзор изучения именного предложения в общей лингвистике и тюркологии

Именные предложения имеют долгую историю изучения как в российской, так и в зарубежной лингвистике. Интерес к ним остается достаточно постоянным, хотя в фокусе исследователей оказываются чаще всего отдельные аспекты именных предложений: тип связки, морфологическое маркирование именного предиката, отдельные типы именных предложений и т. д. [Никольс 1995; Шатуновский 1993]. Пожалуй, наиболее цельная концепция типологии именного предложения выработана в книге «Невербальная предикация. Теория, типология, диахрония» [Hengeveld 1992], где автор представил семантическую сетку для описания именных предикатов и выделил основные типы именных предложений, используя комплекс морфологических, синтаксических, семантических и прагматических критериев. Именные предложения в плане взаимосвязи их синтаксиса и семантики монографически описываются Изабель Рой [Roy 2013]. Оригинальная концепция Д. Стассена [Stassen 1997] рассматривает именные предложения как разновидность непереходной предикации, предлагая критерии ее типологической классификации, применимой для классификации языков разных семей². Однако обычно именное предложение рассматривается в отдельных разделах, ему посвященных; например, см. [Dryer 2007], где в функционально-типологическом ключе описываются именные предложения трех морфологических типов: с именным предикатом, выраженным прилагательным, существительным и именной формой с пространственным значением. В российской лингвистике особое внимание обращалось на бытийный тип именного предложения в монографиях [Арутюнова 1976; Арутюнова, Ширяев 1983], наряду с многочисленными исследованиями, посвященными отдельным типам именного предложения и его компонентам.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РНФ № 18-18-00501 «Создание электронного диалектологического атласа тюркских языков России».

² См. в разделе 1.3 о глаголах в роли связок и полусвязок в именном предложении.

В тюркологии именованное предложение традиционно (как, впрочем, и на современном этапе) описывалось в грамматиках соответствующих языков в основном в аспекте частеречной принадлежности именованного сказуемого [СКЯ 2014; СКБЯ 2018]. Имеются и диссертационные исследования и монографии, посвященные именованному предложению в тюркских языках в России и за рубежом [Ахматов 1983; Тоекев 1995; Кетенчиев 2001; Алимбаева 2005; Мамаева 2005; Кабирова 2010; Мамаева 2005], в основном написанные в традиционном ключе, т. е. концентрирующиеся на морфологическом выражении именованного сказуемого. Исключение составляют исследования [Ахматов 1983; Кетенчиев 2001], применяющие структурный подход к выделению основных моделей именованного предложения. Исследованием именованных предложений в турецком и кыпчакских тюркских языках, в частности, занимаются лингвисты, связанные с тюркологической школой Майнцевского университета Германии, основанной Ларсом Йохансоном [Karakoç 2000, 2011, 2014, 2019; Csató 2014].

На этом фоне выделяются работы представителей новосибирской синтаксической школы, теоретические основы которых были заложены М. И. Черемисиной, ее сподвижниками, учениками и, на данном этапе, учениками учеников, а также ее последователями как в России, так и в других странах. Все эти работы выполнены в едином ключе. Они посвящены описанию синтаксиса языков разных систем, в первую очередь языков коренных народов Сибири [Черемисина 1989, 1995, 1997, 1998; Тыбыкова 1991; Телякова 1994; Серээдар 1995, 2014; Серээдар, Скрибник, Черемисина 1996; Абдуманапова 2001; Чугункова 2002; Байжанова 2004; Невская 2005; Чертыкова 2005; Черемисина, Озонова 2005; Доржиева 2005; Кошкарева 2006, 2007а, б; Черемисина, Озонова, Тазранова 2008; Соловар 2009 и др.]. Благодаря этим исследованиям за последние тридцать лет накоплен значительный языковой материал и заложены основы для дальнейшего сравнительно-сопоставительного и типологического описания синтаксиса простого предложения.

1.2. Синтаксическая концепция элементарного простого предложения М. И. Черемисиной

Теоретической основой для выработки нашей анкеты послужили в основном взгляды М. И. Черемисиной и ее последователей на природу простого предложения в языках разных систем. В рамках используемого этой школой подхода элементарное простое предложение (далее ЭПП) признается основной единицей синтаксического уровня языка, представляющей собой единство плана выражения и плана содержания. Планом выражения служит его структурная схема (точнее, формула) — последовательность условных символов, отражающая морфологический способ выражения компонентов, необходимых для реализации соответствующего смысла. В плане содержания ему соответствует одна пропозиция; это значит, что ни один из его компонентов не может быть развернут в самостоятельное предложение. Вершиной ЭПП является предикат, семантика которого содержит представление о типовой ситуации, составе и характере ее участников. Способом репрезентации ЭПП как знака языка является его модель — обобщенный образец, по которому может быть построено бесконечное множество конкретных высказываний. Пропозитивное содержание представляется с помощью вопросов, задаваемых к компонентам ЭПП, т. е. терминами: *кто, что, какой, быть* и т. д., ср. семантические примитивы А. Вежбицкой [Вежбицка 1983]. Системы ЭПП в конкретных языках индивидуальны и насчитывают десятки единиц. Ядро этих систем является более или менее универсальным. Это позволяет проводить сопоставление языков на уровне синтаксических систем.

В зависимости от типа предиката выделяются глагольные и именные ЭПП. Сказуемое глагольных предложений выражено финитными и инфинитными (причастием, инфинитивом, деепричастием в предикативной функции) формами глагола. Все функциональные формы одного глагола требуют одного и того же набора актантов. Глагольные ЭПП описывают событийные пропозиции. В зависимости от типа пропозиции выделяются три подтипа событийных ЭПП: бытийно-пространственные, акциональные и статальные.

Предложения с именованным сказуемым формируют отдельную подсистему ЭПП, отличную от глагольной. Этому способствует сама природа именованного предиката, который используется для установления связи между двумя или более объектами или понятиями, а также для описания статичных ситуаций действительности. По мнению М. И. Черемисиной, именная ЭПП в меньшей мере, чем глагольная, «предсказывает» смысл построенных фраз, поскольку валентности, организующие и формальное, и семантическое ядро предложения, в основном принадлежат глаголу как части речи [Черемисина 1995: 97]. Тем не менее, и именные предикаты могут в какой-то мере «предсказывать» свое окружение и семантику предложения в целом: имена таксономических классов в качестве предиката именованного предложения включают субъект предложения в данный класс (*он — учитель*); имена со значением локализации в пространстве (*на столе, вокруг*) в данной функции указывают на местоположение субъекта предложения и т. д.

Другая особенность именной подсистемы состоит в том, что сказуемое именных предложений включает в себя в качестве основного именной компонент, который выражает его лексическое значение. Он может быть выражен существительным (в разных падежах), местоимением, прилагательным, наречием или числительным, а также именами со значением наличия (алт., тув. *бар* / хак. *пар* ‘есть, имеется’), отсутствия (алт. *жок*, *жогыла*, тув. *чок*, *чогул*, хак. *чох*, *чогыл* ‘нет, не имеется’), количества (алт., хак. *кӧп* ‘много’, тув. *хөй* ‘много’, алт., хак. *ас* ‘мало’, тув. *эвээш* ‘мало’, алт. *толтыра* / хак. *толдыра* ‘очень много’, тув. *эндерик* ‘очень много’ и др.), а также предложными (в тюркских языках послеложными) группами и фразеосочетаниями (*людей* — *пруд пруди*, т. е. очень много). Именное предложение может включать и служебный компонент, связку, которая передает грамматическое значение времени, аспекта и модальности, лица и числа. Для некоторых языков связка обязательна во всех временах. Для тюркских языков она обязательна в прошедшем и будущем времени (см. 1.3.1). Лицо и число субъекта именного предложения в настоящем времени в некоторых южносибирских тюркских языках выражается только подлежащим, а в некоторых — так называемыми аффиксами сказуемости (или предикативными аффиксами) на самом именном компоненте (см. 1.3.2), которые по своему происхождению являются постпонируемыми и синтезированными личными местоимениями (что особенно ярко видно на материале тувинского языка, где эти местоимения не синтезировались и дублируют подлежащее). Тем самым, такие именные компоненты одновременно выражают и лексическое, и предикативное значение.

1.3. Структурные особенности именных предложений

1.3.1. Связка как компонент именного сказуемого

Связка является формальным носителем сказуемости (предикативности). В роли связки в большинстве языков выступает бытийный глагол. В тюркских языках Южной Сибири это глагол *бол-/пол-* ‘быть, становиться’, см. (1).

(1) алт.: а. *Эне-м уй саачы бол-гон*³.
мама-POS1SG доярка быть-PP

‘Мама была дояркой’

б. *Улус-ка солун бол-ор*.
люди-DAT интересный быть-AOR

‘Людям будет интересно’

тув.: в. *Мен башкы бол-ур мен*.
я учитель быть-AOR 1SG

‘Я буду учителем’

хак.: г. *Мин тогызынчы этаж-та пол-гам*. (ИТ, ХӖ, 24)
я девятый этаж-LOC быть-PP1SG

‘Я был на девятом этаже’

Эту функцию берут на себя и некоторые глаголы состояния, положения в пространстве, в частности глагол с первичным значением ‘стоять’ — тюрк. *тур-*, ср. русск. *стать, становиться*, см. (2).

(2) тув.: а. *Эрткен.чылын школа-га орус дыл башкы-лар-ы хөй тур-д-у*.
в.прошлом.году школа-DAT русский язык учитель-PL-POS3 много AUX:стоять-PST-3

‘В прошлом году в школе учителей русского языка было много’

б. *Чемзиг биле Татьяна чаңгыс.классчы-лар тур-ган*. (МТ, К, 63)
PN CONJ PN одноклассник-PL AUX:стоять-PP

‘Чемзиг и Татьяна были одноклассниками’

В роли полусвязок выступают и другие бытийные глаголы — тюрк. *јат-/чат-* ‘лежать’, *чор-/јүр-* ‘ходить’. Возможны в этой роли и некоторые другие глаголы с семантикой модального типа, некоторые глаголы возникновения, роста или исчезновения, глаголы, описывающие способ существования, свойственный тому или иному семантическому субъекту предложения (характерные звуки, которые издают

³ Если источник примера не указан, это означает, что алтайские примеры были предоставлены носителями соответствующих языков: алтайского — А. А. Озоновой, хакасского — О. Ю. Шагдуровой, тувинского — Б. Ч. Ооржак. Шорские примеры взяты из [Невская 1997].

животные, характерные движения и т. п.), а также глаголы движения, ослабляющие или утрачивающие свое исходное лексическое значение. Такие глаголы можно отнести к так называемым диспозиционным предикатам. Диспозиционные предикаты в логике характеризуют типичное поведение субъекта в определенных условиях. Так, заранее известно, что кровать *стоит* в углу, а ива *растет* на берегу. В подобных случаях положение предмета в пространстве входит в пресуппозицию высказывания, и предикат положения в пространстве может быть заменен экзистенциональным предикатом (с определенными семантическими потерями и перестройкой предложения) или опущен [ТФГ 1996: 13]. Следует отметить, что не всегда просто определить границу между глаголом-связкой при именном сказуемом и знаменательным глагольным сказуемым бытийной семантики.

Тюркские языки Южной Сибири значительно различаются между собой в плане использования тех или иных глаголов в качестве связки. Так, в алтайском и тувинском языках глагол *тур-* используется в качестве связки чаще, чем другие глаголы положения в пространстве. При этом в тувинском он, как и глагол *чор-*, как правило, употребляется в формах прошедшего времени *-ГАН*⁴ и *-ДЫ*. Одна из важных задач анкеты состоит в выявлении состава связок для каждого конкретного языка. Связка выполняет функцию формального сказуемого. Она выражает все те грамматические категории, которые в каждом данном языке необходимы сказуемому. В тюркских языках связка выражает лицо и число субъекта, время, наклонение (шире — модальность). Ее отсутствием обычно выражается настоящее время индикатива. В таком случае субъект конструкции может быть выражен только отдельной словоформой — подлежащим (например, в алтайском литературном языке) — или же дополнительно так называемыми предикативными показателями лица (также называемыми аффиксами сказуемости), набор которых может отличаться от тех, которые используются с глагольными предикатами, см. 1.3.2.

Отрицательные предложения в настоящем времени образуются при помощи предиката именного отрицания: шор. *эбес* / алт. *эмес* / тув. *эвес* / хак. *нимес* и т. д. (из бытийного глагола *э-* ‘быть, становиться’ в отрицательной форме причастия будущего времени), который принимает аффиксы сказуемости, см. (3). Употребление глагола *пол-* в данном случае исключено.

- (3) хак.: *Чох, мин инженер нимес-пін, мин агроном-мын.* (ГХЯ, 301)
нет я инженер нет-1SG я агроном-1SG
‘Нет, я не инженер, я агроном’

Глаголы-связки принимают личные показатели финитного типа; их отрицательные формы обычно образуются с помощью аффикса глагольного отрицания *-БА*, который стоит перед временным показателем.

1.3.2. Грамматические значения лица и числа

Сибирские тюркские языки различаются по типу личного оформления сказуемого.

В тувинском языке, в отличие от других южносибирских тюркских языков, глагольное спряжение почти во всех формах (за исключением формы прошедшего времени на *-ды*, условного и повелительного наклонений) сохраняет аналитический тип: личные показатели, сохраняя тождество с местоимениями, сохраняют фонетический облик отдельного слова [Исхаков, Пальмбах 1961: 369]. В роли маркера лица используются показатели, восходящие генетически к личным местоимениям, см. (4)⁵.

- (4) тув.: а. *Мен эмчи мен.*
я доктор 1SG
‘Я доктор’
б. *Сен узун сен.*
ты высокий 2SG
‘Ты высокий’

Значение 3 лица специального аффикса не имеет, см. (5). Отсутствие у сказуемого личного показателя 1-2 лица приобретает грамматическую значимость как указание на 3 лицо.

⁴ Мы используем морфофонемное представление аффиксов тюркских языков, отражающее тип гармонии гласных и особенности ассимилятивных процессов на морфемных швах в отдельных языках, см., например, [ГСАЯМ] для описания морфофонемного варьирования в алтайском языке.

⁵ Необходимо также учитывать возможность дублирования субъекта постпонируемым местоимением и в других современных тюркских языках [Dubo et al. 2019].

(5) тув. а. *Чочагай эмчи.*
 PN врач
 ‘Чочагай — врач’

тув. б. *Агаар-бойдус ыржым тур-ган.* (МТ, К, 86)
 погода тихий AUX:стоять-PP
 ‘Погода была тихая’

Однако тувинское именное сказуемое, особенно в 3 л., часто принимает показатель *-дыр/-тыр*, восходящий к глаголу *тур-* ‘стоять’. Этот показатель гармонирует и имеет, как правило, значение достоверности, см. (6).

(6) тув.: а. *Башкы кижии дир.*
 учитель человек PTCL
 ‘(Он), действительно, учитель’

б. *Угаанныг уруг дыр.*
 умный девушка PTCL
 ‘(Она), действительно, умная девушка’

В хакасском языке в качестве показателей лица также используются личные показатели, восходящие к личному местоимению, но они, в отличие от тувинского, присоединяются к именной основе и гармонируют с ней, см. (7).

(7) хак.: *Мин нымзах хылых-тыг кизи-бин, а син хатыг хылых-тыг-зың.*
 я мягкий характер-ATR.POS.O человек-1SG a:CONJ ты твердый характер-ATR.POS.O-2SG
 ‘Я человек с мягким характером, а ты с твердым’

Значение 3 лица специального аффикса не имеет. Значение множественного числа получает свое выражение в аффиксе *-лар*, см. (8). Независимо от наличия связки, подлежащее строго необходимо в тех случаях, когда признак предикатуруется 3 лицу.

(8) хак.: *Хакас чазы-лар-ы угаа аллыг-лар.* (ГХЯ, 301)
 хакасский степь-PL-POS.3 очень широкий-PL
 ‘Хакасские степи очень широкие’

Оформление именного предиката в шорском близко к хакасскому, ср. таблицу 1.

Таблица 1. Аффиксы сказуемости в шорском языке

	ед. ч.	мн. ч.
1 л.	-БЫм	-БЫс
2 л.	-СЫң	-СААр
3 л.	-0/-ДЫр	-ЛАр

Аффикс 3 л. ед. ч. *-ДЫр*, видимо, развился в говорах шорского языка из глагола *тур-* ‘стоять’ в связочной функции, отмеченной для шорского языка Н. П. Дыренковой [Дыренкова 1941: 141] и подтвержденной Э. Ф. Чиспияковым [Чиспияков 1992: 254. В примерах из современного шорского языка глагол *тур-* в качестве связки нам не встретился. Употребляются данные варианты крайне редко. Мы располагаем только примерами, приведенными Н. П. Дыренковой и Э. Ф. Чиспияковым.

Шорский аффикс 1 л. ед. ч. может иметь вариант *-сим*, см. (9а), при отрицательной частице *эбес*, который можно объяснить ассимиляционными процессами на стыке морфем, возможно, поддержанными выравниванием парадигмы по аналогии со 2 л. ед. ч., см. (9б). Такие ассимиляционные процессы также являются спецификой того или иного языка или диалекта.

(9) шор.: а. *Мен ор-да эбес-сим, мен мөзүк-те-бим.* (ЧЭФ, 253)
 я яма-LOC нет-1SG я высокий-LOC-1SG
 ‘Я не в яме, я на высоте’

б. *Чоқ школ-да эбес-сиң?* (ЧЭФ, 253)
 почему школа-LOC нет-2SG
 ‘Почему ты не в школе?’

в. *Қарат қайда-дыр?* (ШГ, 41)
 вороной-конь где-3
 ‘Вороной конь где?’

г. *Пис үй-де-бис.* (ШГ, 141)
 мы дом-LOC-1PL
 ‘Мы дома’

В современном литературном алтайском языке и его южных диалектах алтай-кижи и теленгитском именное сказуемое в настоящем времени индикатива не имеет личного оформления; лицо выражено подлежащим (10). В современном чалканском и туба-диалекте лично-предикативные аффиксы употребляются нерегулярно [Озонава, Тазранова, Федина 2018: 236].

Тем не менее, сказуемые, выраженные именем существительным или местоимением, согласуются с подлежащим в числе. В прошедшем и будущем времени лицо может выражаться и подлежащим, и личными аффиксами сказуемого или же только личными аффиксами сказуемого.

(10) алт.: а. *Мен үредүчи.*
 я учитель
 ‘Я учитель’

б. *А сен не кунукчылду?* (ЭП, А, 206)
 а ты почему грустный
 ‘А ты почему грустная?’

в. *Бала кабай-да.*
 ребенок колыбель-LOC
 ‘Ребенок в колыбели’

г. *Олор айылчы-лар.*
 они гость-PL
 ‘Они гости’

д. *Бис — талайчы-лар.* (АА, ЖТ, 20)
 мы моряк-PL
 ‘Мы моряки’

е. *Слер бандит-тер.*
 вы бандит-PL
 ‘Вы бандиты’

В литературном алтайском языке связка принимает личные аффиксы лично-финитного типа (11).

(11) алт.: а. *Мен алдында ачынчак бол-гом.*
 я прежде обидчивый быть-PP.1SG
 ‘Я раньше была обидчивой’

б. *Слер чын ла кудайзак бол-гон-оор бо?* (СС, АКС, 89)
 вы действительно PTCL религиозный быть-PP-2PL PTCL
 ‘Вы действительно были религиозной?’

В северных алтайских идиомах (чалканском и кумандинском) сохраняется 1-й тип спряжения, представленный в хакасском и шорском языках (12).

(12) кум.: [Петрушова 2005: 30—31]:

а. *Мен палықчы-бын.*
 я рыбак-1SG
 ‘Я рыбак’

б. *Пис палықчы-быс.*
 мы рыбак-1PL
 ‘Мы рыбаки’

в. *Снер аңчы-заар.*

вы охотник-2PL

‘Вы охотники’

г. *Ол аңчы.*

он/она/оно охотник

‘Он охотник’

В современном чалканском языке именные сказуемые в настоящем времени в положительной форме могут употребляться с аффиксами сказуемости или чаще без них (13).

- (13) чалк.: *Сен аңчы-зын. / Сен аңчы.*
ты охотник-2SG / ты охотник
‘Ты охотник’

В чалканском языке имена прилагательные в роли сказуемых, как и имена существительные, могут принимать аффиксы сказуемости [Федина 2014: 181—188]. Н. Н. Феединой выделяются следующие показатели сказуемости для имен существительных и прилагательных (таблица 2), видимо, в показателях первого лица сохранились рефлексы синтезировавшегося вспомогательного глагола *тур-*; см. (14).

Таблица 2. Аффиксы сказуемости в чалканском языке

	ед. ч.	мн. ч.
1-е л.	-ДЫм	-ДЫс
2-е л.	-СЫн	-САр
3-е л.	-0	-ЛЫр

- (14) чалк.: *Слер кырлу / слер кырлу-зер.* [Федина 2014: 188]
вы грязный / вы грязный-2PL
‘Вы грязные’

В хакасском, шорском и чалканском прилагательные в роли сказуемого 3 л. мн. ч. могут принимать аффиксы множественного числа, если подлежащее стоит во множественном числе. Для чалканского и шорского прилагательного, в отличие от хакасского, аффикс множественного числа факультативен [Федина 2014: 187], см. (15).

- (15) чалк.: *Ий-тыр қазыр(-лыр).*
собака-PL злой(-3PL)
‘Собаки злые’
- хак.: *Харагай-лар хақан.даа сылагай-лар.*
сосна-PL всегда стройный-3PL
‘Сосны всегда стройные’

1.3.3. Грамматическое значение времени

На связку ложится основная нагрузка в выражении времени. Связка обязательна для выражения прошедшего и будущего времен, в то время как настоящее время выражается нулевой связкой. В алтайском языке связка представлена прежде всего глаголами *бол-* ‘быть, становиться’, реже *тур-* ‘стоять’, в хакасском, чалканском — глаголом *пол-* ‘быть, становиться’, в тувинском — *бол-* ‘быть’, *тур-* ‘стоять’, *чор-* ‘ходить’. Каждая связка характеризуется своей функционально-семантической спецификой и употребляется в определенных типах конструкций.

В алтайском, хакасском и шорском языках связка *бол-* / *пол-* является самой активно используемой и нейтральной по семантике. Она выражает временное значение без дополнительных оттенков, см. (16).

- (16) алт.: а. *Мен-де ондый санаа да жок бол-гон.*
я-LOC такой мысль PTCL нет быть-PP
‘У меня даже такой мысли не было’
- хак.: б. *Аннаңар хайдаг мында культура пол-ар?*
поэтому какой здесь культура быть-AOR
‘Поэтому какая здесь культура будет?’

В шорском языке помимо глагола *пол-* в качестве связочных Н. П. Дыренкова отмечает глаголы *тур-*, форма аориста которого *тур-ар* уже практически стала аффиксом именного предиката 3 л. ед. ч. (см. 1.3.2) и *чат-* (его лексические значения ‘жить, лежать’) в форме *чадыр* [Дыренкова 1941: 256]. В современном шорском языке *чадыр* уже не выступает как связочный.

В алтайском языке редко употребляющаяся связка *тур-* ‘стоять’ помимо временного имеет значение достоверности информации, ограниченное прошедшим временем (17).

(17) алт.: а. *Эзендей-де мылтык бар тур-ган.*

PN-LOC ружье есть AUX:стоять-PP

‘У Эзендея было ружье (я видела; но есть ли сейчас, неизвестно)’

б. *Тура-зы бай тур-ган.*

дом-POS3 богатый AUX:стоять-PP

‘Его дом богатый был (я видела)’

По мнению Д. А. Монгуша, в тувинском языке глаголы *чор-* ‘ходить’, ‘быть’, *бол-* ‘быть’, ‘становиться’ «в формах прошедшего времени, образуя сказуемые в сочетании с глагольными (причастными) формами на *-ган, -ар, -галак, -бышаан*, а также с именами, обозначают, что сообщаемое в предложении событие либо происходило в присутствии говорящего, либо говорящий установил его достоверность по наличному результату или из достоверных источников» [Монгуш 1989: 29], см. (18).

(18) тув. [Монгуш 1989: 29]:

а. *Көк чурбээш-тиг, ашак чор-аан.* (М. Эргеп)

седой челка-ATR.POS.O старик ходить-PP

‘(Он) был (я это видел) старик с седой челкой’

б. *Хойжу-лар-да силер-ни таны-вас кижжи чок чор-д-у.* (К. Чамыян)

чабан-PL-LOC вы-ACC знать-AOR:NEG человек нет ходить-PST-3

‘Среди чабанов (как я выяснил) нет человека, который Вас не знает’

в. [Самдар тоннуң иштинден самдар бөрт база тып алдым.]

Ооң бир халбаң-ы чок бол-д-у. (С. Тока)

он/она/оно:GEN один ухо-POS3 нет быть-PST-3

‘[В рваной шубе я нашел и рваную шапку.] У нее не было одного уха’

В состав именного сказуемого могут входить модальные, мிரативные и эвиденциальные частицы и слова: алт. *эмей* ‘ведь’, *эмтир* ‘оказывается’, *турбай* ‘оказывается’, *ине* ‘ведь’, *эмес* ‘не; ведь’, *болор* ‘наверное’, *болбой* ‘наверное, вероятно’, *болбайсын* ‘наверное, вероятно’, *болбайдар* ‘наверное, вероятно’, *болгодый* ‘должно быть’ и др.; тув. *чадавас* ‘может быть, возможно’, *болгай* ‘ведь’, *магатчок* ‘может быть, возможно’, *ыйнаан* ‘видимо, вероятно’, *-тыр* ‘оказывается’, *моң(ар)*, *оң(ар)* ‘вот ведь’, ‘оказывается’ и др.; хак. *полтыр* ‘оказывается’, *нооза* ‘же, ведь’, *осхас* ‘видимо’ и др. Отглагольные частицы принимают показатели лица и числа, см. (19а, б).

(19) алт.: а. *Мен сенин жалчы-н эмес эмей-им.*

я ты:GEN слуга-POS2SG PTCL.NEG PTCL-1SG

‘Я ведь не твой слуга’

б. *А сен пехотинец турбай-ын.* (ЭП, А, 10)

а ты пехотинец оказывается-2SG

‘А ты, оказывается, пехотинец’

в. *Эне, мында јараш бичик бар эмтир, уур-ы коркышту.*

мама здесь красивый книга есть PTCL тяжелый-POS3 очень (ужасно)

‘Мама, тут красивая книга есть, оказывается; очень тяжелая’

тув.: г. *Чаңнык бол-ур чадавас.*

молния быть-AOR PTCL

‘Возможно, будет молния’

д. *Душ эвес ыйнаан?*

сон нет PTCL

‘Может быть, это сон?’

- хак.: е. *Ол чахсы аңчы нооза.*
он/она/оно хороший охотник PTCL
'Он ведь хороший охотник'
- ж. *Ол чылыг кизи охас.*
он/она/оно добрый человек PTCL
'Он, видимо, добрый человек'
- з. *Чуртас андаг полтыр.*
жизнь такой PTCL
'Жизнь такая, оказывается.'

1.4. Основные типы именных предложений

Основными типами именных ЭПП, выработанных на материале языков разных систем (см. [Dryer 2007; Hengeveld 1992; Roy 2013] и т. д.), являются следующие: ЭПП классификации (вписывания в класс), или таксономические [Тестелец 2001: 254], ЭПП названия, ЭПП идентификации (отождествления), ЭПП качественной характеристики, сравнительные ЭПП, ЭПП обладания и принадлежности, ЭПП состояния, бытийные ЭПП (существования, количества бытующих объектов, наличия/отсутствия, локации, т. е. местонахождения).

Все эти ЭПП различаются между собой как обобщенной семантикой, так и формальными особенностями: количеством компонентов, падежным оформлением отдельных компонентов, возможностью введения тех или иных распространителей основной структуры, порядком слов, возможностями трансформаций и т. д. Так, ситуации «наличия-отсутствия чего-то где-то» и «существования чего-то где-то» в тюркских языках трудно разграничить, исходя из их формы⁶, но их основное отличие становится явным при введении в них временных обстоятельств. При существовании имеется в виду постоянная ситуация, соответственно, можно добавить временной локализатор сверхдлинного интервала: *всегда, постоянно*. Наличие — это ситуация временная, в предложениях наличия возможен временной локализатор обычного интервала: *сегодня, сейчас, в тот момент* [Невская 2005].

Все эти ЭПП в каждом конкретном языке могут иметь свои структурные, семантические и структурно-семантические варианты. Как они представлены в каждом конкретном языке — это должно выясняться на основании эмпирических исследований.

Как уже было указано выше, в тюркологии классификации именных предложений основывались на частеречной принадлежности именного предиката. Иной подход с использованием концепции ЭПП М. И. Черемисиной лег в основу фундаментального описания именных предложений на материале тувинского языка Н. Ч. Серээдар [Серээдар 1995]. Ею в системе именных ЭПП выделено две подсистемы: 1) локально-бытийная, куда входят ЭПП с семантикой наличия, отсутствия, количества наличных объектов, местонахождения; 2) характеризующая, объединяющая ЭПП со значением классификации и качественной характеристики. Как семантические варианты ЭПП со значением классификации со структурной схемой $N_{Nom} [N_{Nom}(PRED/cor)]$ «кто/что кто/что (есть)» автором рассматриваются ЭПП со значениями «включение в класс», «качественная характеристика» (типа *Миша — трудяга*), «реляционные отношения», «оценочная характеристика» и ЭПП идентификации. Предложения качественной характеристики построены по модели $N_{Nom} [A(cor)]$ «кто/что какой (есть)». Структурно-семантический вариант этой модели — $N_{Nom} [A N_{Nom}(cor)]$ «кто/что какой кто/что (есть)» [Серээдар 1995].

Наша классификация именных предложений отличается от классификации Н. Ч. Серээдар. Следуя [Hengeveld 1992], а также учитывая структурные, семантические и прагматические свойства различных именных предложений, мы считаем, что основной водораздел среди именных ЭПП проходит по линии «реляционных» и «нереляционных» предложений. Нереляционные именные предложения имеют только один референтный именной компонент, т. е. они имеют в качестве антецедента некое конкретное лицо или предмет, в то время как другой компонент представляет собой имя таксономического класса, указательное местоимение или имя собственное. В реляционных ЭПП, к которым мы относим также и так называемые «бытийные» и сравнительные, в качестве предиката выступает имя, которое имеет две обязательные валентности — направленную на субъект и направленную на другое лицо или предмет, оба из которых являются референтными. Именные предикаты — имена родственных или социальных отно-

⁶ Сравните японский и корейский языки, имеющие отдельные связочные глаголы для этих двух типов ситуаций [Hengeveld 1992].

шений — связывают между собой два лица: *Он мне/мой отец/учитель/друг*.⁷ Типичным свойством таких предикатов является то, что они часто имеют особое обозначение и для второго участника отношения и могут быть перефразированы таким образом, что второй участник становится субъектом предложения: *Он мне/мой отец = Я ему/его сын/дочь*. Если отношение «равноправное», то может использоваться тот же предикат (если оба родственника мужского или женского пола): *Он мне/мой брат = Я ему/его брат*. С реляционными эмотивными предикатами имя отношения связывает субъект и лицо, или предмет, или состояние дел, по отношению к которым субъект испытывает данную эмоцию: *Мне за него обидно. Ты всегда всем недовольна*. Сравнительные именные предложения (как тождества, так и нетождества) также имеют в качестве предикатов реляционные имена: шкалируемые прилагательные или наречия, которые связывают между собой сравниваемый предмет и стандарт (эталон) сравнения и выражают признак, которым они обладают в равной или не в равной мере. Реляционные пространственные предикаты соотносят субъект с пространством, физическим или идеальным. К ним относятся имена наличия или отсутствия чего-то где-то, а также глагольные бытийные предикаты. Именные предложения с ними в качестве сказуемого мы в данной статье рассматриваем в числе бытийных, поскольку граница между бытийным глагольным предикатом и этим же глаголом в качестве связочного не всегда явная.

Ниже среди предложений нереляционной семантики мы будем описывать ЭПП классификации (вписывания в класс), идентификации (отождествления), называния и качественной характеристики. Среди реляционных — бытийные; из них мы обратимся к предложениям местонахождения, бытия, наличия и обладания, в том числе образованным именами наличия и бытийным глаголом. Эти типы предложений мы анализируем на материале южносибирских тюркских языков и иллюстрируем их примерами из научных работ, посвященных этой тематике, примерами из оригинальной художественной литературы, а также примерами, собранными на основании составленной авторами статьи анкеты.

2. Основные типы именных ЭПП в южносибирских тюркских языках

2.1. ЭПП классификации, идентификации, называния

2.1.1. Предложения классификации $N_{Nom}[N_{Nom}(PRED/cor)]$ «кто/что кто/что (есть)»

Структурная схема $N_{Nom}[N_{Nom}(PRED/cor)]$ «кто/что кто/что (есть)» представляет двусоставное ЭПП, в которой сказуемое — имя существительное в неопределенном падеже, координированное с подлежащим в неопределенном падеже. Основное значение данного ЭПП — установление родо-видовых отношений. Позицию субъекта занимает имя с конкретной референцией, в предикате обобщаются характерные признаки субъекта, см. (20).

(20) алт.: а. *Ада-м эмчи, эне-м де-зе журукчы.*
отец-POS1SG доктор мама-POS1SG говорить-COND художник
'Мой отец — доктор, а мама — художник'

алт.: б. *Мен жаржак эмез-им.* (ЛК, АК, 126)
я кержак PTCL.NEG-1SG
'Я не кержак'

тув.: в. *Пөш дээрге ыяш-тыр.*
кедр PTCL дерево-PTCL
'Кедр — дерево'

г. *Мээң улуг уруум башкы, огл-ум эмчи.*
я:GEN старший дочь:POS1SG учитель сын-POS1SG врач
'Моя старшая дочь — учительница, сын — врач'

д. *Хек — ыраажы куш-ла болгай, огл-ум.*
кукушка певчий птица-PTCL PTCL сын-POS1SG
'Кукушка ведь певчая птица, сынок'

хак.: е. *Харындаз-ым — аңчы.* (ГХЯ, 331)
брат-POS1SG охотник
'Мой брат — охотник'

⁷ Некоторые типы реляционных предложений получили свое первичное описание в статье [Озонова 2016].

ж. *Пис хакас-тар-быс, апчах.* (МТ, ПТ, 88)
 мы хакас-PL-1PL старик
 ‘Мы хакасы, старик’

В таких предложениях подлежащее (тема) называет единичный объект или узкий класс объектов и имеет референтный статус, а сказуемое (рема) называет более широкий включающий их класс.

Иногда в составе предиката употребляются имена очень широкой семантики, состоящие в отношении аппозиции с именем класса: алт. *Олор койчы улус* ‘Они чабаны (досл.: чабан-люди)’.

2.1.2. Предложения называния (N-GEN) N_{Nom}^{Pers} [PN_{Nom} (cop)] «кто/что (есть) по имени»

В данной ЭПП коммуникативная задача — это называние субъекта предложения по имени. В ней и темой и ремой являются референтные выражения, которые указывают на одно и то же лицо или объект (21а-б). Данная схема имеет структурный вариант со словом ИМЯ: (N-GEN) N-(POS)_{Nom}^{Pers} [PN_{Nom} (cop)] «чье имя (есть) что» (21в).

- (21) алт.: а. *Бис-тинг үредүчи — Анна Александровна, слер-динг үредүчи-гер — Айсулу Аткыровна.*
 мы-GEN учитель PN вы-GEN учитель-POS2PL PN
 ‘Наша учительница — Анна Александровна, ваша учительница — Айсулу Аткыровна’.
- б. *Амыр-дын ада-зы — Аргымак.*
 PN-GEN отец-POS3 PN
 ‘Отец Амыра — Аргымак’
- в. *Онын ад-ы Валя.* (АА, ЈТЈ, 8)
 он/она/оно:GEN имя-POS3 PN
 ‘Ее имя — Валя’

2.1.3. Предложения идентификации (отождествления) Dem (N_{Nom}) [N_{Nom} (cop)] «это/то кто/что (есть)»

К данной структурной схеме относятся предложения с подлежащим в форме указательного местоимения *бу/но* ‘этот’, реже *ол* ‘тот’. В таких предложениях устанавливается тождество предмета самому себе при первичном ознакомлении с ним; и субъект, и предикат имеют одинаковую референцию, см. (22).

- (22) алт.: а. *Бу электродойка.* (ТШ, АК, 99)
 это электродойка
 ‘Это электродойка’

тув. [Кунаа 1970: 25]:

- б. *Бо — улус чуртта-ар бажың, а бо — эмчи сургуулу-нуң*
 это люди жить-AOR дом CONJ это медицинское.училище-GEN
бажың-ы, моо-зу — банк (Л. Чадамба)
 дом-POS3 это-POS3 банк
 ‘Вон этот — жилой дом, а то — здание медицинского училища, это — банк’

- хак.: в. *Пу слон.*
 это слон
 ‘Это слон’

Местоимение может распространяться существительным широкой семантики — алт. *бу неме* / тув. *бо чүве* / хак. *пу ниме* / шор. *по небе* ‘эта вещь (предмет, тип)’, алт. *бу кижги* / тув. *бо кижги* / хак. *пу кизи* / шор. *по кижі* ‘этот человек’. В этих предложениях первичной номинации «безымянный» объект получает имя и тем самым вписывается в класс, см. (23). Указательное местоимение может иметь референтом и человека (людей), и животное, и материальный предмет.

- (23) тув.: а. *Бо бол-за дилги-дир.*
 этот быть-COND лиса-3
 ‘А это лиса’

хак.: б. *Пу кізі хакас.*
этот человек хакас
'Этот человек — хакас'

в. *Пу кізі талайчы пол-ган.*
этот человек моряк быть-PP
'Этот человек был моряком'

Такие предложения используются в ситуации знакомства, представления определенного лица другим, которые с ним не знакомы и не имеют информации о нем или об его месте в обществе (профессия, семейный статус и т. д.), см. (24).

(24) алт.: а. *Бу менинг эне-м ле эжем.* (ЭП, А, 270)
это я:GEN мама-POS1SG CONJ старшая.сестра-POS1SG
'Это моя мама и старшая сестра'

б. *Ол сенинг карындаж-ын бол-ор.* (ЛК, АК, 9)
он ты:GEN младший.брат-POS2SG быть-AOR
'Он будет твоим младшим братом'

тув.: в. *Бо мээң уруум-дур, бо дээрге күдээм-дир, а бо уйнуум-дур.*
это я:GEN дочь-POS1SG-3 это PTCL зять-POS1SG-3 CONJ это внучка-POS1SG-3
'Вот эта — моя дочь, это зять, а это моя внучка'

2.2. Предложения с семантикой качественной характеристики и оценки:

N_{Nom} [A (cop)] «кто/что какой (есть)»; N_{Nom} [A N_{Nom} (cop)] «кто/что какой кто/что (есть)»

Следующую большую группу составляют именные предложения, в которых в роли сказуемого выступают имена прилагательные дескриптивной и оценочной семантики. Они построены по структурной схеме: N_{Nom} [A (cop)] «кто/что какой (есть)» и N_{Nom} [A N_{Nom} (cop)] «кто/что какой кто/что (есть)». Основное, общее значение этих ЭПП состоит в выражении качественной характеристики и/или оценки того лица или предмета, который назван ее единственным актантом — подлежащим.

Первая схема N_{Nom} [A (cop)] «кто/что какой (есть)» предполагает непосредственное соотнесение качественной характеристики, выраженной прилагательным, с лицом или предметом, названным подлежащим.

Вторая схема N_{Nom} [A N_{Nom} (cop)] «кто/что какой кто/что (есть)» представляет признак, выраженный прилагательным, уже «заранее» соотнесенным с некоторым предметным представлением, которое выражено именем существительным в неопределенном падеже.

С точки зрения структуры эти две схемы отличаются тем, что первая представлена предикативом-прилагательным без опорного обобщающего существительного. Во второй схеме за прилагательным, выражающим качественную характеристику лица или предмета, выраженного грамматическим субъектом данного предложения, следует опорное существительное, называющее тот род, к которому принадлежит характеризуемое лицо или предмет. Позицию грамматического субъекта занимает имя с конкретной референцией.

В качестве обобщающего существительного выступают десемантизированные существительные с широким значением: алт., тув., хак., шор. *кижи/кізі* 'человек', алт., тув., хак. *улус* 'люди', алт. *неме* / хак. *нине* / тув. *чүве* / шор. *небе* 'вещь, предмет', а также имена существительные с половозрастной семантикой: алт. *уул* / тув., хак., шор. *оол* 'мальчик, юноша', алт. *кыс* / хак. *хыс* / тув. *уруг* 'девочка, девушка', алт. *келин* 'молодая женщина', тув. *ашак* 'старик', хак. *ипчи* 'женщина' и др. Основное из них, самое частотное в этой функции — слово *кижи/кізі* 'человек'.

В южносибирских тюркских языках по структурной схеме N_{Nom} [A (cop)] «кто/что какой (есть)» построены прежде всего предложения, характеризующие окружающий мир, природные явления, различные артефакты, а также абстрактные понятия и представления, см. (25).

(25) алт.: а. *Кей сүрекей ару, тенгери чанкыр.* (ЛК, ЛП, 35)
воздух очень чистый небо голубой
'Воздух очень чистый, небо голубое'

б. *Улус-тын жадын-жүрүм-и эмди де кату.* (ЛК, ЛП, 21)
люди-GEN жизнь-POS3 сейчас PTCL суровый
'Жизнь у людей и сейчас суровая'

- в. *Ўреду́ женгил эмес, куч.* (АА, ЈТЈ, 17)
учеба легкий нет трудный
'Учеба не легкая, трудная'
- тув.: г. *Бис-тиң школа эки.*
мы-GEN школа хороший
'Наша школа хорошая'
- хак.: д. *Тигір көк.* (ГХЯ, 331)
небо голубой
'Небо голубое'
- е. *Күн аяс пол-ган.*
день ясный быть-PP
'День был ясным'
- ж. *Суг чылыг.* (ГХЯ, 331)
вода теплый
'Вода теплая'
- з. *Книга хыныг.*
книга интересный
'Книга интересная'

Несколько меньшую группу составляют предложения, посвященные человеку. Это могут быть предложения, непосредственно характеризующие человека в целом, и такие, где описывается или оценивается какая-то деталь портрета или психологического облика человека, см. (26).

- (26) алт.: а. *Бригадир кандый да сүүнчилү эмтир.* (ТШ, АК, 30)
бригадир какой-то веселый PTCL
'Бригадир какой-то веселый, оказывается'
- б. *Уул-ым оору.* (АА, УБТ, 28)
сын-POS1SG больной
'Мой сын болен'
- в. *Бис кандый тенек бол-гон-ыс!*
мы какой глупый быть-PP-1PL
'Какие мы были глупые!'
- г. *Онын базыд-ы уур, кыймыг-ы араай бол-д-ы.* (АА, УБТ, 182)
он:GEN походка-POS3 тяжелый движение-POS3 медленный быть-PST-3
'Его походка тяжелая, движения медленные были'
- д. *Бүгүн Жолдош-тын санаа-зы айдары, жок каракчыл бол-д-ы.* (АА, УБТ, 192)
сегодня Дьолдош-GEN мысль-POS3 очень мрачный быть-PST-3
'Сегодня мысли Дьолдоша были очень мрачные'
- хак.: е. *Иче-зи сымдах.* (ГХЯ, 330)
мать-POS3 трудолюбивый
'Его мать трудолюбивая'
- ж. *Кичиг-де хамаа-м хара пол-тыр.*
детство-LOC лоб-POS1SG черный быть-IND
'В детстве мой лоб черный был, оказывается'
- з. *Сирер күстиг-зер.* (МТ, ПТ, 50)
вы сильный-2PL
'Вы сильный'

По второй схеме с опорным существительным N_{Nom} [A N_{Nom} (cop)] «кто/что какой кто/что (есть)» прежде всего построены предложения, в которых дается качественно-оценочная характеристика лица, см. (27).

- (27) алт.: а. *Канакуш бой-ы јобош кижи.* (СС, АКС, 54)
 PN сам-POS3 мягкий человек
 ‘Сам Канакуш человек мягкий’
- б. *Зоя бой-ы айыл-јуртту кижи.* (ЭП, А, 32)
 PN сам-POS3 семейный человек
 ‘Сама Зоя человек семейный’
- в. *Ол сүрекей омок, сүүнчилү кызычак.* (БУ, Т, 152)
 она очень живой веселый девочка
 ‘Она очень живая, веселая девочка’
- г. *Багыр — јиит уул.* (ЭП, А, 45)
 PN молодой парень
 ‘Багыр — молодой парень’
- тув.: д. *Аңгыр-оол кончуг шынчы кижи.*
 PN очень честный человек
 ‘Ангыр-оол — очень честный человек’
- е. *Хойлаар-оол арай шүпең кижи.*
 PN немного медлительный человек
 ‘Хойлаар-оол — немного медлительный человек’
- хак.: ж. *Профессор Ушаков улус час-тыг кизи.* (ВТ, АТ, 12)
 профессор PN большой год.жизни-ATR.POS.O человек
 ‘Профессор Ушаков — пожилой человек’
- з. *Тоня сай ипчи.*
 PN скандальный женщина
 ‘Тоня — скандальная женщина’
- и. *Күдет читиг оолах.* (ФБ, ПТН, 4)
 PN трудолюбивый мальчик
 ‘Кудет — трудолюбивый мальчик’

Слова *кижи* и *улус* употребляются, если речь идет о лице или лицах. Слова алт. *неме*, хак. *ниме*, тув. *чүве* ‘вещь, предмет’ могут быть употреблены не только по отношению к не-лицу, но и к людям. В этом случае они вносят в предложение оттенок неодобрения, пренебрежения в отношении к тому человеку, о котором идет речь, см. (28).

- (28) алт.: *Амыр аамай неме.*
 PN глупый вещь
 ‘Амыр — глупый (вещь)’.

В алтайском языке общий синтаксический смысл структурной схемы $N_{\text{Nom}} [A (\text{cop})]$ «кто/что какой (есть)», состоит в том, что прилагательное, выступающее в роли предикатива без опоры на родовое существительное, выражает актуальный признак, который принадлежит объекту характеристики сейчас, или принадлежал в некоторый момент в прошлом, или, по мнению говорящего, будет принадлежать в будущем. Этот признак может быть и постоянно присущ данному объекту, но актуален он для говорящего в данный момент, в контексте данной ситуации, данного рассуждения [Озонова 2006: 95].

В тувинском языке именные сказуемые со словами *кижи* ‘человек’, *улус* ‘люди’, *эр* ‘мужчина’, *кыс* ‘девушка’, *чүве* ‘вещь’ и др. осложнены модальным значением достоверности действия, очевидцем (или исполнителем) которого был сам говорящий [Монгуш 1983: 18, 26], см. (29).

- (29) тув.: а. *Чылбак төлөптиг ирей болбаспе.* (МТ, К, 96)
 PN уважаемый старик PTCL
 ‘Чылбак — уважаемый старик’
- б. *Сеვენмаа деерге көнгүс аныяк кыс-ла-дыр.*
 PN PTCL совсем молодой девица-PTCL-PTCL
 ‘Что до Сеვენмы, то она, оказывается, совсем молодая девица’

в. *Хурабай бол-за улуг эр.*
 PN быть-COND взрослый мужчина
 ‘Что до Хурабая, то он взрослый мужчина’

Следует отметить, что подобные именные предложения с опорными именами типа *хун* ‘человек’, *зон* ‘люди, народ’, *юумэн* ‘вещь’ выделяются и в монгольских языках, например в бурятском, где они, как и в тувинском, имеют модальное значение достоверности [Доржиева 2005: 6—7].

Объектом оценки и/или характеристики могут быть животные, прежде всего конь, собака, см. (30), а также географические объекты, см. (31). Типичным категоризатором для последних является слово «земля, место»: алт. *жер* / тув. *чер* / шор. *чер* / хак. *чир* ‘место’.

(30) алт.: а. *Мухтар сагышту ийт бол-гон.*
 PN умный собака быть-PP
 ‘Мухтар был умной собакой’

б. *Айкун — жакшы ат.* (О, 109)
 Айкун хороший конь
 ‘Айкун — хороший конь’

тув.: в. *Сылдыс-Шокар багай эвес, маңгыр аът.* (ЭД, ХД, 26)
 PN плохой нет резвый конь
 ‘Сылдыс-Шокар — неплохой, резвый конь’

(31) алт.: *Ол озо-дон бери жарлу жер.* (ЭП, А, 20)
 он/она/оно ранее.время-ABL POST известный место
 ‘Это с давних пор известное место’

Какие именно слова могут употребляться в качестве опорных и какие значения они передают, является специфичным для каждого конкретного языка. Необходимо более детальное исследование функций опорных слов в каждом конкретном языке, а также их сравнительно-сопоставительное изучение.

2.3. Бытийные ЭПП⁸

В семантической структуре бытийных предложений Н. Д. Арутюнова выделяет три основных компонента: бытующий объект, локализатор и показатель бытия [Арутюнова 1976: 212]. Каждый из них может стать предикативным центром бытийных предложений. При помощи локализатора «область бытия может быть зафиксирована по пространственному или временному параметрам», но «преобладающим для классических бытийных предложений следует считать пространственное представление о мире» [Арутюнова 1976: 212]. Как и в русском языке [Арутюнова, Ширяев 1983], первые два компонента в тюркских предложениях подвержены структурно-семантическому варьированию, что определяет многообразие семантики бытийных предложений [Серээдар, Скрибник, Черемисина 1996]. Показатель бытия относительно стабилен. Все ЭПП бытийного типа строятся собственно бытийными предикатами (именными и глагольными) и предикатами бытийного типа, которые характеризуют бытие по различным параметрам и являются диспозиционными предикатами, т. е. они могут быть заменены глаголом «быть» без потери основного содержания таких предложений. В структурных схемах бытийных ЭПП мы используем глагол *пол-/бол-* как представителя всех глаголов данного типа.

Бытийные структуры используются тюркскими языками и для выражения посессивных отношений, поскольку в тюркских языках нет исконных глаголов с семантикой ‘принадлежать’, ‘иметь’. Тем самым, в блоке бытийных ЭПП основной является оппозиция непосессивных и посессивных ЭПП, различающихся в формальном плане структурно-семантическим типом локализатора: собственно пространственный локализатор, выраженный формой местного падежа (или формой его функциональных аналогов), и посессор, выраженный именем в родительном падеже или притяжательным местоимением. Тем не менее, и «локативные» бытийные структуры с локализаторами в пространственных падежах способны выражать посессивные отношения.

⁸ Исследованием бытийных предложений южносибирских тюркских языков на примере шорского языка занималась И. А. Невская. В данном разделе мы во многом опираемся на результаты ее исследований, а также цитируем без пометы источника ее шорские примеры, полученные от информантов, см. [Невская 1997, 2005].

2.3.1. Бытийные непосессивные предложения

Среди непосессивных ЭПП мы выделяем ЭПП, передающие пропозицию местонахождения, и ЭПП, передающие пропозицию экзистенции/наличия. Первые представлены ЭПП с глаголом *пол-* в качестве связки при локализаторе в предикативной функции и с препозицией локализуемого объекта в функции синтаксического субъекта предложения. Вторые представлены ЭПП, формируемым связочным глаголом *пол-* при локализуемом объекте в сказуемой функции, а также ЭПП, которые строятся с помощью именных бытийных предикатов наличия, отсутствия и количества локализуемых объектов; оба ЭПП характеризуются препозицией локализатора. Порядок компонентов является моделиобразующим фактором. Эти варианты являются и прагматически маркированными: специфичность (т. е. конкретная референция) объекта локализации при ситуации местонахождения и его неспецифичность (т. е. нереперентность) при бытийном варианте⁹. В русском языке грамматическое различие между предложениями экзистенции/наличия и локативными проявляется также и в общем вопросе. Сравните: *В холодильнике молоко — Есть ли в холодильнике молоко?* vs. *Молоко в холодильнике — В холодильнике ли молоко?* Трансформация добавления экзистенционального предиката в общем вопросе и в тюркских языках возможна только в предложениях экзистенции/наличия.

В ЭПП количественно охарактеризованной экзистенции в качестве предиката употребляются имена или фразеосочетания количества, например: *много, мало, пруд пруди* и т. п.

2.3.1.1. Предложения местонахождения: N_{Nom} [N-LOC (PRED/cor)] «кто/что где (есть)»

Предложения местонахождения выражают пропозицию нахождения их субъекта в некоем пространстве, см. (32).

(32) шор.: а. *Пис одаг-да пол-д-ыбыс.*
мы шалаш-LOC быть-PST-1PL
'Мы были в шалаше'

алт.: б. *Менин кийим-им кайырчак-та.*
я:GEN одежда-POS1SG сундук-LOC
'Моя одежда в сундуке'

в. *Жок, ол эмди бис-тинг кол-до.* (О, 94)
нет он/она/оно теперь мы-GEN рука-LOC
'Нет, он теперь в наших руках'

хак.: г. *Пис-тиң город Сибирь-де.* (ИТ, ХӖ, 22)
мы-GEN город Сибирь-LOC
'Наш город в Сибири'

В ряде языков Сибири данное ЭПП имеет структурный вариант в настоящем времени, при котором локализатор — сказуемое — принимает аффиксы сказуемости при отнесении локализации к настоящему времени: N_{Nom} [N-LOC-PRED], см. (33); однако для алтайского литературного языка спряжение имени в позиции предиката не характерно, см. (32б).

(33) шор.: а. *Ол адай қайда-дыр?* (ШГ, 141)
тот собака где-3
'Та собака где?'

б. *Мен кебе соонда-бын.* (ШГ, 141)
я лодка задняя.часть-1SG
'Я на корме лодки'

2.3.1.2. Предложения бытия/наличия без бытийного предиката:
N-LOC [N_{Nom} (PRED/cor)] «где кто/что (есть)»

Бытийный вариант данного ЭПП реализуется в высказываниях, в которых локализатор носит миропорождающий характер, см. (34а), вариант наличия реализуется при собственно локативном обстоятельстве, см. (34б).

⁹ Мы благодарны нашему рецензенту за это важное для нас замечание.

(34) шор.: а. *Тайга-да қадыг чыл пол-д-ы.* (ШГ, 208)

тайга-LOC трудный год быть-PST-3

‘В тайге был трудный год’

б. *Эбире ай-папа-лай.* (АТ, 56)

вокруг тьма-тьма

‘Вокруг — тьма непроглядная’

Данное ЭПП в настоящем времени также имеет структурный вариант с лично-предикативным оформлением сказуемого — бытующего объекта в некоторых тюркских языках Сибири — N-LOC [N_{Nom}-PRED], см. (35а). При этом личное оформление сказуемого является аутентичным: в сказуемом такого типа слились воедино бытующий субъект и предикат ЭПП.

При локализаторе, обозначающем лицо, ЭПП бытия/наличия без бытийного предиката передают пропозицию обладания, см. (35б).

(35) шор.: а. *Э-е, Қан Кес, алган.кижи-м, те-ген, по чарық*

INTR PN муж-POS1SG сказать-PP этот светлый

чер-де мен-не-бим, те-п сана-д-ың ма? (ЧЭФ, 280)

земля-LOC я-PTCL-1SG говорить-CV думать-PST-2SG PTCL.INTER

‘Э-э, Кан Кес, мой муж, не думал ли ты, что ты только один и есть на этой светлой земле?’

алт.: б. *Мен-де бир ака ла төрт эје.*

я-LOC один старший.брат/дядя.по.отцу CONJ четыре старшая.сестра

‘У меня один старший брат и четыре старших сестры’

2.3.1.3. ЭПП бытия (небытия) / наличия (отсутствия) / количества, формируемые бытийными именными предикатами

2.3.1.3.1. Предложения бытия (небытия) / наличия (отсутствия) с бытийными предикатами:

N-LOC N_{Nom} [ПАР/ЧОК (PRED/cor)] «где кто/что имеющийся/отсутствующий (нет)»

ЭПП, построенные по данной схеме, характеризуют среду по наличию (отсутствию) или бытованию (небытию) в ней некоего лица или объекта. Глагол *пол-* выполняет тут роль связки, необходимой при отнесении высказывания к прошлому или будущему времени и опускаемой обычно в настоящем времени. Сказуемым высказываний, построенных по данным схемам, выступают предикаты *пар* и *чоқ*. Локализатор является темой высказываний, он — известное, данное. Он обозначает среду, которая характеризуется по наличию в ней некоторого объекта (36а). Если локализатор имеет глобальный, «миропорождающий» [Богуславский 1996], характер (*в мире, во Вселенной*), то ЭПП обозначает бытие некоего объекта в данном мире. Такой локализатор часто опускается (36б).

(36) шор.: а. *Кузница ишт-ин-де тебир-дең пашқа шойун, молат, қорғачын,*

кузница внутренность-POS3-LOC железо-AVL кроме чугуна сталь свинец

телте, қола, ақ.қорғачын пар. (ЧЭФ, 65)

жесть медь (желтая) олово есть

‘В кузнице кроме железа чугуна, сталь, свинец, жесть, медь (желтая), олово имеется’ — наличие.

б. *Қан Ергек те-п чылтыс пар.* (ШФ, 282)

PN говорить-CV звезда есть

‘Есть звезда (в мире) под названием Кан Ергек’ — экзистенция.

Предложения, построенные на базе данной структурной схемы, могут иметь посессивный смысл, если употреблен личностный локализатор [Серээдар 1995:12]. В шорском языке такие высказывания имеют смысл не принадлежности бытующего объекта данному лицу, а временного его наличия в сфере данного лица (при нем или в его доме), при этом бытующий объект может являться собственностью другого лица, что отмечено В. М. Теляковой [Телякова 1993: 28], или же у субъекта обладания есть готовность с этим объектом расстаться, см. (37).

(37) шор.: а. *Ноо ачық-қа пар-баан-ча-ң? Сен-де меең мылтыг-ым пар на.*

почему промысел-DAT идти-NEG-PRS-2SG ты-LOC я:GEN ружье-POS1SG есть PTCL

‘Что ты не ходишь на промысел? У тебя же есть мое ружье’

- г. *Анда суг қан талай.*
там вода господин море
'Там воды — море разливанное (букв.: господин-море)'
- д. *Анда кижилер уж-ы-паж-ы чоқ (кижи).*
там человек-PL конец-POS3-начало-POS3 нет (человек)
'Там людей — видимо-невидимо'

Это ЭПП имеет структурно-семантический вариант бытийного предиката с именами-номинализаторами *небе/кижи* в составе сказуемого, см. (39д).

2.3.2. Посессивные бытийные ЭПП

Отношение принадлежности предполагает пребывание объекта обладания в сфере его собственника (в русском языке субъект обладания часто и выражается собственно локативной формой: *у меня есть дочь*). Чтобы принадлежать, нужно существовать, существование — это пребывание в некотором пространстве. Тем самым, локативные, экзистенциальные и посессивные отношения — это единый комплекс взаимосвязанных отношений. Поэтому собственно локативные структуры исследователями часто анализируются в комплексе с экзистенциальными и посессивными [Lyons 1967, 1968; Арутюнова 1976; Clark 1978; Всеволодова, Владимирский 1982; Hengeveld 1992].

В тюркских посессивных конструкциях отношение принадлежности выражается бытийным предикатом (глаголом *пол-*, именными предикатами наличия, отсутствия, количества) и специфической формой локализатора. Локализатор-посессор преимущественно стоит в притяжательной форме: в форме родительного падежа имени или в форме притяжательного местоимения. Возможны и иные структурные типы посессора, когда для выражения отношения обладания используется формальная схема бытия/наличия: имя в локативном или дательном падеже. Такие случаи мы рассматриваем как структурно-семантические варианты предложений бытия/наличия, характеризующиеся личностным типом локализатора.

2.3.2.1. Посессивные предложения с ПОЛ-: N-GEN N_{Nom} / N-POS_{Nom} [ПОЛ-] «чей кто/что существует»

Это ЭПП отмечено в шорском языке В. М. Теляковой [Телякова 1993: 28—29], см. (40), (41). Глагол *пол-* является его структурным центром, без него просто нет предложения: сочетание *меең қызым* 'моя дочь' — не предикативное, а определительное. Особенностью данной конструкции является то, что употребление *пол-* обязательно при отнесении высказывания к любому из времен.

Среди собственно посессивных ЭПП обращает на себя внимание последовательное различие их двух структурно-семантических вариантов: 1) наличие определенного объекта принадлежности у посессора при его притяжательном маркировании (40) и 2) наличие объекта как представителя класса объектов при отсутствии его притяжательного маркирования (41). Если для выражения посессивного отношения используется формальная схема бытия/наличия, то обладаемый объект обычно не принимает притяжательного оформления. Рассматриваемая структура, допускающая отсутствие бытийного предиката, есть в хакасском (41б), но она не характерна для алтайского языка.

- (40) шор.: а. *Шулбай-дың тоғус оол пол-тур.* (ЧЭФ, 282)

PN-GEN девять сын быть-IND

'У Шулбая было девять сыновей'

- б. *Меең қыз-ым пол-ча.*

я:GEN дочь-POS1SG быть-PRS

'У меня же уже есть своя собственная дочь'

- (41) шор.: а. *Меең қыс пол-ча, оол те-зе чоғул.*

я:GEN дочь быть-PRS сын говорить-COND нет

'У меня есть дочь, а сына нет'

- хак.: б. *Минің өөр-ім-нің үс хыс.*

я:GEN подруга-POS1SG-GEN три дочь

'У моей подруги три дочери'

2.3.2.2. Посессивные предложения с именными предикатами:

N-GEN N_{Nom}/N-POS_{Nom} [ПАР/ЧОК/КӨП (PRED/cop)]

«чей кто/что имеющийся/отсутствующий много (есть)»

Именные предикаты *пар, чоқ, чогул, көп, ас* и т. п. образуют посессивные ЭПП, в которых передается наличие, отсутствие или количество некоторого объекта у данного лица в его собственности. Личностный локализатор в данных ЭПП имеет форму притяжательного падежа имени или притяжательного местоимения, см. (42).

N-GEN N_{Nom}/N-POS_{Nom} [ПАР/ЧОК (PRED/cop)] — ЭПП наличия/отсутствия объектов обладания;N-GEN N_{Nom}/N-POS_{Nom} [КӨП (PRED/cop)] — ЭПП количества объектов обладания.(42) шор.: а. *Меең қыз-ым пар.*

я:GEN дочь-POS1SG есть

‘У меня же есть дочь’

б. *Ааң меке-зи чоқ.*

он:GEN хитрость-POS3 нет

‘В нем (абсолютно) хитрости-то нет (вы же знаете)’

в. *Петяң қарам-ы чоқ.*

PN:GEN жадность-POS3 нет

‘У Пети жадности-то нет’

г. *Меең мылтық чоқ.*

я:GEN ружье нет

‘У меня ружья нет’

д. *Пис-тиң иш чоқ-тар ақтап чоқ.* (ЧЭФ, 128)

мы:GEN работа нет-PL совершенно нет

‘У нас безработных совсем нет’

е. *Чоқ, пис-тиң чыылыш аж-арга права чоқ.*

нет мы:GEN собрание открыть-INF право нет

‘Нет, у нас нет права открыть собрание’

ж. *Меең звание чоқ пол-ган.* (КГВ)

я:GEN звание нет быть-PP

‘У меня не было звания’

Мы отмечаем два структурно-семантических варианта таких предложений: N-GEN N-POS_{Nom} [ПАР/ЧОК/КӨП (PRED/cop)] — вариант наличия/отсутствия/количества определенных объектов обладания, см. (42а—в), и N-GEN N_{Nom} [ПАР/ЧОК/КӨП (PRED/cop)] — вариант наличия/отсутствия/количества объекта обладания как одного из представителей класса объектов, см. (42г—ж). Типично, что с притяжательным оформлением выступают имена, обозначающие неотделимые объекты принадлежности, такие как части тела, свойства характера, которые не употребляются без аффикса принадлежности (42б—в), а также имена родственных отношений, которые в некоторых тюркских языках, например шорском, могут употребляться и без притяжательного оформления в таких конструкциях (42а).

2.3.2.3. ЭПП обладания и принадлежности

Помимо отмеченных синтаксических структур, посессивные отношения выражаются еще в двух типах именных ЭПП, в которых находит свое отражение ситуация локации (т. е. местонахождения) в социальном пространстве собственника. В них используются характеризующие (аскриптивные) структуры с предикатами, выраженными относительными прилагательными с семантикой обладания и принадлежности.

1) N_{Nom} [N-ЛЫГ/ЛУ (PRED/cop)] «кто с чем/кем (есть)» — ЭПП обладания, которое характеризует субъект ситуации по наличию у него объекта обладания. Объект обладания маркирован специфической атрибутивной формой на *-ЛЫГ/-ЛУ* и выступает в качестве сказуемого ЭПП, а субъект обладания является субъектом ЭПП. Формально, это характеризующая структура, служащая для выражения отношений принадлежности, см. (43).

- (43) шор.: а. *Ол тўлгү-лиг.*
он лиса-ATR.POS.O
‘У него лиса есть (он с лисой)’
- алт.: б. *Бу чай сўт-тү, а оны-зы — сўт жок.*
этот чай молоко-ATR.POS.O, а тот-POS3 молоко нет.
‘Этот чай с молоком, а тот — без’
- в. *Бу уулчак јаантайын маска-лу, малта-лу.*
этот мальчик всегда молоток-ATR.POS.O топор-ATR.POS.O
‘Этот мальчик всегда с молотком, с топором’

Эта структурная схема используется для сообщения об объекте, которым владеет субъект. Объекты обладания могут быть самыми разными: материальные предметы, животные, люди, абстрактные понятия, см. (44).

- (44) тув.: а. *Тоня үш кыс-тыг.*
Тоня три дочь-ATR.POS.O
‘У Тони три дочери’
- алт.: б. *Киске јайым јүрүм-дү.*
кошка свободная жизнь-ATR.POS.O
‘Кошка живет вольготно (досл.: кошка — со свободной жизнью)’

2) N_{Nom} [N-GEN/N-НЫЙЫ (сор)] «кто/что чей (есть)» — ЭПП принадлежности субъекта ситуации кому-либо. Субъект обладания имеет атрибутивную форму на *-НЫЙЫ* (если она в языке есть; в алтайском она постепенно выходит из употребления) или форму генитива и выступает в качестве сказуемого. Сказуемое обычно интонационно выделяется. В отличие от рассмотренного ЭПП обладания, где сообщается об объекте обладания, новая сообщаемая информация в ЭПП принадлежности — обладатель объекта. В случае если субъект обладания выражен местоимением, оно принимает притяжательную форму. Объект обладания является субъектом ЭПП. Это также использование характеризующей (аскриптивной) структуры для выражения отношений обладания, при этом субъект ЭПП характеризуется по его принадлежности кому-либо, см. (45).

- (45) шор.: а. *По мылтық менийи.*
это ружье я:POSSESS
‘Это ружье — мое’
- алт.: б. *Бу бөрүк — менин.*
эта шапка я:GEN
‘Эта шапка — моя’
- в. *Бу мылтык ада-м-нын.* (ГСАЯМ, 33)
это ружье отец-POS1SG-GEN
‘Это ружье моего отца’
- г. *Бу мылтык ада-м-дыйы.* (ГСАЯМ, 33)
это ружье отец-POS1SG-POSSESS
‘Это ружье моего отца’
- тув.: д. *Бо бажың силер-нии.* (ГТЯ, 220)
этот дом вы-POSSESS
‘Этот дом ваш’

В шорском и хакасском языках широко используется вариант, где субъект обладания выражен именем существительным или местоимением в генитиве: N_{Nom} [N-GEN (сор)] «кто/что чей (есть)». В тувинском же языке, наоборот, наиболее употребителен вариант с субъектом обладания, выраженным атрибутивной формой на *-НЫЙЫ*: N_{Nom} [N-НЫЙЫ (сор)] «кто/что чей (есть)».

Предварительные выводы

Именные предложения в южносибирских тюркских языках и диалектах имеют сопоставимые, иногда очень близкие структурно-семантические типы и строятся по аналогичным образцам. Однако в деталях они отличаются друг от друга по ряду параметров: состав и функции различных бытийных глаголов, включая так называемые диспозиционные предикаты, а также состав именных бытийных предикатов, используемых в бытийных предложениях; участие семантически «пустых» имен очень широкой семантики, например: ‘человек’, ‘вещь’, в предложениях характеристики (в меньшей мере в предложениях классификации и идентификации); выражение грамматических значений лица, числа и времени в разных типах именных предложений; оформление локализаторов, как посессоров, так и непосессоров, различными падежами в бытийных предложениях, оформление в них объекта бытия и принадлежности (посессивное или непосессивное); возможность построения бытийных предложений разных семантических типов без участия бытийного предиката ПОЛ-; использование формально локативных и характеризующих структур для выражения посессивности, обладания и принадлежности. Предложенная анкета позволяет выявить основные особенности синтаксических структур тюркских именных ЭПП в изучаемых языках и диалектах. Их дальнейшее теоретическое и типологическое осмысление и определение их места в общей типологии именованного предложения являются задачами нашего будущего исследования.

Список основных ЭПП нереляционной и бытийной семантики

Нереляционные ЭПП

ЭПП классификации: $N_{Nom} [N_{Nom} (PRED/cor)]$ «кто/что кто/что (есть)»

ЭПП названия: $(N-GEN) N-POS_{Nom} [PN_{Nom} (PRED/cor)]$ «кто/что по имени (есть)»

ЭПП идентификации: $Dem (N_{Nom}) [N_{Nom} (PRED/cor)]$ «это/то кто/что (есть)»

ЭПП с семантикой качественной характеристики и оценки:

$N_{Nom} [A (PRED/cor)]$ «кто/что какой (есть)»;

$N_{Nom} [A N (PRED/cor)]$ «кто/что какой кто/что (есть)»

Бытийные (подтип реляционных) ЭПП

Непосессивные бытийные ЭПП

ЭПП местонахождения: $N_{Nom} [N-LOC (PRED/cor)]$ «кто/что где (есть)»

ЭПП бытия / наличия без бытийного предиката:

$N-LOC [N_{Nom} (PRED/cor)]$ «где кто/что (есть)»

ЭПП бытия (небытия) / наличия (отсутствия) с именными бытийными предикатами:

$N-LOC N_{Nom} [ПАР/ЧОК (PRED/cor)]$ «где кто/что имеющийся/отсутствующий (есть)»

ЭПП количества бытующих предметов с предикатом количества:

$N-LOC N_{Nom} [КӨП/АС (PRED/cor)]$ «где кто/что много/мало (есть)»

Посессивные бытийные ЭПП

Посессивное ЭПП с ПОЛ-: $N-GEN N_{Nom}/N-POS_{Nom}$ ПОЛ- «чей кто/что существует»

Посессивное ЭПП с именными предикатами «имеющийся/отсутствующий»:

$N-GEN N_{Nom}/N-POS_{Nom} [ПАР/ЧОК (PRED/cor)]$ «чей кто/что имеющийся/отсутствующий (есть)»

Посессивное ЭПП с именными предикатами количества:

$N-GEN N_{Nom}/N-POS_{Nom} [КӨП/АС (PRED/cor)]$ «чей кто/что много/мало (есть)»

Посессивные «характеризующие» ЭПП

ЭПП обладания, которое характеризует субъект ситуации по наличию у него объекта обладания:

$N_{Nom} [N-ЛЫГ/ЛУ (PRED/cor)]$ «кто с чем/кем (есть)»

ЭПП принадлежности субъекта ситуации кому-либо:

$N_{Nom} [N-GEN/N-НЫЙЫ (cor)]$ «кто/что чей (есть)»

Приложения

Приложение 1. Рекомендации по работе с анкетой

В анкете мы старались учесть специфику тюркского именного предложения. Анкета составлена с учетом формальных и семантических особенностей именного предложения, позволяет выявить состав связок для конкретного языка или диалекта. При ее использовании предложения, иллюстрирующие различные ЭПП, нужно давать вперемешку, а также переносить выраженной предложением ситуацию в разные временные координаты, отрицать и ставить под вопрос ее в целом или ее отдельные компоненты. Анкета позволяет определить основные именные ЭПП в рассматриваемых языках, выявить возможности морфологического выражения их компонентов в каждом языке, установить возможности метафорических переносов каждой типовой синтаксической структуры.

Приложение 2. Анкета с примером ее заполнения (алтайский язык; диалект алтай-кижи)

ЭПП классификации (вписывания в класс)

Это дерево — тополь, а то — береза.

Бу агаш терек, ол де-зе кайын.
этот дерево тополь тот говорить-COND береза

Моя старшая дочь — учительница, сын — врач.

Менин јаан кыз-ым үредүчи, уул-ым де-зе эмчи.
я:GEN старший дочь-POS1SG учитель сын-POS1SG говорить-COND врач

Тувинский язык — это тюркский язык.

Тыва тил — ол түрк тил бол-ор.
тувинский язык тот тюркский язык быть-AOR

Толя — один из учеников нашего класса.

Толя — бис-тинг класс-тынг үренчик-тер-и-нинг бирүзи.
PN мы-GEN класс-GEN ученик-PL-POS3-GEN один.из

Кедр — дерево.

Мбш — агаш.
кедр дерево

Дети есть дети.

Бал-дар бал-дар ла.
ребенок-PL ребенок-PL PTCL

ЭПП идентификации (отождествления)

Ирина Николаевна — учительница нашего сына.

Ирина Николаевна уул-ыбыс-тынг үредүчи-зи.
PN сын-POS1PL-GEN учитель-POS3

Пушкин — великий русский поэт.

Пушкин — улу орус поэт.
PN великий русский поэт

Это моя шапка.

Бу менин бөрүг-им.
этот я:GEN шапка-POS1SG

Он — мой друг детства.

Ол менин јаш.туж-ым-дагы нөкөр-им.
он/она/оно я:GEN детство-POS1SG-ATR.LOC друг-POS1SG

Вот эта — моя дочь, это зять, а это моя внучка.

Бу менин кыз-ым, бу күйү-м, а бу де-зе менин баркы-м.
этот я:GEN дочь-POS1SG этот зять-POS1SG CONJ этот говорить-COND я:GEN внучка-POS1SG

Медведь — хозяин тайги.

Айу — жыш-тыг ээ-зи.

медведь тайга-GEN хозяин-POS3

Москва — столица нашей родины.

Москва — бис-тинг төрөл-ибис-тинг төс кала-зы.

Москва мы-GEN родина-POS1PL-GEN главный город-POS3

Л. Н. Толстой — автор романа «Война и мир».

Л. Н. Толстой «Война и мир» де-п роман-нын автор-ы.

PN PN сказать-CV роман-GEN автор-POS3

Название этой реки — Енисей.

Бу суу-нын ад-ы Енисей.

этот река-GEN имя-POS3 Енисей

ЭПП состояния

а) состояние окружающей среды

В лесу тихо.

Агаш-ара-зын-да тымык.

дерево-среди-POS3-LOC тихий

В доме чисто и уютно.

Тура-нын ич-ин-де ару ла энтү.

дом-GEN внутренняя часть-POS3-LOC чистый CONJ уютный

На улице холодно и ветрено.

Тышкары соок ло салкынду.

снаружи холодный CONJ ветренный

В бане было темно и грязно.

Мылча-да карануй ла кирлү бол-гон.

баня-LOC темный CONJ грязный быть-PP

Возле реки прохладно ведь.

Суу-нын жан-ын-да сооксымак ине.

река-GEN сторона-POS3-LOC холодноватый PTCL

б) состояние одушевленного субъекта

Мне стало холодно.

Меге соок бол-о бер-д-и.

я:DAT холодный быть-CV AUX:дать-PST-3

Мальчику плохо без своей собаки.

Уулчак-ка бой-ы-нын ийд-и жок-ко жаман.

мальчик-DAT сам-POS3-GEN собака-POS3 нет-DAT плохой

Вася сегодня болен.

Вася бүгүн оору.

PN сегодня больной

Без вас мне грустно.

Слер жок-ко меге кунукчылду.

вы нет-DAT я:DAT грустный

Мне весело и интересно с Денисом.

Меге Денис-ле сүүнчилү ле јилбилү.

я:DAT PN-INSTR веселый CONJ интересный

Дети здоровы.

Бал-дар су-кадык.

ребенок-PL здоровый

Отец был в ярости.

Ада-м ай-калап-та бол-гон.

отец-POS1SG ярость-LOC быть-PP

Ему вдруг стало спокойно.

Ого кенетийин амыр бол-о бер-д-и.

он/она/оно:DAT вдруг спокойный быть-CV AUX:дать-PST-3

Вам смешно?

Слер-ге каткымчылу ба?

вы-DAT смешной PTCL.INTER

Девочке очень обидно.

Кызычак-ка сүрекей ачымчылу.

девочка-DAT очень обидный

Я же — вся в переживаниях.

Мен де-зе ал-санаа-да.

я говорить-COND PTCL-мысль-LOC

Мы, конечно, счастливы.

Бис ырысту эмей.

мы счастливый PTCL

Малышу больно, не надо его трогать.

Бала-га ачу, ого тий-бе-гер.

ребенок-DAT горький он/она/оно:DAT трогать-NEG-IMP2PL

ЭПП качественной характеристики

Амыр — странный мальчик.

Амыр санг.башка уулчак.

PN странный мальчик

Амаду человек спокойный и мудрый.

Амаду төп лө ойгор кижси.

PN основательный CONJ мудрый человек

Вася очень честный мальчик, а Коля — обманщик.

Вася сүрекей ак-чек уулчак, Коля де-зе төгүнчи.

PN очень честный мальчик PN говорить-COND обманщик

Володя немного вспыльчивый, оказывается.

Володя эмеш ачынчак эмтир.

PN немного вспыльчивый PTCL

Он сидел печальный.

Ол кунукчылду отур-ган.

он печальный сидеть-PP

Катя — высокая, стройная девушка.

Катя узун сын-ду, жуунак кыс.

Катя высокий рост-ATR.POS.O стройный девушка

Лариса ведь добрая женщина.

Лариса јалакај уј кижси эмей.

PN добрый женщина PTCL

Его бабушка была известна как очень умная женщина.

Онун жаана-зы сүрекей санаалу үй кижиси де-п жарлу бол-гон.
он/она/оно:GEN бабушка-POS3 очень умный женщина сказать-CV известный быть-PP

Наташа притворяется рассерженной.

Наташа ачын-ган кижиси бол-от.
PN сердиться-PP человек быть-PRS

Этот котенок совсем маленький, еще не умеет есть.

Бу кискечек өткүрө кичинек, ажан-ып бил-гелек.
этот котенок слишком маленький кушать-CV знать-CUNC

Наташа — умница и красавица.

Наташа санаалу ла жараш.
PN умный CONJ красивый

Мое пальто еще совсем новое.

Менин тон-ым база жангы ла.
я:GEN пальто-POS1SG PTCL новый PTCL

Моя тетя (со стороны матери) уже не молодая, но она и не старая.

Менин таай эје-м јиит эмес, је карган да эмес.
я:GEN тетя-POS1SG молодой PTCL.NEG CONJ старый PTCL PTCL.NEG

Ружье — вещь опасная, но нужная.

Мылтык јеткерлү неме, је керектү.
ружье опасный вещь CONJ нужный

Сергей Владимирович — интересный человек, но немного странный.

Сергей Владимирович јилбилү кижиси, је эмеши саң.башка.
PN интересный человек CONJ немного странный

Толя у нас был бездельник и хвастун.

Бис-тинг Толя иштен-бес ле мактанчак кижиси бол-гон.
мы-GEN PN трудиться-NEG.AOR CONJ хвастливый человек быть-PP

Наш Миша силен, но глуповат.

Бис-тинг Миша күчтү, је тенекемек.
мы-GEN PN сильный CONJ глуповатый

Кони нашего знакомого породистые.

Бис-тинг таныж-ыбыс-тын ат-тар-ы укту-төстү.
мы-GEN знакомый-POS1PL-GEN конь-PL-POS3 породистый

Я по счету пятнадцатый.

Мен тоолош-ло он беж-инчи.
я счет-INSTR пятнадцать-ORD

Еда давно готова, идите кушать.

Курсак туку.качан белен, бар-ып ажан-агар.
еда давно готовый идти-CV кушать-IMP2PL

ЭПП возрастной характеристики

Ему уже почти 18 лет.

Ол он сегис јаш кирези.
он/она/оно 18 год.жизни около

Мы с ним ровесники.

Бис оныла јажыт.
мы он/она/оно:INSTR равный.по.возрасту

Мне скоро будет 20 лет.

Меге удабас јирме јаш бол-ор.
я:DAT скоро двадцать год.жизни быть-AOR

Сестра старше меня на 3 года, а брат моложе сестры на год.

Эје-м ме:нен үч јаш-ка јаан, ака-м
старшая.сестра-POS1SG я:ABL три год.жизни-DAT большой старший.брат/дядя.по.отцу-POS1SG
де-зе эје-м-нен бир јаш-ка кичинек.
говорить-COND старшая.сестра-POS1SG-ABL один год.жизни-DAT маленький

Моей сестренке еще только 3 года.

Мениг сыйн-ым-а јангы ла үч јаш.
я:GEN младшая.сестра-POS1SG-DAT только PTCL три год.жизни

Мне 40 лет, а ей еще нет 60.

Меге төртөн јаш, ого алтан да јок.
я:DAT сорок год.жизни он/она/оно:DAT шестьдесят PTCL нет

Дядя Василий еще молодой, ему только 35 лет.

Василий таай база јуит ле, ого јүк ле одус беш.
Василий дядя.по.матери еще молодой PTCL он/она/оно:DAT лишь PTCL тридцать пять

Когда тебе исполнится 21 год?

Сеге качан јирме бир јаш тол-ор?
ты:DAT когда двадцать один год.жизни исполняться-AOR

Нашему младшему сыну уже месяц, а старшему скоро будет 3 года.

Бис-тинг кичинек уул-ыбыс-ка бир ай, јаан-ын-а удабас үч јаш бол-ор.
мы-GEN маленький сын-POS1PL-DAT один месяц старший-POS3-DAT скоро три год.жизни быть-AOR

Мне без трех месяцев 55.

Меге үч ай јог-ы-наг бежен беш.
я:DAT три месяц нет-POS3-ABL пятьдесят пять

Бы т и н ы е Э П П

а) ЭПП существования

Там живет известный охотник.

Ондо јарлу анчы јад-ат.
там известный охотник жить-PRS

За тем перевалом был известный лечебный родник.

Ол боочы-нын кийн-ин-де јарлу аржан суу бол-гон.
тот перевал-GEN задняя часть-POS3-LOC известный лечебный вода быть-PP

В нашем магазине всегда есть молоко и сметана из Черги.

Бис-тинг магазин-де јаантайын Чарга-нын сүд-и ле каймаг-ы бар.
мы-GEN магазин-LOC всегда Черга-GEN молоко-POS3 CONJ сметана-POS3 есть

Во дворе издревле стоит коновязь.

Айыл-дын јан-ын-да алд-ы-наг бери чакы тур-ат.
дом-GEN сторона-POS3-LOC перед-POS3-ABL POST коновязь стоять-PRS

В нашем роду шаманов не было.

Бис-тинг угы-төз-ис-те кам-дар јок бол-гон.
мы-GEN род-POS1PL-LOC шаман-PL нет быть-PP

В моем сердце только ты.

Мениг јүрег-им-де јүк ле сен.
я:GEN сердце-POS1SG-LOC лишь PTCL ты

Около речки будет дом моего друга.

Суу-нын жан-ын-да менин нөкөр-им-нинг тура-зы бол-ор.
река-GEN сторона-POS3-LOC я:GEN друг-POS1SG-GEN дом-POS3 быть-AOR

В горах есть красивое озеро.

Туу-лар-да јараш көл бар.
гора-PL-LOC красивый озеро есть

На ее лице большая родинка.

Онын жүз-ин-де јаан мен.
он/она/оно:GEN лицо-POS3-LOC большой родинка

Есть ли на ее лице большая родинка?

Онын жүз-ин-де јаан мен бар ба?
он/она/оно:GEN лицо-POS3-LOC большой родинка есть PTCL.INTER

Есть такой обычай.

Ондый жан бар.
такой обычай есть

Есть такой таежный народ.

Ондый јыш-тын албаты-зы бар.
такой тайга-GEN народ-POS3 есть

На этой земле живут богатыри.

Бу јер-де баатыр-лар јад-ат.
этот земля-LOC богатырь-PL жить-PRS

В горах лежит снег.

Кыр-лар-да кар јад-ат.
гора-PL-LOC снег лежать-PRS

В лесу есть небольшой охотничий дом.

Агаш-ара-зын-да анчы-нын јаан эмес тура-зы бар.
дерево-среди-POS3-LOC охотник-GEN большой PTCL.NEG дом-POS3 есть

В этом селе есть знакомые ваших родителей?

Бу деремне-де слер-дин эне-ада-гар-дын таныш-тар-ы бар ба?
этот деревня-LOC вы-GEN родители-POS2PL-GEN знакомый-PL-POS3 есть PTCL.INTER

В моем родном языке есть такая пословица.

Менин төрөл тил-им-де ондый кеп сөс бар.
я:GEN родной язык-POS1SG-LOC такой пословица есть

На Алтае есть река Катунь.

Алтай-да Кадын де-п суу бар.
Алтай-LOC Катунь сказать-CV река есть

В его глазах нет обмана.

Онын көз-ин-де төгүн јок.
он/она/оно:GEN глаз-POS3-LOC обман нет

б) количественные ЭПП

Времени у нас мало.

Бис-те ой ас.
мы-LOC время мало

В наших озерах рыбы полно.

Бис-тинг көл-дөр-дө балык толтыра.
мы-GEN озеро-PL-LOC рыба полно

Хороших людей у нас не мало.

Јакшы улус бис-те ас эмес.
хороший люди мы-LOC мало PTCL.NEG

В нашем селе детей, оказывается, мало.

Бис-тинг деремне-де бал-дар ас эмтир не.
мы-GEN деревня-LOC ребенок-PL мало оказывается PTCL

На лугу травы — море.

Јалан-да олӧн бӱдӱн талай.
луг-LOC трава целый море

В этом лесу грибов много.

Бу агаи-ара-зын-да мешке кӧп.
этот дерево-среди-POS3-LOC гриб много

Там людей — видимо-невидимо было.

Ондо улус-тар кӧр-ӱн-ер-кӧр-ӱн-бес бол-гон.
там люди-PL видеть-REFL-AOR-видеть-REFL-AOR.NEG быть-PP

Там много чертей.

Ондо кӧп кӧрмӧс-тӧр.
там много черт-PL

Нас было трое.

Бис ӱч-ӱ бол-гон-ыс.
мы три-COL быть-PP-1PL

Отсюда до нашего дома пять минут.

Мынан ала бис-тинг айыл-га јетире беш минут.
этот:ABL с мы-GEN дом-DAT до пять минут

У мамы дел — много, всех не переделаешь!

Эне-м-нинг керек-тер-и кӧп, бастыра-зы-н эд-ип ал-баз-ыг!
мама-POS1SG-GEN дело-PL-POS3 много все-POS3-ACC делать-CV AUX:брать-NEG.AOR-2SG

В горах снега много.

Туу-лар-да кар кӧп.
гора-PL-LOC снег много

Много ли грибов в ваших местах?

Слер-динг јер-де мешке кӧп пӧ?
вы-GEN место-LOC гриб много PTCL.INTER

На этой поляне ягод маловато, оказывается.

Бу ак-та јушлек ассымак, эмтир.
этот поляна-LOC ягода маловато оказывается

В то время у меня в руках денег было полно.

Ол ӧй-дӧ менин кол-ым-да акча толтыра бол-гон.
тот время-LOC я:GEN рука-POS1SG-LOC деньги полно быть-PP

в) ЭПП наличия/отсутствия

В саду гости.

Сад-та айылчы-лар.
сад-LOC гость-PL

В шкафу разные интересные книги.

Шкаф-та јӱзӱн-јӱӱр јилбилӱ бичик-тер.
шкаф-LOC разный интересный книга-PL

Вокруг костра сидят дети.

От-ты айландыра бал-дар отур-ат.
огонь-ACC вокруг ребенок-PL сидеть-PRS

В нашей семье радость.

Бис-тинг биле-де сүүнчи.
мы-GEN семья-LOC радость

Вчера здесь была драка.

Кече мында согуш бол-гон.
вчера здесь драка быть-PP

Завтра будет гроза.

Эртен күкүрт бол-ор.
завтра гроза быть-AOR

У наших друзей будет свадьба.

Бис-тинг нөкөр-лөр-ис-те той бол-ор.
мы-GEN друг-PL-POS1PL-LOC свадьба быть-AOR

Над нами голубое небо.

Бис-тинг үст-ибис-те чанкыр тенгери.
мы-GEN верхняя.часть-POS1PL-LOC голубой небо

Впереди бурная горная река.

Алд-ыбыс-та чакпын-ду кырлык суу.
перед-POS1PL-LOC волна-ATR.POS.0 горный река

У моих знакомых сейчас нет медвежьей желчи, они еще не ходили на промысел.

Менинг таныш-тар-ым-да айу-нын өд-и эмди
я:GEN знакомый-PL-POS1SG-LOC медведь-GEN желчь-POS3 сейчас
ле жок, олор анда-п жүр-гелек.
PTCL нет они охотиться-CV AUX:ходить-CUNC

У тебя есть свободное время?

Сен-де бош ой бар ба?
ты-LOC свободный время есть PTCL.INTER

У меня сейчас нет денег.

Мен-де эмди ле акча жок.
я-LOC сейчас PTCL деньги нет

Вашего товарища в доме нет.

Слер-динг нөкөр-игер айыл-да жок.
вы-GEN товарищ-POS2PL дом-LOC нет

В доме ли ваш друг?

а) *Слер-динг најы-гар айыл-да ба?*
вы-GEN друг-POS2PL дом-LOC PTCL.INTER

б) *Айыл-да ба слер-динг најы-гар?*
дом-LOC PTCL.INTER вы-GEN друг-POS2PL

Ее нигде нет.

Ол кайда да жок.
он/она/оно где PTCL нет

Здесь никого нет.

Мында кем де жок.
тут кто PTCL нет

На той горе есть дикие козлы, я их только что видел.

Ол кыр-да жерлик теке-лер бар, мен олор-ды жаңы-ла көр-гөм.
тот гора-LOC дикий козел-PL есть я они-ACC только.что видеть-PP1SG

У вас есть свое мнение по этому вопросу?

Слер-де бу сурак аайынча бой-ыгар-дын санаа-шүүлте-гер бар ба?

вы-LOC этот вопрос по сам-POS2PL-GEN мнение-POS2PL есть PTCL.INTER

Среди нас обманщиков нет, мы вам правду сказали.

Бис-тинг орто-быс-та төгүнчи-лер жок, бис слер-ге чын-ын айт-кан-ыс.

мы-GEN среди-POS1PL-LOC обманщик-PL нет мы вы-DAT правда-POS3ACC говорить-PP-1PL

У кого есть слово?

Кем-де сөс бар?

кто-LOC слово есть

Сала-то в мясе совсем нет, оказывается.

Эт-те жуу чек жок эмтир не.

мясо-LOC сало совсем нет оказывается PTCL

К нам в республику приехала делегация спортсменов, среди них есть известный борец.

Бис-тинг республика-га спортчы-лар-дын делегация-зы кел-ген,

мы-GEN республика-DAT спортсмен-PL-GEN делегация-POS3 приходит-PP

олор-дын орто-зын-да жарлу кўрешчи бар.

они-GEN среди-POS3-LOC известный борец есть

Локативные ЭПП

Эта девушка из рода кыпчак.

Бу кыс кыпчак-тар-дын угы-төз-и-ненг.

этот девушка кыпчак-PL-GEN род-POS3-ABL

Мальчики на крыше дома.

Уулчак-тар тура-нын жабынчы-зын-да.

мальчик-PL дом-GEN крыша-POS3-LOC

Моя одежда в сундуке.

Менинг кийим-им кайырчак-та.

я:GEN одежда-POS1SG сундук-LOC

В сундуке ли моя одежда?

а) *Менинг кийим-им кайырчак-та ба?*

я:GEN одежда-POS1SG сундук-LOC PTCL.INTER

б) *Кайырчак-та ба менинг кийим-им?*

сундук-LOC PTCL.INTER я:GEN одежда-POS1SG

Он может быть в руках врагов!

Ол өштү-нин кол-ын-да бол-ор арга-лу!

он враг-GEN рука-POS3-LOC быть-AOR возможность-ATR.POS.O

Дети в школе.

Бал-дар школ-до.

ребенок-PL школа-LOC

Дети в школе?

Бал-дар школ-до бо?

ребенок-PL школа-LOC PTCL.INTER

Наши лошади в тайге.

Бис-тинг ат-тар тайга-да.

мы-GEN лошадь-PL тайга-LOC

Все родственники были в слезах.

Бастыра төрөгөн-дөр ый-сыгыт-та бол-гон.

все родственник-PL плач-LOC быть-PP

Он теперь в наших руках будет.

Ол эмди бис-тин кол-ыбыс-та бол-ор.
он/она/оно теперь мы-GEN рука-POS1PL-LOC быть-AOR

Все мужчины были на войне.

Бастыра эр-лер жуу-да бол-гон.
все мужчина-PL война-LOC быть-PP

Ведро, конечно, в бане.

Көнөк-төр, аланзу жок, мылча-да.
ведро-PL сомнение нет баня-LOC

Твой сын у бабушки.

Сенин уул-ын жаана-зын-да.
ты:GEN сын-POS2SG бабушка-POS3-LOC

Малыш в люльке.

Бала кабай-да.
ребенок люлька-LOC

ЭПП обладания и принадлежности

Этот чай с молоком, а тот — без.

Бу чай сүт-тү, онызы де-зе сүт жок.
этот чай молоко-ATR.POS.O тот.POS3 говорить-COND молоко нет

Этот мальчик всегда с молотком, с топориком.

Бу уулчак жаантайын маска-лу, малта-чак-ту.
этот мальчик всегда молоток-ATR.POS.O топор-DIM-ATR.POS.O

Это лошади нашего земляка.

Бу бис-тин јерлеж-ис-тин ат-тар-ы.
этот мы-GEN земляк-POS1PL-GEN лошадь-PL-POS3

У меня один старший брат и четыре старших сестры.

Мен-де бир ака ла төрт эје.
я-LOC один старший.брат/дядя.по.отцу CONJ четыре старшая.сестра

У него нет ни родственников, ни друзей.

Ондо төрөгөн-дөр дө, нөкөр-лөр дө жок.
он/она/оно:LOC родственник-PL ни друг-PL ни нет

У моего дяди (со стороны отца) есть хорошая зимняя шапка, но зимой он ходит без шапки.

Менин ака-м-да јакшы кышкы
я:GEN старший.брат/дядя.по.отцу-POS1SG-LOC хороший зимний
бөрүк бар, је кышкы-да ол бөрүк жок баз-ат.
шапка есть CONJ зимой-LOC он шапка нет ходить-PRS

У моего дедушки много баранов.

Менин таада-м-да көп кой-лор.
я:GEN дедушка-POS1SG-LOC много баран-PL

Этот пирог с рыбой, а тот с мясом.

Бу пирог балык-ту, онызы де-зе эт-тү.
этот пирог рыба-ATR.POS.O тот.POS3 говорить-COND мясо-ATR.POS.O

У Лизы два сына и три дочери.

Лиза-да эки уул ла үч кыс.
PN-LOC два сын CONJ три дочь

У моего друга доброе сердце.

Менин нөкөр-им јалакай јүрек-тү.
я:GEN друг-POS1SG добрый сердце-ATR.POS.O

Эта шапка — моя.

Бу бөрүк — мениг.

этот шапка я:GEN

Это ружье — отца.

Бу мылтык — ада-м-нын.

этот ружье отец-POS1SG-GEN

ЭПП реляционной семантики

а) отношения родства/свойства

Он мне не отец.

Ол мениг ада-м эмес.

он/она/оно я:GEN отец-POS1SG PTCL.NEG

Он не твой отец.

Ол сениг ада-н эмес.

он/она/оно ты:GEN отец-POS2SG PTCL.NEG

Он — мой отец.

Ол мениг ада-м.

он/она/оно я:GEN отец-POS1SG

Он — отец Саши.

Ол Саша-нын ада-зы.

он/она/оно PN-GEN отец-POS3

Кто он тебе?

Ол сege кем?

он/она/оно ты:DAT кто

Иван Петрович приходится ему дядей (со стороны матери).

Иван Петрович ого таай-ы бол-от.

PN он:DAT дядя со стороны матери-POS3 быть-PRS

Алтынай моя старшая сестра, а Айдар мой младший брат.

Алтынай мениг эје-м, Айдар де-зе мениг карындаж-ым.

PN я:GEN старшая.сестра-POS1SG PN говорить-COND я:GEN младший брат-POS1SG

Мы с сестрой близнецы (двойняшки).

Бис эје-м-ле игис-тер.

мы старшая.сестра-POS1SG-INSTR двойняшки-PL

б) социальные отношения

Паша — мой друг.

Паша — мениг нөкөр-им.

PN я:GEN друг-POS1SG

Он тебе ни враг, ни друг.

Ол сege өштү де, нөкөр дө эмес.

он/она/оно ты:DAT враг CONJ друг CONJ PTCL.NEG

Мы с Алешей — давние друзья.

Бис Алеша-ла алд-ын-дагы нөкөр-лөр.

мы PN-INSTR перед-POS3-ATR.LOC друг-PL

Борис — мой сосед.

Борис — мениг айылдаж-ым.

Борис я:GEN сосед-POS1SG

Я стану хозяином этих гор.

Мен бу туу-лар-дын ээ-зи бол-ор-ым.
я этот гора-PL-GEN хозяин-POS3 быть-AOR-1SG

Мы же ваши друзья.

Бис слер-дин најы-лар-ыгар не.
мы вы-GEN друг-PL-POS2PL PTCL

Кто ваш начальник?

Слер-дин јаан-ыгар кем?
вы-GEN большой-POS2PL кто

Саша — помощник бригадира.

Саша — бригадир-дин болушчы-зы.
PN бригадир-GEN помощник-POS3

в) эмотивные отношения

Мне за него обидно.

Меге ол учун ачымчылу.
я:DAT он/она/оно POST обидный

Дети были очень внимательны к пожилым людям.

Бал-дар јаж-ы јаан улус-ка сүрекеј ајарынкай бол-д-ы.
ребенок-PL год.жизни-POS3 большой люди-DAT очень внимательный быть-PST-3

Люди к ней дружелюбны.

Улус ого јалакај.
улус он/она/оно:DAT дружелюбный

Ты всегда всем недовольна.

Сен јаантайын бастыра неме-ни јара-т-пай јад-ын.
ты всегда все вещь-ACC нравиться-CAUS-NEG.CV AUX:лежать-2SG

Мы благодарны вам за ваш труд.

Бис слер-ге иж-игер учун быйанду.
мы вы-DAT работа-POS2PL POST благодарный

г) сравнительные ЭПП (отношения сходства/несходства)

Несходство

Он еще толще меня.

Ол менен семис.
он/она/оно я:ABL толстый

Пусть уходит. Без него будет спокойнее.

Бар-гај ла. Ол јог-ы-наг амыр бол-ор.
идти-OPT PTCL он/она/оно нет-POS3-ABL спокойный быть-AOR

Твой нож тупее моего.

Сениг бычаг-ын мен-дийи-нен моко.
ты:GEN нож-POS2SG я-POSSESS-ABL тупой

Девочки любопытнее мальчиков.

Кыс-тар уул-дар-дан јилбиркек.
девочка-PL мальчик-PL-ABL любопытный

Сходство

Надя ростом с тебя.

Надя сын-ы-ла сен-ле тен.
PN рост-POS3-INSTR ты-INSTR равный

Ее лицо словно полная луна.

Онын жүз-и толун ай ошкош.

он/она/оно:GEN лицо-POS3 полный луна словно

Нина — копия своей матери.

Нина торт ло эне-зи-нинг бой-ы.

PN PTCL PTCL мама-POS3-GEN сам-POS3

Она очень похожа на нашего ветеринара.

Ол бис-тинг ветеринар-га сүрекей тунгей.

он/она/оно мы-GEN ветеринар-DAT очень похожий

Он на отца совсем не похож!

Ол ада-зын-а бир.де тунгей эмес!

он/она/оно отец-POS3-DAT ничуть похожий PTCL.NEG

Сокращения

Общие

алт. — алтайский язык
кум. — кумандинский язык
русск. — русский язык
тув. — тувинский язык
тюрк. — тюркские языки

хак. — хакасский язык
чалк. — чалканский язык
шор. — шорский язык
ЭПП — элементарное простое предложение

Глоссы и сокращения, используемые в схемах ЭПП

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо	INTER — вопросительный
A — прилагательное	INTR — восклицание
ABL — исходный падеж	LOC — местный падеж
ACC — винительный падеж	N — имя существительное
AOR — временная форма на =Ap (так называемый общетюркский аорист)	NEG — отрицание
ATR.LOC — атрибутивизатор; форма на <i>-ДазЫ</i> 'находящийся где-либо'	Nom — именительный падеж (не имеющий маркера)
ATR.POS.O — атрибутивизатор 'with a possessed object'; форма на <i>-ЛЫг</i> 'обладающий чем-либо'	OPT — желательное наклонение
AUX — вспомогательный (глагол, имя)	ORD — аффикс порядкового числительного
CAUS — понудительный залог	PERS — грамматическое лицо
COL — собирательное числительное	PERSON — семантический маркер, относящийся к референту-человеку
COND — условная форма	PL — множественное число
CONJ — союз	PN — имя собственное
COP — связка	POS — притяжательный аффикс
CUNC — кунктатив, аспектная категория со значением «еще не сделал»	POSSESS — аффикс, обозначающий посессора
CV — деепричастие	POST — послелог
DAT — дательный падеж	PP — перфектное причастие на <i>-Ган</i>
Dem — указательное местоимение	PRED — показатель лица и числа на именном сказуемом
DIM — диминутив	PRS — аффикс настоящего времени
GEN — родительный падеж	PST — аффикс прошедшего времени на <i>-Д</i>
IMP — повелительное наклонение	PTCL — частица
IND — индирективное прошедшее время	PTCL.INTER — вопросительная частица
INF — инфинитив	PTCL.NEG — отрицательная частица
INSTR — орудный падеж	REFL — возвратный залог
	SG — единственное число
	/ — разделитель структурных вариантов

Литература

- Абдуманапова 2001 — *Абдуманапова З. З.* Сопоставительный синтаксис простого именного предложения уйгурского (тюркского) и русского языков. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Бишкек, 2011. {*Abdumananova Z. Z.* A comparative syntax of the simple nominal sentence of Uyghur (Turkic) and Russian. Author's Abstract of the Candidate of Philology Thesis. Bishkek, 2011.}
- Алимбаева 2005 — *Алимбаева Г. Г.* Структурно-семантические особенности неглагольных сказуемых в современном башкирском языке. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Уфа, 2005. {*Alimbayeva G. G.* Structural and semantic features of non-verbal predicates in Modern Bashkir. Author's Abstract of the Candidate of Philology Thesis. Ufa, 2005.}
- Арутюнова 1976 — *Арутюнова Н. Д.* Предложение и его смысл (логико-семантические проблемы). М., 1976. {*Arutyunova N. D.* Sentence and its semantics (logical and semantic problems). Moscow, 1976.}
- Арутюнова, Ширяев 1983 — *Арутюнова Н. Д., Ширяев Е. Н.* Русское предложение. Бытийный тип: структура и значение. М., 1983. {*Arutyunova N. D., Shiryayev E. N.* Russian sentence. Existential type: structure and semantics. Moscow, 1983.}
- Ахматов 1983 — *Ахматов И. Х.* Структурно-семантические модели простого предложения в современном карачаево-балкарском языке (Основные вопросы теории). Нальчик, 1983. {*Akhmatov I. Kh.* Structural-semantic patterns of simple sentences in Modern Karachay-Balkar (Main terminological problems). Nalchik, 1983.}
- Байжанова 2004 — *Байжанова Н. Р.* Модели элементарных простых предложений в алтайском языке. Структурная схема $N_1 \Leftrightarrow V_f$. Новосибирск, 2004. {*Bayzhanova N. R.* Patterns of elementary simple sentences in Altai. The pattern $N_1 \Leftrightarrow V_f$. Novosibirsk, 2004.}
- Богуславский 1996 — *Богуславский И. М.* Сфера действия лексических единиц. М., 1996. {*Boguslavskiy I. M.* The scopus of lexical entities. Moscow, 1996.}
- Вежбицка 1983 — *Вежбицка А.* Из книги «Семантические примитивы» // Семиотика / Сост. Степанов Ю. С. М., 1983. С. 225—252. {*Vezhbicka A.* From the book "Semantic primitives" // Semiotics / Composed by *Stepanov Ju. S.* Moscow, 1983. P. 225—252.}
- Всеволодова, Владимирский 1982 — *Всеволодова М. В., Владимирский Е. Ю.* Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. М., 1982. {*Vsevolodova M. V., Vladimirskiy E. Yu.* Ways of expressing spatial relations in contemporary Russian. Moscow, 1982.}
- ГСАЯМ — Грамматика современного алтайского языка. Морфология / Отв. ред. Невская И. А. Горно-Алтайск, 2017. {A Grammar of the contemporary Altai language. Morphology / Editor-in-chief: *Nevskaya I. A.* Gorno-Altaysk, 2017.}
- Доржиева 2005 — *Доржиева Д. С.* Модели простого предложения с именованным сказуемым в бурятском языке. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2005. {*Dorzhieva D. S.* Patterns of the simple sentence with a nominal predicate in Buryat. Author's Abstract of the Candidate of Philology Thesis. Ulan-Ude, 2005.}
- Дыренкова 1941 — *Дыренкова Н. П.* Грамматика шорского языка. М.—Л., 1941. {*Dyrenkova N. P.* A Grammar of the Shor language. Moscow — Leningrad, 1941.}
- Исхаков, Пальмбах 1961 — *Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А.* Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М., 1961. {*Iskhakov F. G., Pal'mbakh A. A.* A Grammar of the Tuvan language. Phonetics and Morphology. Moscow, 1961.}
- Кабилова 2010 — *Кабилова Г. У.* Структурно-семантические особенности предложений с именованным сказуемым в башкирском языке. Дис. ... канд. филол. наук. Стерлитамак, 2010. {*Kabirova G. U.* Structural and semantic features of sentences with nominal predicates in Bashkir. Candidate of Philology Thesis. Sterlitamak, 2010.}
- Кетенчиев 2001 — *Кетенчиев М. Б.* Структура и семантика именованных предложений в карачаево-балкарском языке. Дис. ... докт. филол. наук. Нальчик, 2001. {*Ketenchiyev M. B.* The structure and semantics of nominal sentences in Karachay-Balkar. Doctor of Philology Thesis. Nalchik, 2001.}
- Кошкарева 2006 — *Кошкарева Н. Б.* Метод моделирования структуры и семантики элементарного простого предложения как единицы языка // Вестник НГУ. Новосибирск, 2006. Том 4. Вып. 2. С. 64—75. {*Koshkareva N. B.* Methods of modelling the structure and semantics of the elementary simple sentence as an entity of the language level // NGU Bulletin. Novosibirsk, 2006. Vol. 4. Number 2. P. 64—75.}
- Кошкарева 2007а — *Кошкарева Н. Б.* Типовые синтаксические структуры и их семантика в уральских языках Сибири. Дис. ... докт. филол. наук. Новосибирск, 2007. {*Koshkareva N. B.* Typical syntactic structures and their semantics in Uralic languages of Siberia. Doctor of Philology Thesis. Novosibirsk, 2007.}
- Кошкарева 2007б — *Кошкарева Н. Б.* Экспрессивная синтаксическая модель характеристики в русском языке (в сопоставлении с языками коренных народов Сибири) // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Вып. X. Новосибирск, 2007. С. 267—285. {*Koshkareva N. B.* Expressive syntactic characterisation pattern in Russian (in comparison with languages of indigenous peoples of Siberia) // Actual problems of lexicology and word formation. Vol. X. Novosibirsk, 2007. P. 267—285.}

Кунаа 1970 — *Кунаа А. Ч.* Синтаксис простого предложения тувинского языка. Кызыл, 1970. {*Kunaa A. Ch.* Syntax of Tuvan simple sentence. Kyzyl, 1970.}

Мамаева 2005 — *Мамаева Ф. Т.* Способы выражения субъекта и семантическая структура простого предложения в карачаево-балкарском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2005. {*Mamayeva F. T.* Expression of the subject and the semantical structure of the Karachay-Balkar simple sentence. Author's Abstract of the Candidate of Philology Thesis. Nalchik, 2005.}

Монгуш 1983 — *Монгуш Д. А.* О служебных функциях и об употреблении слов *кижи*, *улус* и *чүве* в тувинском языке // Тюркские языки Сибири / Отв. ред. *Черемисина М. И.* Новосибирск, 1983. С. 12—26. {*Mongush D. A.* On grammatical functions and usage of the words *kizhi*, *ulus* and *chüve* in Tuvan // *Turkic languages of Siberia* / Editor-in-chief *Cheremisina M. I.* Novosibirsk, 1983. P. 12—26.}

Монгуш 1989 — *Монгуш Д. А.* О сказуемых тувинского языка, выражающие модальное значение достоверности // Предложение в языках Сибири / Отв. ред. *Черемисина М. И.*, *Скрибник Е. К.* Новосибирск, 1989. С. 19—35. {*Mongush D. A.* On Tuvan predicates expressing the modal semantics of affirmativity // *Sentence in the languages of Siberia* / Editors-in-chief *Cheremisina M. I.*, *Skribnik E. K.* Novosibirsk, 1989. P. 19—35.}

Невская 1997 — *Невская И. А.* Типология локативных конструкций в тюркских языках Южной Сибири (на материале шорского языка). Дисс. ... докт. филол. наук. Новосибирск, 1997. {*Nevskaya I. A.* Typology of spatial constructions in Turkic languages of South Siberia (on the Shor language material). Doctor of Philology Thesis. Novosibirsk, 1997.}

Невская 2005 — *Невская И. А.* Пространственные отношения в тюркских языках Южной Сибири (на материале шорского языка). Новосибирск, 2005. {*Nevskaya I. A.* Spatial relation in Turkic languages of South Siberia (on the Shor language material). Novosibirsk, 2005.}

Никольс 1995 — *Никольс Д.* Падежные варианты предикативных имен и их отражение в русской грамматике // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XV. М., 1995. С. 342—387. {*Nichols J.* Case forms of predicative nominals and their reflection in Russian grammar descriptions // *News of Foreign Linguistics*. Vol. XV. Moscow, 1995. P. 342—387.}

Озонава 2006 — *Озонава А. А.* Основные модели качественной характеристики и оценки в алтайском языке // Языки и литературы народов Горного Алтая. Международный ежегодник. Горно-Алтайск, 2006. С. 94—97. {*Ozonova A. A.* Main patterns of qualitative characterisation and evaluation in Altai // *Languages and literatures of peoples of Altai*. International yearly bulletin. Gorno-Altaysk, 2006. P. 94—97.}

Озонава 2016 — *Озонава А. А.* Именные модели элементарного простого предложения релятивной семантики в алтайском языке // Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири: материалы IV Международной научно-практической конференции (Абакан, Республика Хакасия, 19—20 мая 2016 г.), ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова». Абакан, 2016. С. 128—131. {*Ozonova A. A.* Patterns of elementary simple nominal sentences of relational semantics in Altai // *Preservation and development of languages and cultures of Siberian indigenous peoples: Proceedings of the IV International Science and Practice conference (Abakan, Republic of Khakassia, 19—20 May 2016)*, N. F. Katanov-Khakas State University. Abakan, 2016. P. 128—131.}

Озонава, Тазранова, Федина 2018 — *Озонава А. А.*, *Тазранова А. Р.*, *Федина Н. Н.* Алтайский язык и его диалекты в материалах В. В. Радлова // Сибирский филологический журнал. 2018, 1. С. 235—249. {*Ozonova A. A.*, *Tazranova A. R.*, *Fedina N. N.* The Altai language and its dialects in V. V. Radlov's materials // *Siberian philological journal*. 2018, 1. P. 235—249.}

Петрушова 2005 — *Петрушова М. Б.* Краткая грамматика кумандинского языка. Новосибирск, 2005. {*Petrushova M. B.* A short grammar of Kumandy. Novosibirsk, 2005.}

Серээдар 1995 — *Серээдар Н. Ч.* Основные типы предложений с именным сказуемым в тувинском языке. Дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1995. {*Sereedar N. Ch.* The main types of Tuvan sentences with nominal predicates. Candidate of Philology Thesis. Novosibirsk, 1995.}

Серээдар 2014 — *Серээдар Н. Ч.* Парадигматическое варьирование моделей характеризующих предложений тувинского языка // Мир науки, культуры, образования. 2014, 6 (49). С. 425—428. {*Sereedar N. Ch.* Paradigmatic variability of Tuvan patterns of sentences of characterisation // *The world of science, culture and education*. 2014, 6 (49). P. 425—428.}

Серээдар, Скрибник, Черемисина 1996 — *Серээдар Н. Ч.*, *Скрибник Е. К.*, *Черемисина М. И.* Структурно-семантическая организация предложений наличия, локализации, количества и отсутствия в тюркских языках Южной Сибири. Учебное пособие. Новосибирск, 1996. {*Sereedar N. Ch.*, *Skribnik E. K.*, *Cheremisina M. I.* Structure and semantics of sentences of presence, localisation, quantity and absence in South Siberian Turkic. A Students' Manual. Novosibirsk, 1996.}

СКБЯ 2018 — Современный карачаево-балкарский язык. Часть II. Морфология, синтаксис. Нальчик, 2018. {*Modern Karachay-Balkar*. Part II. Morphology, syntax. Nalchik, 2018.}

СКЯ 2014 — *Абдуллаева А. З.*, *Гаджирахмедов Н. Э.*, *Кадыраджиев К. С.*, *Керимов И. А.*, *Ольмесов Н. Х.*, *Хангисиев Д. М.* Современный кумыкский язык. Махачкала, 2014. {*Abdullayeva A. Z.*, *Gadzkhikmetov N. E.*, *Kadyradzhiyev K. S.*, *Kerimov I. A.*, *Ol'mesov N. H.*, *Khangishiyev D. M.* Modern Kumyuk. Mahachkala, 2014.}

Соловар 2009 — *Соловар В. Н.* Парадигма простого предложения в хантыйском языке (на материале казымского диалекта). Новосибирск, 2009. {*Solovar V. N.* Paradigm of the simple sentence in Tuvan (on material of the Kazym dialect). Novosibirsk, 2009.}

Телякова 1993 — *Телякова В. М.* Бытийный тип предложений в шорском языке // Известия СО РАН. История, филология, философия. Вып. 2. Новосибирск, 1993. С. 24—31. {*Telyakova V. M.* Existential type of sentences in Shor // Bulletin of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. History, Philology, Philosophy. Vol. 2. Novosibirsk, 1993. P. 24—31.}

Телякова 1994 — *Телякова В. М.* Простое предложение в шорском языке (в сопоставлении с русским). Дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1994. {*Telyakova V. M.* Simple sentence in the Shor language (in comparison to Russian). Candidate of Philology Thesis. Novosibirsk, 1994.}

Тестелец 2001 — *Тестелец Я. Г.* Введение в общий синтаксис. М., 2001. {*Testelec Ya. G.* Introduction to general syntax. Moscow, 2001.}

Тоекев 1995 — *Тоекев О. М.* Семантико-синтаксическая структура именованных предикативных предложений в узбекском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1995. {*Toyekev O. M.* Semantic-syntactic structure of nominal sentences in Uzbek. Author's Abstract of the Candidate of Philology Thesis. Tashkent, 1995.}

ТФГ 1996 — Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / Отв. ред. *Бондарко А. В.* Л., 1987. {Theory of functional grammar. Introduction. Aspectuality. Temporal localisation. Taxis / Editor-in-chief *Bondarko A. V.* Leningrad, 1987.}

Тыбыкова 1991 — *Тыбыкова А. Т.* Исследования по синтаксису алтайского языка. Простое предложение. Новосибирск, 1991. {*Tybykova A. T.* Studies on syntax of the Altai language. Simple sentence. Novosibirsk, 1991.}

Федина 2014 — *Федина Н. Н.* Об именованных сказуемых в чалканском языке // Сибирский филологический журнал. 2014, 2. С. 181—188. {*Fedina N. N.* On nominal predicates in Chalkan // Siberian philological journal. 2014, 2. P. 181—188.}

Черемисина 1989 — *Черемисина М. И.* О теоретических вопросах модельного описания предложений // Предложение в языках Сибири. Новосибирск, 1989. С. 3—18. {*Cheremisina M. I.* On theoretical issues of sentence patterning // Sentence in languages of Siberia. Novosibirsk, 1989. P. 3—18.}

Черемисина 1995 — *Черемисина М. И.* Исследования предложения в языках Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 1995, 4. С. 63—68. {*Cheremisina M. I.* Research on sentence in languages of Siberia // Humanities in Siberia. 1995, 4. P. 63—68.}

Черемисина 1997 — *Черемисина М. И.* Исследование моделей ЭПП в тюркских языках Южной Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 1997, 4. С. 56—61. {*Cheremisina M. I.* Research on patterns of elementary simple sentence in South Siberian Turkic // Humanities in Siberia. 1997, 4. P. 56—61.}

Черемисина 1998 — *Черемисина М. И.* Структура и типология именованных предложений // Гуманитарные науки в Сибири. 1998, 4. С. 96—104. {*Cheremisina M. I.* Structure and typology of nominal sentences // Humanities in Siberia. 1998, 4. P. 96—104.}

Черемисина, Озонова 2005 — *Черемисина М. И., Озонова А. А.* Синтаксис тюркских языков Южной Сибири. Простое предложение. Учебное пособие. Новосибирск, 2005. {*Cheremisina M. I., Ozonova A. A.* Syntax of South Siberian Turkic. Simple sentence. A Students' Manual. Novosibirsk, 2005.}

Черемисина, Озонова, Тазранова 2008 — *Черемисина М. И., Озонова А. А., Тазранова А. Р.* Элементарное простое предложение с глагольным сказуемым в тюркских языках Южной Сибири. Новосибирск, 2008. {*Cheremisina M. I., Ozonova A. A., Tazranova A. R.* Elementary simple sentence with a verbal predicate in South Siberian Turkic. Novosibirsk, 2008.}

Чертыкова 2005 — *Чертыкова М. Д.* Глаголы говорения в хакасском языке (системно-семантический аспект). Абакан, 2005. {*Chertykova M. D.* Verbs of saying in Khakas (systemic-semantic aspect). Abakan, 2005.}

Чиспияков 1992 — *Чиспияков Э. Ф.* Учебник шорского языка: Пособие для преподавателей и студентов. Кемерово, 1992. {*Chispiyakov E. F.* A Shor textbook: A manual for teachers and students. Kemerovo, 1992.}

Чугунекова 2002 — *Чугунекова А. Н.* Глаголы движения в хакасском языке. Учебное пособие. Абакан, 2002. {*Chugunekova A. N.* Verbs of motion in Khakas. A Manual. Abakan, 2002.}

Шатуновский 1993 — *Шатуновский И. Б.* Семантическая структура предложения, «связка» и нереперентные слова // Вопросы языкознания. 1993, 3. С. 76—85. {*Shatunovskiy I. B.* Sentence semantics, "copula" and non-referential words // Topics in the study of language. 1993, 3. P. 76—85.}

Clark 1978 — *Clark E. V.* Locational: Existential, Locative, and Possessive Constructions // Universals of Human Language. Vol. 4. Syntax / Ed. *Greenberg J.* Stanford, 1978.

Csató 2014 — *Csató É. Á.* Areal features of copula sentences in Karaim as spoken in Lithuania // Eds. *Suihkonen P. M., Lindsay J. V.* On diversity and complexity of languages spoken in Europe and North and Central Asia. (Studies in Language Companion Series.) Amsterdam, 2014. P. 205—219.

Dryer 2007 — *Dryer M. S.* Clause types // *Language Typology and Syntactic Description*. Vol. 1. Clause Structure / Ed. *Shopen T.* Cambridge, 2007. P. 224—275.

Dybo et al. 2019 — *Dybo A., Mal'ceva V., Sheymovitch A., Sultrekova E.* The use of personal markers in the Beltyr dialect of the Khakas language in comparative perspectives // *Turkic Languages*. 2019, 23. P. 31—48.

Hengeveld 1992 — *Hengeveld K.* Non-verbal Predication: Theory, Typology, Diachrony. Functional Grammar Series 15. Berlin, New-York, 1992.

Karakoç 2000 — *Karakoç B.* The finite copula *bol-* in Noghay and its functional equivalents in Turkish // Eds. *Göksel A., Kerslake C.* Studies on Turkish and Turkic Languages. (Turcologica 46.) Wiesbaden, 2000. P. 143—149.

Karakoç 2011 — *Karakoç B.* A new analysis of non-past copular markers and corresponding copular clauses in Karakhanid Turkic // *Turkic Languages*. 2011, 15. P. 171—193.

Karakoç 2014 — *Karakoç B.* Non-past copular markers in Turkish // *Suihkonen P. M., Lindsay J. V.* On diversity and complexity of languages spoken in Europe and North and Central Asia. (Studies in Language Companion Series.) Amsterdam, 2014. P. 221—250.

Karakoç 2019 — *Karakoç B.* Typology of predicative possession in Oghuz and Kipchak Turkic languages // Eds. *Johansson L., Mazzitelli L. F., Nevskaya I.* Possession in Languages of Europe and North and Central Asia. Studies in Language Companion Series (SLCS). Amsterdam / Philadelphia, 2019. P. 125—148.

Lyons 1967 — *Lyons J.* A note on possessive, existential, and locative sentences // *Foundations of Language*. 1967, 3. P. 390—396.

Lyons 1968 — *Lyons J.* Introduction to theoretical linguistics. Cambridge, 1968.

Roy 2013 — *Roy I.* Nonverbal Predication: Copular Sentences at the Syntax-Semantics Interface. Oxford, 2013.

Stassen 1997 — *Stassen L.* Intransitive predication. Oxford, 1997.

Текстовые источники:

Алтайский язык

АА, ЈТЈ — *Адаров А.* Јаан телекейге јол. Горно-Алтайск, 1979.

АА, УБТ — *Адаров А.* Уча берген турналар. Горно-Алтайск, 1980.

БУ, Т — *Укачин. Б.* Туулар туулар ла бойы артар. Горно-Алтайск, 1985.

ГСАЯМ — Грамматика современного алтайского языка. Морфология. Горно-Алтайск, 2017.

ЛК, АК — *Кокышев Л.* Алтайдын кыстары. Горно-Алтайск, 1980.

ЛК, ЈП — *Кокышев Л.* Јүс письмо. Горно-Алтайск, 1990.

О — *Омок ло нак болушчылар.* Горно-Алтайск, 1987.

СС, АКС — *Суразаков С.* Алтайым керегинде сөс. Горно-Алтайск, 1985.

ТШ, АК — *Шинжин Т.* Ак кулун. Горно-Алтайск, 1981.

ЭП, А — *Палкин Э.* Алан. Горно-Алтайск, 1978.

Тувинский язык

ГТЯ — *Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А.* Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М., 1961.

МТ, К — *Тирчин М.* Күдээлер. Кызыл, 1992.

ЭД, ХД — *Донгак Э.* Хөлегеден дескеш. Кызыл, 1990.

Шорский язык

АТ — *Кравков М.* Алтын таг. Новосибирск, 1933.

КГВ — *Косточаков Геннадий Васильевич* (информант).

ШФ — *Дыренкова Н. П.* Шорский фольклор. М.—Л., 1940.

ШГ — *Дыренкова Н. П.* Грамматика шорского языка. М.—Л., 1941.

ЧЭФ — *Чиспяков Э. Ф.* Учебник шорского языка: Пособие для преподавателей и студентов. Кемерово, 1992.

Хакасский язык

ВТ, АТ — *Татарова В.* Аат табызы. Абакан 1991.

ГХЯ — Грамматика хакасского языка. М., 1975.

ИТ, ХӨ — *Топоев И.* Хоңалтыг өдіг. Абакан, 1997.

МТ, ПТ — *Туран М.* Пай тирек. Абакан, 1981.

ФБ, ПТН — *Бурнаков Ф.* Пора тай нанчым. Абакан, 1987.

РЕЗЮМЕ

Синтаксическую систему простого предложения можно представить как набор структурных схем, соотносимых с определенными типичными ситуациями — пропозициями. Элементарное простое предложение (ЭПП), содержащее только обязательные для данной ситуации компоненты, признается нами основной единицей синтаксического уровня языка. ЭПП можно представить обобщенно в виде формулы, которая служит образцом, моделью для построения простых предложений. Хотя системы ЭПП в конкретных тюркских языках индивидуальны, ядро этих систем является более или менее универсальным. Это позволяет проводить сопоставление языков на уровне синтаксических систем путем выделения ЭПП конкретного языка.

Предложения с именным сказуемым формируют отдельную подсистему элементарных простых предложений, отличную от глагольных. Этому способствует сама природа именного предиката, который используется для установления связи между двумя или более объектами или понятиями, а также для описания статичных ситуаций действительности.

Разработанная нами анкета учитывает формальные и семантические особенности именного предложения в тюркских языках Сибири. Ее применение для сбора синтаксического материала позволит получить сравнимые результаты по тюркским языкам и диалектам. Мы описываем первые результаты нашего исследования именных предложений, полученные на ее основе.

SUMMARY

Simple sentences are modelled according to certain structural patterns linked to typical situations they represent — propositions. We consider an elementary simple clause (ESC), i.e. a clause containing only obligatory components of the situation, to be the main entity on the syntax level. ESCs can be represented by their structural schemes. Although the systems of ESCs are language specific, they also have universal core structures. This allows for comparing syntax systems of languages and dialects. Nominal simple clauses form a separate subsystem, different from that of verbal ones, due to the nature of nominal predicates themselves — they establish relations between two or more entities or notions or encode static situations.

The present questionnaire was worked out in order to collect language material on main structural and semantic types of Turkic nominal sentences; it should ensure comparability of syntactic systems of Turkic languages and dialects. Here, we present our first results of research on nominal sentences obtained using the questionnaire.

Ключевые слова: синтаксис, простое именное предложение, бытийное предложение, моделирование, анкета, тюркские языки

Keywords: syntax, nominal clause, existential sentences, sentence patterns, questionnaire, Turkic languages

Невская Ирина Анатольевна, Институт филологии СО РАН (Новосибирск), Франкфуртский университет (Франкфурт-на-Майне); nevskaya@em.uni-frankfurt.de

Irina A. Nevskaya, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk), Frankfurt University (Frankfurt-am-Main); nevskaya@em.uni-frankfurt.de

Озонова Айяна Алексеевна, Институт филологии СО РАН (Новосибирск); ajanao@mail.ru

Aiiana A. Ozonova, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk); ajanao@mail.ru

Теленгитские согласные по инструментальным данным¹

Введение

Теленгиты — тюркская этническая группа, компактно проживающая в Улаганском и Кош-Агачском районах Республики Алтай. Язык теленгитов вместе с языками алтай-кижи и телеутским составляет южную группу диалектов алтайского языка [Баскаков 1958: 29; Щербак 1994: 39—40; ДТЯ 2010: 83—107; Чумакаев 2014: 261—263]. В 2000 г. теленгиты как субэтнос алтайцев были отнесены к коренным малочисленным народам Российской Федерации, а теленгитский диалект получил статус самостоятельного языка. Теленгиты контактируют с другими тюрко- и нетюркоязычными народами. Так, ближайшими тюркоязычными народами, живущими по соседству с теленгитами, являются тубалары, тувинцы, казахи; из нетюркских народов теснее всего связи теленгитов с монголами [Алмадакова 2012: 19; 2016: 20].

Язык теленгитов описан значительно хуже остальных алтайских идиомов [Газранова 2017: 269]. Вместе с тем труднодоступность населенных пунктов, изолированность проживания теленгитов обусловили относительную сохранность их языковой самобытности и стремление к сохранению родного языка как одного из основных компонентов этнической идентичности. Об этом же свидетельствуют и результаты этносоциологических исследований, проводимых сотрудниками НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова (г. Горно-Алтайск) [Екеев 2014: 426]. Сохранение народом культурно-языковых традиций, своей речевой аутентичности повышает значимость данных языка теленгитов для выявления истории формирования этнолингвистического ландшафта саяно-алтайского региона.

Особую актуальность представляют результаты исследования артикуляционно-акустической базы (ААБ) теленгитов, выявления ее специфики по результатам анализа произносительных настроек, визуализированных методом магнитно-резонансного томографирования (МРТ). Для сопоставления привлекаются также данные акустического анализа современных аудиофайлов с использованием программы Speech Analyzer.

Статья посвящена изучению артикуляторных настроек локальных классов шумных согласных языка теленгитов: переднеязычных, среднеязычных и гуттуральных. Цель исследования — описание произносительных укладов консонантов рассматриваемых кластеров и выявление специфики ААБ теленгитов по сравнению с описанными ранее территориальными говорами диалекта алтай-кижи [Селютина, Добринина 2014, 2016]. Диалект алтай-кижи — опорный диалект алтайского литературного языка, включает в себя ряд территориальных говоров — онгудайский, усть-канский, усть-коксинский, шебалинский, чемальский и др. При всем сходстве ААБ генетически родственных и типологически близких алтайских идиомов, в каждом из них отмечаются свои особенности. В перспективе представленный экспериментально-фонетический материал в совокупности с данными исторических и лингвистических дисциплин может быть использован для реконструкции истории языков и этнических групп [Наделяев 1980: 5—6; 1986: 3—15; Зиндер 1984: 8—12; Касаткин 2017: 653—659].

В данной статье не ставится специальной задачей выявление инвентаря согласных фонем в языке теленгитов. Авторы опираются на результаты, полученные ранее С. И. Машталиром на доинструментальном этапе исследования путем применения комплекса лингвистических методов, основанных на принципе смысловоразличительной функции фонемы. С. И. Машталик выделил 17 согласных фонем: [p]₁, [p]₂, [m], [t]₁, [t]₂, [s], [ʃ], [n], [r], [l], [h], [ŋ], [hç], [j], [k]₁, [k]₂, [ŋ] [Машталик 1985: 79].

Инструментальный материал, приведенный в статье, получен в 2009—2014 гг. при выполнении работ по теме «Сравнительные исследования артикуляционных баз коренных народов Сибири методами высокопольной магнитно-резонансной томографии, цифровой рентгенографии и ларингографии высокого разрешения» в рамках междисциплинарного интеграционного проекта № 121 конкурса фундаментальных исследований Сибирского отделения РАН.

Одной из задач проекта была фиксация современными аппаратными методами артикуляторных настроек гласных и согласных звуков с максимально возможным включением в исследовательскую базу языков и диалектов малочисленных этносов Сибири, многие из которых находятся под угрозой исчезновения.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, грант № 15-18-00044 «Информационная система для описания малочисленных языков народов мира. Создание описаний алтайских и уральских языков России, находящихся на грани исчезновения».

вения. С учетом большого массива языков различного генезиса и типологии, сложности транспортировки дикторов в Новосибирск для проведения эксперимента в стационарных условиях Института СО РАН — исполнителей проекта, длительности процесса томографирования в нескольких проекциях, а также дороговизны съемок, к сожалению, не представлялось возможным документировать произносительные образцы звуков во всех возможных позициях и комбинациях в словоформе.

По условиям эксперимента, для получения соматических данных методами статического магнитно-резонансного томографирования, рентгено-, дентопалатографирования наиболее предпочтительной для фиксации является ауслустная настройка звука, позволяющая испытуемому затянуть артикуляцию во времени, а оператору вовремя включить аппаратуру, что в комплексе обеспечивает адекватность получаемого материала. При невозможности съемок звука в финальной позиции слова (или слога) из-за ограниченной дистрибуции звука или при необходимости уточнения его характеристик в позициях, отличных от конечной, в программу эксперимента включались слова, содержащие рассматриваемый звук в начальном или медиальном положении. Указанные обстоятельства вынуждают ограничивать программу эксперимента: список словоформ для томографической визуализации настроек согласных звуков языка теленгитов, рассматриваемых в данной статье, включает 39 единиц. Расшифровка и интерпретация томографических данных проводится непосредственно по томограммам, томосхемы представлены для иллюстрации.

При расшифровке и количественной обработке осциллограмм и спектрограмм, полученных с помощью компьютерной программы создания и обработки звуковых файлов *Speech Analyzer*, не только измерялась абсолютная длительность (АД) словоформ, звуков или их компонентов, но и вычислялась средняя абсолютная длительность звука (САДЗ) в словоформе. Учет САДЗ необходим для перевода абсолютных данных в относительные — относительную длительность гласных (ОДГ) и согласных (ОДС), так как только относительная длительность «имеет лингвистическое значение» [Зиндер 1979: 187] и «в фонологии существенны не абсолютные физические характеристики звука, а относительные» [Принципы описания языков 1976: 297]. За основу определения относительной длительности звуков взят метод, предложенный В. Хайнитцем [Heinitz 1966: 153; см. также: Essen 1966: 165—168], с принятым в работах сибирских фонетистов процентным перечислением по отношению к САДЗ. В словоформах, имеющих два слога и более, относительная длительность звука вычисляется по отношению к средней абсолютной длительности согласного (САДС) или к средней абсолютной длительности гласного (САДГ) в данной словоформе (соответственно).

Инструментальные данные, используемые в данной статье, получены и в различной степени обработаны по шести информантам-теленгитам, носителям улаганского и кош-агачского говоров. Иллюстративный томографический и акустический материал приводится по диктору 1, родившемуся в с. Кара-Кудюр Улаганского района и выросшему в с. Саратан этого же района, за исключением словоформы *сагыш* ‘мысль’ (рис. 34), записанной от диктора 2, родившегося в г. Барнаул, но с детства владеющего теленгитским языком. Для передачи теленгитских языковых материалов используется Универсальная унифицированная фонетическая транскрипция (УУФТ), разработанная В. М. Наделяевым [Наделяев 1960] и получившая дальнейшее развитие в работах сибирских фонетистов (список трудов см. на сайте <http://www.philology.nsc.ru/departments/lefi/books/index.php>). Словоформы приводятся в статье в фонической транскрипции средней степени точности.

Система соответствий фонетических транскрипционных стандартов УУФТ и МФА при передаче консонантных компонентов речи, а также анализ научных принципов, положенных в основу сопоставляемых транскрипционных стандартов, их достоинств и недостатков представлены в статье, опубликованной в журнале «Урало-алтайские исследования» [Уртегешев, Селютин, Эсенбаева и др. 2009]; соответствия вокальных речевых составляющих в системах МФА и УУФТ представлены в работе Н. С. Уртегешева [Уртегешев 2016]. Выбор стандарта УУФТ, обладающего безусловными преимуществами по сравнению с другими артикуляторно ориентированными транскрипционными системами в силу своей универсальности и систематичности и предоставляющего возможности для адекватной фиксации фонетических систем как на фоническом, так и на фонематическом уровнях, обусловлен требованием сопоставимости приведенных в статье данных с полученными ранее материалами по языкам народов Сибири и сопредельных регионов (более 60 идиомов), их описаниями и интерпретациями, выполненными лингвистами с использованием единой транскрипционной базы.

1. Шумные переднеязычные согласные

Теленгитский диалект впервые был описан Н. А. Кучигашевой, отметившей наличие существенных расхождений его с алтайским литературным языком «в долготах гласных, в законах губной и небной

гармонии, в своеобразном употреблении гласных и согласных фонем в той или иной позиции, в некоторых грамматических категориях и в лексике». Вместе с тем, исследовательница констатировала отсутствие существенных расхождений в звуковом составе: в теленгитском диалекте, как и в литературном языке, функционируют восемь гласных и двадцать три согласные фонемы, в том числе шесть шумных переднеязычных единиц, простых по способу образования: *д, ж, з, с, т, ш* [Кучигашева 1961: 57—58]. Те же шесть шумных переднеязычных согласных выделяет и Г. Ф. Бабушкин [Бабушкин 1966: 170].

С. И. Машталир выявил в языке улаганских теленгитов класс шумных переднеязычных согласных, включающий звуки *t, d, s, z, ʃ, ʒ*. При словообразовании и словоизменении инициальный и финальный *t*, оказавшись в интервокале, замещается звуком *d*, что дало основание для интерпретации указанных фонем в качестве аллофонов одной фонемы [t]₁. Кроме того, в интервокальной и медиально-постсонантной позициях звук *d* контрастирует со звуком *t*, являющимся манифестантом самостоятельной фонемы [t]₂. Несколько иные системные отношения констатируются в ряду шумных переднеязычных щелевых согласных: хотя при аффиксации звуки *s* и *ʃ*, оказавшись в интервокальном положении, замещаются звонкими *z* и *ʒ*, это чередование не является последовательным и облигаторным, во многих случаях озвончения не происходит, что позволяет рассматривать интервокальные щелевые в качестве факультативных оттенков фонем [s] и [ʃ] [Машталир 1985: 71—74, 79].

А. К. Бидинова также отмечает специфику функционирования звуков *-с-* и *-ш-* в кош-агачском говоре теленгитского диалекта: в интервокальной и постсонантной позициях они не замещаются звуками *-з-* и *-ж-* и произносятся как относительно глухие *-с-* и *-ш-*: к-а. *кашаа* — лит. *кажаган* ‘скотный двор’, к-а. *көбүсү* — лит. *көбүзи* ‘большая часть’, к-а. *карындашым* — лит. *карындажым* ‘младший брат=мой’. Однако в речи носителей улаганского говора, а также жителей с. Курай, представляющих кош-агачский говор, могут использоваться как глухие, так и звонкие варианты. Данная тенденция чаще всего свойственна речи среднего и молодого поколения улаганского говора — звонкие и глухие варианты могут встречаться в речи одного и того же информанта: улг. *турасы/туразы* — лит. *туразы* ‘дом=его’, улг. *бышыр/быжыр* — лит. *быжыр* ‘печь’. Старшее поколение предпочитает использовать в речи глухой вариант: улг. *кошан* — лит. *кожон* ‘песня’, улг. *ортасы* — лит. *ортозы* ‘середина=его’. Глухой вариант *-с-* в говорах теленгитского диалекта используется и в заимствованиях из русского языка: улг. *гасет* — рус. *газета*, улг. *мусыка* — рус. *музыка* [Бидинова 2015: 242; 2018: 91—92].

Более радикальной точки зрения на особенности реализации шипящих и свистящих согласных в словоформах придерживается Н. Д. Алмадакова: «В отличие от алтай-кижи диалекта, в улаганском диалекте в любой позиции реализуется звук *ш*: *аршаан* (‘целебный источник’. — *Авт.*), *кариу* ‘вред, зло’, *ашан* ‘употреблять пищу’ и др. Аналогичное явление наблюдается и в разговорной речи носителей алтай-кижи диалекта». Относительно звука *з* отмечается, что в улаганском диалекте звонкий согласный *з* не употребляется, во всех позициях реализуется *с* [Алмадакова 2016: 96—97].

Таким образом, исследователи языка теленгитов выделяют класс шумных переднеязычных согласных звуков, простых по способу образования (смычных и щелевых), включающий от шести до четырех единиц: *t, d, s, (z), ʃ, (ʒ)*. Нет единства мнений относительно функционирования в языке звонких щелевых согласных *z* и *ʒ*. С. И. Машталир интерпретирует интервокальные *z* и *ʒ* как факультативные оттенки фонем [s] и [ʃ]; в принципе эту же тенденцию отмечает А. К. Бидинова в речи молодых носителей языка теленгитов; по мнению Н. Д. Алмадаковой, звонкие *z* и *ʒ* не свойственны языку теленгитов. Мы придерживаемся точки зрения о факультативном характере использования звуков *z* и *ʒ* в речи теленгитов. При медленном и отчетливом произношении звуки *z* и *ʒ*, как правило, реализуются; в беглой спонтанной речи они замещаются глухими коррелятами.

В зависимости от конфигурации передней части спинки языка в группе переднеязычных согласных принято выделять «четыре подгруппы: дорсальные, когда действует вся передняя часть языка с опущенным кончиком; апикальные, когда действует самый кончик языка; какуминальные, когда загнут вверх весь передний край языка; ретрофлексные, когда кончик языка загнут вверх и назад» [Зиндер 1979: 148—149]. Как свидетельствуют инструментальные данные, в тюркских языках Южной Сибири согласные данного функционального ряда реализуются преимущественно как дорсальные, реже — как апикальные альвеолярные или какуминальные; ретрофлексные артикуляции, представленные, например, в дравидийских (тамилский, телугу) и индоевропейских языках северной Индии (хинди) [Ladefoged, Maddieson 1996: 27], не свойственны южносибирскому тюркскому ареалу [Уртегешев 2002, 2004; Сербашева 2004; Рыжикова 2005; Кечил-оол 2006; Субракова 2006, 2017; Селютина, Уртегешев, Эсенбаева и др. 2013]. Ниже рассматриваются шумные переднеязычные смычные согласные *т* и *д*, щелевые свистящие *с* и *з* и щелевые шипящие *ш* и *ж*.

1.1. Смычные согласные *m* «*t*» и *ɖ* «*d*»

Реализации теленгитской фонемы $[t]_1$ — глухая *m* « t° » и соответствующая звонкая \mathfrak{d} « d° » — зафиксированы на томограммах в составе звуковых оболочек твердоядных словоформ: согласный *m* в финально-поствокальной позиции в словоформе *am* ‘конь’, соответствующий звонкий \mathfrak{d} — в интервокальной позиции в слове *ɣyda* ‘копье’ (рис. 1—2). Глухой интервокальный аллофон « t° » фонемы $[t]_2$ представлен на томограмме в слове *ɣyta* ‘нюхай!’ (рис. 3).

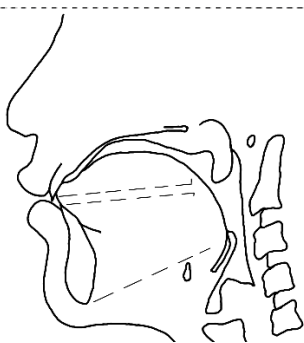

Рис. 1. Звук *m* в слове *am* ‘конь’

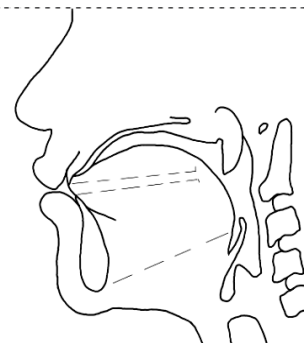

Рис. 2. Звук *d* в слове *ɣyda* ‘копье’

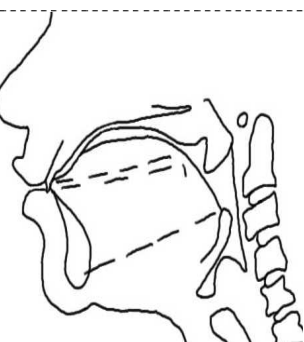
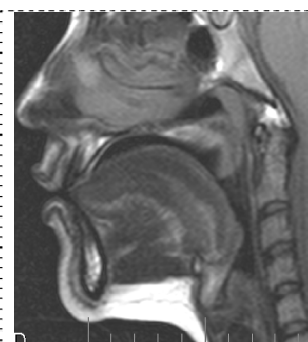

Рис. 3. Звук *m* в слове *ɣyta* ‘нюхай!’

Все настройки характеризуются как смычные переднеязычные дорсальные (сильнодорсальные согласные типа *m* и умереннодорсальный \mathfrak{d}) по активному органу артикуляции, дентально-альвеолярные — по пассивному, одноканально ротовые. Приподнятость задней части спинки языка к границе твердого и мягкого неба обуславливает веляризацию настроек — умеренную при производстве звонкого аллофона \mathfrak{d} фонемы $[t]_1$ и более сильно выраженную в глухих манифестациях фонем $[t]_1$ и $[t]_2$. Плотная сомкнутость небной занавески с задней стенкой глотки и напряженная оттянутость увулы к корню языка детерминируют увуларизацию настроек

— от слабовыраженной у \mathfrak{d} до сильной у манифестации глухой фонемы $[t]_2$. Сильная оттянутость нижней части корня языка с плотно прилегающим к нему эпиглоттисом к задней стенке фаринкса свидетельствует о фарингализованном произношении всех трех анализируемых артикуляций — сверхслабофарингализованном при продуцировании согласного \mathfrak{d} и сильнофарингализованном при реализации фонемы $[t]_2$ в словоформе *ɣyta*. Для аллофонов обеих фонем характерна значительная напряженность артикуляторного аппарата — умеренная при продуцировании звонкого интервокального \mathfrak{d} и сильная в глухих настройках обеих фонем. Всем анализируемым настройкам свойственна умеренная лабиализация с выпячиванием губ, более выраженная при реализации фонемы $[t]_2$. Заднеротово-глоточный отдел резонаторной полости при артикулировании глухого финально-поствокального оттенка фонемы $[t]_1$ вытянут по высоте вследствие опущенности гортани, что свидетельствует об инъективности настройки. Продуцирование аллофона фонемы $[t]_2$, напротив, осуществляется с приподнятой гортанью и опущенным вниз корнем языка, что детерминирует сокращение резонаторной трубы по вертикали и позволяет квалифицировать настройку как эйективную [Уртегешев 2002: 107—109, 110—112].

Результаты анализа настроек фонем $[t]_1$ и $[t]_2$ по данным МРТ позволяют дать им следующие определения.

Глухой финально-поствокальный оттенок фонемы $[t]_1$ в словоформе *am* ‘конь’ квалифицируется как шумный смычный переднеязычный сильнодорсальный дентально-альвеолярный ротовый сильнонапряженный слаболабиализованный веляризованный увуларизованный фарингализованный инъективный согласный; точная индексовая характеристика: « t° » = $ab^{1/6}$; $(2^{1/4})b^{1/6}$ » (где буквенным символом *a* обозначен кончик языка, символом *b* — передняя часть спинки языка).

Звонкий интервокальный аллофон фонемы $[t]_1$ в лексеме *ɣyda* ‘копье’ определяется как шумный смычный переднеязычный умереннодорсальный дентально-альвеолярный ротовый умереннонапряжен-

ный умереннолабиализованный умеренновеляризованный умеренноувуларизованный сверхслабофарингализованный согласный; индекс: « ʔ^{d} » = $a^{1/2}; 25^{1/4}$ ».

Интервокальный репрезентант глухой фонемы $[t]_2$ в словоформе *ʏта* ‘нюхай!’ интерпретируется как шумный смычный переднеязычный сильнодорсальный дентально-альвеолярный ртовый сильнонапряженный умереннолабиализованный сильновеляризованный сильноувуларизованный сильнофарингализованный эйективный согласный; индекс: « ʔ^{t} » = $ab^{1/5}; (2^{1/2})6^{1/5}$ ».

При проведении акустического анализа в программе Speech Analyzer в твердоярдной словоформе *ат* « $\text{ʔ}^{\text{d}}\text{ʔ}^{\text{t}}\text{ʔ}^{\text{a}}$ » ‘конь’ рассматривался финальный звук « $\text{ʔ}^{\text{t}}\text{ʔ}^{\text{a}}$ » (рис. 4). Поскольку по законам теленгитской фонотактики инициальному гласному словоформы облигаторно предшествует согласный компонент — чаще всего гортанный смык, — который по теоретическим основаниям не может быть включен в состав гласного, словоформа квалифицируется как состоящая из трех звуков. Абсолютная длительность (АД) всей словоформы составляет 433,7 мс, средняя абсолютная длительность звука в словоформе (САДЗ) 144,6 мс. Абсолютная длительность анализируемого согласного (АДС) « $\text{ʔ}^{\text{t}}\text{ʔ}^{\text{a}}$ » — 267,0 мс, относительная длительность согласного (ОДС) « $\text{ʔ}^{\text{t}}\text{ʔ}^{\text{a}}$ » — 184,65% САДЗ. Рассматриваемый консонантный звук « $\text{ʔ}^{\text{t}}\text{ʔ}^{\text{a}}$ » состоит из следующих компонентов: глухого щелевого $\theta = 53,8$ мс (20,15% АДС), смычной части = 92,4 мс (34,61% АДС), гортанного смыка $\text{ʔ} = 9,3$ мс (3,48% АДС) и взрыва согласного с аспирацией = 111,5 мс (41,76% АДС). Гласный фарингализованный с резконисходящим тоном. Приведенные данные позволяют определить шумный согласный « $\text{ʔ}^{\text{t}}\text{ʔ}^{\text{a}}$ » в финальной позиции как долгий смычный глухой непалатализованный сильнопридыхательный медиальноларингализованный.

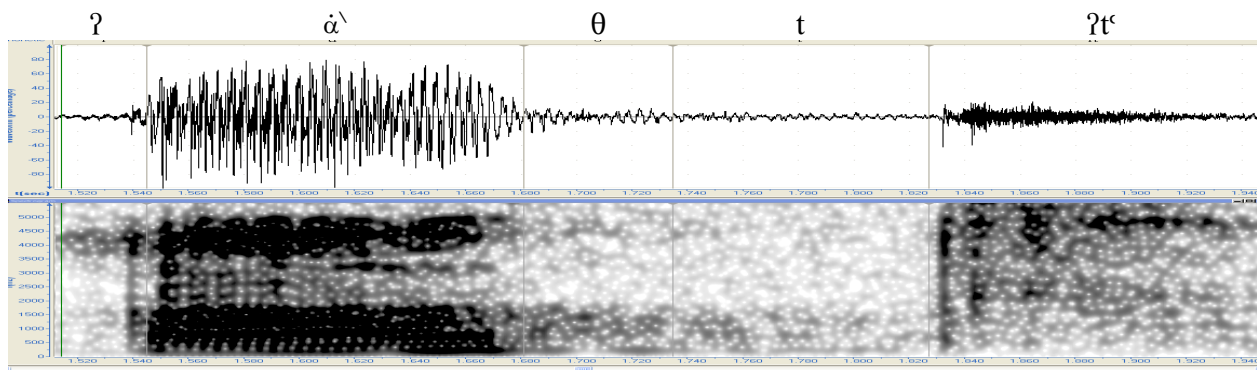

Рис. 4. Осциллограмма и спектрограмма словоформы *ат* ‘конь’

В твердоярдной словоформе *ʏда* « $\text{ʔ}^{\text{h}}\text{ʔ}^{\text{c}}\text{ʔ}^{\text{d}}\text{ʔ}^{\text{a}}$ » ‘копье’ с общей абсолютной длительностью 503,6 мс анализируется интервокальный звук « $\text{ʔ}^{\text{d}}\text{ʔ}^{\text{c}}$ » (рис. 5). САДЗ в лексеме, состоящей из четырех звуков, равна 125,9 мс. АДС звука « $\text{ʔ}^{\text{d}}\text{ʔ}^{\text{c}}$ » составляет 102,7 мс, ОДС « $\text{ʔ}^{\text{d}}\text{ʔ}^{\text{c}}$ » — 81,57% САДЗ. Рассматриваемый консонант « $\text{ʔ}^{\text{d}}\text{ʔ}^{\text{c}}$ » состоит из следующих компонентов: звонкой части $d = 51,5$ мс (50,15% АДС), глухой смычки = 21,1 мс (20,55% АДС), гортанной смычки $\text{ʔ} = 10,0$ мс (9,74% АДС) и взрыва согласного с аспирацией = 20,1 мс (19,57% АДС). Указанные акустические параметры позволяют определить шумный согласный « $\text{ʔ}^{\text{d}}\text{ʔ}^{\text{c}}$ » в интервокальной позиции как краткий смычный полувзвонкий непалатализованный слабопридыхательный медиальноларингализованный.

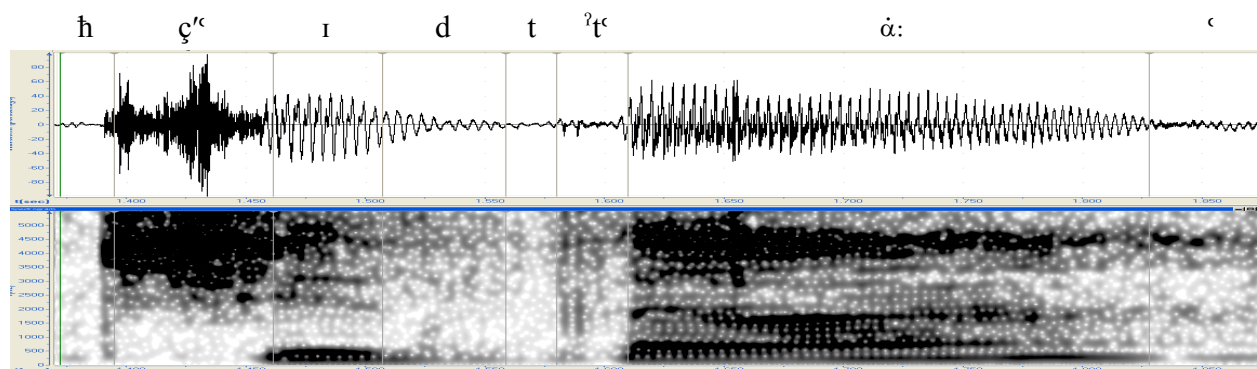

Рис. 5. Осциллограмма и спектрограмма словоформы *ʏда* ‘копье’

В твердоярдной словоформе *ɟыта* «^ʔhʃʹɪt:ˈɑ:ˈɕ» ‘нюхай!’, состоящей из четырех звуков, рассматривается медиальный звук «^θt:ˈɕ» (рис. 6). АД всей словоформы составляет 689,9 мс, САДЗ = 172,5 мс. АДС анализируемого согласного «^θt:ˈɕ» = 208,1 мс, ОДС «^θt:ˈɕ» = 120,64% САДЗ. Консонантный звук «^θt:ˈɕ» состоит из трех компонентов: фрикативного глухого θ = 24,4 мс (11,73% АДС), смычного t = 161,0 мс (77,37% АДС) и взрыва с аспирацией = 22,7 мс (10,90% АДС). Приведенные данные позволяют определить шумный согласный «^θt:ˈɕ» в медиальной позиции как долгий смычный глухой непалатализованный умереннопридыхательный.

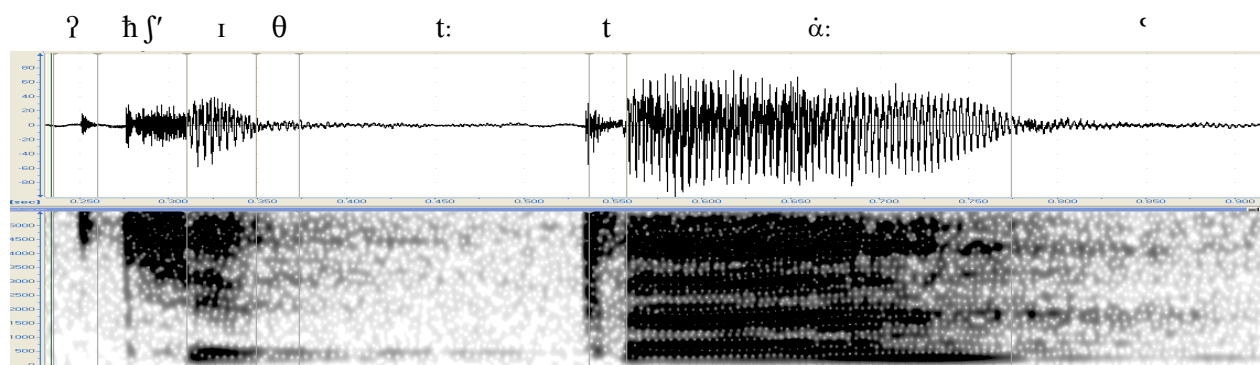

Рис. 6. Осциллограмма и спектрограмма словоформы *ɟыта* ‘нюхай!’

1.2. Щелевые согласные с «s» и з «z»

Глухие аллофоны теленгитской шумной щелевой свистящей фонемы [s] описываются по статическим томограммам настроек, зафиксированных в финально-поствокальной позиции: оттенок «^ʔs ˚˚» — в составе твердоярдной словоформы *ас* ‘мало’, вариант «^ʔs ˚˚» — в мягкорядной лексеме *кес* ‘режь!’ (рис. 7—8).

Рис. 7. Звук с в слове *ас* ‘мало’

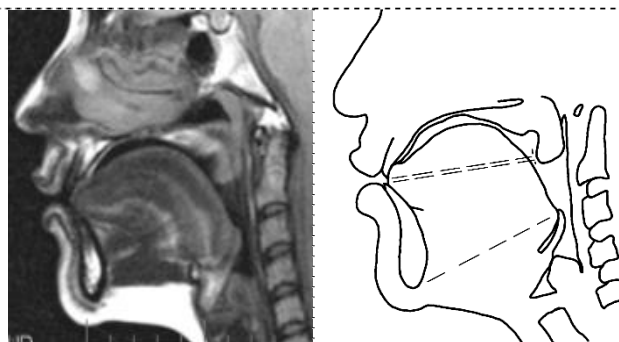

Рис. 8. Звук с в слове *кес* ‘режь!’

Артикуляторные настройки шумных глухих репрезентантов фонемы [s] квалифицируются как узкощелевые (~ сверхузкощелевые) переднеязычные дорсальные по активному артикулирующему органу, альвеолярные — по пассивному. Дополнительное к основной артикуляции огубление в представленных оттенках имеет свою специфику — звук *с* в слове *ас* лабиализуется путем сближения губ (губное отстояние меньше зубного) со слабым их выпячиванием, в то время как при произнесении *с* в слове *кес* эффект лабиализации формируется значительным выдвиганием губ вперед. В отличие от твердоярдного коррелята, мягкорядный сингармонический вариант определяется как слабопалатализованный. Обе манифестации являются веларизованными — межзубно-задняя часть спинки языка поднята к задней части твердого неба, а также увуларизованными — при плотной сомкнутости небной занавески с задней стенкой носоглотки, обеспечивающей одноканальную оральность, увула активно и напряженно направлена к корню языка. Нижняя треть корня языка с плотно прилегающим к нему надгортанником оттянута к задней стенке фаринкса, обуславливая дополнительный эффект фарингализации настройки. Артикуляция продуцируется с сильной напряженностью речевого аппарата при реализации твердоярдного варианта фонемы [s] и с умеренновыраженной — при произнесении мягкорядного аллофона. Высота заднеротово-глоточного отдела резонатора при произнесении согласного *с* в словоформе *кес* ‘режь!’ значительно больше по сравнению с его коррелятом в лексеме *ас* ‘мало’ вследствие сильного опущения гор-

тани и корня языка, что указывает на инъективность настройки мягкорядного аллофона и эйективность твердорядного.

Результаты изучения томограмм позволяют дать аллофонам теленгитской фонемы [s] следующие определения.

Глухой финально-поствокальный оттенок фонемы [s] в словоформе *ac* ‘мало’ квалифицируется как шумный узкощелевой переднеязычный умереннодорсальный альвеолярный ртовый сильнонапряженный лабиализованный веларизованный увуларизованный фарингализованный эйективный согласный; точная индексная характеристика: « $\underset{z}{s}^{\circ}$ = $(a^{1/4})^{1/8}$; 45».

Глухой финально-поствокальный аллофон фонемы [s] в словоформе *kes* ‘режь!’ определяется как узкощелевой переднеязычный слабодорсальный альвеолярный ртовый умереннонапряженный лабиализованный слаболатализованный веларизованный увуларизованный слабофарингализованный инъективный согласный; индексная характеристика: « $\underset{z}{s}^{\circ}$ = $(a^{2/3})^{1/8}$; 5».

При проведении акустического анализа словоформы *ac* « $\underset{z}{\lambda}\underset{\lambda}{\lambda}\underset{z}{s}$ » ‘мало’, состоящей из трех звуков, поскольку инициальному гласному предшествует гортанный смык, рассматривается финальный согласный « $\underset{z}{s}$ » (рис. 9). Абсолютная длительность всей словоформы составляет 523,1 мс, средняя абсолютная длительность звука в словоформе 174,4 мс. Абсолютная длительность рассматриваемого согласного « $\underset{z}{s}$ » — 304,3 мс, относительная длительность согласного « $\underset{z}{s}$ » — 174,48% САДЗ. Консонант « $\underset{z}{s}$ » состоит из двух компонентов: небольшого звонкого $z = 12,3$ мс (4,04% АДЗ) и глухого $\bar{s} = 292,0$ мс (95,96% АДЗ). Приведенные данные позволяют определить шумный согласный « $\underset{z}{s}$ » в финальной позиции как долгий затянутый щелевой глухой непалатализованный непридыхательный.

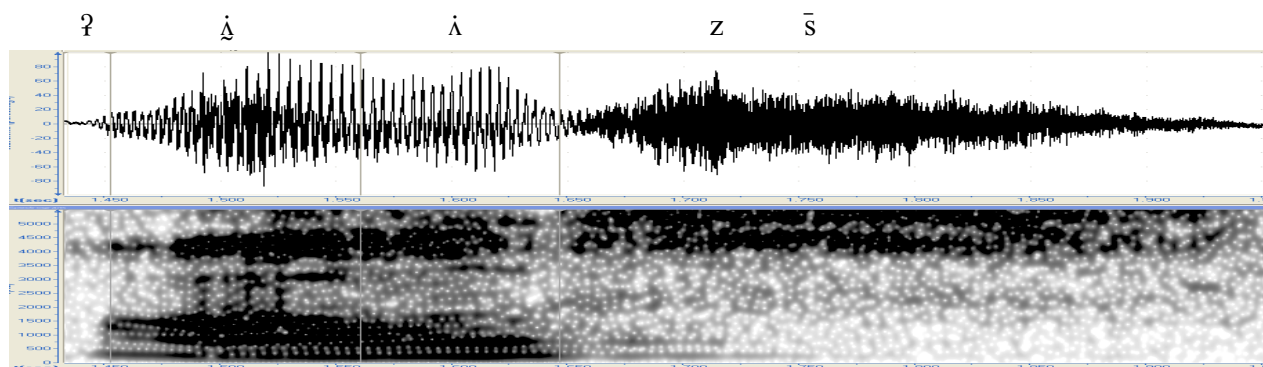

Рис. 9. Осциллограмма и спектрограмма словоформы *ac* ‘мало’

Как отмечалось выше, характеристика интервокальных аллофонов фонемы [s] по параметрам звонкости-глухости в языке теленгитов факультативна. В вырезанной из контекста мягкорядной словоформе *ʏze* « $\underset{z}{y}\underset{s}{s}^{\circ}\underset{z}{z}e:j^{\circ}$ » ‘весь’, состоящей из четырех звуков (в позиции внешнего сандхи за финальным гласным *e* следует *j*-образный консонант), рассматривается интервокальный звук « $\underset{z}{s}^{\circ}$ » (рис. 10). АД всей словоформы составляет 398,2 мс, САДЗ в словоформе = 99,6 мс. АДЗ « $\underset{z}{s}^{\circ}$ » = 107,3 мс, ОДЗ « $\underset{z}{s}^{\circ}$ » = 107,73% САДЗ. Рассматриваемый консонантный звук « $\underset{z}{s}^{\circ}$ » состоит из трех компонентов: звонкого $z = 7,6$ мс (7,08% АДЗ), глухого $s^{\circ} = 88,8$ мс (82,76% АДЗ) и звонкого $z = 10,9$ мс (10,16% АДЗ), звонкость реализуется лишь на коартикуляционных участках. Шумный согласный « $\underset{z}{s}^{\circ}$ » в интервокальной позиции определяется как краткий щелевой глухой (перцептивно звонкий) слаболатализованный непридыхательный.

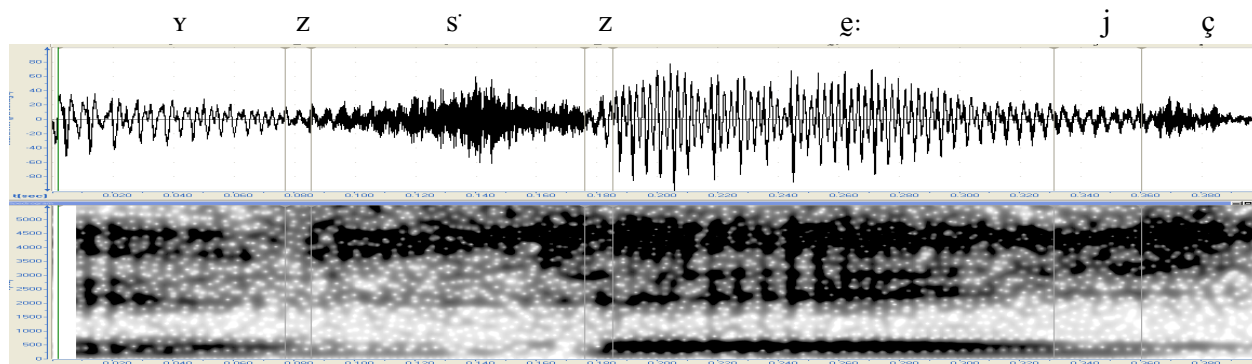

Рис. 10. Осциллограмма и спектрограмма словоформы *ʏze* ‘весь’

1.3. Щелевые согласные *ш* «ʃ» и *ж* «ʒ»

Глухие аллофоны *ш* «ʃ°» теленгитской шумной щелевой шипящей фонемы [ʃ] описываются по статическим томограммам финально-поствокальных настроек, зафиксированных в словоформах *аш* ‘пища’ и *пеш* ‘пять’ (рис. 11—12). Звонкая медиально-интервокальная манифестация *ж* «ʒ°» представлена на динамической томограмме в слове *кижи* ‘человек’ (рис. 13).

Рис. 11. Звук *ш* в слове *аш* ‘пища’

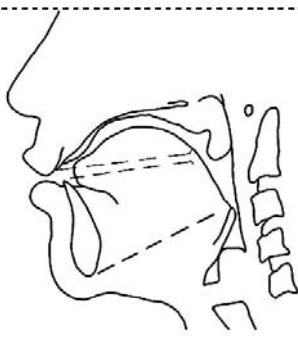

Рис. 12. Звук *ш* в слове *пеш* ‘пять’

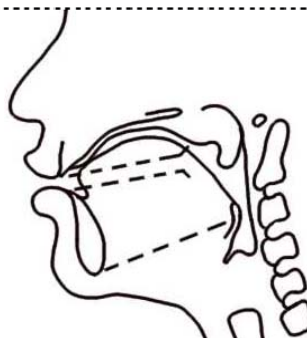
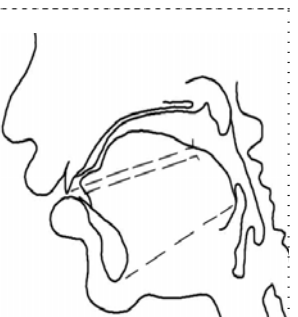

Рис. 13. Звук *ж* в слове *кижи* ‘человек’

Артикуляторные характеристики твердоярдного и мягкорядного глухих финально-поствокальных аллофонов фонемы [ʃ] совпадают, отличия в степени проявления того или иного признака носят характер речевого варьирования. Реализации определяются как узкощелевые (~ сверхузкощелевые) переднеязычные слабодорсальные альвеолярные ротовые сильнонапряженные лабиализованные слабопалатализованные увуларизованные фарингализованные согласные; точная индексная характеристика твердоярдного оттенка в словоформе *аш* ‘пища’: «ʃ° = (a^{1/5})^{1/4}; 56», в лексеме *пеш* ‘пять’:

«ʃ° = (a^{1/5})^{1/3}; 56^{1/8}». При этом степень дорсальности, огубления, увуларизации и фарингализации мягкорядного аллофона в слове *пеш* выше, чем у твердоярдного коррелята. Звонкий интервокальный мягкорядный аллофон в словоформе *кижи* ‘человек’, совпадая по большинству параметров с характеристиками глухих манифестаций фонемы, отличается от них несколько более сильно выраженной палатализацией (она определяется как умеренная), отсутствием дополнительной увуларизации и умеренной степенью проявления фарингализации; точная индексная характеристика согласного: «ʒ° = (a)^{1/3}; (3^{1/5})^{4/5}5^{1/6}».

Соотношение показателей высоты заднерново-глоточных отделов резонаторной трубы в настройках рассматриваемых аллофонов свидетельствует об инъективности артикуляции звука *ш* в словоформе *аш* ‘пища’, эйективности реализации *ш* в лексеме *пеш* ‘пять’ и о нейтральности (статичности) оттенка *ж* в слове *кижи* ‘человек’ [Уртегешев 2002: 264].

При проведении акустического анализа в программе Speech Analyzer в твердоярдной словоформе *аш* «ʃ°» ‘пища’ рассматривался финальный звук «ʃ°» (рис. 14). Инициальному гласному предшествует гортанный согласный, включающий звонкий щелевой компонент, и глухой смычный с аспирированным взрывом. Абсолютная длительность всей словоформы, состоящей из трех звуков, составляет 607,5 мс, средняя абсолютная длительность звука в словоформе = 202,5 мс. Абсолютная длительность анализируемого согласного «ʃ°» — 254,6 мс, относительная длительность «ʃ°» — 125,73% САДЗ. Рассматриваемый консонантный звук «ʃ°» состоит из двух компонентов: небольшого звонкого *ʒ*° = 10,9 мс (4,28% АДЗ) и глухого *ʃ*° = 243,7 мс (95,72% АДЗ). Приведенные данные позволяют определить шумный согласный «ʃ°» в финальной позиции как полудолгий затянутый щелевой глухой умереннопалатализованный непридыхательный.

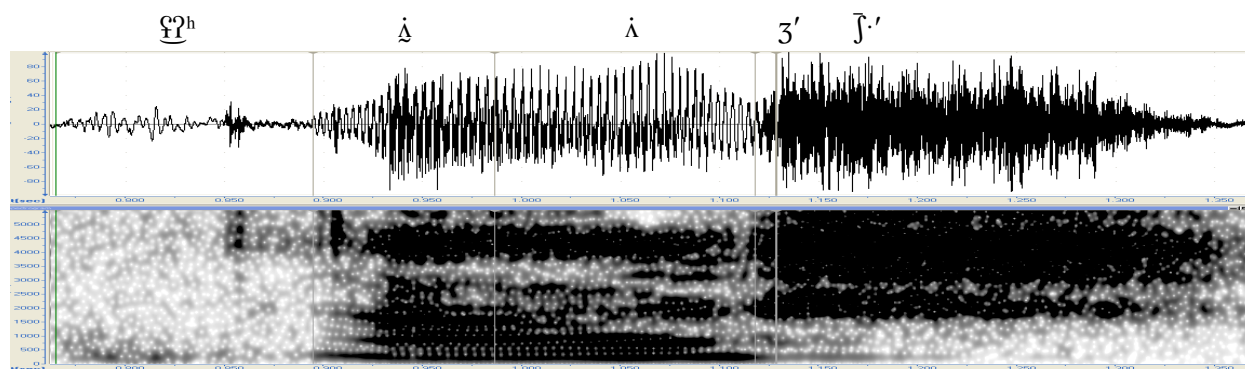

Рис. 14. Осциллограмма и спектрограмма словоформы *аш* 'пицца'

Аналогично интервокальным реализациям свистящей фонемы [s], аллофоны шипящей фонемы [ʃ], находясь в позиции между двумя гласными, состоят в отношениях свободного варьирования относительно выбора звонкого или глухого варианта — характеристика согласных по работе голосовых связок факультативна. В мягкорядной словоформе *кижи* «*kʰʃʰi:ʃi*» 'человек', состоящей из четырех звуков, рассматривается интервокальный звук «*ʃʰi:*» (рис. 15). АД всей словоформы составляет 432,6 мс, САДЗ в словоформе 108,2 мс. АДС рассматриваемого согласного — 167,3 мс, ОДС согласного «*ʃʰi:*» — 154,62% САДЗ. Рассматриваемый консонантный звук «*ʃʰi:*» состоит из двух компонентов: звонкого *ʒ'* = 19,6 мс (11,72% АДС) и глухого *ʃ':* = 147,7 мс (88,28% АДС). Приведенные данные позволяют определить шумный согласный «*ʃʰi:*» в интервокальной позиции как долгий щелевой глухой (по перцептивному впечатлению — звонкий) умереннопалатализованный непридыхательный.

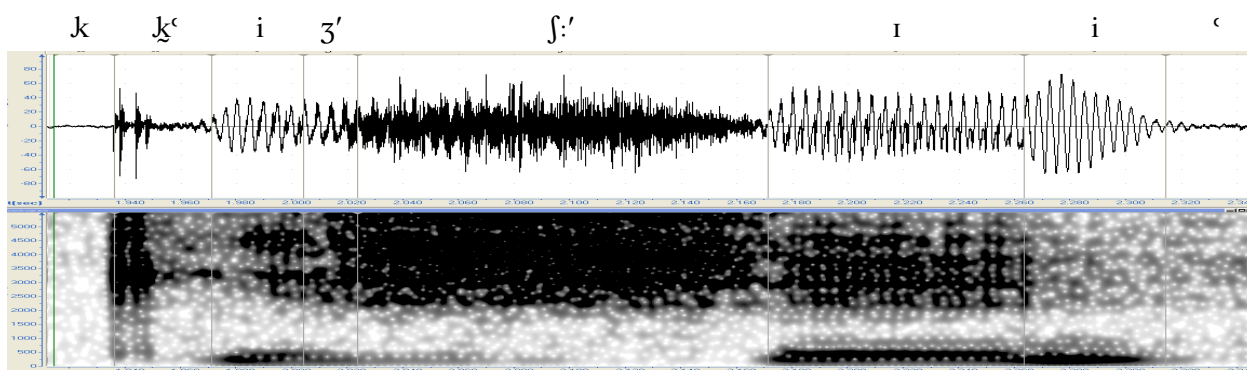

Рис. 15. Осциллограмма и спектрограмма словоформы *кижи* 'человек'

2. Шумные среднеязычные согласные

Исследователи теленгитского диалекта алтайского языка Н. А. Кучигашева [Кучигашева 1961: 58] и Г. Ф. Бабушкин [Бабушкин 1966: 170] отмечали функционирование в диалекте звуков *j* и *ç*. С. И. Машталир на основании аудио-визуальных наблюдений и анализа разговорной речи улаганских теленгитов выявил переднеязычно-среднеязычный согласный *ħ* (*t''*) и среднеязычный *ħç* [Машталир 1985: 70, 75]. На материале чуйского говора теленгитского диалекта А. К. Бидинова установила, что в абсолютном начале чуйского слова может встречаться сонорный *й-*, варьирующийся со звуком *j-* (*ты*): *жок* ~ *йок* 'нет', *якшы* ~ *йакшы* 'хорошо', *јаан* ~ *йаан* 'большой', *је* ~ *йе* 'ладно, хорошо' [Бидинова 2018: 20]. Поскольку исследовательница трактует звуки *j* (*ты*) и *й* как самостоятельные фонологические единицы, в данном случае следует говорить о чередовании согласных фонем. А. Р. Тазранова и Н. Д. Алмадакова указывают на более высокую функциональную нагруженность *ç* в теленгитском диалекте по сравнению с алтайским литературным языком [Тазранова 2012: 154; Алмадакова 2016: 101]. Эту же фонетическую особенность теленгитского языка отмечает А. Э. Чумакаев: в теленгитском [ç] употребляется вместо литературного [ш] в анлауте слова: *чатра* — *шатра* 'шатра (игра)', *чирдек* — *ширдек* 'войлочный ковер', а также в медиальной позиции в корне слова: *топчуур* — *топшуур* 'топшуур (двухструнный музыкальный инструмент)', *тепчи* — *тепшии* 'чаша' [Чумакаев 2015: 325]. Таким образом, все исследователи выделяют в инвентаре теленгитских согласных фонем шумные среднеязычные консонанты *j* (*ты*) и *ç*.

Ниже представлены результаты описания произносительных установок теленгитских среднеязычных согласных на основании данных магнитно-резонансного томографирования.

К среднеязычным (палатальным) согласным принято относить звуки, образованные средней частью спинки языка при опущенном к нижним зубам кончике языка [Зиндер 1979: 160—163]. Как свидетельствуют инструментальные данные, полученные методами рентгено-, томо-, дентопалато- и лингвографирования, в тюркских языках Южной Сибири согласные данного функционального ряда реализуются преимущественно как переднеязычно-среднеязычные и продуцируются передне-средней частью спинки языка [Уртегешев 2002, 2004; Сарбашева 2004; Рыжикова 2005; Кечил-оол 2006; Субракова 2006, 2017; Селютина, Уртегешев, Эсенбаева и др. 2013].

2.1. Смычный согласный *j* «*ħ*»

Теленгитский шумный смычный согласный *j* «*ʔ*^ʰ*ħ*» зафиксирован на томограммах в инициально-превокальной позиции в составе звуковых оболочек двух словоформ — твердоярдной *jыл* ‘год’ и мягкорядной *јик* ‘шов’ (рис. 16—17). Обе настройки характеризуются как смычные передне-средне-межзубочные по активному органу артикуляции; по пассивному органу твердоярдная настройка в словоформе *jыл* квалифицируется как дентально-альвеолярно-твердонебная, мягкорядная; в словоформе *јик* — как альвеолярно-твердонебная; слаболабиализованные (за счет выпячивания губ) увуларизованные неназализованные сверхслабофарингализованные ртовые умереннонапряженные. Кончик языка (КЯ) в обоих случаях находится у нижних зубов, что свидетельствует о среднеязычности настройки. При произнесении мягкорядного оттенка фонемы [*ħ*] формируется более протяженная смычная шумообразующая преграда — большая часть межзубочного участка языка активно контактирует со всей второй половиной твердого неба с прилегающим незначительным участком мягкого неба, в отличие от твердоярдной настройки, при которой контакт первой трети межзубочной части спинки языка ограничивается первой четвертью второй половины твердого неба. Вследствие более передней локализации смычной преграды при произнесении твердоярдного *j* «*ʔ*^ʰ*ħ*», данная настройка имеет больший объем надъязычного и заднеротово-глоточного отделов резонаторной полости.

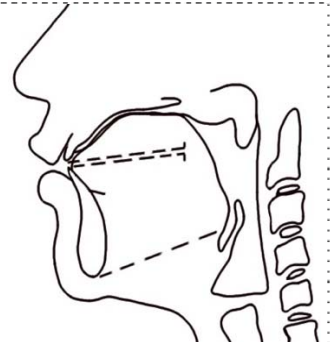
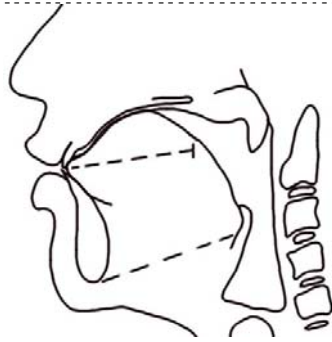

Рис. 16. Звук *j* в слове *jыл* ‘год’

Рис. 17. Звук *j* в слове *јик* ‘шов’

Результаты акустического анализа, выполненного в программе Speech Analyzer, свидетельствуют о следующем. В твердоярдной словоформе *jыл* «*ʔ*^ʰ*ħ*ʎʎ:» ‘год’, состоящей из трех звуков, рассматривается инициальный звук «*ʔ*^ʰ*ħ*ʎʎ:» (рис. 18). Абсолютная длительность всей словоформы составляет 413,3 мс, средняя абсолютная длительность звука в словоформе 137,8 мс. Абсолютная длительность рассматриваемого согласного «*ʔ*^ʰ*ħ*ʎʎ:» — 135,3 мс, относительная длительность согласного «*ʔ*^ʰ*ħ*ʎʎ:» — 98,19% САДЗ. Рассматриваемый консонантный звук «*ʔ*^ʰ*ħ*ʎʎ:» состоит из трех компонентов: гортанного смыка *ʔ* = 32,4 мс (23,95% АДС), смычного *ħ* = 38,2 мс (28,23% АДС) и щелевого *ʎʎ:* = 64,7 мс (47,82% АДС). Приведенные данные позволяют определить шумный согласный «*ʔ*^ʰ*ħ*ʎʎ:» в инициальной позиции как краткий смычно-щелевой (аффриката) глухой умереннопалатализированный умереннопридыхательный начальнорингализированный. Констатируется чередование смычной фонемы *j* «*ħ*» со смычно-щелевой *ч* «*ʎʎ:*».

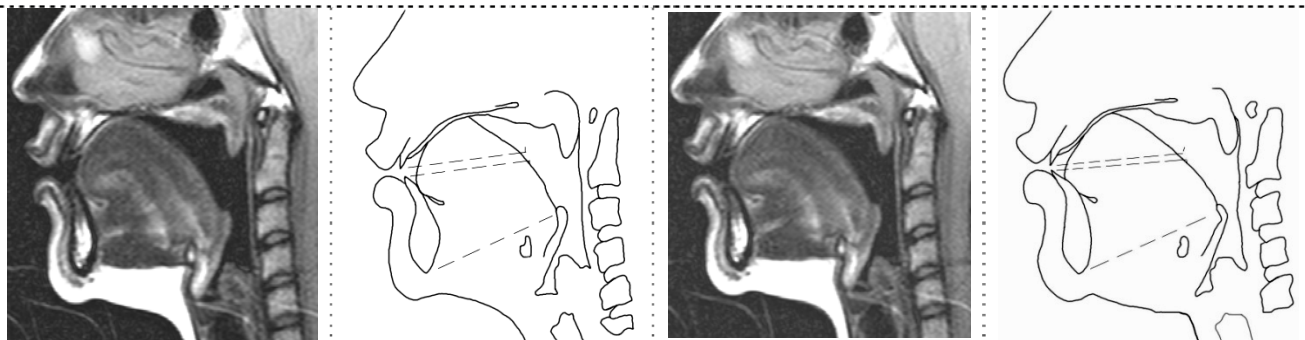

Рис. 20. Звук ч в слове ач 'голодный'

Рис. 21. Звук ч в слове ич 'пей'

При акустическом анализе твердоярдной словоформы ач « $\{ \dot{\alpha}^{\theta} \bar{t} : ^{\prime} \}$ » 'открой', состоящей фонически из трех звуков (учитывая предшествующую гласному гортанную смычку), рассматривался финальный звук « $\bar{t} : ^{\prime}$ » (рис. 22). Абсолютная длительность всей словоформы составляет 657,0 мс, средняя абсолютная длительность звука в словоформе = 219,0 мс. АД рассматриваемого согласного « $\bar{t} : ^{\prime}$ » — 360,9 мс, ОД — 164,79% САДЗ. Консонант « $\bar{t} : ^{\prime}$ » состоит из трех компонентов: щелевого глухого $\theta = 44,9$ мс (12,44% АДС), смычного $t = 66,4$ мс (18,4% АДС) и щелевого $\bar{t} : ^{\prime} = 249,6$ мс (69,16% АДС). Полученные акустические данные позволяют определить шумный согласный « $\bar{t} : ^{\prime}$ » в финальной позиции как долгий (с затянутым щелевым компонентом) смычно-щелевой (аффриката) глухой умереннопалатализованный умереннопридыхательный; по аудитивному восприятию — переднеязычный.

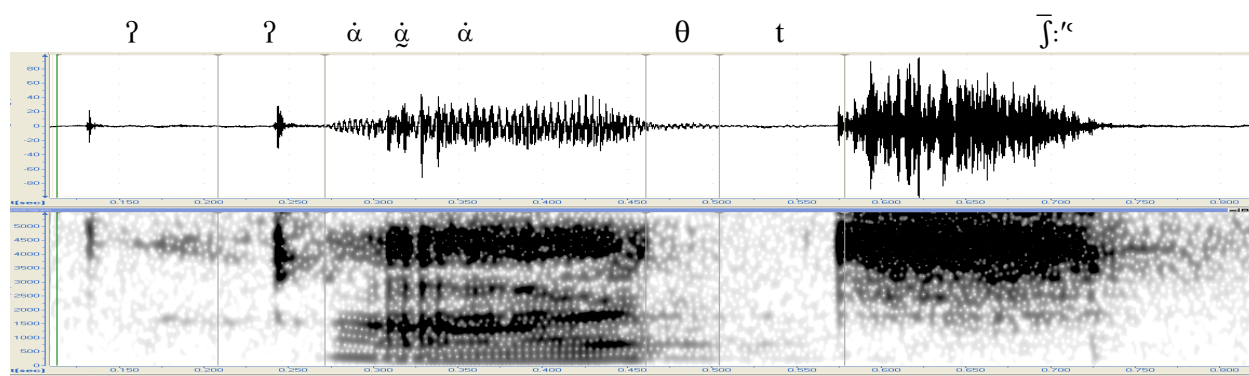

Рис. 22. Осциллограмма и спектрограмма словоформы ач 'открой'

3. Шумные гуттуральные согласные

Тюркологи-сибиреведы Н. А. Кучигашева и Г. Ф. Бабушкин выделили в теленгитском диалекте алтайского языка три гуттуральные согласные фонемы: *г*, *к*, *х*. Н. А. Кучигашева отметила при этом, что фонема *х*, функционирующая только в заимствованных словах, наблюдается преимущественно в речи молодежи и интеллигенции, а в речи стариков, как правило, не встречается [Кучигашева 1961: 58; Бабушкин 1966: 170].

А. К. Бидинова констатировала для теленгитского диалекта два заднеязычных звука — *к* и *г* [Бидинова 2018: 85], причем финальный звук *к*, аналогично алтайскому литературному языку [Чумакаева 1978: 14—15; 128—139] и большинству других тюркских языков, при словообразовании и словоизменении при наращении аффиксов, оказавшись в позиции внутреннего сандхи, ослабляется и замещается звуком *г*.

По мнению Н. Д. Алмадаковой, звук *г* в языке улаганских теленгитов отсутствует: «слова, которые в алтай-кижи диалекте используются с интервокальным заднеязычным звуком, в улаганском диалекте употребляются с долгим гласным, сравним: *бүгүн* 'сегодня' — *бүүн*, *согоно* 'лук' — *соона* и др.» [Алмадакова 2016: 96]. На выпадение заднеязычного *г* как на причину формирования вторичной долготы гласных в языке теленгитов указывает и А. Р. Тазранова: «ср. т.-теленг. *чеедак* — лит. *чегедек* 'накидка замужней женщины'; т.-теленг. *тарбаан* — лит. *тарбаган* 'сурок' [Тазранова 2012: 154]. Увулярный согласный *к* фиксируется Н. Д. Алмадаковой в анлауте, щелевой звук *х* — в абсолютном ауслaute в твердоярдных словоформах: *каймах* 'сметана', *кармах* 'удочка', а также в позиции после согласного: *бахты*

‘покорился’, *тохта* ‘остановись’ [Алмадакова 2016: 98]. Если исправить опечатку, допущенную автором: «... в позиции после гласного: *бахты* ‘покорился’, ...», то дистрибуция щелевого увулярного *x* в приведенных теленгитских примерах ограничивается позицией конца слога, в том числе и ауслатного.

С. И. Машталир, исследовавший в 1980-е гг. звуковую систему языка улаганских теленгитов экспериментально-фонетическими методами, на доинструментальном этапе изучения выявил путем аудио-визуальных наблюдений две группы шумных гуттуральных согласных: заднеязычные *k*, *g*, *ɣ*, употребляющиеся лишь в мягкорядных словоформах, и язычковые *q*, *q̣*, *χ*, функционирующие в твердорядных словоформах. При этом звук *g* используется в интервокальной и постсонантной позициях, факультативно чередуясь со звуком *ɣ*. На основании критериев дополнительной и контрастирующей дистрибуции, а также свободного варьирования С. И. Машталир выделил две гуттуральные фонемы: [k (k₁, g, ɣ, q₁, q̄, χ₁)]₁ и [k (k₂, q₂, χ₂)]₂ [Машталир 1985: 77—79]. К сожалению, инструментальные данные, полученные С. И. Машталиром методами рентгено-, дентопалато- и пневмоосциллографирования, обработанные и проанализированные, не были описаны автором и не введены в научный оборот.

Ниже представлены результаты описания произносительных установок теленгитских гуттуральных согласных на основании объективных аппаратных данных. В программу исследования включены словоформы, содержащие реализации шумных фонем [k]₁ и [k]₂.

К классу гуттуральных согласных принято относить несколько локальных рядов консонантных артикуляций — «от небных до ларингальных, включая увулярные, фарингальные и эпиглоттальные» [Ахманова 1966: 119]. «Термин обобщает группу артикуляций, происходящих ... в гортани (ларингальные) или в полости глотки (фарингальные). Часто относится и к согласным звукам заднеязычно-велярного образования» [Трахтеров 1962: 106]. В принципе аналогичную трактовку термина предлагает «Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике» [Англо-русский словарь 1996: 261]. В типологической классификации И. Мэддисона отмечается, что менее чем в 20% из 567 рассмотренных языков мира выявлены увулярные консонанты, эти артикуляции не являются распространенными [Maddieson 2013]. Фонетисты Сибири дополнительно к традиционной классификации включают в группу гуттуральных согласных межзубноязычные и средне-межзубноязычные артикуляции, выявленные в ходе массовых фронтальных экспериментально-фонетических исследований сибирских языков различного генезиса и типологии. Межзубноязычные настройки продуцируются межзубной частью спинки языка, условно выделяемой по следующей методике: после отделения первой — передней трети спинки (индекс b) оставшаяся ее часть также делится на три составляющие: среднюю (индекс c), межзубную (индекс d) и заднюю (индекс e). Корень языка обозначается знаком f, при этом f₁ — верхняя треть корня языка, ef — граница между спинкой и корнем языка. Как показывают соматические данные, межзубноязычные артикуляции относятся к числу наиболее продуктивных в языках народов Сибири [Уртегешев 2002; Сарбашева 2004; Рыжикова 2005; Кечил-оол 2006; Субракова 2006; Селютина, Уртегешев, Эсенбаева и др. 2013].

В соответствии с фонотактическими закономерностями языка теленгитов, фонемы [k]₁ и [k]₂ реализуются в (средне-)межзубно(-заднеязычных) аллофонах в составе мягкорядных словоформ и в велярно-увулярных оттенках — в твердорядных лексических единицах.

3.1. Межзубноязычные согласные *k* «*k*», *g* «*g*»

Теленгитские шумные смычные глухие межзубноязычные согласные типа *k* зафиксированы на томограммах в составе звуковых оболочек четырех мягкорядных словоформ: в инициально-превокальной позиции в словоформе *кел* ‘иди сюда!’; в финальной позиции в словоформе *эк* ‘подбородок’, в медиально-интервокальной — в словах *эки* ‘два’, *экү* ‘вдвоем’ (рис. 23—26). Звонкий смычный согласный *g* той же локализации отражен томографически в интервокале в словоформе *эгү* ‘напильник’ (рис. 27).

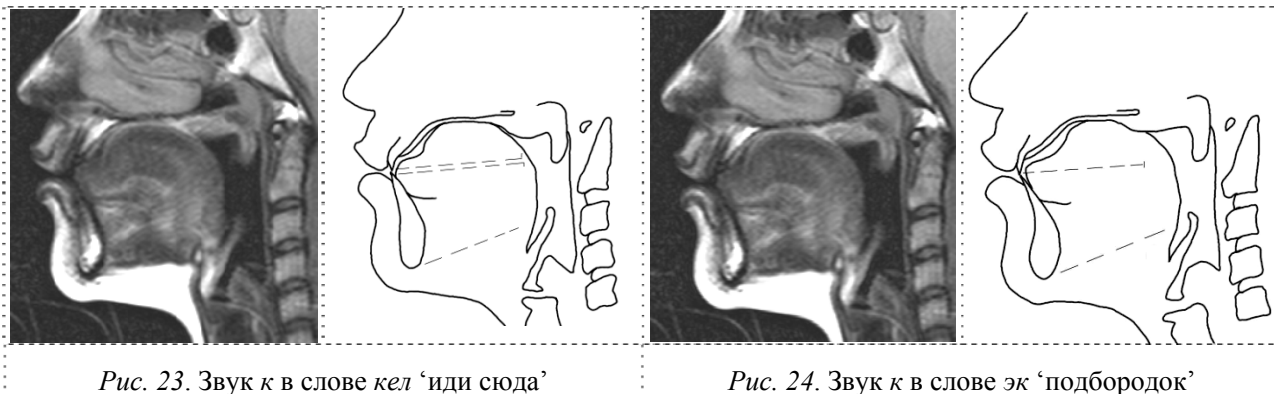
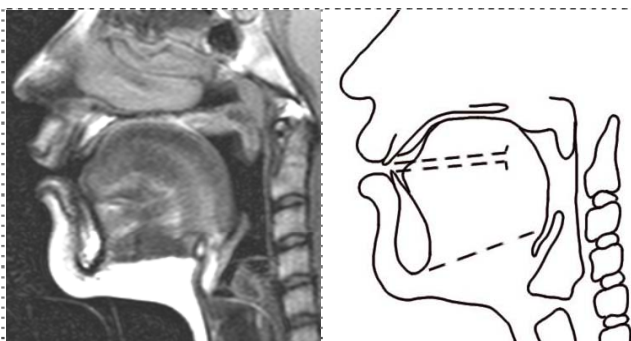
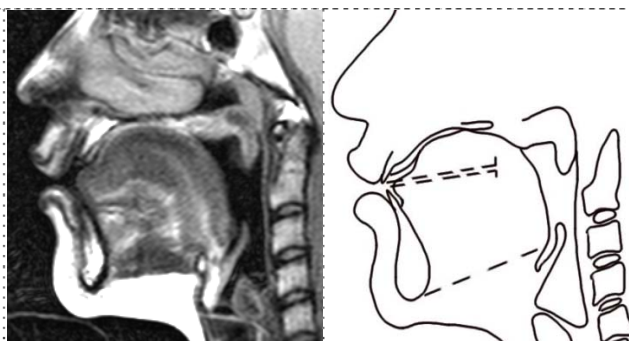
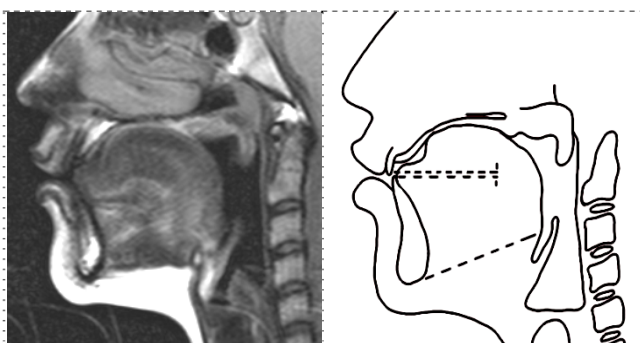

Рис. 23. Звук *k* в слове *кел* ‘иди сюда’

Рис. 24. Звук *k* в слове *эк* ‘подбородок’

Рис. 25. Звук *к* в слове *эки* 'два'Рис. 26. Звук *к* в слове *экү* 'вдвоем'Рис. 27. Звук *г* в слове *эгү* 'напильник'

Мягкорядные настройки аллофонов теленгитских гуттуральных согласных фонем $[k]_1$ и $[k]_2$ по своей конфигурации напоминают среднеязычные артикуляции: кончик языка в большинстве гуттуральных реализаций опущен к нижним зубам, все тело языка продвинуто вперед-вверх (но в меньшей степени, чем при среднеязычных настройках), образуя смычку (средне-)межзубочно(-задней) части спинки языка с твердым небом и, в большинстве случаев, с прилегающим участком мягкого неба, формируя значительную по объему (но меньшую, чем у среднеязычных согласных) и вытянутую по высоте заротово-глоточную резонаторную трубу (рис. 23—27).

Существенное отличие заключается в том, что при продуцировании мягкорядных гуттуральных согласных *к* и *г*, в отличие от среднеязычных, на передней части спинки языка формируется поперечный прогиб, полностью или частично исключая контакт этого участка спинки с пассивными органами.

При артикулировании реализаций *к* фонемы $[k]_1$ в инициальной и финальной позициях (рис. 23—24) брюшко языка плотно сомкнуто с нижними зубами, КЯ при этом приподнят к верхним зубам и несколько отодвинут от них, проецируясь на кончик верхних резцов. В словоформе *кел* 'иди сюда!' шумообразующая смычка согласного в препозиции к гласному переднего ряда *ε* формируется средне-межзубочной частью спинки языка, плотно контактирующей со значительным участком твердого неба, включающим $\frac{2}{3}$ передней его половины и $\frac{4}{5}$ задней, вследствие чего создается акустический эффект мягкости артикуляции. Губное отстояние при этом несколько меньше, чем зубное, что свидетельствует о слабой лабиализации консонанта. Финальная настройка *к* в словоформе *эк* 'подбородок', имеющая несколько более отодвинутую назад локализацию, продуцируется смычкой межзубочно-задней части спинки языка с $\frac{1}{3}$ первой половины твердого неба, со всей второй его половиной и прилегающей $\frac{1}{4}$ мягкого неба.

Настройки глухих интервокальных мягкорядных аллофонов *к* фонемы $[k]_2$ (рис. 25—26) продуцируются при более низком положении КЯ, опущенного к нижним зубам и проецирующегося на режущую поверхность нижних резцов. Настройка звука *к* в словоформе *эки* 'два' в препозиции к переднерядному гласному *ι* в принципе сходна с аллофоном, зафиксированным в словоформе *кел*; в словоформе *экү* 'вдвоем' в препозиции к центральнорядному гласному *ü* гуттуральная реализация *к* несколько отодвинута назад — аналогично аллофону в словоформе *эк* 'подбородок'.

Отличие звонкого интервокального аллофона *г* фонемы $[k]_1$ в словоформе *эгү* 'напильник' (рис. 27) от глухого коррелята в словоформе *экү* (рис. 26) заключается в меньшей площади контакта активных и пассивных артикулирующих органов, свидетельствующей об относительно более слабой степени их напряженности по сравнению с настройкой глухого соответствия, в неучастии мягкого неба в формировании шумообразующей смычки, а также в наличии дополнительной комбинаторно обусловленной лабиализации.

Во всех реализациях мягкое небо сомкнуто с задней стенкой носоглотки, увула либо лишь слегка оттянута к корню языка, либо свободно провисает в резонаторной полости, что свидетельствует об отсутствии назализации и о сверхслабой увуларизации.

Описанные настройки квалифицируются как смычные умереннонапряженные одноканально-ротовые неназализованные с тенденцией к сверхслабой увуларизации нефарингализованные комбинированные сложные инъективные и нейтральные. Отличие заключается в выборе активных артикулирующих органов и в локализации шумообразующей преграды: глухие согласные *к* « k^o/k^o » в словоформе *кел* 'иди сюда!', *к* « k/k » в словоформе *эки* 'два' и звонкий *г* « g^o/g^o » в слове *эгү* 'напильник' определяются как средне-

язычно-межуточноразличия, различаясь лишь характеристиками по пассивным органам — k « k/k » в *кел* твердонебный (индекс: $k/k = c^3/4; 1/28$), k « k/k » в *эки* и z « g/g » в *эгү* — твердонебно-переднемягконебный (индексы: $k/k = cd^{1/4}; 2/38$; $g/g = cd; 1/28$). В словоформе *экү* ‘вдвоем’ согласный k « $k/k/k$ » — средне-межуточно-заднеязычный по активному органу, твердонебно-переднемягконебный по пассивному (индексы: $k/k/k = 1/3cd^{1/3}; 2/38^{1/3}$); в словоформе *эк* ‘подбородок’ согласный k « k/k » междуточно-заднеязычный твердонебно-переднемягконебный (индекс: $k/k = de; 1/58^{1/3}$). Лабиализованная окраска констатируется для настроек типа k и z в словоформах *кел* и *эгү*; при этом в словоформе *эгү* — в препозиции k огубленному гласному y .

Выявленная вариативность артикулирования согласных обусловлена позиционно-комбинаторными параметрами функционирования звуков в составе словоформ.

Результаты акустического анализа гуттуральных согласных в мягкорядных словоформах свидетельствуют о следующем. В словоформе *эк* « $j^e k^s$ » ‘подбородок’, состоящей из трех звуков (фонации гласного предшествует гортанносмычный согласный), рассматривается финальный звук « k^s » (рис. 28). Абсолютная длительность всей словоформы составляет 534,9 мс, средняя абсолютная длительность звука в словоформе = 178,3 мс. АД анализируемого согласного « k^s » — 268,5 мс, ОД — 150,59% САДЗ. Рассматриваемый консонант состоит из нескольких компонентов: глухого щелевого x , смычки $?$, гортанного взрыва с двумя ударами черпалонадгортанных складок k , взрыва (импульса) и аспирации. Почти половину длительности согласного составляет придыхание — 115,9 мс (43,17% АДС). Приведенные акустические данные позволяют определить шумный гуттуральный согласный « k^s » в финальной позиции как долгий смычный глухой слабопалатализованный умереннопридыхательный медиальноларингализованный.

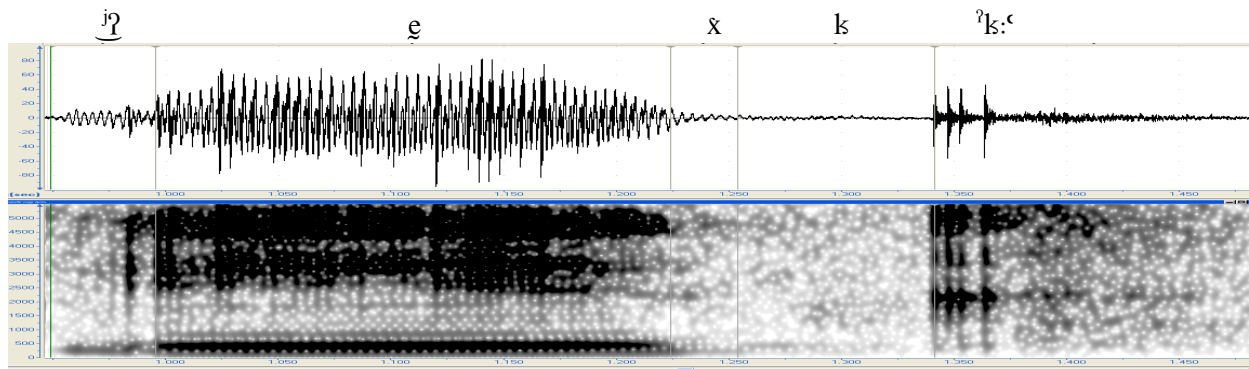

Рис. 28. Осциллограмма и спектрограмма словоформы *эк* ‘подбородок’

В словоформе *эки* « $j^e e: k^s$ » ‘два’, состоящей из четырех звуков (гласному предшествует j -образный согласный), рассматривается интервокальный звук « k^s » (рис. 29). Абсолютная длительность всей словоформы составляет 601,6 мс, средняя абсолютная длительность звука в словоформе = 150,4 мс. АД рассматриваемого согласного « k^s » = 209,9 мс, ОД = 139,56% САДЗ. Звук « k^s » состоит из нескольких компонентов: глухого щелевого, смычного, гортанного взрывного, взрыва (импульса), небольшой фрикативной части и аспирации. Больше трети длительности согласного составляет придыхание — 81,7 мс (38,92% АДС). Указанные характеристики позволяют определить шумный согласный « k^s » в интервокальной позиции как долгий смычный глухой умереннопалатализованный умереннопридыхательный медиальноларингализованный.

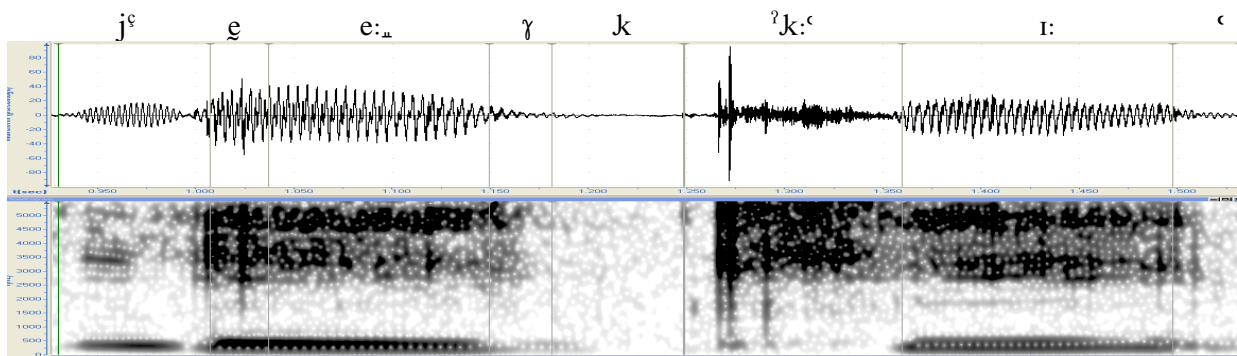

Рис. 29. Осциллограмма и спектрограмма словоформы *эки* ‘два’

В словоформе эжү « $\text{ʔé}^{\text{gk}^{\text{ʔ}}}\text{k}^{\text{ʔ}}\text{ʔ}^{\text{c}}$ » ‘вдвоем’ с общей абсолютной длительностью 572,2 мс анализируется интервокальный звук « $\text{g}^{\text{gk}^{\text{ʔ}}}\text{k}^{\text{ʔ}}\text{ʔ}^{\text{c}}$ ». САДЗ в словоформе, состоящей из четырех звуков, равна 143,0 мс. АДС звука « $\text{g}^{\text{gk}^{\text{ʔ}}}\text{k}^{\text{ʔ}}\text{ʔ}^{\text{c}}$ » составляет 207,8 мс, ОДС « $\text{g}^{\text{gk}^{\text{ʔ}}}\text{k}^{\text{ʔ}}\text{ʔ}^{\text{c}}$ » — 145,31% САДЗ. Компонентный состав рассматриваемого консонанта тот же, что и в словоформе эки, придыхание также составляет больше трети длительности согласного — 78,4 мс (37,73% АДС). Выявленные акустические параметры позволяют определить шумный согласный « $\text{g}^{\text{gk}^{\text{ʔ}}}\text{k}^{\text{ʔ}}\text{ʔ}^{\text{c}}$ » в интервокальной позиции как долгий смычный глухой умереннопалатализованный умереннопридыхательный медиальноларингализованный.

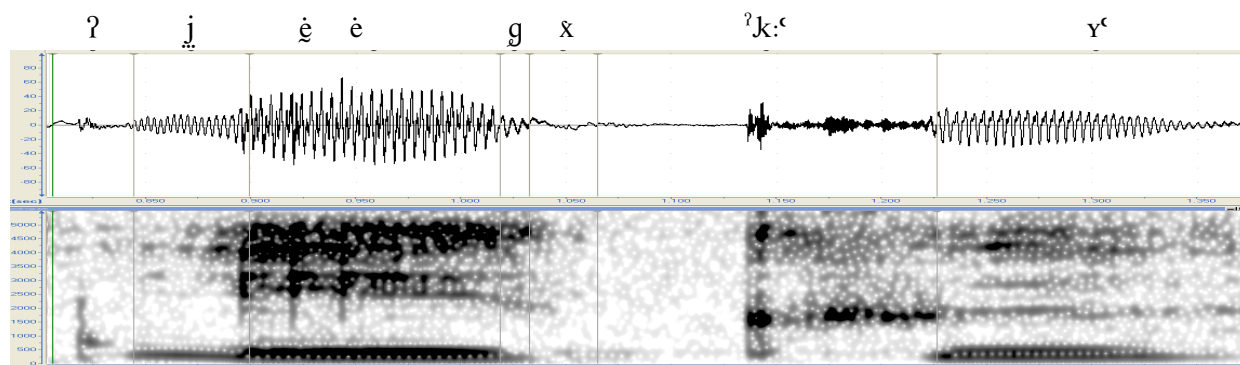

Рис. 30. Осциллограмма и спектрограмма словоформы эжү ‘вдвоем’

В мягкорядной словоформе эжү « $\text{jé}^{\text{é}}\text{é}^{\text{é}}\text{:g}^{\text{k}^{\text{c}}}\text{ʔ}^{\text{h}}$ » ‘напильник’ с общей абсолютной длительностью 509,8 мс анализируется интервокальный звук « $\text{g}^{\text{k}^{\text{c}}}$ » (рис. 31). САДЗ в словоформе, состоящей из четырех звуков (фонация анлаутного гласного предшествует j-образный консонант, который не может быть включен в состав гласного), равна 127,5 мс. АДС звука « $\text{g}^{\text{k}^{\text{c}}}$ » составляет 105,4 мс, ОДС « $\text{g}^{\text{k}^{\text{c}}}$ » — 82,67% САДЗ. Рассматриваемый консонант « $\text{g}^{\text{k}^{\text{c}}}$ » состоит из следующих компонентов: звонкой части $\text{g} = 52,1$ мс (49,43% АДС), смычной глухой $\text{k} = 13,5$ мс (12,81% АДС) и глухого взрыва согласного с аспирацией = 39,8 мс (37,76% АДС). В целом глухие компоненты звука составляют 53,3 мс (50,57% АДС), что соответствует полувзвонкому согласному. Указанные акустические параметры позволяют определить шумный согласный « $\text{g}^{\text{k}^{\text{c}}}$ » в интервокальной позиции как краткий смычный полувзвонкий умереннопалатализованный (по своей природе) слабопридыхательный.

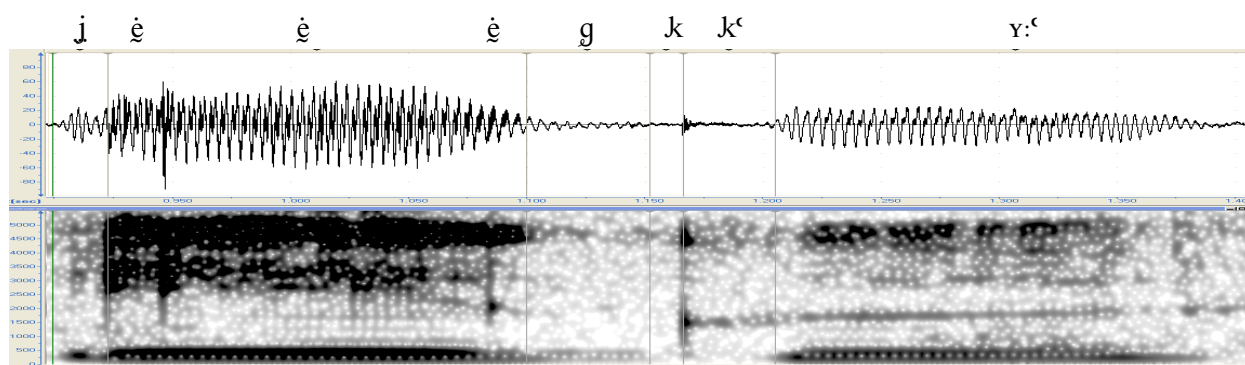
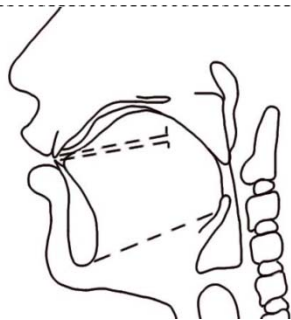
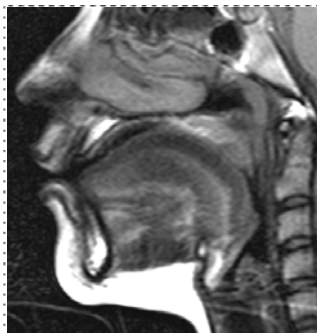
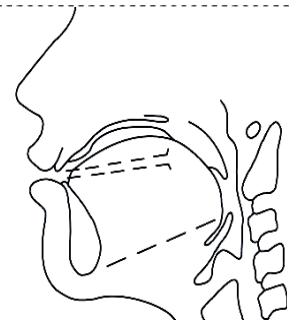
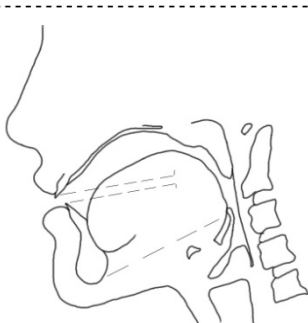
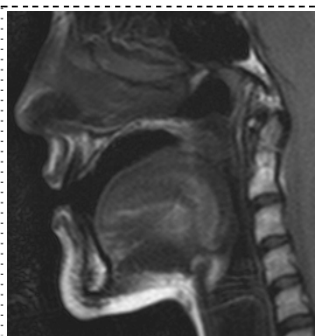

Рис. 31. Осциллограмма и спектрограмма словоформы эжү ‘напильник’

3.2. Велярно-увулярные согласные к «q», г «g»

Теленгитские шумные велярно-увулярные смычные глухие согласные типа k зафиксированы на томограммах в составе звуковых оболочек следующих твердорядных словоформ: в финальной позиции — в словах *ак* ‘теки!’ (рис. 32), *ак* ‘белый’ и *кулак* ‘ухо’, в медиально-интервокальной позиции в словоформах *пака* ‘лягушка’ (рис. 33) и *сагыш* ‘мысль’ (рис. 34).

Твердорядные манифестации фонем $[\text{k}]_1$ и $[\text{k}]_2$ артикулируются при значительно большей степени оттянутости сильно напряженного тела языка к задней стенке фаринкса, чем при произнесении мягкорядных соответствий. Вследствие этого сужается (носо-)глочный отдел резонаторной полости, существенно сокращаясь при этом по высоте и объему и продуцируя акустический эффект твердости.

Рис. 32. Звук *к* в слове *ак* 'теки!'Рис. 33. Звук *к* в слове *пака* 'лягушка'Рис. 34. Звук *г* в слове *сагыш* 'мысль'

Настройка финального глухого аллофона *к* фонемы [к]₁ в словоформе *ак* 'теки!' (рис. 32) продуцируется значительной по протяженности сильнонапряженной смычной шумообразующей преградой. Активными органами артикуляции являются, с одной стороны, задняя часть спинки языка и верхняя треть корня с прилегающей 1/4 средней его трети, с другой стороны, в качестве активного органа выступает вся поверхность мягкого неба с прилегающей 1/3 второй половины твердого неба при не участвующем в формировании смычки кончике языка. Артикуляция квалифицируется как смычная ротовая сложная двуактивная — комбинированная

заднеязычно-верхнекорнеязычная: велярная сильнонапряженная фарингализованная нейтральная: «^ʔк/ᶑ:ᶑ° = ef₁^{1/4}:^{1/3}IV».

Интервокальная комбинированная взаимоактивная настройка глухого аллофона *к* фонемы [к]₂ в словоформе *пака* 'лягушка' (рис. 33) отличается от предыдущей артикуляции меньшей площадью смычной преграды: «^ʔк/ᶑ:ᶑ° = 3/4f₁:IV». Специфику по сравнению с финальным *к* составляет меньшая величина губного отстояния по сравнению с зубным, свидетельствующая о лабиализованности настройки, а также отстояние небной занавески и увулы от задней стенки фаринкса. Приподнятость ларинкса и опущение корня языка свидетельствуют об эйективности артикуляции.

Несколько иную артикуляционную картину имеет интервокальный звонкий оттенок фонемы [к]₁ в словоформе *сагыш* 'мысль' (рис. 34), записанный от диктора 2: между последней третью задней части спинки языка с прилегающей верхней частью корня (в качестве активных артикулирующих органов) и увулой, находящейся в пассивном состоянии, констатируется узкая щель. В отличие от межвокального смычного глухого *к* в слове *пака* 'лягушка', дополнительные артикуляционные показатели у звонкого спиранта отсутствуют. Сужение, зафиксированное на томограмме в области фаринкса между корнем языка и задней стенкой глотки, не является дополнительной фарингализацией — это типичная артикуляторная настройка для данного класса согласных. Артикуляция квалифицируется как щелевая ротовая комбинированная заднеязычно-верхнекорнеязычная велярная слабонапряженная звонкая: «ᶑ/ᶑ = 1/3f₁; (90)^{1/2}».

Результаты акустического анализа свидетельствуют о следующем. В словоформе *ак* «^ʔáαα ᶑᶑᶑᶑᶑ:ᶑ» 'теки!', состоящей из трех звуков (начальному гласному *а* предшествует глухой гортанносмычный консонант), рассматривается финальный согласный «^{ᶑᶑ}ᶑᶑᶑᶑᶑ:ᶑ» (рис. 35). Абсолютная длительность всей словоформы составляет 491,7 мс, средняя абсолютная длительность звука в словоформе = 163,9 мс. АД рассматриваемого согласного «^{ᶑᶑ}ᶑᶑᶑᶑᶑ:ᶑ» = 257,9 мс, ОД — 157,35% САДЗ. Рассматриваемый консонантный звук «^{ᶑᶑ}ᶑᶑᶑᶑᶑ:ᶑ» состоит из ряда компонентов: щелевых — звонкого *q* = 15,6 мс (6,05% АДС) и глухого *χ* = 41,0 мс (15,9% АДС), смычного глухого *q* = 50,1 мс (19,43%), щелевого глухого *χ* = 38,3 мс (14,85%), взрывного *q* = 31,5 мс (12,21%) и финального глухого щелевого компонента с придыханием *χ* = 81,4 мс (31,56%), составляющего треть длительности согласного. На основании указанных параметров шумный согласный «^{ᶑᶑ}ᶑᶑᶑᶑᶑ:ᶑ» в финальной позиции определяется как долгий аффрицированный смычно-щелевой глухой (с небольшим начальным озвончением) умереннопридыхательный.

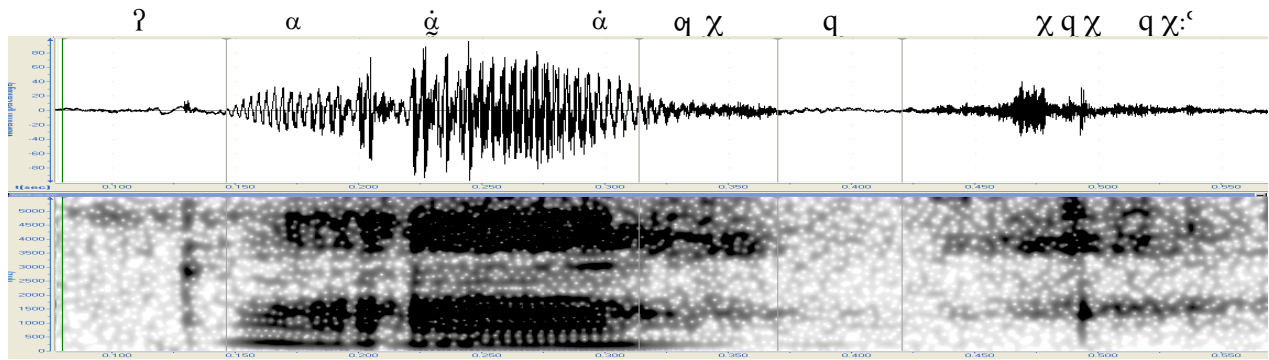

Рис. 35. Осциллограмма и спектрограмма словоформы *ak* ‘теки!’

В словоформе *пака* « $\text{p}^{\text{h}}\alpha^{\text{h}}\chi^{\text{h}}\alpha^{\text{h}}\text{:}$ » ‘лягушка’ с общей абсолютной длительностью 477,4 мс рассматривается интервокальный звук « χ^{h} » (рис. 36). САДЗ в словоформе, состоящей из четырех звуков, равна 119,4 мс. АДС звука « χ^{h} » составляет 171,5 мс, ОДС « χ^{h} » — 143,64%. Рассматриваемый консонантный звук состоит из трех щелевых компонентов: звонкого, глухого и небольшого озвончения. Глухой компонент составляет 116,7 мс (68,05% АДС). Указанные акустические параметры позволяют определить шумный согласный « χ^{h} » в интервокальной позиции как долгий щелевой глухой с небольшим начальным и конечным озвончением непридыхательный.

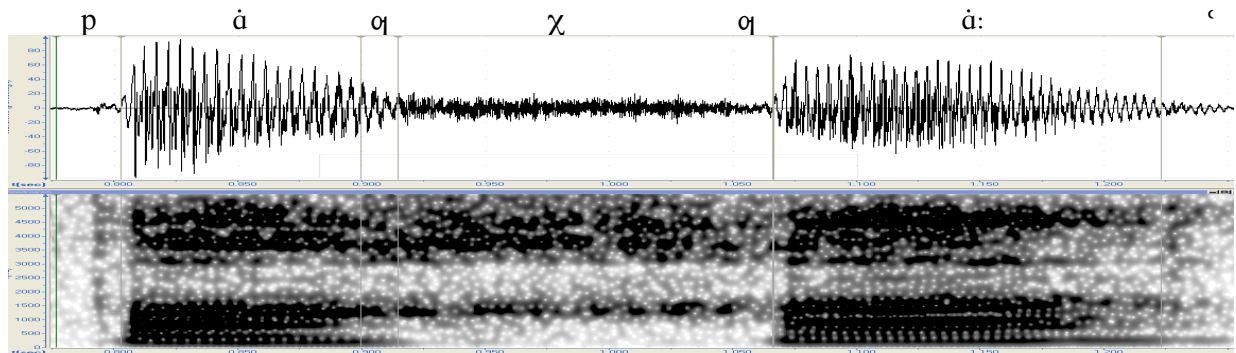

Рис. 36. Осциллограмма и спектрограмма словоформы *paka* ‘лягушка’

В словоформе *ака* « $\text{j}^{\text{h}}\alpha^{\text{h}}\chi^{\text{h}}\cdot\lambda^{\text{h}}\text{:}$ » ‘старший брат’ с общей абсолютной длительностью 527,2 мс анализируется интервокальный звук « χ^{h} » (рис. 37). САДЗ в словоформе, состоящей из четырех звуков (фонации анлаутного гласного предшествует консонант), равна 131,8 мс. АДС звука « χ^{h} » составляет 152,7 мс, ОДС « χ^{h} » — 115,86% САДЗ. Рассматриваемый консонант состоит из двух фрикативных компонентов — звонкого и глухого, при этом глухая составляющая = 138,7 мс (90,83% АДС). Указанные параметры позволяют определить шумный согласный « χ^{h} » в интервокальной позиции как полудолгий щелевой глухой (с небольшим начальным озвончением) непридыхательный.

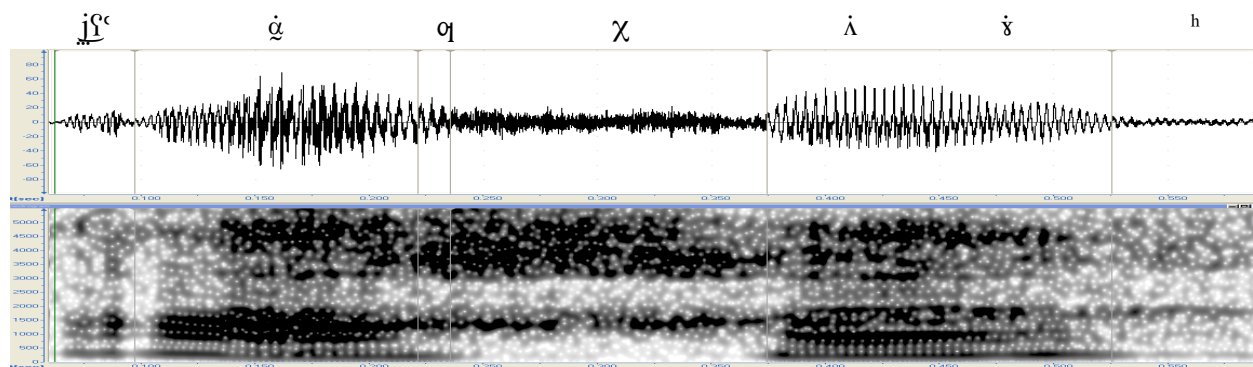

Рис. 37. Осциллограмма и спектрограмма словоформы *aka* ‘старший брат’

В словоформе *сагыш* «s'á·gǰ̣ʒ'ɣ'» 'мысль' с общей абсолютной длительностью 747,6 мс рассматривается интервокальный звук «g» (рис. 38), воспринимаемый на слух как заднеязычный. САДЗ в словоформе, состоящей из пяти звуков, равна 149,5 мс. АДС звука «g» составляет 76,6 мс, ОДС «g» — 51,24%. Рассматриваемый консонантный звук состоит из звонкой смычной части и взрыва. Звонкость составляет 76,6 мс (100% АДС). Указанные акустические параметры позволяют определить шумный согласный «g» в интервокальной позиции как краткий смычный звонкий. Обработка аудиофайлов, представляющих собой запись словоформы *сагыш* в нескольких произнесениях одного и того же диктора, свидетельствует о том, что интервокальные варианты гуттуральной фонемы [k]₁ могут быть факультативно как смычными, так и щелевыми. В данном примере представлен смычный оттенок.

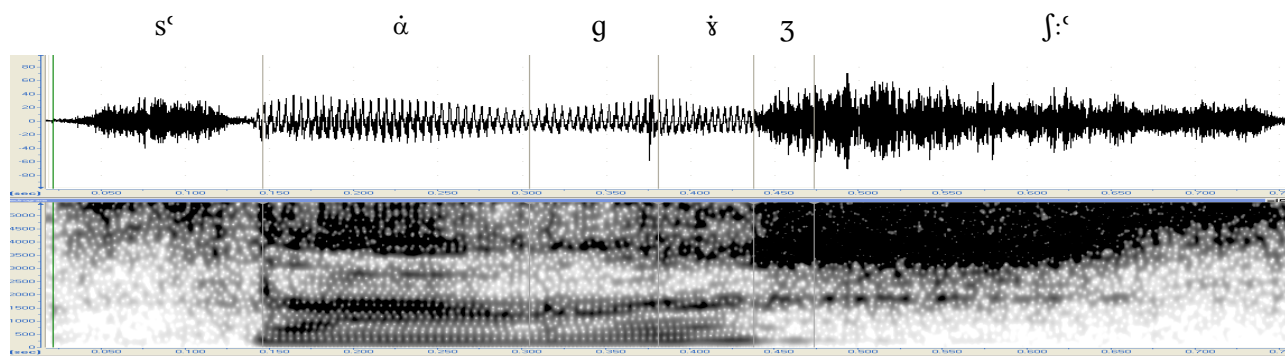

Рис. 38. Осциллограмма и спектрограмма словоформы *сагыш* 'мысль'

Заключение

Теленгитские консонантные настройки являются сильно- или умереннонапряженными, слабая напряженность не свойственна артикуляционно-акустической базе теленгитов. По типу работы гортани и языка согласные делятся на инъективные — реализующиеся с опущенной гортанью, нейтральные и эйективные — реализующиеся с поднятой гортанью.

Кроме основной артикуляции, определяющей характерный для каждого звука шум, в формировании специфики теленгитских согласных важную роль играют дополнительные артикуляции, преобразующие лишь тембр звука: лабиализация, веларизация, увуларизация, фарингализация.

Настройки согласных, особенно в классе переднеязычных — как смычных, так и щелевых, подвергаются тотальной лабиализации, что выделяет язык теленгитов на фоне других южносибирских тюркских языков, в которых огубление негубных согласных, не обусловленное исторически или позиционно-комбинаторно, реализуется эпизодически. Уникальность ААБ теленгитов заключается и в том, что лабиализация осуществляется не столько сближением губ, сколько выпячиванием их вперед: удлинение переднего резонатора, вызывая понижение его собственного тона, формирует акустический эффект огубленности.

Почти все реализации — увуларизованные (увула напряжена и активно направлена к корню языка) и фарингализованные (корень языка напряженно оттянут к задней стенке фаринкса). Фарингализация и ларингализация относятся к числу базовых характеристик теленгитской консонантной системы.

Назализация же не зафиксирована, что косвенно свидетельствует об общей сильной напряженности речевого аппарата как одной из доминант ААБ теленгитов.

Выявлена четкая прямая корреляция между степенью артикуляторной напряженности и уровнем выраженности дополнительных признаков. В наиболее концентрированном виде система указанных параметров: сильная напряженность, лабиализация, веларизация, увуларизация, фарингализация — маркирует эйективные артикуляции.

Экспериментальные данные свидетельствуют об обязательном, не обусловленном фонетическим контекстом, артикулировании гортанной смычки или щели в препозиции к инициальному гласному теленгитской словоформы (см. рис. 4, 9, 14, 22, 28, 30, 35, 37), что, в принципе, свойственно всему алтае-саянскому региону. Более того, гортанная смычка предваряет и смычный компонент среднеязычного согласного *j-* (*ты-*) в позиции абсолютного начала слова (см. рис. 5, 6, 18, 19), в то время как инициальные консонанты иной локализации, например *n-*, *k-*, реализуются без гортанного приступа (см. рис. 15, 36, 38). Выявленная фоническая закономерность нуждается в дальнейшей верификации.

Выполненный ранее сопоставительный анализ артикуляторных паттернов в трех говорах диалекта алтай-кижи свидетельствует о существенных различиях произносительных установок в речи представителей онгудайского говора, с одной стороны, и усть-канского и шебалинского, с другой [Селютина, Добринина 2014; 2016]. В онгудайском — базовом говоре алтайского литературного языка — произносительный уклад согласных в каждом артикуляторном ряду является классическим для настроек данного класса; кроме того, онгудайские настройки, как правило, умереннонапряженные, не осложненные дополнительными артикуляциями, — они квалифицируются как нелабиализованные, неназализованные, неувуларизованные, нефарингализованные.

Усть-канские же звуки, как мягкорядные, так и твердорядные с точки зрения сингармонической рядности, продуцируются при сильной отодвинутости тела языка назад и оттянутости нижней трети корня языка к задней стенке фаринкса. Усть-канские артикуляции по сравнению с онгудайскими — более заднего образования, сильнонапряженные, нижефарингализованные. Кроме того, в усть-канском говоре отчетливо прослеживается тенденция к нивелировке различий в артикулировании мягкорядных и твердорядных реализаций гуттуральной фонемы [к]. Как следствие указанной артикуляторной специфики, алгоритмы проявления тюркского палатального сингармонизма, последовательно реализующиеся в онгудайском говоре диалекта алтай-кижи, не всегда поддерживаются артикуляционно-акустической базой носителей усть-канского говора.

Шебалинские настройки — более переднего образования, менее напряженные, чем усть-канские, но осложненные рядом дополнительных характеристик: лабиализация, слабая увуларизация, и — в некоторых случаях — фарингализация, хотя и менее выраженная, чем у усть-канцев, и имеющая верхне-среднюю локализацию, в отличие от усть-канской — нижней.

Результаты акустического анализа свидетельствуют о том, что в интервокальной позиции в составе теленгитских словоформ переднеязычные смычные согласные *д* и *т*, а также межзубноязычные смычные *з* и *к* противопоставлены как краткие (полу)звонкие и долгие глухие. Щелевые *з* и *ж* реализуются в позиции между гласными как глухие начально- (и конечно-) озвонченные; велярно-увулярные *к* в интервокале артикулируются как щелевые (полу)долгие глухие. Инициальные среднеязычные смычные согласные типа *ј* характеризуются как смычно-щелевые.

Таким образом, спецификой языка теленгитов является лишь намечающаяся тенденция к возможной фонологизации противопоставления интервокальных согласных — переднеязычных *д* и *т* и гуттуральных *к* и *з* — по признакам звонкости и краткости / глухости и долготы, характерного для родственных тюркских языков южносибирского этноареала. Еще в меньшей степени интервокальное озвончение свойственно щелевым согласным *з* и *ж*.

Приведенные артикуляционно-акустические данные по языку теленгитов демонстрируют процесс спирантизации гуттуральных согласных в составе твердорядных словоформ: *q* → *χ*; динамично развивающийся в саяно-алтайских тюркских языках, особенно активно — в речи носителей языков младшей и средней возрастных групп [Селютина 2016: 205]. Указанная закономерность, равно как и фиксируемое стремление к аффрикатизации смычного согласного *ј* «*h*» → *ч* «*hʃ*'», свидетельствует о тенденции к ослаблению артикуляторных усилий. При этом отмечается высокая вариативность реализаций согласных как по способу образования преграды, так и по работе голосовых связок — языки, как живые организмы, постоянно меняются и развиваются [Kupske, Perozzo, Alves 2019: 159].

Представленные выше характеристики теленгитских шумных согласных свидетельствуют о том, что по совокупности признаков теленгитские настройки обнаруживают значительную близость с усть-канскими, существенно отличаясь от онгудайских реализаций. Доминирование признака артикуляторной напряженности сближает теленгитский консонантизм с тувинским [Кечил-оол 2006], шорским [Уртегешев 2002] и барабинско-татарским [Рыжикова 2005].

С о к р а щ е н и я

Д и а л е к т ы

к.-а. — кош-агачский говор теленгитского диалекта;
т.-теленг. — телесский говор теленгитского диалекта;
улг. — улаганский говор теленгитского диалекта.

О б щ и е

ААБ — артикуляционно-акустическая база

АД — абсолютная длительность
 АДС — абсолютная длительность согласного
 КЯ — кончик языка
 лит. — литературный (алтайский) язык
 МРТ — магнитно-резонансное томографирование
 ОДГ — относительная длительность гласного
 ОДС — относительная длительность согласного
 рус. — русский язык
 САДГ — средняя абсолютная длительность гласного
 САДЗ — средняя абсолютная длительность звука
 САДС — средняя абсолютная длительность согласного

Литература

- Алмадакова 2012 — *Алмадакова Н. Д.* Фонетические особенности теленгитского диалекта и его говоров // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: Материалы XII Региональной конференции. Уфа, 2012. С. 19—21. {*Almadakova N. D.* Phonetic Features of the Telengit Dialect and its Sub-dialects // *Modern Problems of Dialectology of Languages of the Peoples of Russia: Materials of the XII Regional Conference.* Ufa, 2012. P. 19—21.}
- Алмадакова 2016 — *Алмадакова Н. Д.* Язык теленгитов: очерки по фонетике и морфологии в сопоставительном аспекте. Горно-Алтайск, 2016. {*Almadakova N. D.* The Telengit Language: Notes on Phonetics and Morphology. A Comparative Study. Gorno-Altajsk, 2016.}
- Англо-русский словарь 1996 — Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике. Т. I. М., 1996. {*English-Russian Dictionary of Linguistics and Semiotics. Vol. 1.* Moscow, 1996.}
- Ахманова 1966 — *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1966. {*Akhmanova O. S.* Dictionary of Linguistic Terms. Moscow, 1966.}
- Бабушкин 1966 — *Бабушкин Г. Ф.* О некоторых фонетических и морфологических особенностях теленгитского диалекта алтайского языка // Вопросы диалектологии тюркских языков. Баку, 1966. Т. 4. С. 167—177. {*Babushkin G. F.* On Some Phonetic and Morphological Features of the Telengit Dialect of the Altai Language // *Questions of Dialectology of Turkic Languages.* Baku, 1966. Vol. 4. P. 167—177.}
- Баскаков 1958 — *Баскаков Н. А.* Алтайский язык. М., 1958. {*Baskakov N. A.* The Altai Language. Moscow, 1958.}
- Бидинова 2015 — *Бидинова А. К.* Категория принадлежности в кош-агачском и улаганском говорах теленгитского диалекта алтайского языка // Сибирский филологический журнал. 2015, 3. С. 241—247. {*Bidinova A. K.* The Category of Possession in the Kosh-Agach and the Ulagan Subdialects of the Telengit Dialect of the Altai Language // *Siberian Journal of Philology.* 2015, 3. P. 241—247.}
- Бидинова 2018 — *Бидинова А. К.* Теленгитский диалект в системе южных диалектов алтайского языка: Дис. ... канд филол. наук. Новосибирск, 2018. {*Bidinova A. K.* Telengit Dialect in the System of Southern Dialects of the Altai Language. Cand. philol. sci. diss. Novosibirsk, 2018.}
- ДТЯ 2010 — Диалекты тюркских языков: очерки. М., 2010. {*Dialects of Turkic Languages: Essays.* Moscow, 2010.}
- Екеев 2014 — *Екеев Н. В.* Этническая идентичность алтайцев // Алтайцы: Этническая история. Традиционная культура. Современное развитие. Горно-Алтайск, 2014. С. 422—431. {*Ekeev N. V.* Ethnic Identity of the Altai People // *Altai: an Ethnic History. Traditional Culture. Modern Development.* Gorno-Altaysk, 2014. P. 422—431.}
- Зиндер 1979 — *Зиндер Л. Р.* Общая фонетика. М., 1979. {*Zinder L. R.* General Phonetics. Moscow, 1979.}
- Зиндер 1984 — *Зиндер Л. Р.* К вопросу об артикуляторной базе // Экспериментально-фонетический анализ речи. Вып. 1. Л., 1984. С. 8—12. {*Zinder L. R.* On the Question of Articulatory base // *Experimental Phonetic Speech Analysis.* Issue 1. Leningrad, 1984. P. 8—12.}
- Касаткин 2017 — *Касаткин Л. Л.* Основной закон развития фонетики русского языка // *Касаткин Л. Л.* Избранные труды. Том II. М., 2017. С. 653—659. {*Kasatkin L. L.* Selected works. Vol. II. M., 2017. P. 653—659.}
- Кечил-оол 2006 — *Кечил-оол С. В.* Типологическая специфика консонантизма сут-хольского говора в системе говоров и диалектов тувинского языка. Новосибирск, 2006. {*Kechil-ool S. V.* Typological Specificity of Sut-Xol' Consonantism in the System of Sub-dialects and Dialects of the Tuvan language. Novosibirsk, 2006.}
- Кучигашева 1961 — *Кучигашева Н. А.* Теленгитский диалект алтайского языка // Ученые записки Горно-Алтайского НИИИЯЛ. Горно-Алтайск, 1961. Вып. 4. С. 57—72. {*Kuchigasheva N. A.* The Telengit Dialect of the Altai Language // *Gorno-Altay RI HLL Proceedings.* Vol. 4. Gorno-Altaysk, 1961. P. 57—72.}
- Машталир 1985 — *Машталир С. И.* Инвентарь согласных фонем языка теленгитов // Фонетика сибирских языков. Новосибирск, 1985. С. 69—79. {*Mashtalir S. I.* Consonant Phonemes in the Telengit Language // *Phonetics of Siberian Languages.* Novosibirsk, 1985. P. 69—79.}

- Наделяев 1960 — *Наделяев В. М.* Проект универсальной унифицированной фонетической транскрипции (УУФТ). М.—Л., 1960. {*Nadelyaev V. M.* The Project of a Universal Uniform Phonetic Transcription (UUPhT). Moscow — Leningrad, 1960.}
- Наделяев 1980 — *Наделяев В. М.* Артикуляционная классификация гласных // Фонетические исследования по сибирским языкам. Новосибирск, 1980. С. 3—91. {*Nadelyaev V. M.* Articulatory Classification of Vowels // *Phonetic Studies of Siberian Languages*. Novosibirsk, 1980. P. 3—91.}
- Наделяев 1986 — *Наделяев В. М.* К типологии артикуляционно-акустических баз (ААБ) // Фонетические структуры в сибирских языках. Новосибирск, 1986. С. 3—15. {*Nadelyaev V. M.* To the Typology of Articulatory-Acoustic Bases (AAB) // *Phonetic Structures in Siberian Languages*. Novosibirsk, 1986. P. 3—15.}
- Принципы описания языков 1976 — Принципы описания языков мира / Отв. ред. *Ярцева В. Н., Серебренников Б. А.* М., 1976. {*Principles of Description of World Languages* / Resp. ed. *Yartseva V. N., Serebrennikov B. A.* Moscow, 1976.}
- Рыжикова 2005 — *Рыжикова Т. Р.* Консонантизм языка барабинских татар: сопоставительно-типологический аспект. Новосибирск, 2005. {*Ryzhikova T. R.* Consonantism in the Language of the Baraba Tatars: Comparative Studies. Novosibirsk, 2005.}
- Сарбашева 2004 — *Сарбашева С. Б.* Фонологическая система туба-диалекта алтайского языка (в сопоставительном аспекте). Новосибирск, 2004. {*Sarbasheva S. B.* The Phonological System of the Tuba Dialect of the Altai Language (Comparative Studies). Novosibirsk, 2004.}
- Селютин 2016 — *Селютин И. Я.* Характеристика консонантных систем южносибирских тюркских языков по параметрам объективной сложности // Сибирский филологический журнал. 2016, 2. С. 196—210. {*Seljutina I. Ya.* The Features of the Consonant systems of South Siberian Turkic Languages on the Parameters of the Objective Complexity // *Siberian Journal of Philology*. 2016, 2. P. 196—210.}
- Селютин, Добринина 2014 — *Селютин И. Я., Добринина А. А.* Специфика артикуляционно-акустических баз территориальных говоров диалекта алтай-кижи (по данным магнитно-резонансного томографирования) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014, 11 (41). Ч. 1. Тамбов, 2014. С. 170—173. {*Seljutina I. Ya., Dobrinina A. A.* Specifics of the Articulation-Acoustic Bases of the Local Dialects of the Altai-Kizhi dialect (According to the Data from Magnetic Resonance Imaging) // *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 11 (41). Vol 1. Tambov, 2014. P. 170—173.}
- Селютин, Добринина 2016 — *Селютин И. Я., Добринина А. А.* Артикуляторные характеристики среднеязычных согласных в говорах диалекта алтай-кижи по данным МРТ: сопоставительный аспект // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2016, 1 (30). С. 5—14. {*Seljutina I. Ya., Dobrinina A. A.* Articulatory Characteristics of Mediolingual Consonants in the Altai-Kizhi Subdialects Based on Tomographic Data: Comparative Study // *Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia*. 1 (30), 2016. P. 5—14.}
- Селютин, Уртегешев, Эсенбаева и др. 2013 — *Селютин И. Я., Уртегешев Н. С., Эсенбаева Г. А., Добринина А. А., Рыжикова Т. Р.* Атлас консонантных артикуляций в тюркских языках народов Сибири. Новосибирск, 2013. {*Seljutina I. Ya., Urtegeshev N. S., Esenbayeva G. A., Dobrinina A. A., Ryzhikova T. R.* Atlas of Consonant Articulations in the Turkic Languages of the Peoples of Siberia. Novosibirsk, 2013.}
- Субракова 2006 — *Субракова В. В.* Система согласных сагайского диалекта хакасского языка: сопоставительный аспект. Новосибирск, 2006. {*Subrakova V. V.* The Consonant System in the Sagai Subdialect of the Khakass Language: Comparative Studies. Novosibirsk, 2006.}
- Субракова 2017 — *Субракова В. В.* Консонантизм кызыльского диалекта хакасского языка: сопоставительный аспект. Абакан, 2017. {*Subrakova V. V.* Consonantism in the Kyzyl Dialect of the Khakass Language. Abakan, 2017.}
- Тазранова 2012 — *Тазранова А. Р.* Некоторые вопросы теленгитского диалекта алтайского языка // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: Материалы XII Региональной конференции. Уфа, 2012. С. 153—155. {*Tazranova A. R.* Some Issues of the Telengit Dialect of the Altai Language // *Modern Problems of Dialectology of Languages of the Peoples of Russia: Proceedings of the 12th Regional Conference*. Ufa, 2012. P. 153—155.}
- Тазранова 2017 — *Тазранова А. Р.* Лексические особенности телеского говора теленгитского диалекта // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России. Материалы XVII Всероссийской конференции. Уфа, 2017. С. 268—272. {*Tazranova A. R.* Lexical Features of the Telengit Dialect // *Modern Problems of Dialectology of Languages of the Peoples of Russia. Proceedings of the 17th all-Russian Conference*. Ufa, 2017. P. 268—272.}
- Трахтеров 1962 — *Трахтеров А. Л.* Английская фонетическая терминология. М., 1962. {*Trakhterov A. L.* English Phonetic Terminology. Moscow, 1962.}
- Уртегешев 2002 — *Уртегешев Н. С.* Шумный консонантизм шорского языка (на материале мрасского диалекта). Новосибирск, 2002. {*Urtegeshev N. S.* Obstruent Consonantism of the Shor Language (Based on the Mrass Dialect). Novosibirsk, 2002.}
- Уртегешев 2004 — *Уртегешев Н. С.* Малошумный консонантизм шорского языка (на материале мрасского диалекта). Новосибирск, 2004. {*Urtegeshev N. S.* Low-obstruent Consonantism of the Shor Language (Based on the Mrass Dialect). Novosibirsk, 2004.}

Уртегешев 2016 — *Уртегешев Н. С.* Фонетика чулымско-тюркского языка по записям 70-х годов XX века // Урало-алтайские исследования. 2016, 1 (20). С. 105—110. {*Urtegeshev N. S.* The Phonetics of the Chulym language According to the Recordings of the 1970s // *Ural-Altai Studies*. 1 (20). 2016. P. 105—110.}

Уртегешев, Селютина, Эсенбаева и др. 2009 — *Уртегешев Н. С., Селютина И. Я., Эсенбаева Г. А., Рыжикова Т. Р., Добринина А. А.* Фонетические транскрипционные стандарты УУФТ и МФА: система соответствий // Урало-алтайские исследования. 1 (1). 2009. С. 100—115. {*Urtegeshev N. S., Selyutina I. Ya., Esenbaeva G. A., Ryzhikova T. R., Dobrinina A. A.* Phonetic Transcription Standards UUPhT and IPA: Correspondences // *Ural-Altai Studies*. 1 (1). 2009. P. 100—115.}

Чумакаев 2014 — *Чумакаев А. Э.* Алтайский язык и его диалекты // Алтайцы: Этническая история. Традиционная культура. Современное развитие. Горно-Алтайск, 2014. С. 255—263. {*Chumakaev A. E.* Altai Language and its Dialects // *Altai: Ethnic History. Traditional Culture. Modern Development. Gorno-Altaysk*, 2014. P. 255—263.}

Чумакаев 2015 — *Чумакаев А. Э.* Исследования по теленгитскому диалекту алтайского языка // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: Материалы XV Всероссийской научной конференции. Уфа, 2015. С. 323—326. {*Chumakaev A. Je.* Research on the Telengit Dialect of the Altai Language // *Modern Problems of Dialectology of Languages of the Peoples of Russia: Proceedings of the 15th all-Russian Scientific Conference*. Ufa, 2015. P. 323—326.}

Чумакаева 1978 — *Чумакаева М. Ч.* Согласные алтайского языка. Горно-Алтайск, 1978. {*Chumakaeva M. Ch.* Consonants of the Altai language (Based on Experimental Phonetic Research). Gorno-Altajsk, 1978.}

Щербак 1994 — *Щербак А. М.* Введение в сравнительное изучение тюркских языков. СПб., 1994. {*Shcherbak A. M.* Introduction to the Comparative Study of the Turkic Languages. St. Petersburg, 1994.}

Essen 1966 — *Essen O.* Allgemeine und angewandte Phonetik. 4. veränd. Aufl. Berlin, 1966.

Heinitz 1966 — *Heinitz W.* Die Bewertung der Dauer in phonetischen Aufnahmen. Cit.: *Essen O.* Allgemeine und angewandte Phonetik. 4. veränd. Aufl. Berlin, 1966.

Kupske, Perozzo, Alves 2019 — *Kupske F. F., Perozzo R. V., Alves U. K.* Sound change as complex dynamic phenomenon and the blurriness of grammar stability. Macabéa — *Revista Eletrônica do Netlli, Crato*. V. 8. N. 2. 2019. P. 158—172.

Ladefoged, Maddieson 1996 — *Ladefoged P., Maddieson I.* The Sounds of the World's Languages. Oxford, 1996.

Maddieson 2013 — *Maddieson I.* Uvular Consonants // <http://wals.info/chapter/6>, 2013

РЕЗЮМЕ

В статье представлены результаты использования инструментальных данных магнитно-резонансного томографирования и акустического анализа для исследования особенностей артикуляционно-акустической базы одного из южноалтайских этносов — теленгитского. Для ААБ теленгитов в области консонантизма характерна сильная и умеренная напряженность речевого аппарата, слабая же степень напряженности несвойственна настройкам. Кроме основной, в формировании специфики ААБ теленгитов важную роль играют дополнительные артикуляции: лабиализация, палатализация, веляризация, увуларизация, фарингализация; отсутствие назализованных артикуляций косвенно свидетельствует об общей сильной напряженности. Выявлена четкая прямая корреляция между степенью артикуляторной напряженности и уровнем выраженности дополнительных признаков. В наиболее концентрированном виде совокупность указанных параметров маркирует эйективные настройки, артикулируемые с поднятой гортанью. По совокупности характеристик теленгитские артикуляции обнаруживают близость с усть-канскими, существенно отличаясь от онгудайских реализаций.

SUMMARY

The article presents the results of using instrumental data of Magnetic Resonance Imaging and of acoustic analysis to explore the articulatory-acoustic bases of the Telengits, one of the ethnic groups of South Altai. The AAB of Telengits in the field of consonantism is characterized by a strong and moderate tension of the speech organs, while weak degree of tension is unusual. In addition to the main articulation, an important role in developing the specificity of the Telengit AAB is played by the additional articulations: labialization, palatalization, velarization, uvularization, pharyngealization; the lack of nazalized articulations indirectly reflects the overall strong tension. A clear direct correlation between the degree of articulatory tension and the level of expression of additional features was revealed. In the most concentrated form, the set of these parameters marks the ejective settings articulated with a raised larynx. Set of characteristics of Telengits articulation detects the proximity of the Ust-Kan settings, Ongudai substantially different from Telengits implementations.

Ключевые слова: тюркские языки, языки и диалекты Алтая, теленгитский язык, консонантизм, артикуляционно-акустическая база, экспериментальная фонетика, магнитно-резонансная томография, Speech Analyzer.

Keywords: Turkic Languages, the Altai languages and dialects, Telengit language, consonantism, articulatory-acoustic base, experimental phonetics, Magnetic Resonance Imaging, Speech Analyzer.

Селютина Ираида Яковлевна, Институт филологии СО РАН (Новосибирск); siya_irina@mail.ru

Iraida Ya. Selyutina, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk); siya_irina@mail.ru

Уртегешев Николай Сергеевич, Институт филологии СО РАН (Новосибирск); urtegeshev@mail.ru

Nikolay S. Urtegeshev, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk); urtegeshev@mail.ru

Добринина Альбина Альбертовна, Институт филологии СО РАН (Новосибирск); ekinur@mail.ru

Albina A. Dobrinina, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk); ekinur@mail.ru

Традиционная одежда калмыков

Калмыцкий народный костюм формировался на протяжении многих веков. Как уникальное явление материальной культуры калмыков он сыграл важную роль в сохранении и упрочнении их этнического самосознания. На данный момент существует ряд работ российских и зарубежных исследователей материальной культуры калмыцкого этноса. У. Э. Эрдниев в своем труде «Калмыки. Историко-этнографические очерки» (1980), рассматривая материальную и духовную культуру, семейный и общественный быт конца XIX — начала XX веков, описал национальную одежду волжских калмыков.

Калмыцкой одежде посвящена книга заслуженного художника Калмыцкой АССР Д. В. Сычева «Из истории калмыцкого костюма» (1973). Автор на изобразительном материале, собранном из различных источников, дал краткий очерк истории формирования калмыцкого костюма.

Художник Ж. Буль в небольшой брошюре «Калмыцкий костюм и сцена» (1993) описывает сценическую одежду калмыков. Изучению источников по истории калмыцкой одежды известный этнограф Г. М. Красильникова посвятила целый ряд статей: «Традиционная одежда калмыков: прошлое, настоящее, будущее» (1993), «О роли одежды в свадебной обрядности калмыков» (1989), «Об изменениях в одежде калмыков в период строительства социализма» (1985), где исследовательница рассмотрела историю формирования калмыцкого костюма и его изменение в начале XX в.

В монографии «Калмыки» (2010), написанной коллективом авторов из Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН при участии сотрудников ИЭА РАН, освещена история формирования калмыцкого народа, политическая история предков калмыков — ойратов, традиционный хозяйственный комплекс, материальная и духовная культура. В третьей главе данного труда Э. П. Бакаева описала традиционную калмыцкую одежду с XVII по XX в., рассмотрела символику украшений и головного убора, а также одежду калмыцких буддийских священнослужителей.

Калмыцкий народный костюм (рис. 1—3) разделялся не только на мужской и женский, но и по возрастному признаку и социальному статусу. Общее название одежды в калмыцком языке — *хувцн* 'одежда', ср. халх.-монг. *хувцас*, ойрат. *хувцасан*, бур. *хубсаһа(н)* < ПМонг. **kubčasun* 'одежда' [Nugteren 2011: 429]; калм. *хувцн* [Муниев 1977: 606а]; бур. *хубсаһа(н)* [Черемисов 1973: 597а] (в современном бурятском языке *хубсаһа(н)* употребляется также в сочетании *хубсаһа(н) хунар* 'одежда'; ср. SH *xunar* 'платье' [Козин 1941, §111]); ср.-монг. SH *qubcasu(n)* [Haenisch 1939: 69], НУ *qubčasu* [Mostaert 1977: 69]; п.-м. *qubčasu(n)* [Lessing 1995: 976а]; х.-монг. *xuvcas(an)* [Hangin 1986: 680а]; чахар. *gubtās* [Dob. 1983: 187b]; ордос. *gubčas(u)* [Mostaert 1941—1944: 310а].

«Детская одежда в калмыцкой культуре — явление позднее. До начала XX в. сохранялась традиция пеленать новорожденных в остатки старой одежды или обветшавшие, стертые куски войлочных ковров либо овчин от зимней одежды взрослого населения, в том числе и куски от штанов отца и даже бабушки. Эта традиция характерна для культур многих народов» [Бакаева 2010: 159].

Рис. 1. Калмыцкий национальный костюм нач. XX в.

Рис. 2. Калмыцкий национальный костюм

Рис. 3. Девичий костюм

Мужская одежда

Мужское нательное белье

По достижении совершеннолетия, возраста, когда можно было заводить семью, юноша мог надеть мужской костюм. Национальная мужская одежда была одного типа для всего населения. Нательное белье включало *киилг* ‘рубаша’ (рис. 4), ср. ойрат. *киилең* [Тодаева 2001: 197] < ног., каз. *köjlök* [Баскаков 1972: 228], и *шалвр* ‘штаны, сшитые из холста или нанки белого или серого цвета’ (рис. 5); калм. *шалвр*; ойрат. *шалвар* ‘брюки; штаны’ [Тодаева 2001: 448]; халх.-монг. *шалбар*; п.-м. *šalbur* ‘1. длинные болотные сапоги; бродни; сапоги с длинными голенищами; 2. кожаные штаны для ходьбы по воде’ [БАМРС 2002: 334]. Слово заимствовано через тюркское посредство из иранского **šaravāra*- ‘штаны’ (**šcaravāra*-), нов.-перс. *šālvār* — то же, откуда и греч. *σαράβαρα*, *σαράβαλλα* ‘штаны’ [Фасмер 2004: 410]. Крой традиционных штанов был простым: соединялись два куска ткани, в подшитый верхний край продевался плоский шнур из этого же материала. Иногда штаны украшались нашивными лампасами: ойрат. *тасам* ‘кожаный ремешок’ [Тодаева 2001: 315]; халх.-монг. *тасам*; п.-м. *tasam-a / tasman* ‘тесемка; ремень, сделанный из сыромятной кожи’ [БАМРС 2001: 197]; ‘1. тонкий ремень, сделанный из кожи марала, косули, антилопы; 2. кант, кайма; оторочка’ < уйг. *tasman* < перс. *tasman* [Сүхбаатар 1997: 181]. Ср. калм. *tasm* [Муниев 1977: 480a]; бур. *tahama* ‘кожаный ремешок’ [Черемисов 1973: 420]; ср.-монг. *Муq tasma* ‘ремень’ [Поппе 1938: 342a]; х.-монг. *tasam* [Hangin 1986: 487a]; ордос. *dasma* [Mostaert 1941—1944: 126a].

Рис. 4. Киилг ‘рубаша’

Рис. 5. Шалвр ‘штаны’

Мужская верхняя одежда

Калм. *бишмүд* (*бүшмүд*); ойрат. *бишмүд* ‘бешмет, верхний халат’ [Тодаева 2001: 68]; халх.-монг. *бишмүүт* ~ *бишимүүд* ‘одежда наподобие плаща’; п.-м. *bisimüüd* [Болд 2008: 277]; по [Сүхбаатар 1997: 39] заимствовано из уйг. *paismait*; однако нам не удалось найти источник заимствования ни в древнеуйгурском, ни в возможных источниках для уйгурского.

Бешмет (рис. 8) являлся основным костюмом молодых мужчин и носился поверх рубахи. Бешмет имел приталенную верхнюю часть, широкие рукава со сборками у плеча, сужающимися в локтевой части. Стойка-воротник и острый вырез впереди позволяли видеть яркую вышивку рубахи и камзола (рис. 6).

Рис. 6. Зег (калмыцкая национальная вышивка)

В области талии имелось много сборок, в нижней части бешмета была подкладка. Бешмет застегивался на талии самодельными пуговицами *товч* (рис. 7) < ПМонг. **tobčī* [Nugteren 2011: 521]; калм. *tovč* [Муниев 1977: 499b]; бур. *tobšo* [Черемисов 1973: 423a]; ср.-монг. *tobči* [Поппе 1938: 350b]; п.-м. *tobči* [Lessing 1995: 810b]; х.-монг. *tovč(in)* [Hangin 1986: 493b]; ордос. *dobči* [Mostaert 1941—1944: 146a]; дагур. *torč* [Enkhbat 1984: 261]; ш.-югур. *tobčэ* [Junast 1981b: 104b]; могол. диал. *tobši* [Ligeti 1964: 19]; баоан. *tavče* [Тодаева 1964: 147].

Рис. 7. Товчс ‘пуговицы’

«Отличительной чертой бешмета являлись отрезной по талии крой, приталенный силуэт верхней части, что находит соответствие в отдельных видах одежды тюркских народов Южной Сибири. Такие же детали, как присутствие в верхней части кармана либо отделки позументом — эти детали калмыцкого мужского костюма можно считать заимствованными у соседних народов» [Бакаева 2010: 162] (рис.11). По свидетельству П. С. Палласа, калмыцкие мужчины носили бешмет в праздничные дни и в зимнее время уже в XVIII в. [Паллас 1809: 89]

Рис. 8. Бишмуд (бушмуд) 'мужской халат'

Рис. 9. Девл 'мужская шуба'

Верхней одеждой взрослых мужчин был *өрмг* 'армяк' — распашной халат из толстого верблюжьего сукна серого цвета, сшитого в талию со многими сборками на поясе и разрезом впереди по типу бешмета или халата. Калм. *өрмг* [КРС 1977: 424]; ойрат. *өрмег* 'сукно из грубой шерсти' [Годаева 2001: 277]; халх.-монг. *өрмөг*; п.-м. *örtög* '1. рогожа, дерюга; 2. 'камлот, ткань из верблюжьей шерсти; 3. верхняя одежда из камлота; армяк' [Nugteren 2011: 476] < др.-тюрк. *örtök* [Сүхбаатар 1997: 154].

Термин *урмг* является тюркским заимствованием, производным от *ör-* 'ткать, плести', ср. каз. *örtök* 'ткань из верблюжьей шерсти', тат. *ärtäk* 'одежда из верблюжьей шерсти, армяк' (неясна делабиализация в татарском).

Рис. 10. Лавшиг 'одеяние священнослужителя'

Вторым видом верхней одежды мужчин был *лавшиг* 'распашной халат', халх.-монг. *лавшиг*, ойрат. *лавшиг*. *Лавшиг* шился очень длинным и широким, его полы запахивались, часто пожилые мужчины не застегивали его. Отметим, что данный вид одежды был типичным для священнослужителей, и он сохранился среди буддийских монахов и по сегодняшний день (рис. 10).

Рис. 11. Калмыцкий мужской костюм

Бус 'пояс' < ПМонг. **büse* [Nugteren 2011: 296]; калм. *büs* [Муниев 1977: 130a]; бур. *behe* [Черемисов 1973: 134b], *bühe* [там же: 128b]; ср.-монг. *buse* [Haenisch 1939: 23], НУ *büse* [Mostaert 1977: 45], Муq *büse* [Поппе 1938: 128b]; х.-монг. *büs(en)* [Hangin 1986: 92b].

Пояс был обязательным элементом одежды мужчин и девушек, указывающим на место человека. По буддийским представлениям, существует три мира: верхний мир небожителей, средний мир людей, нижний мир злобных демонов. «Считается, что в верхнем мире его носят на груди, под мышками, в среднем мире — на талии, а в нижнем — ниже талии. Изобразительные материалы подтверждают эти представления: так, на прорисовках фигур, изображенных на иконе Национального музея республики Калмыкия, опубликованных Д. В. Сычевым [Сычев 1973: 114], видно, что у небожителей пояс располагается как на линии талии, так и под мышками» [Бакаева 2010: 162]. Пояс изготавливали из кожи или плотной ткани, обшивали серебром или золотом. Серебряный пояс (рис. 12) мог носить только мужчина. Интересно отметить, что замужние женщины и вдовы не надевали пояс.

Рис. 12. Национальные серебряные пояса

Махла ‘шапка’ < ПМонг. **magalai* ~ **malagai* [Nugteren 2011: 439]; калм. *maxla* [Муниев 1977: 344b]; бур. *malgay* [Черемисов 1973: 291a]; ср.-монг. *maqalai* [Haenisch 1939: 106], Муq. *maqalai* [Поппе 1938: 233b]; п.-м. *malayai* [Lessing 1995: 524a], *malaya* [там же: 523b]; х.-монг. *malgay* [Hangin 1986: 299b]; баоан. *malge* [Тодаева 1964: 142]; дун. *magala* [Тодаева 1961: 127].

Головной убор был обязателен и считался важным атрибутом костюма. Существовал целый ряд запретов, например, нельзя было трясти или крутить шапку, терять или дарить ее, появляться с непокрытой головой в обществе; не носили шапки из меха хорька и лисы.

Различали несколько видов мужских головных уборов, сшитых из шкур: *хазг махла* ‘казацья шапка, круглая по форме, сшитая из обработанной мерлушки’, *бүчтэ махла* ‘шапка с ушками’, *хажлһ махла* ‘шапка, круглая по форме, сшитая из каракуля, с верхом из меха или из ткани’, *бүслэч махла*, *хүрсх (хүрсх) махла* ‘каракулевая шапка’ (рис. 13). Верхушка шапок обшивалась ярким сукном, в центре обязательно пришивалась красная кисточка из шелковых нитей *зала* (поэтому калмыки себя называли *улан залата хальмг*, т. е. ‘калмыки с красной кисточкой’).

Рис. 13. Бүслэч ‘мужской головной убор’

Верхней одеждой в холодное время года служили *девл* ‘шуба из овчины, обшитая сукном, с небольшим стоячим воротником, длинными узкими рукавами’ (рис. 9, 14) < ПМонг. **deel* [Nugteren 2011: 315]; калм. *devl* [Муниев 1977: 190b]; бур. *degel* [Черемисов 1973: 215a]; ср.-монг. SH *de’el* [Haenisch 1939: 34], *degel* [Haenisch 1939: 35], НУ *de’el* [Mostaert 1977: 49], Муq *de:l* [Поппе 1938: 141b]; п.-м. *debel* [Lessing 1995: 238a], *degel* [Kowalewski: 1740b]; Цэвэл 1966: 231a]; х.-монг. *deel* [БАМРС, 2, 2001: 117b]; ордос. *de:l* [Mostaert 1941—1944: 136a].

Различали три вида шуб:

1) *бүшмүд девл* ‘короткая, напоминающая платье шуба’;

2) *дах* ‘доха, короткая шуба, полушубок’; < ПМонг. **daku* [Nugteren 2011: 312]; п.-м. *daqu* ‘доха, меховая шуба’ [БАМРС 2002: 42; Болд 2008: 682]; ср.-монг. SH *daqu* [Козин 1941: §26]; ойрат. *даха*; калм. *daxā* [Ramstedt 1935: 72b]; бур. *daxa* [Черемисов 1973: 189b]; х.-монг. *dax* [Hangin 1986: 164b]; дагур. *daw* ‘накидка, плащ с капюшоном’ [Enkhbat 1984: 277].

Рис. 14. Девл 'шуба'

Дах/даха 'шуба свободного покроя из шкур павших жеребят, сшитая шерстью наружу'. Примечательно, что подобные шубы носили и мужчины, и женщины.

3) *Үч* 'отрезная по линии талии, с большим воротом и широкими рукавами шуба, сшитая из шкур соболя, бобра, горноста, молодых ягнят, обшивалась темной дорогой тканью', ойрат. *үчи*, халх.-монг. *үч*, п.-м. *йċĭ* 'полушубок из овчины, зипун' [БАМРС 2002: 436; Болд 2008: 2346]. Все шубы отличались длиной и отделкой рукавов, подола. Отметим, что *үч* и *дах* носили богачи и духовные лица.

Һосн 'сапоги'; ойрат. *һосон* [Тодаева 2001: 106]; ср.-монг. *SH qudusu(n)* [Haenisch 1939: 71]; НҮ *qudul-ċi* 'сапожник' [Mostaert 1977: 91], Муқ *yutusun-* [Поппе 1938: 180a], *yutusun* [Kowalewski: 1029a]; х.-монг. *gutal* [Hangin 1986: 134b]; ордос. *ġutul* 'кожаные сапоги' [Mostaert 1941—1944: 318a]; дагур. *gǝǝ:r* [Enkhbat 1984: 177]; ш.-югур. *gudusun* [Junast 1981b: 101b], *gutusun* [Потанин 1893: 419]; монгол. *X gudusə* [Junast 1981a: 101a].

Общераспространенным видом обуви среди калмыков были кожаные сапоги (рис. 15). «Сапоги госун калмыки носят особенного манера. Особенность их заключается в том, что задники делаются мягкие, а каблуки двойные. Один каблук бывает, как у нас, снаружи и подбит гвоздями или цельными железными подковами, а другой, в середине, оканчи-

вается на высоте закаблучья... Калмыцкие сапоги делаются из красной или черной козловой кожи, а проще из глянцевого черного опойка, редко из юфты» [Бентковский 1869: 123]. Сапоги изготавливались из толстой добротной кожи, сырьем для которой служили верблюжьи, воловьши шкуры. Наиболее толстая часть шкур, хребтовая часть, шла на изготовление подошвы сапог *һосна ул*, ойрат. *һосона ула*, калм. *ul* [Муниев 1977: 530a]; бур. *ula* [Черемисов 1973: 465b]; ср.-монг. *SH ula* [Haenisch 1939: 162], НҮ *ula* [Mostaert 1977: 105], Муқ *hula* [Поппе 1938: 186b]; п.-м. *ula* [Lessing 1995: 868b]; х.-монг. *ul* [Hangin 1986: 542b]; дагур. *wal* [Enkhbat 1984: 334]; ш.-югур. *ula* [Junast 1981b: 96a]; монгол. *X ula* [Junast 1981a: 96b], *M ulà* [Потанин 1893: 418a]; баоан. дах. *ula* [Тодаева 1964: 142]; дун. *ula* [Sün 1990: 671].

Рис. 15. Һосн 'сапоги'

Сапоги изготавливались как праздничные, так и для повседневной носки. Праздничные сапоги *сатья һосн* изготавливались из юфтевой кожи (*сатья* 'сафьян' < перс. [БАМРС III, 2001: 887]), которой придавали разные оттенки цветов от красного и светло-коричневого до черного. Большого различия между мужскими и женскими сапогами не было, кроме того, что для мужчин сапоги шились из черного сафьяна, для женщин — из красного.

В летнее время мужской обувью служили *башмг* 'башмаки, туфли, ботинки' (слово и понятие заимствованы у русского населения), также есть лексема *һосн-башмг*, имеющая собирательное значение 'обувь'.

Еще одна разновидность мужской обуви называется *бакль* (ср. в русском *бахилы* ‘мягкие кожаные сапоги с очень длинными голенищами (для хождения по болоту, воде)’ [СРЯ 1999 I: 65]. Эта обувь была неизменным атрибутом одежды рыбаков.

Рис. 16. *Буримз* ‘обувь из сыромятной кожи’

К зимним видам обуви можно отнести и *буримз* ‘ботинки, изготовленные из сыромятной коровьей шкуры’ (рис. 16). В тех случаях, когда необходимо было идти по льду, по обледенелой дороге, *буримз* выворачивали мехом наружу. Это название, видимо, заимствовано из русского языка (ср. *поршни* ‘род обуви из цельного куска кожи, по форме сходные с лаптями’ [СРЯ 1999 III: 309]).

Женская одежда

Бишмүд (*бүшмүд*) ‘бешмет, халат’. Девичий халат (рис. 17) мало отличался от мужского, лишь длинной и ярким цветом, подпоясывался широким матерчатым поясом. С левой стороны закреплялся носовой платок, а с правой стороны — шелковый кисет с принадлежностями для рукоделия. Калм. *бишмүд* (*бүшмүд*), ойрат. *бишмүд* ‘бешмет, верхний халат’ [Тодаева 2001: 68].

Под приталенный бешмет надевали белую рубашку *кишлг*, ойрат. *кишлең*, и жилет *жилэтг*, *камзал* (рис. 18).

Рис. 17. *Бишмүд* (*бүшмүд*) ‘халат’

Рис. 18. Жилет незамужней женщины

Жилет являлся основным характерным предметом одежды незамужней девушки, «его надевали, когда начинали проследиваться признаки роста груди. Обычно плотный, простеганный, жилет имел множество пуговиц, застегивавшихся на петельки, он плотно стягивал грудь» [Бакаева 2010: 163].

Бииз ‘нижнее платье’ (рис. 19) шилось отрезным краем, с широким подолом, облегающим в талии. Платье *бииз* имело широкие рукава, сужающиеся к кисти, и остроугольный вырез на груди, украшающийся яркой орнаментальной вышивкой из серебряных или золотых нитей. Платье подпоясывалось широким поясом. Отметим, что данная лексема не встречается в родственных калмыцкому языках [Ramstedt 1976: 48].

Рис. 19. *Бииз* ‘девичье платье’

Рис. 20. *Терлг* ‘праздничный костюм замужней женщины’

Рис. 21. *Цегдг* ‘распашное верхнее платье’

Праздничный костюм калмыцкой замужней женщины состоял из двух платьев — *терлг* и *цегдг* (рис. 26). Калм. *терлг*, халх.-монг. *тэрлэг*, п.-м. *terlig* ‘летний халат’ [БАМРС 2001: 294; Сүхбаатар 1997: 188]. Это слово имеет параллели в казахском, киргизском и других тюркских языках, означает ‘потник’ и восходит к *тер* ‘пот’ [ДТС 1969; Цыдендамбаев 1972: 469]. У.-Ж. Дондуков относит его к тюркизмам, заимствованным в монгольские языки вместе с суффиксом *-лиг* [Дондуков 1993: 34].

Терлг напоминал девичье платье *бииз*, отличаясь от него тем, что верхняя часть была свободна и не прилегала к линии талии, а также спереди имелась глухая застежка с прямоугольным вырезом борта справа. Передняя часть и манжеты рукавов украшались яркой вышивкой (рис. 20).

Цегдг ‘распашное верхнее платье’ (рис. 21), ср. халх.-монг. *цэгдэг*, ойрат. *цегдег*, шилось без рукавов и воротника. Данный верхний наряд имел разрез по центру сзади, остроугольный вырез на груди и прямоугольный выступ по линии талии справа. Подобный вид платья существовал у бурят, тувинцев, алтайцев, якутов [Дугаров 1982: 67].

Берз ‘верхнее женское платье (впереди открытое с длинными рукавами)’. По словам Рамстедта, данная лексема восходит к персидскому языку, заимствована через казахский язык, ср. каз. *bäräžä* [Ramstedt 1976: 43]. *Лавшиг* ‘халат’, ср. халх.-монг. *лавшиг*, ойрат. *лавшиг*, шился распашным краем без рукавов и ворота, служил повседневной верхней одеждой и надевался замужними калмычками поверх терлика и цегдыка. Калм. *лавшиг*, ойрат. *лавшиг* ‘широкий просторный халат’ [Тодаева 2001: 228], халх.-монг. *лавшиг*, п.-м. *labšiy* ‘1. дээли без стойки (церемониальное); 2. летнее мужское дээли, летний халат’ [Сүхбаатар 1997: 119]; слово образовано от глагольной основы *лавши-х* ‘прошивать, простегивать’.

Хуутцн — повседневная одежда пожилой женщины, которую носили без пояса. Шилась она с широким подолом и рукавами, вырезом спереди и потайными карманами, имела небольшой воротник-стойку (рис. 22).

Рис. 22. *Хуутцн* ‘костюм пожилой женщины’

Головные уборы у калмыцких женщин были разнообразны. Наиболее распространенной была *тоорцг махла* (рис. 23) — круглая шапка с высоким околышем из мерлушки и суконным верхом, который украшался красной кисточкой, ср. халх.-монг. *тоорцог* ‘ермолка, берет; круглая шапка без полей’ [БАМРС 2001: 227].

Рис. 23. *Тоорцг* ‘девичий головной убор’

Томша — девичий головной убор из сукна, простеганный на верблюжьей шерсти или на тонком войлоке, украшается серебряным позументом или вышивкой, данное название мы относим к заимствованиям из тюркских языков с аффиксом с уменьшительным значением *-ша*, ср. чаг. *tumay* ‘ меховая шапка’, каз. *tumay* ‘ меховая шапка’, кирг. *tumay* ‘ушанка из меха, прикрывающая до плеч, малахай’. «Самая теплая и крупная шапка, которая предназначена для защиты головы от сильных морозов и снежных бурь, у древних тюрков обозначалось словом, распространенным в древних и современных языках, — *tumay*» [СИГТЯ 1997: 485].

Хажлһ — четырехугольная сверху шапка с невысоким околышем из мерлушки, верх которой обшит желтым сукном и украшен красной кистью по центру (рис. 24). Калм. *хажлһ* восходит к непроизводной в современном калмыцком языке глагольной основе *хаж-* + *лһ*; ср. халх.-монг. *хажлага*, п.-м. *khajily-a* ‘обшивка, опушка, оторочка’; от глагола *хажих* ‘обшивать кантом, каймой; оторачивать шубу’ [БАМРС 2002: 15].

Рис. 24. *Хажлһ* ‘женский головной убор’

Рис. 25. *Халвң* ‘головной убор замужней женщины’

Калм. *халвн*, ойрат. *халванг* ‘высокая, с четырехугольным верхом шапка замужней женщины’ [Тодаева 2001: 380], халх.-монг. *халбан(г)* ‘1. колпак, головной убор в виде колпака; 2. мужской головной убор с полями, обшитыми мехом, бархатом’ [БАМРС 2002: 24]; п.-м. *qalbang* [Болд 2008: 2406] ‘мужская шапка с широкими полями, плоским верхом, обшитая по краям мехом или бархатом’; от глагола *халбай-х* ‘1. быть широким (*об одежде*) 2. становиться плоским и широким’. *Халвң* (рис. 25) — праздничный головной убор с «несимметричным околышем, украшавшимся вышивкой либо отделкой декоративной тесьмой. По центру лба располагался выступ более длинной стороны околыша; верх такой шапки украшала бахрома красного цвета» [Бакаева 2010: 173]. Необходимо отметить, что данное название головного убора встречается и в тюркских языках: чаг. *qalpay*; ног., ккалп., каз. *qalpaq*; сюг. *qalmaq* [СИГТЯ 1997: 484].

Рис. 26. Костюм замужней женщины

Замужние женщины разделяли волосы прямым пробором на две половины и заплетали две косы, которые вкладывали в бархатные чехлы (накосники) — калм. *шиврлг*, ойрат. *шиверлег* ~ *шивергел* ‘чехлы для кос замужних женщин’ [Тодаева 2001: 452] халх.-монг. *шивэрлиг*, устар. *шивэргэл*, п.-м. *šiberlig* ‘1. чехлы для кос; 2. косы в чехлах’ [БАМРС 2002: 349]; слово образовано от основы *шивр-* + *лг (-lig)* < ПМонг. **siber* (**siberi*) [Nugteren 2011: 495], — на концах которых пришивались серебряные подвески *токуг*, ойрат. *токог*, считалось, что они оберегают женщину от злых духов (рис. 27).

Рис. 27. Токуг ‘серебряные подвески, обрамляющие косы замужней женщины’

Изучение одежды калмыков приводит нас к выводу, что она не претерпела принципиальных изменений в новых условиях, хотя встречаются случаи, когда рефлексy одного и того же слова обозначают в монгольских языках разные предметы или детали одежды. Приведем некоторые примеры.

Таблица 1. Названия одежды в монгольских языках

Название одежды	В калмыцком языке	В ойратском языке	В халха-монгольском языке
<i>хувцн/хувцасан/хувцас</i>	‘одежда’	‘одежда’	‘одежда, платье; костюм; наряд; туалет; гардероб’
<i>килг/кишлэц</i>	‘рубаша’	‘рубаша, сорочка’	—
<i>шалвр/шалвар/шалбар</i>	‘брюки, штаны’	‘брюки, штаны’	‘длинные болотные сапоги; бродни; сапоги с длинными голенищами; кожаные штаны для ходьбы по воде’
<i>тасм/тасам/тасам</i>	‘кожаный ремешок’	‘кожаный ремешок’	‘тесемка; ремень, сделанный из сыромятной кожи’

<i>бишмүд (бүшмүд)/ бишмүд/бишмүүт/ бишмүүд</i>	‘бешмет, верхний халат’	‘бешмет, верхний халат’	‘одежда наподобие плаща’
<i>товч/товчи (тобчи)/ товч(ин)</i>	‘пуговица’	‘пуговица’	‘пуговица’
<i>үрмг (өрмг)/өрмөг/ өрмөг</i>	‘армяк’	‘сукно из грубой шерсти’	‘верхняя одежда из камлота, армяк’
<i>лавиг/лавишиг</i>	‘распашной халат’	‘широкий просторный халат’	‘дэли без стойки (церемониальное)’
<i>бүс/бүсе/бүс</i>	‘пояс’	‘пояс’	‘пояс’
<i>махла/махлаа/малгай</i>	‘шапка’	‘шапка’	‘шапка’
<i>дах/даха/дах</i>	‘доха, короткая шуба, полушубок’	‘доха’	‘доха, меховая шуба’
<i>үч/үчи</i>	‘длинная шуба’	‘шуба, покрытая материей’	‘полушубок из овчины, зипун’
<i>һосн/һосон/һос(он)</i>	‘сапоги’	‘сапоги’	‘унты’
<i>терлг/тэрлэг</i>	‘платье (женское без рукавов)’	—	‘летний халат’
<i>цэгдг/цэгдөг/цэгдэг</i>	‘распашное верхнее платье без рукавов и воротника’	‘женское платье без рукавов’	‘рубашка, короткая стеганая кофта; ватный халат, надеваемый под верхнее платье’
<i>хуутиң</i>	‘повседневная одежда пожилой женщины, которую носили без пояса’	—	—
<i>хажлһ/хажлиһан/ хажлага</i>	‘четырёхугольная сверху шапка с невысоким околышем из мерлушки, верх которой обшит желтым сукном и украшен красной кистью по центру’	‘четырёхугольная женская шапка’	‘обшивка, опушка, оторочка’
<i>тамша</i>	‘девичий головной убор из сукна’	—	—
<i>халвн/халванг/ халбан(г)</i>	‘высокая, с четырёхугольным верхом шапка замужней женщины’	‘высокая, с четырёхугольным верхом шапка замужней женщины’	‘колпак, головной убор в виде колпака; мужской головной убор с полями, обшитыми мехом, бархатом’
<i>шиврлг/шиверлөг/ шивергел/шивэрлиг</i>	‘чехлы для кос замужних женщин’	‘чехлы для кос замужних женщин’	‘чехлы для кос’

Анализ названий традиционной одежды калмыков позволил установить, что основной корпус наименований одежды является общемонгольским. Наряду с этим выявлены и лексемы, заимствованные из неродственных языков. Безусловно, соседство с другими народами не могло не привести к заимствованиям, так, из русского языка или через его посредство в калмыцкий язык проникли вместе с самими реалиями такие названия одежды и обуви, как *жилетка*, *камзол*, *бушимг*, *бакль*. К заимствованиям из тюркских языков можно отнести следующие названия одежды: *башмг*, *бишмүд (бүшмүд)*, *берз*, *тамша*, *терлг*, *шалвр*, *ормг*, *кишлг*.

Таким образом, калмыцкий костюм — уникальное явление материальной культуры, на формирование которого повлиял не только жизненный уклад, но и межэтнические контакты с соседними народами.

Сокращения

Языки и диалекты

баоан. — баоаньский
бур. — бурятский
дагур. — дагурский

дах. — дахэцзянский (чжишишаньский)
дун. — дунсянский
каз. — казахский

калм. — калмыцкий	тат. — татарский
кирг. — киргизский	уйг. — уйгурский
ккалп. — каракалпакский	халх.-монг. — халха-монгольский
могол. диал. — могольское диалектное	чаг. — чагатайский
монгор. — монгорский	чахар. — чахарский диалект
нов.-перс. — новоперсидский	ш.-югур. — шира-югурский
ног. — ногайский	
ойрат. — ойратский	НУ — язык китайской рукописи «Хуа-Йи Йию»
ордос. — ордосский	М — диалект минхэ
п.-м. — письменный монгольский	Миц — язык словаря «Мукаддимат ал-Адаб»
ПМонг. — прамонгольский	SH — язык «Сокровенного сказания»
ср.-монг. — среднемонгольский	X — диалект хуцзу

Литература

- Бакаева 2010 — *Бакаева Э. П.* Одежда и украшения // Калмыки. М., 2010. С. 149—186. {*Bakaeva E. P.* Clothing and Adornments // Kalmyks. M., 2010. P. 149—186.}
- БАМРС — Большой академический монгольско-русский словарь. Т. 1—4 / Под общ. ред. Лувсандэндэва А., Цэдэндамба Ц. Отв. ред. Пюрбеев Г. Ц. М., 2001—2002. {*Great Academic Mongolian-Russian Dictionary. Vol. 1—4 / General eds. Luvsandendeva A., Tsedendamba Ts. Ed. P'urbeev G. Ts. M., 2001—2002.*}
- Баскаков 1972 — *Баскаков Н. А.* Диалект кумандинцев (Куманды-кижи): Грамматический очерк, тексты, переводы и словарь. М., 1972. {*Baskakov N. A.* Kumandin Dialect: Grammar Survey, Texts, Translations and Dictionary. M., 1972.}
- Бентковский 1869 — *Бентковский И. В.* Одежда калмыков Большедербетовского улуса // Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. Ставрополь, 1869. С. 123—139. {*Bentkovskiy I. V.* Clothing of the Bolshe-derbetovsky District Kalmyks // Collection of Statistical Data on the Stavropol Governorate. Stavropol, 1869. P. 123—139.}
- Болд 2008 — Монгол хэлний дэлгэрэнгүй тайлбар толь (таван боть) (Этимологический словарь монгольского языка) / Ерөнхий ред. Л. Болд. Улаанбаатар, 2008. {*Etymological Dictionary of the Mongolian Language / Ed. L. Bold. Ulaanbaatar, 2008.*}
- Дондуков 1993 — *Дондуков У.-Ж. Ш.* Словообразование монгольских языков. Улан-Удэ, 1993. {*Dondukov U.-Zh. Sh.* The Word-Formation on Mongolian Languages. Ulan-Ude, 1993.}
- ДТС 1969 — Древнетюркский словарь / Ред. *Наделяев В. М., Насилов Д. М., Тенишев Э. Р., Щербак А. М., Боровкова Т. А., Дмитриева Л. В., Зырин А. А., Кормушин И. В., Летыгина Н. И., Тугушева Л. Ю. Л.*, 1969. {*Old Turkic Dictionary / Eds. Nadelyaev V. M., Nasilov D. M., Tenishev E. R., Shcherbak A. M., Borovkova T. A., Dmitrieva L. V., Zyrin A. A., Kormushin I. V., Letyagina N. I., Tugusheva L. Ju. L., 1969.*}
- Дугаров 1982 — *Дугаров Д. С.* Орнитозооморфная символика женского костюма некоторых тюрко-монгольских народов // Материальная и духовная культура калмыков. Элиста, 1982. С. 36—52. {*Dugarov D. S.* Ornithozoomorphic Symbols in Women's Clothing of Some Turkic and Mongolic Peoples // Material and Spiritual Culture of Kalmyks. Elista, 1982. P. 36—52.}
- Козин 1941 — *Козин С. А.* Сокровенное сказание. М.—Л., 1941. {*Kozin S. A.* The Secret History. M.—L., 1941.}
- Муниев 1977 — *Муниев В. Д.* Калмыцко-русский словарь. М., 1977. {*Muniev V. D.* Kalmyk-Russian dictionary. M., 1977.}
- Паллас 1809 — *Паллас П. С.* Путешествие по разным провинциям Российской Империи. СПб., 1809. {*Pallas P. S.* Journey on Various Provinces of the Russian Empire. SPb., 1809.}
- Поппе 1938 — *Поппе Н. Н.* Монгольский словарь Мукаддимат ал-Адаб. Т. 1—2. М.—Л., 1938. {*Poppe N. N.* Mongolian Dictionary Mukaddimat al-Adab. Vol. 1—2. M.—L., 1938.}
- Потанин 1893 — *Потанин Г. Н.* Тангутско-тибетская окраина Китая и центральная Монголия. СПб., 1893. {*Potantin G. N.* Tangut-Tibet Region of China and Inner Mongolia. SPb., 1893.}
- СИГТЯ 1997 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М. 1997. {*Comparative and Historical Grammar of Turkic Languages. Lexicon. M., 1997.*}
- СРЯ 1999 — Словарь Русского языка. В 4 томах. М., 1999. {*Dictionary of the Russian language. In 4 volumes. M., 1999.*}
- Сүхбаатар 1997 — *Сүхбаатар О.* Монгол хэлний харь угийн толь (Словарь иностранных слов монгольского языка). Улаанбаатар, 1997. {*Sühbaatar O.* Dictionary of Foreign Words of the Mongolian Language. Ulaanbaatar, 1997.}
- Сычев 1973 — *Сычев В. Д.* Из истории калмыцкого костюма. Элиста, 1973. {*Sychev V. D.* From the History of the Kalmyk Costume. Elista, 1973.}

- Тодаева 1961 — *Тодаева Б. Х.* Дунсянский язык. М., 1961. {*Todaeva B. H.* The Dongxiang Language. M., 1961.}
- Тодаева 1964 — *Тодаева Б. Х.* Баоаньский язык. М., 1964. {*Todaeva B. H.* The Bonan Language. M., 1964.}
- Тодаева 2001 — *Тодаева Б. Х.* Словарь языка ойратов Синьцзяна. Элиста, 2001. {*Todaeva B. Kh.* Dictionary of the Xinjiang Oyrats Language. Elista, 2001.}
- Фасмер 2004 — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 2004. {*Vasmer M.* Etymological Dictionary of the Russian Language. M., 2004.}
- Цыдендамбаев 1978 — *Цыдендамбаев Ц. Б.* Об эвенкийских элементах в этническом составе и языке бурят // Взаимовлияние языков в Бурятии. Улан-Удэ, 1978. С. 79—95. {*Tsydenambaev Ts. B.* On the Evenki Elements in the Ethnic groups and Language of the Buryats. Ulan-Ude, 1978. P. 79—95.}
- Черемисов 1973 — *Черемисов К. М.* Бурятско-русский словарь. М., 1973. {*Cheremisov K. M.* Buryat-Russian Dictionary. M., 1973.}
- Dob. 1983 — Dob. 1983. *Měnggūyǔ jiǎnzhi* [Concise Grammar of Mongolian]. Peking.
- Enkhbat 1984 — *Enkhbat.* Дагур келен-ү үгес / Дáwò'ěryǔ cíhuì (= Dagur Dictionary). Hohhot, 1984.
- Haenisch 1939 — *Haenisch E.* Wörterbuch zu Manghol un Niuca Tobca'an (Yüan-ch'ao Pi-shi): Geheime Geschichte der Mongolen. Wiesbaden, 1939 (reprint: Leipzig, 1962).
- Hangin 1986 — *Hangin G.* A Modern Mongolian-English Dictionary. Bloomington, 1986.
- Junast 1981a — *Junast.* Tüzüýǔ jiǎnzhi (= Concise grammar of Monguor). Peking, 1981.
- Junast 1981b — *Junast.* Dōngbù Yùgùyǔ jiǎnzhi (= Concise grammar of Eastern Yugur). Peking, 1981.
- Kowalewski — *Kowalewski J. E.* Dictionnaire mongol-russe-français. I—III. Kazan, 1844—1849 (reprint: Tientsin, 1941).
- Lessing 1995 — Mongolian-English Dictionary / Ed. *Lessing F. D.* Bloomington, 1995.
- Ligeti 1964 — *Ligeti L.* Les voyelles longues en moghol // Acta Orientalia Hungarica, XVII. Budapest, 1964. P. 1—48.
- Mostaert 1941—1944 — *Mostaert A.* Dictionnaire ordos. I—III. Peking, 1941—1944.
- Mostaert 1977 — *Mostaert A.* Le matériel mongol du Houa i i iu de Houng-ou (1339) / Ed. *de Rachewiltz I.* Brussels, 1977.
- Nugteren 2011 — *Nugteren H.* Mongolic Phonology and Qinghai-Gansu Languages. Utrecht, 2011.
- Ramstedt 1935 — *Ramstedt G. J.* Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki, 1935.
- Ramstedt 1976 — *Ramstedt G. J.* Kalmückisches Wörterbuch. Aufl. 2. Helsinki, 1976.
- Sūn 1990 — *Sūn Zhū.* Měnggū yǔzú yǔyán cídiǎn (= Dictionary of the languages of the Mongolic language family). Xīníng, 1990.

РЕЗЮМЕ

В статье представлено полное описание национальной одежды калмыков в ее традиционном виде. Рассмотрено более 30 наименований мужской и женской одежды (летней, зимней; повседневной, праздничной), которые различаются в отношении материала (ткани, мех, шкуры, кожа), способов раскроя и пошива, а также в том, что касается некоторых деталей изготовления: обшивка, опушка, оторочка, декоративная отделка, орнамент. Изучение наименований традиционной одежды калмыков позволило сделать вывод о том, что калмыцкий костюм — уникальное явление материальной культуры, на формирование которого повлиял не только жизненный уклад, но и межэтнические контакты с соседними народами.

SUMMARY

The article contains a full description of Kalmyk traditional clothing. More than 30 names for women's and men's clothing are considered, including summer and winter, everyday and festive clothes, which are additionally characterized by differences in material out of which they are made (cloth, fur, hide or leather), ways of cutting and sewing, and some details of design: sheathing, trimming, decorative chiffon, ornament. After studying the names of Kalmyk traditional clothing, we can conclude that the Kalmyk costume is a unique phenomenon of material culture, which was formed not only by the Kalmyk way of life, but also by the inter-ethnic contacts with neighboring peoples.

Ключевые слова: калмыцкий язык, материальная культура, одежда, костюм, традиционный убор

Keywords: Kalmyk language, material culture, clothing, costume, traditional attire

Хонинов Вячеслав Николаевич, Институт языкознания РАН (Москва); altngasn@rambler.ru

Vyacheslav N. Khoninov, Institute of Linguistics, RAS (Moscow); altngasn@rambler.ru

Требования к оформлению статей / Style sheet

Резюме

Просьба приложить к статье два резюме: 1) написанное на языке статьи, 2) написанное на одном из языков журнала (напоминаем, что это русский, английский, немецкий), но не на языке статьи.

Оформление

Допустимые форматы файла: .rtf или .doc.

Просим Вас также обязательно присылать текст в формате .pdf или распечатку.

Должны использоваться шрифты, поддерживающие Unicode.

В начале статьи указываются фамилия автора и место его работы.

Заголовки выделяются **полужирным шрифтом**.

Языковые примеры выделяются *курсивом*; смысловые выделения отмечаются **полужирным шрифтом** или **разрядкой**.

Примеры, которые занимают отдельную строку или абзац, просьба нумеровать; номера ставятся в начале в круглых скобках.

Длинные цитаты даются как отдельный абзац и отделяются в начале и в конце одной пустой строкой.

Цитаты заключаются в «кавычки».

Переводы и значения выделяются ‘одинарными (марровскими) кавычками’.

Просьба не расставлять переносы.

Язык и орфография

В статьях на английском языке просьба последовательно придерживаться британского или американского варианта и соответствующей орфографии; в статьях на немецком языке — старых либо новых орфографических правил.

Если статья написана не на родном языке автора, мы рекомендуем дать текст на вычитку носителю языка.

Библиографические ссылки

В тексте статьи по образцу:

в квадратных [] скобках Фамилия год: страница (страницы) (например, [Aijmer 1996: 22—25]).

В конце статьи дается список использованной литературы по приводимым ниже образцам.

Если статья написана не на русском языке, то в библиографии к ней работы на русском и других языках с кириллическим шрифтом можно дать отдельным блоком, без латинской транскрипции. В любом случае ссылка в тексте статьи должна соответствовать написанию в списке литературы.

Summaries

Please provide two summaries: 1) in the language of your paper, 2) in one of the languages of the journal (Russian, English, German), but not in the language your paper is written in.

Formatting

The file is to be submitted in one of the following formats: .rtf or .doc.

Please also add either a .pdf version or a hard copy of the text.

Please use Unicode fonts.

Please indicate the author's name and affiliation on the title page.

Headings have to be **boldfaced**.

Use *italics* for language data; **boldface** or `spacing` for emphasis.

Please number language examples which are not in the body of the text; enclose each number in parentheses.

Please format long quotations as separate paragraphs; add one blank line before and after them.

Please use «double quotes» for quotations.

Please use 'single quotes' for meanings.

Please do not hyphenate the document.

Language and spelling

In English articles please use consistently either British or American norm and the respective spelling; in German articles please follow either the old or the new orthography rules.

If the paper is not written in the author's native language, we highly recommend to have it checked by a native speaker.

References

In the body of the text please use the following format:

[Name year: page(s)] (e.g. [Aijmer 1996: 22—25]).

In papers not in Russian works in Cyrillic can be listed separately, without Latin transcription. In any case, their spelling must be identical with the references cited in the text.

At the end of the paper add a list of references as exemplified below.

Примеры оформления библиографии / Sample lists of references

Монография, словарь с именами авторов на титульном листе / Monographic work or dictionary with author's (authors') name(s) on the title page

Грунина 1991 — *Грунина Э. А.* Историческая грамматика турецкого языка. М., 1991.

Janhunen 1977 — *Janhunen J.* Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien. Helsinki, 1977.

Коллективная монография, словарь с именем ответственного редактора на титульном листе / Collection of papers or dictionary with editor's (editors') name(s) on the title page

Этническая история 1982 — Этническая история народов Севера / Отв. ред. *Гурвич И. С.* М., 1982.

Lessing 1960 — *Mongolian-English Dictionary* / Ed. *Lessing F.* Berkeley; Los Angeles, 1960.

Статья в коллективной монографии, сборнике / Paper in an (edited) book

Дёрфер 1986 — *Дёрфер Г.* О языке гуннов // *Зарубежная тюркология*. Вып. 1. Древние тюркские языки и литературы. М., 1986. С. 71—134.

Дмитриев 1958 — *Дмитриев Н. К.* О тюркских элементах русского словаря // *Лексикографический сборник*. Вып. 3. М., 1958. С. 3—47.

Kiefer, Gyuris 2006 — *Kiefer F., Gyuris B.* Szemantika // *A magyar nyelv kézikönyve* / Ed. *Kiefer F.* Budapest, 2006.

Nikolaeva 2005 — *Nikolaeva I.* Agreement and linguistic construal // *Uralic languages today* / Ed. *Fernandez-Vest J.* Paris, 2005.

Статья в журнале / Journal paper

Иллич-Свитыч 1963 — *Иллич-Свитыч В. М.* Алтайские дентальные: *t, d, δ* // *ВЯ*. 1963, 6. С. 37—56.

Clark 1980 — *Clark L. V.* Turkic Loanwords in Mongol. I: The Treatment of non-initial *s, z, š, č* // *Central Asiatic Journal*. 1980. Vol. 24, 1—2. P. 23—45.

Doerfer 1969 — *Doerfer G.* Ein altosmanisches Lautgesetz im Kurdischen // *Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes*. 1969. Bd. 62. S. 250—263.

Цифровые и интернет-источники / Digital and Internet sources

Helimski 2007 — *Helimski E.* База данных энецкого языка // www.helimski.com, 2007.

Редактор
С. И. Переверзева

Компьютерная верстка
В. Ю. Гусев

Адрес редакции
125009, г. Москва, Б. Кисловский пер., 1, корп. 1,
Отдел урало-алтайских языков

Телефон
+7 (495) 691-63-06

Editor
Svetlana Pereverzeva

Computer typesetting
Valentin Gusev

Editorial office
125009, Moscow, B. Kislovskiy sidestr., 1, 1,
Department of Uralo-Altaic languages

Phone
+7 (495) 691-63-06

ISSN 2079-1003

9 772079 100004 >